

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРАКТИКИ  
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА  
в начале XX в.**

**МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ  
ТРУДЫ – III (2009-2018)**

Материалы  
Международной научной конференции  
11-12 октября 2019 г., г. Орёл  
Часть III

*Под общей редакцией*  
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова

Орёл  
Издательский Дом «Орлик»  
2019

УДК 9  
ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6  
П50

*Рецензенты:*

Доктор философских наук, профессор А.А. Кара-Мурза,  
Доктор исторических наук, профессор В.В. Журавлев

**П50 Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. Муромцевские чтения. Труды – III (2009-2018).** Материалы Международной научной конференции XI Муромцевские чтения, (11-12 октября 2019 г., г. Орёл) в III ч. Ч. III. / под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова. Орёл: Издательский дом «ОРЛИК», 2019. – 404 с.

ISBN

В настоящий сборник научных статей вошли материалы Муромцевских чтений 2009-2018 гг. Они имеют целью показать динамику развития изучения истории российского либерализма, научный дискурс, представленный в их рамках на протяжении последних десяти лет.

С учетом тематики XI Муромцевских чтений 2019 г. отдельный раздел посвящен Сергею Андреевичу Муромцеву – председателю Первой Государственной Думы, многогранным аспектам его деятельности как либерального политика особого типа, связавшего своей судьбой воедино несколько этапов развития российского либерализма.

Статьи сборника раскрывают место и роль имперской и монархической составляющей в либеральной идеологии и политико-правовой практике, нравственным аспектам политического выбора либерала в условиях социальной трансформации, отношению российских либералов к революции 1917 г. Отдельное внимание уделяется истории либерализма в персоналиях, партиях, программатике.

Сборник статей предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20032*

УДК 9  
ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

ISBN

© Издательский дом «ОРЛИК», 2019.

## СОДЕРЖАНИЕ

### РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

<b><i>Шелохаев В.В.</i></b> ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ	<b>7</b>
<b><i>Кара-Мурза А.А.</i></b> О НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ЛИБЕРАЛИЗМА И РУССКОЙ МОДЕЛИ В ЧАСТНОСТИ	<b>20</b>
<b><i>Медушевский А.Н.</i></b> БЫТЬ ЛИБЕРАЛОМ В РОССИИ: О СВОБОДНОМ ОБРАЗЕ МЫШЛЕНИЯ И ЕГО КРИТИКАХ	<b>31</b>
<b><i>Туманова А.С.</i></b> ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ	<b>51</b>
<b><i>Попова А.В.</i></b> ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	<b>67</b>
<b><i>Хайлова Н.Б.</i></b> ЦЕНТРИЗМ В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ (1906 – начало 1990-х гг.)	<b>79</b>
<b><i>Селезнев Ф.А.</i></b> ПАРТИЯ КАДЕТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ	<b>97</b>
<b><i>Сабенникова И.В.</i></b> ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ АРХИВНОЙ ЭВРИСТИКИ	<b>106</b>
<b><i>Журавлев В.В.</i></b> «ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» П.Н. МИЛЮКОВА: СИМБИОЗ ВЗГЛЯДОВ УЧЕНОГО И ПОЛИТИКА	<b>117</b>
<b><i>Харусь О.А.</i></b> ЛИБЕРАЛИЗМ В СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ОСОБЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП?	<b>133</b>

## **ЛИБЕРАЛЫ И РЕВОЛЮЦИЯ**

***Тимофеев Д.В.***

РОССИЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ:  
ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ПУБЛИЧНОМ  
ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. **143**

***Жукова О.А.***

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ  
В ИСТОРИОСОФИИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО **152**

***Алымова Н.И.***

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРИ  
П.Н. МИЛЮКОВЕ (МАРТ - МАЙ 1917 г.) ПО  
ВОСПОМИНАНИЯМ Г.Н. МИХАЙЛОВСКОГО **163**

***Березовая Л.Г.***

ЛИГА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1917 г.: ИДЕЯ И СОЗДАНИЕ **174**

***Усманова Д.М.***

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ МУСУЛЬМАНСКОГО  
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК БАРОМЕТР ОБЩЕСТВЕННЫХ  
НАСТРОЕНИЙ (МАРТ – АПРЕЛЬ 1917 г.) **189**

***Хандорин В.Г.***

ФЕВРАЛЬ 1917 г. ГЛАЗАМИ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ В  
ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ **201**

## **ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТЕОРИИ, ПРОГРАММАТИКЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

***Егоров А.Н.***

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ НАЧАЛА XX в. И  
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ  
ОЦЕНКИ **210**

***Вострикова В.В.***

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ  
МИРОВОЗЗРЕНИЯ ИДЕОЛОГОВ РОССИЙСКОГО  
ЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX вв. **221**

<b>Гайда Ф.А.</b>	
ЛИБЕРАЛЫ И ЦЕРКОВЬ В НАЧАЛЕ XX в.	<b>233</b>
<b>Кантор В.К.</b>	
ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА РУССКОГО ЗАПАДНИЧЕСТВА (К.Д. КАВЕЛИН И А.И. ГЕРЦЕН)	<b>242</b>
<b>Алымова Н.И., Татаренкова Е.А.</b>	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПАРТИИ КАДЕТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ В 1912 г.	<b>263</b>

### **ИМПЕРСКАЯ И МОНАРХИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

<b>Дмитриева Н.В.</b>	
ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ НАЧАЛА XX в.	<b>275</b>
<b>Протасова О.Л.</b>	
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ	<b>284</b>

### **ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС: ПУТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ПОЛИТИКУ**

<b>Шелохаев В.В.</b>	
СРЕДЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ВОСПРИЯТИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	<b>295</b>
<b>Аронов Д.В.</b>	
«ЗАПИСКА О ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ РОССИИ ВЕСНОЮ 1880 ГОДА» С.А. МУРОМЦЕВА – ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	<b>302</b>
<b>Соколов В.В.</b>	
ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ В СФЕРЕ РЕФОРМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ НАЧАЛА XX в.	<b>312</b>
<b>Карнишина Н.Г.</b>	
ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ С.А. МУРОМЦЕВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	<b>318</b>

**СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МУРОМЦЕВ –  
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ  
ДУМЫ: ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ**

***Соловьев К.А.***

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В  
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ **323**

***Аронов Д.В.***

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ ЗА ПРАВО ... К ЮБИЛЕЮ  
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ  
СЕРГЕЯ АНДРЕЕВИЧА МУРОМЦЕВА **335**

***Туманова А.С.***

С.А. МУРОМЦЕВ – ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ  
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА ПОСЛЕДНЕЙ  
ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX вв. – О ЗАДАЧАХ  
ЮРИСПРУДЕНЦИИ **346**

***Березовая Л.Г.***

С.А. МУРОМЦЕВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ  
ЛИБЕРАЛИЗМА **354**

**РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ТЕОРИЯ,  
ПРОГРАММАТИКА, ПРАКТИКА, ПЕРСОНАЛИИ**

***Протасова О.Л.***

ЛИБЕРАЛИЗМ И ПАРТИЯ НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ В  
НАЧАЛЕ XX ВЕКА **369**

***Карнишин В.Ю.***

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В  
НАЧАЛЕ XX в. **380**

***Вострикова В.В.***

ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ  
ПРОТИВОСТОЯНИЕ? **390**

## **РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

***В.В. Шелохаев<sup>1</sup>***

### **ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ - ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

В начале 90-х гг. XX в. в России, где недавно в одночасье рухнул коммунистический режим, во взбудораженной внезапными переменами общественной среде, на разных научных, общественных и политических площадках стали активно, а нередко и неистово, обсуждать вопрос о возрождении либеральных идей и либеральных практик. Если учесть, что новый политический режим объявил себя приверженцем либеральных идей и намеревался приступить к их практической реализации, то, по российской традиции, становится понятным и повышенный интерес в интеллектуальных кругах к истории либерализма в мировой и национальной его разновидностях. Будучи участником этого процесса, могу засвидетельствовать, что во время научных и общественно-политических дискурсов было не так просто убедить их участников в необходимости сохранять здравый смысл и придерживаться научных критериев и принципов. Подчеркну, что при той эйфории, царившей в России начале 1990-х гг., это было сделать не так просто, ибо в общественных настроениях зашкаливала вера в спасительный потенциал новой либеральной идеологии, свободных рыночных отношений и коренного изменения всего международного климата. Тем не менее, и в эти «горячие деньки» среди поверивших в либеральную идеологию, пришедшую на смену коммунистической, были и те, кто этот здравый смысл сохранил и, воспользовавшись новой ситуацией, поставил перед собой задачу объективно исследовать историю российского либерализма. Едва ли нужно специально доказывать, что в прежних рамках марксистско-ленинской парадигмы это сделать было невозможно, хотя такие попытки прямо или косвенно предпринимались.

---

<sup>1</sup> *Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX-начале XX в.» Института российской истории РАН.*

Первые такие подходы к адекватному пониманию либерализма как целого, в той или иной степени, были апробированы в рамках сравнительно узкого круга лиц, регулярно проводившего свои заседания в редакции журнала «Открытая политика», результаты которых оперативно публиковались. Помимо многочисленных «Круглых столов», проводимых в рамках академических институтов и редакций журналов «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Полис», «Общественные науки», либеральная тематика обсуждалась на Международных и Всероссийских научных конференциях. Позитивную стимулирующую роль к пробуждению общественного интереса к либеральной тематике сыграл Фонд «Открытая политика», инициировавший проведение «Круглых столов» и научных конференций, а также открытие мемориальных досок видным российским либералам в российской глубинке.

На этом фоне общественного интереса к истории русского либерализма важно было возродить подлинно научные традиции его осмысления как одного из направлений русской общественной мысли и общественного движения. В этом плане я хотел бы особо выделить подготовленный Институтом философии инновационный сборник статей «Либерализм в России» (М., 1996), который, на мой взгляд, сыграл важную роль в осмыслении самого широкого круга проблем западного и, особенно, русского либерализма. Помимо философов, в разработку этой проблематики активно включились историки, социологи и юристы. Так, по инициативе и на площадке Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) в 1998 г. в Москве прошла Международная научная конференция «Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы»<sup>1</sup>, а в 2000 г. в Ростове-на-Дону на базе Ростовского университета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Либеральный консерватизм: история и современность»<sup>2</sup>. В Институте российской истории Российской Академии Наук был подготовлен сборник «Российские либералы»<sup>3</sup>. Эти конференции и этот сборник сыграли, на мой взгляд, важную

---

<sup>1</sup> См.: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы Международной научной конференции. М., 1999.

<sup>2</sup> См.: Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2000.

<sup>3</sup> См.: Российские либералы. Сборник статей. М., 2001.



стимулирующую роль в дальнейшей разработке истории русского либерализма как целого.

Как и в любом подлинно научном начинании, важно было, с одной стороны, подвести историографические итоги, а, с другой, – сформулировать исходные принципы новых подходов в разработке истории русского либерализма. Этим проблемам в 1998 г. и 2007 г. я рискнул посвятить две статьи<sup>1</sup>. Впоследствии эта эстафета была поддержана моими учениками А.Н. Егоровым<sup>2</sup> и Н.В. Макаровым<sup>3</sup>, которым, как мне кажется, удалось осуществить глубокий историографический анализ отечественной и зарубежной историографии русского либерализма.

В эти же годы активную работу по изучению русского либерализма (прежде всего, в плане конкретных личностей) стал проводить Фонд «Либеральная миссия», одним из «моторов» которого стал А.А. Кара-Мурза. По его инициативе было подготовлено три издания фундаментального и не имеющего аналогов труда «Российские либералы: идеи и люди», в каждом из которых увеличивалось число персоналий отечественных либералов<sup>4</sup>.

В начале 2000 г. Институтом общественной мысли был инициирован международный проект «Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия», опубликованный в 2010 г.<sup>5</sup> В последние годы эстафета в деле изучения русского либерализма была подхвачена Д.В. Ароновым, инициировавшим проведение в Орле ежегодных «Муромцевских чтений», в результате которых уже в течение десяти лет издаются сборники

---

<sup>1</sup> См.: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-42; Он же. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3-17.

<sup>2</sup> См.: Егоров А.Н. Российские либералы начала XX века и власть: историографические дискуссии. Череповец, 2007; Он же. Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX в. (дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007.

<sup>3</sup> См.: Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015.

<sup>4</sup> См.: Российские либералы: идеи и люди. В 2-х т. М., 2018.

<sup>5</sup> См.: Российский либерализм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. М., 2010.

статей, посвященных различным проблемам и аспектам русского либерализма.

После вышесказанного возникает вопрос: исчерпали ли исследователи истории русского либерализма все свои потенциальные возможности познания, или же данная научная проблема продолжает, как, впрочем, и любая другая научная проблема, сохранять в себе еще много непознанного? Если это так, то какие научные перспективы в деле дальнейшего изучения русского либерализма могут быть намечены и предложены. Попытаюсь это сделать, понимая дискуссионный характер своих исходных посылок и их аргументации.

Первая проблема, которая, на мой взгляд, нуждается в специальной научной проработке – это проблема самого понятия «либерализм». К сожалению, в философской, социологической, политологической и исторической литературе существует, на мой взгляд, избыточное количество определений либерализма, которые скорее фиксируют разные состояния либерализма, как, собственно, в их временных исторических срезам, так и в привязанности к акторам и их конкретным проявлениям. Приведу часто встречающиеся в литературе определения либерализма: «классический»; «постклассический»; «неоклассический»; «экономический»; «политический»; «социальный»; «интеллигентский»; «дворянский», «буржуазный»; «земский»; «ранний»; «поздний». Более того, в последние годы появились и такие характеристики, как «самодержавный» и «правительственный». Не думаю, что наличие такого множества разнородных и разноуровневых определений способствует научному прояснению проблемы<sup>1</sup>.

Предлагаю на рассмотрение участников научной конференции собственное определение понятия либерализм. **Либерализм – становящаяся ценностная мировоззренческая система представлений о статусе Личности в исторических координатах ее взаимодействия с обществом и государством.** Хочу особо подчеркнуть, что проблема статуса Личности – и есть

---

<sup>1</sup> В последние годы данную проблему начал разрабатывать доктор исторических наук Д.В. Тимофеев. См. его монографию «Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века». Челябинск, 2011.

осевая проблема либерализма как исторического явления, что, в свою очередь, позволяет отличить его как от консерватизма справа, так и от социализма слева. При этом следует так же иметь в виду, что речь идет не просто о Человеке как таковом, а именно о Личности, осознавшей себя самостью и претендующей на собственный статус во взаимодействиях с обществом и государством. Эти притязания носят активный и последовательный характер, что способствует реализации потенциальных возможностей Личности в исторически обусловленной исторической среде. В зависимости от состояния различных исторических контекстов наблюдается разная степень статусных притязаний Личности: гражданские права – политические права – право на достойное человеческое существование. Ситуация в треугольнике Личность – Общество – Государство находится в зависимости от качественного состояния каждого из трех названных элементов, от уровня взаимодействия их друг с другом.

Целевая установка Личности – обеспечить для раскрытия своих природных потенций максимально возможное не только частное, но и общественное пространство, обеспечив себе при этом поддержку государственных институтов в самом широком смысле этого слова. Чем активнее Личность борется за свои статусные права, тем активнее и целенаправленнее действуют и Общество, и Государство. И наоборот, чем более структурировано гражданское общество и демократичнее государственные институты, тем больше они способствуют развитию Личности и достижению ей собственных целей и интересов.

Такое понимание сущности либерализма как становящегося исторического явления ни в коей мере не снимает проблемы генезиса и эволюции его в разных исторических средах. Именно от состояния этих исторических сред и зависит само время зарождения либерализма в той или иной стране и его национальные особенности, что в принципе не меняет его мировоззренческую сущность и историческое предназначение.

Это порождает вторую дискуссионную проблему сравнительного анализа разных национальных вариаций либерализма (английского, французского, немецкого, русского и т.д.). Позднее зарождение русского либерализма предполагает, что его носители и адепты должны были, так или иначе, обращаться к

опыту передовых стран, где либерализм появился несколько раньше. В отечественной и зарубежной литературе продолжает бытовать утверждение не только о том, что русские либералы заимствовали, что представляется нормальным и бесспорным, но и что якобы русский либерализм был «сколом западного либерализма», что представляется проблематичным. В этой логике представляются заслуживающими внимания попытки ряда отечественных исследователей поставить вопрос о культуре заимствования зарубежного либерального опыта. В данный момент можно считать обоснованным мнение о том, что, заимствуя западные либеральные идеи и практики, российские интеллектуалы делали это, учитывая конкретные исторические условия, включая объективные возможности восприятия их российским обществом и представителями властных структур.

Позднее зарождение либерализма в России было исторически связано с отсутствием объективных и субъективных условий, прежде всего, для формирования осевой проблемы либерализма – Личности, а также двух остальных элементов треугольника – продолжающейся сохраняться сословной структуры российского общества и самодержавного политического режима. Оба последних компонента оказывали деформирующее влияние на становление Личности в российских реалиях, которой в борьбе за свои гражданские права приходилось с большим трудом пробивать частокोल крепостничества, сословности и авторитаризма. Все это вместе взятое тормозило формирование свободной Личности, которой пришлось шаг за шагом вести упорную борьбу за свои права и свободы.

Едва ли нужно специально доказывать, что на этапе зарождения и распространения либеральных идей в России основную роль играли отдельные интеллектуалы, осознавшие собственную самость и осмелившиеся, хотя бы в узком кругу единомышленников, заявить о своей приверженности либеральным идеям. При этом либеральные идеи интеллектуалов следует отличать от некоторых практических действий российских носителей власти (например, Екатерины II, Александра I, Александра II), которые вынуждены были осуществлять некоторые реформы, включающие в себя некоторые либеральные компоненты. Разумеется, венценосные монархи это делали не

потому, что разделяли мировоззренческие принципы либерализма, а исключительно потому, что некоторые элементы вошли в западноевропейскую практику и давали позитивные результаты, прежде всего в области экономики, образования и культуры. В свою очередь, изменение правового статуса дворянства и горожан (соответственно, две екатерининские «Жалованные грамоты»), а также некоторые преобразования в экономике, торговле и образовании стимулировали развитие и укрепление империи, повышали ее международный престиж. Ведя разговоры о «среднем роде людей», «законной монархии», носители верховной власти постепенно избавлялись от прежних «следов тиранства», демонстрировали, хотя бы на словах, свою приверженность к праву и законности. Парадокс ситуации и состоял в том, что царственные венценосцы, мировоззренчески далекие от идей либерализма, способствовали, хотели они того или нет, формированию общественной среды, которая, в свою очередь, объективно вырабатывала условия для воспроизводства и восприятия либеральных идей в далеко не простых и противоречивых конкретных российских реалиях. Так постепенно в «скорлупе» крепостничества, сословности и самодержавия и зарождался русский либерализм.

Зарождение либерализма в России, как нового исторического явления, проходило, как, впрочем, и все новое, в родовых муках. Тем не менее, этот новорожденный «младенец» не был западноевропейским «суррогатом». Это было собственно «российское дитя», вошедшее в качестве нового члена в «семью» европейского либерализма. Русский либерализм, стал развиваться в конкретных российских исторических условиях, которые, и это вполне естественно, не могли не оказать на него свое влияние. Такой подход, на мой взгляд, позволяет пересмотреть утверждения о так называемом *пара* и *квази* либерализме, априори усматривавшие в русском либерализме какие-то «изъяны» его «худосочности» и «не дозрелости». Фактически новый член, пополнивший «либеральную семью», был, образно говоря, совершенно «здоровым ребенком». Однако «расти», «воспитываться» и «мужать» ему пришлось в крайне трудной исторической среде.

Напомню, что маркером для утверждений о *квази* и *пара* характере русского либерализма было сравнение последнего с передовым либерализмом западноевропейских стран. Однако следует иметь в виду, что русские интеллектуалы, знакомые с научными и общественно-политическими течениями и конкретными практиками, прекрасно отдавали отчет в иллюзорности автоматического переноса этих идей и практик европейского либерализма на иную российскую почву. По вполне понятным причинам, они вынуждены были селективно отбирать из классического западного либерализма такие его элементы, прежде всего, правового и законодательного характера, комбинировать их таким образом, чтобы они, в своей совокупности, не вступали в резкое противоречие с представлениями о мироустройстве венценосных монархов и состоянием формирующегося общества. Отмечу, что эти идеи, во-первых, позволяли расширить статусные возможности Личности; во-вторых, пробудить от вековой спячки русское общество; и, в-третьих, убедить власть в рациональности предлагаемых ими мер. Зерно либерализма, брошенное в российскую неблагоприятную почву интеллектуалами второй половины XVIII – начала XIX в., со временем дало собственные национальные либеральные всходы, а затем и плоды.

Третья проблема, которая заслуживает дальнейшего изучения, состоит, на мой взгляд, в том, что генезис, формирование и эволюцию русского либерализма следует рассматривать не в дихотомии «старый – новый» или «ранний – поздний», а в качестве единого сложносоставного исторического процесса. Если за основу взять ту же осевую проблему либерализма – Личность, то в отечественной и зарубежной литературе раскрыт процесс ее борьбы за расширение собственных статусных свобод и прав. Иными словами, «инвариантная» базовая основа либерализма постепенно расширялась, одновременно преобразуя общественную ткань и направляя общественное движение в русло борьбы за конституционные преобразования. В этом процессе основополагающую роль сыграло несколько поколений либералов-интеллектуалов (независимо от их сословной маркировки), которые, начиная со второй половины XVIII и до убытия в эмиграцию в 20-е гг. XX в. формировали соответствующую среду для восприятия и воспроизводства либеральных идей. Подчеркну, что либералы-

интеллектуалы XIX в. (особенно его второй половины) активно приступили к разработке уже ценностных моделей преобразования России. Формирование таких ценностных моделей переустройства страны свидетельствовало о вступлении русского либерализма в качественно новую стадию своей эволюции. Это был период не только «взросления», но и «возмужания» русского либерализма, ставшего активно обогащать мировую общественную мысль инновационными идеями, рожденными и выпестованными на национальной почве. Вполне понятно, что без предшествующего опыта нескольких поколений либералов такой качественный скачок был бы в принципе невозможен.

Обращая внимание участников конференции на сохранение и продолжение либеральной традиции в России, я, разумеется, далек от мысли о том, чтобы рассматривать русскую интеллектуальную среду, включая в нее и либералов, в качестве некоего единого и цельного монолита. Изначально русский либерализм, как, кстати, и другие общественно-политические направления, представлял собой сложносоставной и динамично развивающийся организм. В сравнительно широких мировоззренческих и идеологических рамках либерального направления общественной мысли и общественного движения причудливо переплетались, взаимодействовали и противостояли друг другу, как различные индивиды, так и течения. Будучи открытой ценностной мировоззренческой системой, русский либерализм, неизменно сохраняя свое непроницаемое, «инвариантное ядро», в динамично изменяющемся историческом контексте мог впитывать (и действительно впитывал) новые идеи, что свидетельствовало о его способности к трансформации в зависимости от меняющихся исторических условий. В данной аудитории эту посылку можно специально не обосновывать примерами, ибо это и так вполне очевидно.

Обогащение русского либерализма новыми идеями, порожденными западноевропейской и отечественной наукой, западноевропейской и отечественной практикой, в начале XX в. обусловило выработку либералами-интеллектуалами синтетической модели переустройства России, которая в ряде своих исходных пунктов (нравственно-этическом, социально-

реформаторском, правовом) способствовала обогащению мирового либерализма как целого.

Важной проблемой, которая, на мой взгляд, нуждается в дальнейшем осмыслении и конкретно историческом исследовании является проблема совершенствования организационных форм объединения и консолидации либеральных элементов. Речь в данном случае идет не о трансформации от салонов и кружков к союзам и политическим партиям, ибо данная тема в той или иной степени нашла свое отражение в историографии, а о выявлении комплекса причин и обстоятельств, обусловливавших выбор соответствующих форм самоорганизации. Я имею в виду смену форм либеральной самоорганизации, которая не только логически, но и конкретно исторически увязывается с состоянием общественной среды и отражает ее готовность или неготовность к объединению. Так, например, опыт формирования либеральных протопартийных и собственно партийных структур убедительно показал, что мировоззренческие, идеологические и программные расхождения в либеральной среде оказались настолько существенными, что не позволили выработать ни единой модели преобразования России, ни единой тактики, ни создать единой политической партии. Подобная ситуация была характерна и для других общественно-политических течений и направлений, что, на мой взгляд, свидетельствовало о незавершенности процесса формирования гражданского общества в России, отсутствии традиции к компромиссному урегулированию противоречий между стратами, а также между общественными и государственными структурами и институтами. На мой взгляд, подобная историческая ситуация в значительной степени обуславливала отсутствие консолидационных тенденций в либеральной среде, что, в свою очередь, во многом предопределило длящуюся ее политическую инертность, а также организационную рыхлость.

В литературе не одно десятилетие идет дискуссия о «границах» и «пограничных зонах», занимаемых «либеральной семьей» в общем пространственном интеллектуальном измерении, в которое входят и другие течения и направления общественной мысли и общественного движения, в частности, консерваторы и социалисты. Лакмусовой бумажкой для определения таких пространств являются содержание соответствующих понятий (консерватизм,



либерализм, социализм). Предложенное мной определение понятия либерализм дает, на мой взгляд, ответ на вопрос о «территории», занимаемой «семьей» русского либерализма в общем пространстве, а также «семьями» русского консерватизма и русского социализма. При этом следует также иметь в виду, что все эти «семьи» являются не одномерными, а сложносоставными. Так, в «либеральной семье» есть свои консерваторы, «центристы» и радикалы. Поэтому представляется не правомерным исключать из «семьи» русского либерализма ни октябристов, как это делали и продолжают делать ряд европейских и отечественных исследователей, ни кадетов, как это, например, делали В.В. Леонтович и Р. Пайпс.

Многообразие членов «семьи» русского либерализма – вполне закономерное явление, отражающее различия в «характерах», манере и мотивации поведения как собственно в жизненных коллизиях (повседневности), так и особенно в общественно-политических передрягах, которых, как известно, в российской истории хоть отбавляй. Достаточно лишь напомнить о поведении октябристов, «центристов» и кадетов в экстремальных ситуациях периода трех российских революций и Гражданской войны.

Не менее оживленной представляется дискуссия о возможных и допустимых «границах» сотрудничества либералов, с одной стороны, с консерваторами, а, с другой, – с социалистами. В данной аудитории едва ли нужно напоминать, что в периоды кризисных ситуаций эти границы оказывались весьма «эластичными». Так, октябристы в октябре-декабре 1905 г. оказывали поддержку не только идейным консерваторам, но и непосредственно царской бюрократии в подавлении вооруженных восстаний. В последующем они активно сотрудничали с представителями консервативных фракций в Государственной Думе и Государственном Совете. В свою очередь, по крайней мере, «центр» и левое крыло «Союза 17 октября» продолжали на разных общественно-политических и законодательных площадках сотрудничать с партиями «Мирного обновления», «Демократических реформ» и «Конституционно-демократической». В 1915 г. представители умеренного и левого крыла думских фракций «Союза 17 октября» вошли в состав Прогрессивного блока.

В свою очередь, кадеты, не прекращая своего сотрудничества с умеренными и левыми октябристами, оказывали материальную помощь и идейно-политическую поддержку не только умеренным, но и радикальным социалистическим политическим партиям и в 1905 г., и в 1917 г. Хорошо известно сотрудничество кадетов с лидерами умеренных социалистических партий в коалиционных составах Временного правительства. Более того, после октябрьского большевистского переворота кадеты совместно с лидерами умеренных социалистов вели борьбу против большевистского режима.

Многообразие используемых русскими либералами практик свидетельствует о том, что они были не пассивными, а именно активными участниками происходивших в России общественно-политических баталий, не отказываясь от возможности применения в экстремальных ситуациях прямых методов насилия. Об этом важно напомнить, так как в ходе современных научных дискурсов не редко можно услышать утверждения о, якобы, категорическом неприятии либералами насильственных методов разрешения политических и социальных конфликтов. Я уже не раз говорил и писал о том, что левые «освобожденцы» и левое крыло кадетской партии не отрицали возможности разрешения кризисной ситуации в России революционными методами. Кстати, в этом не было ничего национально специфического, именно так поступали в кризисных ситуациях западноевропейские либералы.

В заключение своего выступления кратко остановлюсь на еще одной дискуссионной теме. Во-первых, речь идет о том, являлись ли левые русские либералы демократами, а, во-вторых, об их отношении к социализму как теории и практике. Думаю, ответ на оба вопроса уже дан самой общественно-политической практикой. Так, анализ теории, программтики, политических практик русских либералов начала XX в., убедительно показывает, что демократические ценности стали одной из базовых основ для выработки либеральными теоретиками ценностной модели преобразования России. Подчеркну, что эта ценностная модель не была герметичной и продолжала оставаться открытой для восприятия новейших достижений и открытий в области общественных наук и конкретных политических и социальных практик. В рамках такого подхода к восприятию Иного,

либеральные теоретики и идеологии использовали и включали в свой арсенал наработки европейских и российских социалистов. Хорошо известны факты сотрудничества левых либералов и социалистов в рамках «Союза освобождения», в Государственной Думе, в коалиционных составах Временного правительства в 1917 г., в Национальном центре в годы Гражданской войны, в разных общественно-политических структурах в период эмиграции.

Среди исследователей нет единого мнения и по вопросу о причинах недостаточного «прорастания» либерализма в российскую почву и его политической неэффективности, а, в конечном счете, его крушения. Действительно, в суровых исторических реалиях русскому либерализму было трудно укрепить свою корневую систему (социальную основу), хотя, образно говоря, крона его «древа» успела стать «раскидистой», но не достаточно эффективной в достижении конкретных политических целей. Напомню о либеральных «срывах» в 1906, 1917, 1918-1920 гг.

Дело в том, что национальная почва, на которой выросло «древо» русского либерализма не достаточно снабжала его «стволы и ветви» необходимыми питательными веществами, обеспечивающими обильное плодоношение. К сожалению, российское общество, длительное время пребывавшее в сословном состоянии, так и не стало гражданским обществом. Российское самодержавие противостояло объективно назревшим переменам и не желало добровольно трансформироваться в правовое государство. В результате, русский либерализм, с одной стороны, не получал должной подпитки со стороны общества, а с другой, – встречал неприятие со стороны власти. На политической арене он оказался между жерновами, с одной стороны, консерватизма, а, с другой, – радикального социализма. При этом следует учитывать, что консерваторы пользовались поддержкой со стороны власти, а социалисты со стороны не структурированных (маргинализированных) слоев общества, продолжавших пребывать в переходном состоянии.

Из вышесказанного следует, что исследователям, изучающим или собирающимся изучать историю русского либерализма есть еще над чем серьезно работать. В данном случае речь идет и о генезисе русского либерализма, и маркировке этапов его формирования и функционирования, о причинах трудного его

«прорастания» на российской почве. Однако, учитывая множество проблемных полей истории русского либерализма, важно помнить о том, что он являлся не «сколком», а полноценной российской национальной разновидностью, пополнившей и обогатившей «семью» либерализма как мирового целого.

**А.А. Кара-Мурза<sup>1</sup>**

## **О НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ЛИБЕРАЛИЗМА И РУССКОЙ МОДЕЛИ В ЧАСТНОСТИ**

### *1. Существуют ли национальные варианты либерализма?*

Опыт успешной либеральной модернизации в странах Запада наглядно показывает, что либеральные традиции, например, в Англии, Франции или Германии *национально окрашены*, т.е. осуществление либерального проекта в этих странах стало возможным в результате глубоко самобытного национального социокультурного синтеза<sup>2</sup>.

Известно, что либерализм в Англии (его родоначальником справедливо считается Джон Локк) изначально апеллировал к Священному писанию, как мощнейшей форме идейной легитимации. «Английский проект» затем успешно переключался в американские Штаты: Локк, как известно, лично сочинил конституцию Северной Каролины.

Французский либеральный проект, восходящий к Вольтеру и Монтескье, в отличие от английского, принципиально не апеллировал к религии (для Вольтера особенно – это невозможно). Его укоренение в период позднего абсолютизма произошло в результате последовательного синтезирования с социальными левыми идеями – ранне-демократическими идеями в духе Руссо. А уже на этапе бурного развития капиталистических отношений имел

---

<sup>1</sup> *Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социальной и политической философии Института философии РАН, Президент национального фонда «Русское либеральное наследие».*

<sup>2</sup> *Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII-XIX вв.) / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2004; Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М., 2015.*

место еще один синтез – либеральных концепций с идеями социалиста Сен-Симона (как известно, основные лидеры французской буржуазной модернизации были убежденными сенсимонистами).

Сравнивая английский и французский либеральные проекты, можно заметить следующее важное различие. Если становление либеральной демократии в Англии происходило за счет постепенной демократизации аристократических либеральных прав и свобод, то во Франции, напротив, имел место принципиально иной процесс – либерализация демократии, т.е. постепенное насыщение либеральными смыслами генетически первичной радикальной демократии.

Что касается Германии, то ее либеральная модернизация, чтобы стать успешной, сумела, помимо социального аспекта, включить в искомый модернизационный синтез некоторые умеренно националистические идеи. Заметим, что националистами были и Фридрих Лист – либерал и конституционалист, ставший идеологом раннего немецкого капитализма, и Фридрих Науманн – крупнейший немецкий либерал, бывший еще и известным теологом.

## *2. Является ли русский либерализм «вторичным» по отношению к западному?*

В сборнике биографических очерков «Российский либерализм: идеи и люди»<sup>1</sup>, написанных крупнейшими отечественными историками мысли, особое место уделено проблеме генезиса русского либерализма во времена императрицы Екатерины II. Подобное «углубление в историю» (напомню: первое издание книги, вышедшее в 2004 г., открывал очерк о реформаторе-конституционалисте александровской эпохи М.М. Сперанском) помогает четче прояснить истоки и причины генезиса либерализма в России, увидеть в этом взаимосвязь внутренних российских процессов и попыток имплантации общеевропейских образцов. Становится очевидным, что появление в России либеральных проектов (конституционно-реформаторских, просветительских и т.д.) является, в первую очередь, результатом осмысления причин

---

<sup>1</sup> Российский либерализм: идеи и люди. 3-е изд. В 2 тт. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2018; Т. 1. XVIII-XIX вв., 680 с.; Т. 2, XX в. 948 с.

и последствий всплесков внутренней «русской смуты» XVII-XVIII вв., связанных с крайней неустойчивостью авторитарно-приказного строя и его уязвимостью перед лицом «нового варварства». А это означает, что Россия, с некоторой задержкой, пришла к общеевропейскому выводу, лежащему в основе либерального проекта как такового: человеческой цивилизации угрожает не только «варварство снизу» (позднее Пушкин отчеканит формулу «бунта бессмысленного и беспощадного»), но и «варварство сверху», ибо самовольная, неправовая власть оборачивается, в конечном счете, главным врагом не только искомого гражданского строя, но и самой государственности.

Либеральный социокультурный (и в этом контексте – политический) проект, таким образом, состоит в том, чтобы с учетом национальной специфики промыслить и реализовать срединный путь между деспотизмом и хаосом, между Сциллой неправовой «Власти» и Харибдой неправовой «Антивласти». Роль Запада, как устоявшегося идентификационного зеркала для мыслящей России, становится, таким образом, более отчетливой: путь Запада является для российских либералов не только образцом для подражания, но и важным историческим уроком. И в этом смысле уроки западноевропейских революций (в первую очередь, Французской) также лежат в основе зарождения и развития отечественного либерализма.

### *3. Что понимать под либерализмом и кого считать либералом?*

Многие годы занимаясь историей либерализма – и как философско-политического учения, и как практического социокультурного проекта, – я все более убеждаюсь в точности определения либерализма, данного патриархом российской гуманитарной науки Борисом Федоровичем Егоровым (р. 1926): «Под либерализмом понимается идеологический комплекс, аксиологической вершиной которого является свободная личность. На этой вершине, а иначе можно сказать – на этом идеологическом фундаменте, основано все желаемое социально-политическое здание: общество и государство служат свободной личности; господствуют экономические свободы и частная собственность, свобода вероисповеданий, свобода слова, терпимое отношение к

"чужому"; предпочитают, в противовес революционным ломкам, мирные и постепенные реформы»<sup>1</sup>.

Это интегральное определение хорошо тем, что принципиально и точно вычлняя «аксиологическое ядро» либерализма как идеологического комплекса (примат *свободной личности* в качестве общелиберального инварианта), оно оставляет простор для легитимации многообразных либеральных вариаций («либерализмов», по выражению Б.Г. Капустина), различающихся своими социокультурными и политическими «оболочками» («кожурой»). В этом смысле определение, сформулированное Егоровым, позволяет очистить проблематику генезиса и типологии либерализма от многих проявлений субъективизма – «партийности», «вкусщины» и т.п., – изрядно засоривших и деформировавших и без того сложнейшую для анализа проблему.

Характерно, что свое определение «либерализма» Егоров сформулировал в работе под названием «Эволюция русского либерализма в XIX в.: от Карамзина до Чичерина». Для людей, привыкших считать монархиста, и даже «абсолютиста», Н.М. Карамзина безусловным консерватором, подобная формулировка звучит, конечно, парадоксально, если не вызывающе. Между тем, в логике Егорова, которую я считаю глубоко верной, причисление Карамзина к либеральной традиции абсолютно естественно. По мнению Егорова, «у истоков независимой, личностной общественно политической мысли России стоит Н.М. Карамзин... От талантливой, яркой пропаганды внутренней свободы человека, пропаганды европейского просвещения, что было характерно для молодого Карамзина, художника и публициста, идет прямая дорога к русскому либерализму средней трети XIX века»<sup>2</sup>.

Иными словами, ту или иную историческую фигуру – интеллектуальную или политическую – нельзя отлучать от либерализма только на том основании, что эта фигура является, к примеру, «монархической». Как показывает история, «монархисты» (а в определенные времена даже сами монархи – Екатерина II, Александр I, Александр II) вполне могли быть либералами, если

<sup>1</sup> Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М., 1996. С. 480.

<sup>2</sup> Там же. С. 483-484.

они убежденно считали именно «монархию» *наилучшей формой* (т.е. оптимальной политико-юридической «оболочкой») для произрастания свободной личности, накопления ее блага и соблюдения индивидуальных человеческих прав.

Уместно напомнить, что подобный подход к «монархизму» и конкретно к Карамзину был характерен в свое время и для историка-эмигранта В.В. Леонтовича (1902–1959) – автора классического труда «История либерализма в России»<sup>1</sup>. Как известно, Леонтович отводит Карамзину одну из первых глав в своем фундаментальном исследовании, аргументируя это тем, что «его (Карамзина – А.К.) идеи, его общий духовный подход и даже его личность сыграли положительную роль в развитии России как раз в либеральном направлении... Он старался всячески расширить те каналы, через которые могли проникнуть и действительно проникали в Россию либеральные идеи... Карамзин, как представитель сентиментального гуманизма, поддерживал как бы кристаллизацию некоторых укорененных в гуманизме предпосылок либерального мышления»<sup>2</sup>. Еще важнее, по мнению Леонтовича, то, что Карамзин был убежден (и опыт правления Екатерины II подтверждал это), что «значительные элементы либеральной программы могут осуществляться и в рамках абсолютной монархии»<sup>3</sup>. Поэтому Карамзин (которого Леонтович называет «представителем либерального абсолютизма») «считал для абсолютной монархии возможным принять основные требования либерализма в качестве правительственной программы или даже в качестве основных принципов, на которых построено государство, при этом нисколько себе самой не повредив, и тем самым способствовал тому, чтобы направить русских монархов на путь либеральных реформ... По мнению Карамзина не только возможно, но и необходимо, чтобы абсолютная монархия усваивала принципы либеральной идеологии. Проведение в жизнь либеральных реформ и принятие либеральных методов управления государством являются требованием справедливости, а, следовательно, и требованием нравственным»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995.

<sup>2</sup> Там же. С. 98.

<sup>3</sup> Там же. С. 99.

<sup>4</sup> Там же.



Таким образом, можно согласиться и с Леонтовичем, и с Егоровым, что *либералом* человека (ученого, идеолога, политика) делает принципиальная центрированность его идей и действий на приоритете «блага свободной личности». Кто и что может обеспечить это приоритетное благо – самодержавный монарх, конституция, народное представительство или что-то иное – вопрос вторичный. Поэтому, до тех пор, пока тот же Карамзин в своих мыслях и сочинениях ставил во главу угла приоритет «свободной личности» – *он был либералом*. И, соответственно, Карамзин переставал быть либералом, когда вместо «свободной личности» его приоритетом становилось самодержавное Государство (например, в «Записке о древней и новой России»), а судьба и ценность человеческой личности оказывалась вторичной.

#### 4. Могут ли славянофилы быть либералами?

Еще одним примером субъективистской «партийности» в исследовании проблематики генезиса и типологии отечественного либерализма является стойкое предубеждение русских «западников» против самой возможности причисления к русским либералам кого-либо из русских славянофилов. Между тем, наша история показывает, что из среды славянофилов могут произрастать выдающиеся русские либеральные интеллектуалы и практики – такие как И.С. Аксаков, А.И. Кошелев, кн. В.А. Черкасский, Д.Н. Шипов, М.А. Стахович и др. Разумеется, «западническое ухо», настроенное очень определенным образом, не может не быть уязвленным, слыша славянофильские утверждения, что, мол, «до Петра Великого на Руси было больше свободы», что «Петр убил русскую свободу» (или, как вариант: «окончательно добил ее») и т.п. С подобными утверждениями можно (и часто нужно) спорить *фактологически*, но отрицать их *либеральную природу* (т.е. центрированность на проблеме русской личности и ее свобод) неверно.

В этом контексте стоит, наверное, вернуться и к переоценке идейного наследия А.И. Герцена, конкретно, того периода его творчества, когда, разочаровавшись в Европе, Герцен стал апологетом т.наз. «общинного социализма». По моему мнению, Герцен и в этот период *оставался либералом par excellence*, ибо «русская община» показалась ему (в результате разочарования во

всех иных вариантах) наилучшей оболочкой для сбережения искомой «свободы лица». Герцен, разумеется, никогда не идеализировал русскую общину, но он не мог не отметить, что, при всех ее недостатках и даже пороках, она – едва ли не единственный институт, который во всех драматических коллизиях нашей истории оказывался способным уберечь остатки «свободы лица». Еще в работе «Русский народ и социализм. Письмо Мишле» (1851) он перечислял эти несомненные заслуги общины в деле сбережения личности от натиска внешних, принудительных форм: «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти»<sup>1</sup>.

А в известных «Письмах Линтону» (1854) Герцен в наиболее четком виде сформулировал те принципы, которые русская община имеет шанс (именно шанс – не более!) реализовать, чтобы обеспечить, в конечном счете, свободное развитие личности. Главное здесь в том, что община для Герцена – это возможный фундамент «очеловеченной собственности», народного низового самоуправления и представительства – модель, которую затем необходимо распространить на все общество: «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное самоуправление по городам и всему государству, сохраняя народное единство, – вот в чем состоит вопрос о будущем России»<sup>2</sup>. Именно в этой парадоксальности герценовской позиции лежит разгадка того факта, что, спустя несколько десятилетий, деятели русского земского движения смогли с полным правом записать Герцена в ряд родоначальников «либерального земства».

Герценовский расчет на общинное самоуправление, как прообраз будущего общенационального гражданского общества, оказался несостоятельным. Но это была еще одна попытка ответить на общий вопрос, волнующий русских либералов: как в

---

<sup>1</sup> Герцен А.И. Русский народ и социализм // Герцен А.И. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1986. С. 447-449.

<sup>2</sup> Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 137.

России пройти между Сциллой реакции и Харибдой революции и уберечь на этом пути человеческую личность и ее достоинство?

### *5. Как соотносятся либерализм и религия?*

Глубокая, метафизическая связь христианской религии с политическим воплощением либерального проекта вполне очевидна для евро-американской политико-философской мысли, но в современном российском контексте остается пока темой маргинальной, а для левых либералов радикального толка – в известном смысле и табуированной. Между тем, как уже было отмечено, либеральные учения в Англии, Германии, США – учения, закладывающие в основу национальных вариантов либерализма прямую религиозную санкцию, – дали свои политические плоды, в то время как отечественный либерализм в очередной раз оказался легковесен, не сумев обрести надежную метафизическую опору<sup>1</sup>.

В ряде работ я высказываю точку зрения, что в начале XIX в. русская мысль могла пойти по европейскому пути легитимации «свободы» через религию, и у истоков этого направления «христианского либерализма» стоял именно Карамзин<sup>2</sup>. Об этом говорят, например, некоторые материалы из личных бумаг Карамзина, по большей части не опубликованные при жизни автора. Вот, к примеру, фрагмент «К потомству», который передает разговор Карамзина с императором Александром I в 1819 г. (на французском языке). Став известным, этот документ вызвал полемику, которая продолжается и по сей день. Вот слова Карамзина (в переводе с французского Ю.М. Лотмана): «Государь! Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом... Государь, я презираю скороспелых либералистов, я люблю только ту свободу, которую никакой тиран не может у меня отнять»<sup>3</sup>. Замечу попутно, что часто встречающийся в литературе перевод карамзинской

<sup>1</sup> Кара-Мурза А.А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М., 1998. С. 108-125; Жукова О.А. История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 105-116.

<sup>2</sup> Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1. С. 101-106; Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011.

<sup>3</sup> Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. СПб., 1862. С. 9.

фразы «*je meprise les libéralistes du jour*» как «Я презираю сегодняшних либералов» является либо результатом плохого знания французского языка, либо сознательным подлогом. В своих статьях и лекциях я, в дополнение к лотмановскому, предлагаю такие варианты адекватного перевода: «Я презираю либералистов-однодневок» или «Я презираю дежурных либералистов».

В конце жизни Карамзин прямо и отчетливо подтвердил христианско-либеральную природу своей позиции (позиции больше культурно-этической, нежели политической) в «Мыслях об истинной свободе», написанных незадолго до смерти, в начале 1826 г.: «Можно ли в нынешних книгах или журналах без жалости читать пышные слова? Настало время истины; истиною все спасем; истиною всё ниспровергнем... Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!»<sup>1</sup>.

В середине XIX - начале XX вв. линию «христианского либерализма» успешно продолжили такие отечественные мыслители, как И.С. Аксаков, В.А. Караулов, М.А. Стахович, П.Б. Струве (и другие авторы «веховского направления»), а также Ф.А. Степун и Г.П. Федотов<sup>2</sup>.

### 6. Как соотносятся «свобода» и «порядок»?

Наконец, хочется по-новому расставить некоторые акценты и в еще одной активно обсуждаемой исследователями либерализма (в т.ч. отечественного) теме. В многолетнем и не утихающем споре о соотношении «свободы» и «порядка» давно определились две конкурирующие позиции.

Первая исходит из того, что либерализм – учение о свободном индивиде, проявляющем себя в разнообразных сферах. А

<sup>1</sup> Он же. Из записной книжки. М. 1982. С. 161-162.

<sup>2</sup> Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011; Жукова О.А. К философии политической истории России: либерально-христианский синтез В.А. Караулова // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 112-122; Жукова О.А. Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П.Б. Струве) // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 126-135.

проблематика «порядка», в свою очередь, сводится к тому, как из этих свободных индивидов создать устойчивое гармоничное общество. К сторонникам именно этой позиции примыкал, кстати, уже неоднократно цитированный Леонтович. Напомню принципиальный пассаж из его «Вступления» к «Истории либерализма в России»: «Основная идея либерализма – это осуществление свободы личности. А основной метод действия либерализма – это не столько творческая деятельность, сколько устранение всего того, что грозит существованию индивидуальной свободы или мешает ее развитию»<sup>1</sup>. Как видим, основной задачей либерализма Леонтович прямо провозглашает задачу *отрицательную* – устранение всех возможных помех индивидуальной свободе.

Я являюсь убежденным сторонником другой позиции, которая состоит в том, что проблема «порядка» является не производной функцией, а *имманентным свойством* любого ответственного идейно-политического течения, в т.ч. и либерализма<sup>2</sup>. По моему мнению, в том непрекращающемся споре различных идей и концепций, который представляет собой история философско-политической мысли, единственным допустимым критерием правоты может служить лишь практический ответ на вопрос, какая форма социальной организации эффективнее противостоит общественному хаосу. Прочность политических систем, также как устойчивость цивилизаций или культур, проявляется не в их непосредственном противостоянии друг другу, но в способности сдерживать внутренний энтропийный процесс. Поэтому генезис политической науки и философии один – ощущение опасности политического и социального небытия. Из этого же ощущения рождается либерализм – определенный тип решения все той же «экзистенциальной проблемы».

Задача либерализма, таким образом, именно *творческая*. Она состоит в том, чтобы дать собственные ответы на вполне универсальные вопросы, например, на такой: «как возможен социальный порядок, если он в данный момент отсутствует или находится под угрозой?» А собственно либеральный ответ на этот

---

<sup>1</sup> Леонтович В.В. Указ. соч. С. 1.

<sup>2</sup> Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX - XX вв. М., 2009.

вопрос состоит в следующем: «Общественный порядок возможен тогда и постольку, когда и поскольку допущена и защищена свобода человеческой личности». Таким образом, либерализм – это не просто умонастроение: «сентиментализм» или «скептицизм», к примеру, тоже умонастроения, но они не претендуют на роль идеологических концепций, тем более политических моделей. Либерализм не как простое умонастроение, а именно как особый принцип устройства общественно-политической жизни обязан встроить в себя проблематику социального порядка. И подлинный либерализм именно это и делает.

История успешного становления либерального проекта на Западе с очевидностью показывает: системный либерализм конституируется не столько на почве размягчения власти, и тем более не на почве интеллигентского морализаторства, сколько на основе жестко политологической констатации либеральными мыслителями деградации и перспективы краха традиционалистских моделей порядка. Либерализация при таком подходе – и есть способ *социального упорядочивания*, а индивидуальная свобода и гражданские права становятся надежной основой нового более эффективного социального порядка.

Сегодняшней России, как никогда, нужна реабилитация либерального проекта – не только как эмансипаторского, но и как глубоко конструктивного. А это означает, что на переднем плане наших исследований должно проявиться подлинное кредо либерализма – кредо не отрицательное, а творческое, промысливание и конструирование новой гармоничной социальности.

## **БЫТЬ ЛИБЕРАЛОМ В РОССИИ: О СВОБОДНОМ ОБРАЗЕ МЫШЛЕНИЯ И ЕГО КРИТИКАХ**

Подведение итогов изучения либеральной традиции, заявленное как тема данной конференции, заставляет обратиться к вопросам, которые обычно не ставятся в академической литературе: является ли русский либерализм оригинальным течением мысли и, если да, то в чем состоит эта оригинальность; каково место либерализма в современном обществе и насколько убедительны аргументы его критиков; существует ли преемственность классического либерализма и неолиберализма; с чем связано существование различных оценок исторического места русского либерализма и каков его вклад в динамику социальных изменений; наконец, каков смысл либеральной позиции в современном российском обществе?

Либерализм – это идеология (и учение), отстаивающая свободу индивида правовыми средствами. Классический либерализм XVII - XVIII вв. возник как антитеза феодальным порядкам и стремился создать правовой строй, основой которого стали свобода совести и вероисповедания, экономической конкуренции, равенство всех перед законом, отказ от всех форм насилия и принуждения, как духовного, так и физического, выходящих за рамки необходимой защиты правового строя от его противников. В широком смысле слова либерализм означает свободный образ мышления, научного творчества и деятельности, не скованных традицией, коллективными предрассудками и принудительно-навязанными административными предписаниями. В зависимости от того, какие стороны этой свободы ставятся под угрозу в данном обществе или в определенный период времени – меняется политическая программа либерализма. Наличие этих общих компонентов не исключает, поэтому, вариативности форм проявления либеральной мысли, национальной специфики по регионам, странам и историческим периодам. Поэтому быть либералом в Западной

---

<sup>1</sup> *Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор, ординарный профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

Европе, России, Латинской Америке или Азии – не одно и то же: это значит применять идеологию либерализма в контексте социальных проблем данного общества, с четким представлением о различии между типами обществ и политических систем, например, парламентской демократией или традиционалистским авторитарным режимом.

В связи с этим, сохраняет значение вопрос о соотношении общих идеологических принципов и их национальной интерпретации, имеющий прямое отношение к российскому варианту либерализма – является он простым воспроизводством западных идей или вносит нечто оригинальное в трактовку самих принципов? В литературе выдвинуты полярные позиции. Согласно легкомысленному утверждению И. Берлина: «Россия не внесла в сокровищницу человечества ни одной новой социальной или политической мысли: любую из них легко возвести не просто к западным корням, но к той или иной конкретной доктрине, исповедовавшейся на Западе восемью, десятью, а то и двадцатью годами раньше»<sup>1</sup>. Из этого следует, что русское освободительное движение вообще и либерализм в частности, лишь с опозданием повторяет идеи западных либералов, транслирует их «отраженным светом» и, не находя поддержки в традиционном обществе, вынужден пребывать в исторической изоляции, колеблясь между апатией и революционным протестом. Логичным выводом из этого становится тезис о том, что единственной оригинальной российской идеей выступает враг либерализма – т.н. «правовой нигилизм», т.е. принесение либеральных ценностей в жертву некоему абстрактному идеалу «справедливости». Другая позиция прямо противоположна: «Более пристальное изучение русской мысли», – говорит А. Валицкий, «показывает скорее, что во многих случаях характерная для нее антиправовая настроенность имеет западное происхождение»<sup>2</sup>. Он объясняет этот выбор тремя факторами: формирование русского либерализма пришлось на эпоху переосмысления в Европе результатов Французской революции, критики капитализма, а позднее также осознания растущего конфликта права и политики. Длительная и не очень продуктивная

---

<sup>1</sup> Берлин И. История свободы. Россия. М., 2014. С. 19.

<sup>2</sup> Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012.



дискуссия об особенностях русского мышления, связанная со стремлением отыскать в нем некие исключительные признаки (напр., соотношение понятий «правда» и «истина», «право» и «справедливость» и т.д.), позволяющие будто бы объяснить отторжение либерализма, не привела к однозначным результатам. Скорее, напротив, позволила демифологизировать эти стереотипы, в частности, об особом и уникальном (в мировой истории) отношении русских к этим понятиям<sup>1</sup>. Обращаясь к либерализму за пределами Западной Европы, например, в странах Латинской Америки, нетрудно увидеть сходство интенций, лексики и результатов, а также комбинированный характер интеллектуальных заимствований – как из Европы и США, так и из России<sup>2</sup>. Вопрос об оригинальности и «новизне» интеллектуального течения предполагает выход за рамки европоцентризма и не сводится к реконструкции односторонней филиации идейных влияний. Главными критериями становятся когнитивный (закладывающий информационную основу социального конструирования), институциональный (инфраструктура коммуникаций) и функциональный (характер деятельности)<sup>3</sup>. С этих позиций проблема всего незападного либерализма может быть сформулирована следующим образом: как построить правовое государство в обществе с традиционалистским сознанием и привить либеральные идеи (в ограниченный исторический отрезок времени) там, где они не сформировались эволюционным путем? Это требует особой теории, технологий и методов социального проектирования. Русский либерализм как политическая теория и практика решал именно эти задачи.

Другая сторона проблемы – поставить классическое либеральное наследие в контекст современных общественно-политических дискуссий. В современном обществе изучение либерализма вышло за рамки национальных исследовательских традиций и интегрировано в дебаты о перспективах глобализации и выборе стратегии основных идеологических течений по отношению

---

<sup>1</sup> «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011.

<sup>2</sup> Pineiro Iniguez C. Pensadores Latinoamericanos del Siglo XX. Buenos Aires, Ariel, 2014.

<sup>3</sup> Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.-СПб., 2017.

к ней. Либерализм ассоциируется с программой глобализации – распространением принципов прав человека, толерантности, политкорректности, защитой прав меньшинств и индивида во всемирном масштабе, причем независимо от национальных, религиозных и культурных традиций, состояния дел в экономической, политической и интеллектуальной сферах отдельных регионов и стран<sup>1</sup>. Этот подход возобладал, по крайней мере, в странах «коллективного Запада», с крушением СССР и представлением о неотвратимом повсеместном торжестве либерализма в обозримый исторический промежуток времени. В контексте этих представлений возникла концепция универсальных международных норм о правах человека, реализовался интеграционный проект Европейского Союза, были предприняты усилия по стимулированию смены авторитарных режимов в разных регионах мира. В России либеральная идеология имела доминирующий характер в период формирования основ новой государственности, а ее принципы получили закрепление в Конституции 1993 г., сформировав основы либеральной стратегии переходного периода.

В настоящее время, однако, стал ясен избыточный оптимизм этих представлений, особенно, с точки зрения политической реальности и разновекторных тенденций мирового развития. Общая проблема – кризис завышенных ожиданий, порожденный глобализацией: конфликт национальных и наднациональных структур, выражающийся в более жестком постулировании принципа государственного суверенитета, исчерпание идеи государства всеобщего благоденствия, эрозия привычных форм социализации (размывание среднего класса как основы демократических институтов), ослабление легитимности институтов либеральной демократии (подмена их экспертократией и правлением менеджеров), рост информационного манипулирования. Ценности политкорректности и толерантности, выдвинутые как добровольный выбор (в силу которого индивид самостоятельно выбирает определенный тип поведения), столкнулись со стремлением к их формальному регулированию и жесткому насаждению, не всегда отвечающему традиции и

---

<sup>1</sup> Верховенство права как фактор экономики. М., 2013.

представлениям отдельных обществ и социальных групп о справедливости. Ответом части национальных государств на глобализационный (в либеральном понимании) проект стал правый поворот – рост популизма (как правого, так и левого) и критика либеральной идеологии<sup>1</sup>. Выяснилось, что страны эталонной демократии столкнулись с рядом мощных вызовов, которые элиты не смогли предвидеть или, по крайней мере, были не готовы к ним – Брексит, миграционный кризис, противопоставление рядом государств Центральной и Восточной Европы своей «национальной идентичности» таким ее формам как европейская и глобальная, пересмотр конституций в направлении самоизоляции под видом восстановления «исторической традиции» и «национальной идентичности». Россия по-своему отреагировала на этот «ревизионистский» тренд, выступив с определенной программой пересмотра либеральной версии глобализации, жестко сформулировав концепцию «суверенной демократии», «пределов уступчивости», защиты традиционных ценностей от влияния «западного либерализма». Но она лишь возглавила реставрационно-консервативный импульс, охвативший ряд стран Европы и постсоветского региона, входивших ранее в сферу советского влияния.

Одним из трендов современных дебатов стало противопоставление классического либерализма и т.н. неолиберализма с растущей критикой последнего. Если классический либерализм выражал устремления эпохи Просвещения – стремление формирующегося гражданского общества к преодолению феодальных ограничений в рамках национальных правовых государств, то неолиберализм, по мнению оппонентов (И. Валлерстайн), – выдвигает противоположный принцип: «неолиберальная волна поднялась на глубоко ложной риторике, касающейся глобализации», неолиберализм отрицает важнейшую идею государства благосостояния, а потому его нельзя считать новой разновидностью либерализма – «он перенял лишь название»<sup>2</sup>. Выдвигается понимание неолиберализма как доктрины, претендующей на то, чтобы стать всемирной

---

<sup>1</sup> Популизм как общий вызов. М., 2017.

<sup>2</sup> Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003. С. 134.

идеологией, обосновывающей единую политику реформ поверх национальных границ – он (как полагает У. Бек) «борется за мир без границ» исключительно для утверждения «транснационального капитала»<sup>1</sup>. Свой вклад в эту критику вносит критическая интерпретация постсоветской версии либерализма как «либерального большевизма», подрывающего национальную экономику и культуру во имя продвижения западного мира. В результате либеральных реформ, заявил Дж. Стиглиц, Россия трансформировалась из экономического гиганта в страну-экспортера природных ресурсов, а возникший там «эрзац-капитализм» не обеспечивает стимулов экономического роста<sup>2</sup>. Глобализация по либеральным лекалам, считают эти критики, оказалась выгодна только наиболее развитым странам (для выхода со своим экспортом на новые рынки), но не всем остальным, население которых переживает упадок. Наконец, теория демократического транзита, столь влиятельная в 1990-е гг. как научная и идеологическая концепция, оказалась несостоятельна в силу своей абстрактности, механистичности и телеологического характера. Стало очевидно, что либеральная демократия вовсе не обязательно является единственно возможным результатом переходного периода. На этом пути возможны зигзаги, возвратные движения и воспроизводство авторитаризма в новой форме (напр., т.н. «нелиберальной демократии»). Отметим, что большинство этих критических инвектив адресовано именно неолиберализму, причем в его конкретной форме – идеологии т.н. либертарианства, отличающейся приверженностью рыночному фундаментализму и индивидуализму и ставшей основой социально-экономических реформ неоконсервативных правительств США и Великобритании 70–80-х гг. XX в. В целом, поставлен вопрос – возможно ли преодоление кризиса глобализации в его основных экономических, социальных и политических формах – с позиций либерализма?

Еще более радикальной выглядит критика либерализма в контексте современного российского консервативного тренда и выводы, которые вытекают из нее. Речь идет о возрождении

---

<sup>1</sup> Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 125.

<sup>2</sup> Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 185.

традиционных ценностей, подъеме национального протеста против глобализации и мультикультурализма, отказе от «либеральных западных ценностей», современных форм демократического представительства (вплоть до восстановления сословной организации общества), отрицании форм политической и партийной конкуренции и создании некоего нового (старого) типа государственности, контролирующей нравственное состояние общества с позиций его будто бы неизменных «имманентных моральных ценностей». На этом пути отрицания либерализма смыкаются крайние течения – левые и правые, и обосновывается концепция «левого консерватизма» или «консервативной революции» как выхода из кризиса современных институтов. В целом – представлена идея возврата к советскому наследию как основа антизападного проекта<sup>1</sup>. В области внешней политики те же идеи выражены в новейших призывах к изоляционизму (напр., в воззрениях идеологов Изборского клуба) и отказу от европеизации в стремлении повернуться лицом к Азии (как продемонстрировано в некоторых программных заявлениях на Валдайском клубе). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что данная критика едва ли содержит новые аргументы: все они практически буквально воспроизводят положения консервативных предшественников, заявлявших, что «Россия ничего общего не имеет с Западной Европой»: здесь существует особая система ценностей (православно-государственного единства), управления (основанного на абсолютном слиянии власти и собственности), все реформы, направленные на европеизацию и модернизацию общества (от Петра Великого до Александра II) были, поэтому, обречены на провал, интеллигенция отстаивает исключительно собственные корыстные интересы, а «близорукие либералы» завели государство в тупик, единственным выходом из которого стала «безобразная революция»<sup>2</sup>.

Что ж, сомнения вполне основательные в свете катастрофического коммунистического эксперимента XX в. Это направление критики четко ставит ряд вопросов, на которые

---

<sup>1</sup> См.: По-другому: Сборник статей о традиции и смене идеологического дискурса. М., 2017.

<sup>2</sup> См. напр.: Святополк-Мирский Д.П. Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего? Париж, 1926.

сторонникам либерализма необходимо дать ответ: действительно ли русский либерализм ничего не дал для продвижения русского общества по дороге цивилизационного развития; правда ли, что «неолиберализм» отрицает наследие классического либерализма или речь идет только об одной его версии (ассоциирующейся преимущественно с политикой США); составляет ли существо этого течения насильственное разрушение национальных границ и установление (в схематично-марксистском понимании) неоимпериалистического господства над мировой экономикой, или речь идет о последовательном продвижении либеральных ценностей как таковых (включая свободу рыночной конкуренции в глобальном масштабе, но не сводясь к ней); в какой степени революционные срывы общественного развития связаны с программой либерализма; насколько результаты экономических реформ в постсоветской России объясняются применением идеологии либерализма, а насколько ограниченностью выбора политического инструментария элитой реформ, столкнувшейся с резким и неожиданным крушением советской плановой экономики; вытекает ли из дисфункций либеральной демократии и трудностей ее становления в ряде регионов вывод о ее принципиальной нереализуемости? А главное, следует ли в контексте этой популистской критики полностью отринуть либерализм во имя правых, либо левых призывов, или, напротив, перенастроить данную парадигму, обратившись, в частности, к ее аутентичной классической версии?

Если допустимо методологическое предположение о сходстве современного кризиса правосознания начала XXI в. с тем, который имел место в начале XX в. (поскольку в обоих случаях речь шла о резком изменении системных «правил игры» в мировой политике), то возможно обсуждение общих параметров их преодоления. Ответы на большинство поставленных вопросов были представлены русским либерализмом периода постреволюционной эмиграции. Это наследие имеет значение в силу сочетания ряда обстоятельств, – сочетания, не воспроизводившегося более нигде, но во многом сходного с текущей ситуацией глобализации: с одной стороны, мы имеем дело, безусловно, с представителями классической европейской либеральной традиции, культивировавшейся в России имперского периода XVIII-XIX вв., с другой – с попыткой

радикального переосмысления этой традиции в контексте мировых войн, революций и тоталитаризма XX в. Далее, с одной стороны, речь шла о сохранении национальной правовой традиции российской государственности, с другой – необходимости ее соотнесения с процессами глобализации того времени – интенсификацией взаимодействия культур, всплеском национализма, сецессий, миграционными движениями, вопросами религиозной, культурной и политической идентичности. Наконец, это была ситуация, с одной стороны, глобального кризиса международного права и правосознания, связанная с резким дисбалансом мировой экономики и темпов социального развития, с другой – поиска новых основ поддержания правового государства и конституционализма в условиях резкого перехода к массовому обществу, построенному на принципиально иных формах политического участия, информационного обмена и направленного манипулирования информацией. Стало ясно, что ответы на эти вызовы не могут быть даны с позиций традиционного европоцентризма, цензовой демократии и ограниченного вовлечения масс (преимущественно неграмотных) в политику, но требуют осмысления в контексте того, что получило затем название неолиберализма.

Суммируем ряд основных выводов русского постклассического либерализма, составляющих его вклад в мировую политическую мысль и актуальные дебаты:

Во-первых, концепция кризиса права как конфликта позитивного права и правового идеала, который выражает новые представления общества о социальной справедливости<sup>1</sup>. Данный идеал вовсе не обязательно имеет рациональную природу: скорее он выражает завышенные ожидания от быстрых и во многом раздражающих перемен, утрату доверия к существующим правовым и политическим институтам, стремление к их быстрому и радикальному пересмотру. На этом пути возможно появление ложных идеалов – мобилизационных идеологий, создающих иллюзию решения проблем, способных уничтожить либеральный правовой порядок и повернуть развитие общества вспять («новый

---

<sup>1</sup> См. новый коллективный труд по этой проблеме: Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский. М., 2018.

феодализм»). Задача, следовательно, заключается в том, чтобы противопоставить этим ложным идеалам – подлинные, научный и профессиональный подход к решению проблемы социальной трансформации, реформ права и институтов, в основе которых лежит развитие правосознания и направленная политика права. Эта задача после революции 1917 г. могла быть выполнена только в эмиграции, поскольку в советской России гуманитарная наука стала служанкой коммунистического богословия – «рабой политики»<sup>1</sup>, а серьезные ученые старой школы предпочли скорее «замкнуться в сфере чистой науки, нежели влачить свою музу по трясинам эзопова языка»<sup>2</sup>.

Во-вторых, объяснение срыва либеральных реформ в условиях революционного перехода от традиционного сословного общества к массовому (а затем и сегментированному обществу компаративистского типа). Основные причины таких срывов – популистская реакция неподготовленного традиционалистского (аграрно-сословного) общества на трудности перехода, особенно, если они сопровождаются провалами элиты во внешней и внутренней политике; неготовность политического режима к своевременному и эволюционному продвижению социальных и политических реформ (или их сворачивание в интересах поддержания механического равновесия системы); радикализм интеллигенции, приносящей трудную работу по формированию правового сознания в жертву внешне привлекательным, но бессодержательным и нереализуемым (утопическим) доктринальным принципам. На этом фоне понятны ошибки русских либералов, первыми в Европе столкнувшихся с новым типом радикального мобилизационного антидемократического движения, для преодоления которого у них не хватило ресурсов, времени и политического опыта<sup>3</sup>.

В-третьих, анализ новых форм абсолютного господства, невиданных ранее. Их особенность (по сравнению с историческими формами деспотии) состояла в использовании идеалов свободы,

---

<sup>1</sup> Максимович Е.Ф. Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // Современные записки. 1936. LXII. С. 409-420.

<sup>2</sup> Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России // Современные записки. 1923. XV. С. 388-400.

<sup>3</sup> Этот вопрос подробно рассмотрен в предшествующем томе «Муромцевских чтений», где представлена дискуссия о причинах поражения либерализма в 1917 г.



равенства и демократии во имя полного поглощения индивида государством. Так возникает прообраз тоталитаризма – превращения общества в «животный муравейник»<sup>1</sup>. Советское государство с позиций либерализма предстает как идеальный тип такой неограниченной деспотии – уникальное явление в истории человечества, где характер государственного властвования, основанного на насилии, воплощен в «чистой и идеологически прозрачной форме», а потому его изучение «представляет выдающийся интерес»<sup>2</sup>. Это позволяло выяснить специфику идеократического господства: «новое общество» формируется однопартийным режимом, поскольку «уничтожив все другие партии, большевизм превратился в универсальную партию, в государство»<sup>3</sup>. Важным направлением этих исследований стал юридический анализ советского режима в связи с анализом его реального функционирования<sup>4</sup>. При такой постановке вопроса открывалась перспектива сравнения советского государства с другими авторитарными и корпоративистскими режимами в разных регионах мира, с учетом динамики имитационных и переходных правовых форм – реального, номинального и мнимого конституционализма. Сегодня – это также анализ всего инструментария манипулирования правом и правоприменительной практикой для поддержания авторитаризма.

В-четвертых, разработка концепции правовых реформ в обществах незападного типа. Вклад политической теории русского либерализма безусловно определяется теорией государственной (юридической) школы, предложившей целостную концепцию объяснения взаимодействия общества и государства в русской истории, раскрывшей значение таких факторов как географическая среда (процессы колонизации и борьба «леса со степью»), механизмы сословного регулирования («закрепощение и раскрепощение сословий»), особый тип отношений власти и собственности («служилое государство»), реформ и контрреформ в формировании общества, роли бюрократии в их осуществлении. Русский дореволюционный либерализм действительно делал упор

---

<sup>1</sup> Алексеев Н.Н. Пути и судьбы марксизма. Берлин, 1936.

<sup>2</sup> Он же. Право Советской России. Прага, 1925. Вып. 1. С. 29-52.

<sup>3</sup> Далин Д.Ю. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 7-53.

<sup>4</sup> Тимашев Н.С. Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931.

на государство как главный институт трансформации общества<sup>1</sup> – в этом состояло его принципиальное отличие от западноевропейского (точнее, его доминирующей англо-саксонской версии), настаивавшего на «минимализме государства». Но это было не результатом теоретических искажений, а, в первую очередь, признанием реальности. В этом отношении русский либерализм сходен с немецким и, особенно, испанским, где темы незавершенной секуляризации, индустриализации и демократизации выражались сходным призывом к «европеизации». В эмигрантской политической мысли данная теория получила развитие на более широком материале, охватив фактически все внеевропейские цивилизации, как исторические, так и современные. Известный спор евразийской и западнической школ, несмотря на его политическую направленность, стимулировал выход за рамки европоцентризма, позволяя обсуждать критерии сопоставимости институтов разных регионов мира, в частности, обществ незападного типа, где развитие опирается на преобладающую роль государства. Подобные «революции сверху», осуществляемые в России примерно раз в полстолетия, вовсе не уникальны: они предстают как выражение особой стратегии развития в странах, где государство в силу слабости общества, вынуждено время от времени брать на себя задачи перестройки институтов и форм социализации (это состояние общества лучше всего передается понятием «направляемая демократия»).

В-пятых, решение проблемы соотношения институциональных заимствований и содержательных внутренних преобразований. В этом контексте представлен пересмотр имперского периода русской истории, который противопоставлялся советскому как эпоха постепенного, но неуклонного развития европеизации и становления гражданского общества. Начало этому процессу, следуя Е.Ф. Шмурло, положили реформы Петра Великого, заложившего основы веротерпимости, прав личности, гражданской ответственности, законности, просвещения и знания, т.е. всего того, что было утрачено после большевистской революции<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. Париж, 1980.

<sup>2</sup> Шмурло Е.Ф. Петр Великий и его наследие. Речь в торжественном собрании 8 февраля 1925 г. по случаю 200-летия со дня смерти императора Петра Великого. Прага, 1925.

П.Н. Милюков, ранее критически оценивавший реформы Петра, коренным образом пересмотрел свои позиции: он констатировал, что петровская «революция» есть «водораздел в русской истории» (сыграв роль Возрождения и Реформации на Западе). Она открыла период веротерпимости и просвещения; преодолела «состояние полной изоляции России», наметив сближение России с Западной Европой; ее неизбежные издержки объяснялись стремлением «наверстать потерянное время», а потому в ней «все было оправдано последующим ходом истории». «Реформа Петра удалась, – заключал он, – и ее удача показывает, что дело тут было не в простом заимствовании извне, а в могучем импульсе к развитию внутреннего процесса». Эти выводы обосновывали европейский путь России, служили доказательством ее «неазиатской» природы и противостояли «новоявленному русскому обскурантизму»<sup>1</sup>. Так закладывались основы концепции, получившей позднее название «модернизации» (формирование которой проходило при деятельном участии представителей эмигрантской науки).

В-шестых, решение вопроса о соотношении внутренней и внешней политики России с позиций ее европейской идентичности. Известно, что националистическая риторика, как и обвинения русских либералов в империализме, были чрезвычайно характерны для эпохи Первой мировой войны, став аргументом левых партий, особенно, большевиков, в ходе захвата власти. Однако, во-первых, эта риторика является неотъемлемой частью классического либерализма всех европейских империй; во-вторых, ее подъем характерен для всех воюющих стран (в ряде которых он достигал гораздо более высокого уровня эмоционального накала, чем в России); в-третьих, с позиций либерализма предполагается разрешение конфликтов в рамках международно-правовых договоренностей, закладывающих основу последующей стабильности. «Имперское сознание», – констатировали либеральные аналитики, – вовсе не константа русской истории: следует различать советский (идеологический) экспансионизм от политики российского государства. Это государство, конечно,

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Петр Великий и его реформа // На чужой стороне. Прага. 1925. № 10. С. 5-28.

преследовало национальные интересы, но (в отличие, напр., от Британской империи) не ставило задачей империалистическое господство как таковое. С этих позиций подвергался критике известный (и распространенный ныне) тезис о «врожденном русском империализме». Как утверждал М.М. Карпович (на пике холодной войны), вообще империализм (включая сюда мессианский панславизм) «остаётся чужд большинству русской культурной элиты новейшего времени». Доказательством отсутствия «имперского сознания» в русском обществе и интеллигенции в России (в отличие от стран Запада) служит то, что в России «не удалось создать либерально-националистического течения»<sup>1</sup>. Современные дебаты о «национальном либерализме» в России, спровоцированные конфликтом на Украине 2014 г., интересны тем, что говорят о нем не столько как о существующем течении (для которого требуется, как минимум, завершение формирования «гражданской нации»), сколько как о потенциально возможном.

В-седьмых, отказ от исторического детерминизма (в культурной, экономической или националистической формах) и принятие идеи вариативности исторического процесса, результаты которого определяются не только общими социальными процессами, но готовностью общества и элиты к переменам на переломных этапах истории. Так, русский абсолютизм пал в силу неспособности «внять зову и духу времени», такого отставания от «темпа жизни», в силу которого утратил «способность учитывать вес и значение событий»<sup>2</sup>. Советский режим, как предполагалось, ждет та же участь в силу отсутствия внутренних стимулов к развитию. Дискуссия о возможных путях преодоления советского режима длительное время ориентировалась на опыт Французской революции (диктатура как форма постреволюционной стабилизации), но, в конечном счете, завершилась прогнозом о возможности новой и нетипичной формы перехода: «Советская система, – констатировал Н. Рязановский в 1960-е гг., – вряд ли не изменится, вряд ли изменится эволюционным путем, вряд ли будет

---

<sup>1</sup> Карпович М.М. Русский империализм или коммунистическая агрессия? // Новый журнал. 1951. XXV. С. 243-263.

<sup>2</sup> Вишняк М.В. Падение русского абсолютизма // Современные записки. 1924. С. 231-264.

свергнута в результате революции. История, будьте уверены, найдет путь, посрамив историков»<sup>1</sup>. Пожалуй, это наиболее точный прогноз крушения советского режима в ходе Перестройки, которая, действительно, больше походила на реформацию, нежели на реформу или революцию. Подобная вариативность политических преобразований, комбинирующая элементы типичных исторических форм прошлого, конечно, не исключена в будущем.

Современный образ либерализма в русском общественном сознании далек от стабильности и представляет результирующую исследовательских стратегий, заданных идеологическими приоритетами предшествующих этапов его развития, функционирования и осмысления. Следует выделить, во-первых, позиционирование данного течения его представителями и идеологами в момент создания и формирования в имперский период – от реформ Петра Великого и первых проектов XVIII в. до Октября 1917 г.: его социальная функция определялась задачами европеизации, продвижения либеральных реформ в условиях самодержавия и стимулирования последнего к их проведению (за отсутствием других инструментов реализации данной программы в традиционном аграрном обществе). Во-вторых, переосмысление всей либеральной программтики в эмиграции, связанное с крушением либерального проекта общественного переустройства по итогам революций начала XX в. и установления большевистской диктатуры – период, функция которого может быть определена как необходимый ретроспективный анализ – своеобразная работа «над ошибками», результатом которой стал постклассический вариант русского либерализма, внесший фундаментальный вклад в объяснение логики мирового исторического процесса, в частности, обществ незападного типа развития, начавших осмысление своей идентичности после русской революции. В-третьих, критический анализ либеральной традиции в период холодной войны, который преследовал вполне прагматическую цель – определить устойчивость Советской системы и перспективы ее трансформации: с одной стороны, предельно негативная советская интерпретация либерализма как враждебного, идеологически

---

<sup>1</sup> Riasanovsky N.V. A History of Russia. N.-Y., 1963. P. 641. Цит. по изд.: История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. Т. III. М., 2006. С. 451.

чуждого явления, упоминания о котором должны были лишь оттенить правильность стратегического выбора большевизма; с другой, позитивная, но (за отдельными исключениями) окрашенная ностальгически-пренебрежительным отношением западная интерпретация данного феномена как понятного, хотя и неукоренившегося, поверхностного явления, транслирующего западные ценности в чужеродной социальной среде, не способной воспринять их. В-четвертых, «романтическая» интерпретация либерализма периода крушения советского строя и формирования постсоветской государственности, связанная с решением задач переходного периода: в ее основу была положена не классическая русская либеральная традиция, оказавшаяся эффективно удаленной из общественного сознания в советский период, но та версия экономического неолиберализма, которая получила распространение в США и Западной Европе в 70-е гг. XX в. («Чикагская школа»), действительно обеспечив там технологический рывок к обществу благосостояния. Нет спору, что она предлагала ряд рецептов выхода из тупика советской плановой экономики. Вопрос в эффективности этих рекомендаций в ситуации тотального монополизма и бюрократизации всех проявлений общественной инициативы. В-пятых, корректировка представлений о либеральной модели в постсоветский период, связанная с трудностями и издержками рыночных реформ, осознанием системных особенностей постсоветского общества и обращением к долговременным трендам российской истории нового и новейшего времени. В этом контексте оказались востребованными исследования дореволюционного либерализма – от осторожного интереса к данной проблематике в позднесоветский период – к ее интенсивной разработке на современном этапе.

Сочетание этих пяти стратегий интерпретации либерализма до сих пор не завершилось их синтезом – созданием целостного образа русского либерализма в общественном сознании, которое по-прежнему мечется между различными семантическими и политическими трактовками данного феномена, особенно, с учетом широкого спектра его вполне конъюнктурных трактовок. Если для одних либерализм есть идеология демократического процесса, то для других – неорганичное (заимствованное с Запада) течение мысли, которое, к тому же, объявляется ответственным за

катастрофу Российской империи и распад СССР. Если одни понимают либерализм как научную теорию, имеющую четкое концептуальное ядро, то другие – скорее как совокупность достаточно размытых культурных стереотипов, определяющих социальное поведение части общества (интересно появление понятия «неполитического либерализма», раскрыть которое стремятся на материале литературной классики, в силу жанровых особенностей отражающей, впрочем, не столько норму, сколько патологии социального развития)<sup>1</sup>. Либерализм ассоциируется одними с освободительным движением в царской России, другими – с практикой экономических реформ постсоветского периода, издержки которых возлагаются на либералов-реформаторов 90-х гг. XX в. Этот последний вектор интерпретации доминирует в официальной риторике, подкрепляемой псевдолиберальным китчем – насаждаемым образом либерала, готового отвергнуть патриотизм (в виде достойного ответа на западные санкции) ради поддержания собственного благополучия – высокой моды, устриц и сигар. Наконец, одни готовы к профессиональному обсуждению вклада русского исторического либерализма в политическую культуру современного общества, другие – нет, предпочитая воспроизводить упрощенные (и во многом карикатурные) штампы о маргинальности русского либерализма, транслируемые в современных СМИ.

В современной общественно-политической дискуссии принципиальную роль играет факт поражения русского либерализма в ходе революции 1917 г., рассматривающийся критиками едва ли не как окончательный приговор ему. Выдвинутый нами тезис о «вынужденных ошибках» либералов в русской революции был истолкован как признание несостоятельности концепции вариативности революционных процессов и возможности их иного исхода<sup>2</sup>. Отметим, что понятие «вынужденности» в нашей интерпретации есть переменная, зависящая от объема информации, которым располагает социальное движение или его лидеры: ее степень определяется, следовательно, не механическим детерминизмом в принятии решений, а способностью их корректировки в зависимости от

---

<sup>1</sup> Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М., 2012.

<sup>2</sup> Клямкин И. Какая дорога ведет к праву? М., 2018. С. 247-250.

степени понимания ситуации и оценки рисков. Вариативность (если понимать ее как выбор, связанный с объемом используемого информационного ресурса), на наш взгляд, как раз и предполагает вынужденные ошибки. Если деятель X использует информационный ресурс A, а деятель Y использует ресурс B, то можно предположить появление деятеля Z, который располагает комбинированным ресурсом (A+B). Это значит, что он может предложить решение, которого не могут предложить по отдельности X и Y. Границы выбора (степень его свободы или, напротив, его «вынужденность») есть функция от объема информации, в данном случае – наличия или отсутствия знаний, исторического опыта и технологий преодоления политических кризисов в пользу либерализма. В этом смысле, «вынужденные» ошибки либералов в России 1917 г. перестают быть таковыми при разрешении подобных кризисов в иной когнитивно-информационной парадигме – с использованием другого информационного ресурса, в других условиях, странах, периоды времени или набора руководящих деятелей.

Интерес к либерализму в современном российском обществе (в отличие от эпохи Перестройки и реформ 1990-х гг.) едва ли выходит за академические рамки. В современной историографии решены вопросы эвристического характера: реконструированы основные идейные истоки, программные документы, политические партии, взгляды лидеров русского либерализма, представлены фундаментальные публикации документов либерального движения, труды его идеологов (в т.ч. эмигрантского периода), монографии об эволюции философских, политических и конституционных взглядов либеральных мыслителей и их роли в борьбе за правовое государство в России<sup>1</sup>. «Муромцевские чтения» сыграли в этом очень важную роль. Дело, следовательно, не в недостаточной исследованности вопроса: в обозримой перспективе вряд ли получим результаты, принципиально меняющие сложившуюся картину.

---

<sup>1</sup> Результаты этих исследований отражены в энциклопедических изданиях: *Общественная мысль России XVIII - начала XX вв.* М., 2005; *Общественная мысль русского зарубежья.* М., 2009; *Российский либерализм середины XVIII - начала XX века.* М., 2010.



Проблема – в том, что эти исследования до сих пор не переведены в систему рекомендаций, принятых обществом и политической элитой как руководство к действию. Если суммировать причины этого, то они схематично сводятся к следующим: апатия постсоветского общества (и невосприимчивость к рекомендациям научного сообщества); отсутствие в нем полноценной политической конкуренции (заставляющей критически взвешивать аргументы в межпартийном споре); возобладавший запрос на стабильность (как системная реакция на распад государства дважды в течение XX в.); доминирование консервативно-авторитарного тренда в информационной и политической повестке. Эти факторы, дополняемые официальной трактовкой либерализма (как правило, отождествляемого с неолиберализмом в его либертарианской версии) как потенциально деструктивного течения, возможно, достигают цели поддержания лояльности общества к власти в краткосрочной перспективе. Но они (как показывает исторический опыт) не могут обеспечить устойчивого демократического развития в длительной перспективе, ведут к стагнации общественного развития, лишая политическую систему гибкости перед лицом внешних и внутренних вызовов.

Итак, смысл либеральной позиции в современном российском обществе очевиден: он вытекает из представления об обществе как сложной саморегулирующейся системе, вмешательство в которую извне (напр., со стороны национального государства или внешних сил) может быть оправданно лишь для установления четких правовых правил функционирования норм, институтов и социальных практик, направленных на раскрытие потенциала свободы общественных инициатив и творческой энергии личности. Это вмешательство может быть большим (там, где эти нормы, институты и практики находятся на стадии формирования) или меньшим (там, где они существуют и дело идет о поддержании их бесперебойного функционирования). Граница между этими двумя состояниями общества достаточно четко фиксирует задачи государства в процессе социальных изменений, проводя водораздел между двумя идеальными типами либерализма – условно «западным» и «незападным».

Задачи либерализма везде остаются сходными – создание условий для устойчивого демократического развития (секуляризация, преодоление экономического, социального и политического монополизма, обеспечение равенства перед законом и защита прав личности), но шкала приоритетов (в т.ч. в трактовке принципов плюрализма, демократии и защиты отдельных прав), внешнеполитическая доктрина (представления о государственных интересах и необходимых для этого союзах), тактика и инструменты достижения этих задач могут (и должны) быть различны с учетом различий между развитым гражданским обществом и отстающим в развитии, между стабильной политической демократией и той, которая только начинает преодолевать тоталитаризм, между странами, уже прошедшими весь цикл модернизационных реформ и теми, которые не завершили его, но вынуждены сделать это в ограниченный промежуток времени, заимствуя институты и добиваясь их адекватного функционирования.

В условиях глобализации эта схема нуждается в корректировках, связанных с выходом общества за рамки европоцентризма (полноценным включением в игру новых регионов мира, ранее существовавших на периферии исторического развития), изменением структуры информационного ресурса (возможность непосредственного обмена информацией, минуя все стадии ее постепенного исторического освоения в режиме догоняющего развития), формированием мирового гражданского общества. Здесь необходима особая концепция и стратегия преобразований, связанных, с одной стороны, с созданием равноправных условий интернационального диалога и закреплением общих ценностей и критериев оценки их реализации; с другой – преодолением национального и культурного изоляционизма (устойчивых социальных и когнитивных стереотипов в данном обществе), с третьей – продвижением новых ценностей, институтов и практик правового регулирования. Контуры именно такой концепции были предложены российским историческим либерализмом рубежа XIX-XX вв. и она вполне адекватна задачам XXI в.

Это делает оправданным вывод о существовании единой российской либеральной традиции, преемственности между

классическим либерализмом и современным – они сходны в теоретических основах и целях, но различны в способах и тактических методах их достижения в принципиально разных социальных условиях. По результатам этого анализа предлагаем ввести для их обозначения два новых понятия – «исторический либерализм» (охватывающий имперский период) и «актуальный либерализм» – его современная версия, основанная на научной адаптации классического наследия к решению задач современного общества. Неизбежное осознание российским гражданским обществом своих интересов (как автономных по отношению к государственной власти) делает актуальным запрос на перемены, а, значит, необходимой программу фундаментальных либеральных преобразований, опирающуюся на свободный образ мышления.

**А.С. Туманова<sup>1</sup>**

## **ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ<sup>2</sup>**

Постсоветский период обогатил российское обществоведение концептом гражданского общества. Само по себе его появление стало возможно в результате трансформации советского общества в постсоветское, сопровождавшейся кардинальным пересмотром традиционных институтов и ценностей. В экономической сфере происходила замена плановой командной экономики рыночным хозяйством, в политической сфере на смену однопартийной политической системе пришла многопартийность, модернизация

---

<sup>1</sup> Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических и юридических наук, профессор, профессор Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

<sup>2</sup> Подготовка данной публикации была осуществлена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках Программы фундаментальных исследований, проект «Адаптация современных подходов к менеджменту НКО и повышение эффективности развития третьего сектора в России» в 2018 г.

правовой жизни выразилась в замене социалистического общенародного государства государством, признавшим права и свободы человека и гражданина высшей ценностью.

В 1990-е гг. понятие «гражданское общество» все шире и активнее входит в исследовательское поле общественных наук<sup>1</sup>. На проходившем в ноябре 2001 г. в Кремле Гражданском форуме и представители власти, и общественные деятели рассуждали о захлестнувшей российское общество самоорганизации и о задачах государства в этой связи. В 2000-е гг. российские обществоведы вели полемику по поводу понятия гражданского общества, его характеристик и ценностного наполнения, соотнесения с политическим обществом и с государством<sup>2</sup>.

В фокус исследований попала и история гражданского общества. Однако вопрос о времени появления гражданского общества в России и специфике его развития является мировоззренческим в основе своей. Он тесно связан с представлениями о содержании понятия «гражданское общество», а также с определением сущности самодержавного строя, в условиях которого институты гражданского общества формировались.

В центре внимания автора статьи находятся ключевые подходы к изучению гражданского общества, существующие в современных гуманитарных науках, прежде всего, в исторической науке. Поскольку в последние десятилетия появилось существенное число работ по данной теме, а объем статьи не позволяет описать всего этого многообразия, автор ограничится исследованиями, представляющимися ему основополагающими.

---

<sup>1</sup> См, например: Ступишин В. Гражданское общество и демократическое государство // *Общественные науки и современность*. 1990. № 1. С. 87-95; Одинцова А.В. Гражданское общество: взгляд экономиста // *Государство и право*. 1992. № 8; Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // *Социс*. 1997. № 1; Гражданское общество в России: западная парадигма и российская действительность. М., 1996 и др.

<sup>2</sup> Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // *Вопросы философии*. 2002. № 1. С. 3-51; Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 95-103; Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // *Вопросы философии*. 2009. № 6. С. 12-32.

Российскими учеными до сих пор не выработано единого подхода к трактовке гражданского общества. Ряд исследователей подразумевают под ним индустриальное общество, достигшее определенного уровня социально-экономического и культурного развития (рыночная экономика, демократия, признание прав человека и т.д.). Другие рассматривают гражданское общество как часть социума, сферу между индивидом и государством, противостоящую государству. Гражданское общество предстает в этой интерпретации как система горизонтальных связей и отношений, охватывающая собой значительную часть населения и существующая вне властной вертикали. Философ В.М. Межуев, к примеру, понимает под гражданским обществом совместные (коллективные) действия людей в сфере их публичной жизни, которая перестает быть монополией властных элит<sup>1</sup>. Существует также взгляд на гражданское общество как на частную, неполитическую сферу социума, в которой происходит институционализация граждан посредством создаваемых ими ассоциаций.

В условиях плюрализма подходов к гражданскому обществу вновь оказываются востребованными концепции и определения, созданные ведущими западными теоретиками. У истоков современных представлений о гражданском обществе стоит французский аристократ, социолог и историк первой половины XIX столетия Алексис де Токвиль. Посетивший Соединенные Штаты Америки в 1830-е гг., Токвиль пришел к выводу, что США продвинулись в развитии гражданского общества существенно далее других стран. Америка переживала тогда «эру ассоциаций», они возникали там тысячами и формировали своеобразный этос. Создавая ассоциации, американцы, по словам Токвиля, брали ответственность за свою жизнь и работали во имя общего блага. В классическом труде «Демократия в Америке» (1835-1840 гг.) ученый постулировал, что стержневым институтом гражданского общества служат добровольные ассоциации, способные разрешать проблемы, с которыми не в силах справиться государственные институты, и защищавшие граждан от возможной тирании

---

<sup>1</sup> Межуев В.М. Гражданское общество и современная Россия // Человек и культура в становлении гражданского общества в России. М., 2008. С. 6.

большинства. По мере того, как «свободная сфера общественной жизни» наполнялась ассоциациями, государству, согласно Токвилю, ничего не оставалось, как отстраниться от многих функций, которые оно выполняло<sup>1</sup>.

Описанные Токвилем процессы легли в основание теории публичной сферы, созданной немецким философом Юргеном Хабермасом в 1962 г. и ставшей ключевой для объяснительных моделей формирования гражданского общества. В фундаментальной работе о структурной трансформации публичной сферы Хабермас рассмотрел развитие политико-философских идей и институтов общественности в буржуазную эпоху (XVIII–XIX вв.) и выделил несколько ключевых форм, в которых нашло выражение становление общественности. В их числе были кофейни, читательские и дискуссионные кружки, клубы и др. Распространение газет и журналов привело, по мнению Хабермаса, к политизации общественности, к появлению у нее претензии на участие в политической жизни и в государственном управлении. Выход политически активной общественности на арену истории был связан с созданием представительного органа власти. Суть процесса, в понимании Хабермаса, состояла в переходе публики с ее растущими частными интересами в новое качество, от контрагента власти в ее полноправного партнера-оппонента, научавшегося действовать активно и превращавшегося в политического субъекта. В ядро слоя «публики» Хабермас включил буржуа, а также должностных лиц общественного управления: в континентальной части Европы с ее традицией рецепции римского права и правовой доктрины как способа рационализации общественных отношений это были, прежде всего, юристы. Наряду с ними к публике причислялись врачи, приходские священники, офицеры, профессора, а также школьные учителя и писари<sup>2</sup>.

Гражданское общество трактуется Хабермасом как сфера между личностью и государством, где осуществляется их коммуникация, а также как зона частной автономии, создаваемой частным правом и либеральным рынком. Ядром гражданского общества немецкий ученый признает добровольные ассоциации,

---

<sup>1</sup> Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

<sup>2</sup> Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989. P. 27-73.

находящиеся вне государства и экономики, которые дают гражданам возможность управлять самостоятельно и формировать мнения, действовать в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале. Хабермас характеризует ассоциации как «центры кристаллизации автономной публичности»<sup>1</sup>. К ним он причисляет церкви, культурные союзы и академии, независимые СМИ, спортивные и дискуссионные клубы, группы для общего проведения досуга, гражданские инициативы и форумы, а также профессиональные объединения. Добровольные ассоциации служили антитезой королевскому абсолютизму и патриархальному укладу жизни, играли определяющую роль в создании новой (буржуазной) публичной сферы, в рамках которой частные лица собирались вместе, чтобы публично обмениваться мнениями и становиться публичными людьми, создавать общественность<sup>2</sup>.

Наряду с укоренившимися в науке классическими подходами к гражданскому обществу, существуют и постклассические подходы и определения. Современный немецкий историк Штефан-Людвиг Хоффманн предпринял, к примеру, попытку препарировать процессы гражданской самоорганизации с позиций категорий «социальное общение» и «демократия». Отталкиваясь от концепций гражданского общества Токвиля и Хабермаса и разделяя их мнение о ключевой роли ассоциаций в создании публичного пространства, Хоффманн сосредоточивает свое внимание на ассоциативной культуре, в частности, на такой ее характеристике, как социальное общение, а также на его социальных, нравственных и политических последствиях. Под социальным общением он понимает присущие добровольным ассоциациям практики: формализованные правила (процедуру приема, уставы и т.п.), принципиальное равенство членов, автономные цели (совершенствование нравов и пр.) и добровольность объединения. Акцент на практиках ассоциаций позволяет, по словам Хоффмана, сделать более обозримым поле исследования и частично исключить из него неформальную

---

<sup>1</sup> Хабермас Ю. Предисловие к переизданию 1990 года // Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 41-42.

<sup>2</sup> Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. P. 27-31.

общественность (аристократические салоны, буржуазные семьи, чайные, создание национальных памятников и пр.)<sup>1</sup>.

Используя парные понятия «демократия» и «социальное общение», Хоффман характеризует противоречия в функционировании ассоциаций в течение «долгого» XIX в., от позднего Просвещения до Первой мировой войны, а также воссоздает историю их успеха в указанный период, что лишний раз доказывает, по его словам, существование связи между социальным общением и демократией<sup>2</sup>. В фокусе исследования оказывается сравнительная история общественности, воплощенная в социальных практиках функционирования ассоциаций различных стран и регионов, от США до европейских государств (Британская империя, Франция, немецкие государства, включая Австро-Венгрию, Российская империя). Характеризуя существующие сегодня тенденции исследования общественных ассоциаций, Хоффман указывает, что если ранее импульсы для историографии социального общения исходили от социологии и антропологии, то теперь законодателем умов служит политическая теория либерализма. Он справедливо замечает, что история ассоциаций тождественна истории либерализма, поскольку в эпоху, когда большинство стран на европейском континенте существовало в форме конституционных монархий, ассоциации действовали как школа демократии<sup>3</sup>.

Продуктивным направлением современных исследований гражданского общества следует признать попытку рассмотреть этот процесс сквозь призму формирования гражданской идентичности. Такая постановка проблемы была предпринята в коллективной монографии под редакцией Б. Пиетров-Энкер и Г.Н. Ульяновой<sup>4</sup>, а также в сборнике статей под редакцией Н.А. Проскуряковой<sup>5</sup>. Данные работы выполнены при участии как российских, так и

---

<sup>1</sup> Хоффманн Ш.Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750-1914. М., 2017. С. 10, 20, 21.

<sup>2</sup> Там же. С. 142.

<sup>3</sup> Там же. С. 130.

<sup>4</sup> Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX-начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетров-Энкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007.

<sup>5</sup> Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX века: Сб. статей / отв. ред. Н.А. Проскурякова. М., 2013.



зарубежных авторов, известных специалистов по интересующей нас проблематике. Они содержат обзор современных теорий идентичности, а также эмпирические исследования социальных представлений, практик, коллективных и персональных идентичностей представителей интеллектуальных профессий (учителей, профессуры, адвокатуры и др.), сложившихся на рубеже XIX-XX столетий. Исследуемые идентичности, практики и представления анализируются на предмет соответствия идеальным моделям гражданства и гражданского общества, а также с позиций смыслового содержания, которое вкладывалось в них современниками.

Исследования гражданского общества с позиций гражданской идентичности тесно связаны с исследованиями истории российской общественности, являвшейся носителем гражданской культуры. Под общественностью понимается образованная часть общества, мыслящая категориями общественного блага и воплощающая свою идентичность в различных объединениях.

В России начала XX в. понятие «общественность» обозначало «образованное общество», а также общественную сферу в целом, мотивированную на достижение общественного блага. Изучившая практику употребления термина «общественность» в текстах второй половины XIX – начала XX в. О.Ю. Малинова отмечает, что последний ассоциируется с общественной жизнью и характерными для нее практиками, а также с общественным мнением и критически настроенной читающей публикой. Данное понятие, как отмечает Малинова, употреблялось в значении активной силы, противостоявшей правительству/власти<sup>1</sup>.

Авторам вышедшего в США в 1991 г. сборника «Между царем и народом» термин «общественность» представлялся категорией, близкой к понятиям «среднее сословие» и «буржуазия», используемой для обозначения готовности действовать ради всеобщего блага и прогресса, а не для реализации узких задач

---

<sup>1</sup> Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX-начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012. С. 443, 445, 462.

какого-либо определенного класса<sup>1</sup>. В работах 2000-х гг. общественность уже, как правило, не отождествляется с буржуазией, поскольку носителем ценностей гражданского общества в России, воссоздававшихся добровольными ассоциациями, являлся не только и не столько средний класс, сколько либеральные землевладельцы, дворянская и разночинная интеллигенция, правительственные чиновники и др.<sup>2</sup> Институциональный характер придал данному понятию Манфред Хильдермайер, обозначив «общественность» как «самостоятельно развивающуюся, публичную, не требующую самоотверженности (политической активности – А.Т.), но и не эгоистическую деятельность в различных объединениях, без которой невозможно гражданское общество»<sup>3</sup>. Б.Н. Миронов понимает под «общественностью» прежде всего образованную и социально активную часть населения, к которой относит дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного класса<sup>4</sup>. Немецкий историк Л. Хэфнер трактует «общественность» как обладателей имущества и образования, а в широком смысле, как специфическую форму социума, границы которого заданы такими институциями, как салоны, ассоциации, городские думы. Основываясь на подсчетах численности членов общественных организаций городов Саратова и Казани, он утверждает, что в начале XX в. доля общественности не превышала 1,5-2% в массе городского населения (с учетом их жен и детей – 2-3%), насчитывая в Казани и Саратове максимально 2-3 тыс. человек мужского пола. Для сравнения: число немецких буржуа равнялось 5-15% населения<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Clowes E. W., Kassow S.D., West J.L. (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991.

<sup>2</sup> Bradley J. *Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia* // *American Historical Review*. Vol. 107. No. 4. October 2002. P. 1100.

<sup>3</sup> Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // *Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича*. СПб., 2003. С. 218.

<sup>4</sup> Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Т. 2. СПб., 2000. С. 210-211.

<sup>5</sup> Хэфнер Л. *Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России* // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 187, 199, 201-202.

Примером институционального подхода к проблеме становления в России гражданского общества явилась монография «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв.», изданная под нашей редакцией в 2011 г.<sup>1</sup> Ее авторами явились видные российские историки А.Д. Степанский, И.С. Розенталь, В.Я. Гросул, А.Е. Иванов, Д.И. Раскин, американский историк Дж. Брэдли и др. Именно общественные организации, их различные виды и категории, явились предметом рассмотрения в книге. Становление и развитие общественных организаций впервые прослежено на протяжении всего имперского периода с последней трети XVIII в. и до начала XX в. Авторами рассмотрены основные этапы формирования общественности, охарактеризованы социокультурные и правовые основы общественной самоорганизации, факторы ее активизации в годы Великих реформ и конституционных преобразований начала XX в., показано развитие культуры общественной самоорганизации как специфического вида культуры общества, представлена типология добровольных организаций. Рассмотрена история формирования, развития и итоги деятельности наиболее ярких и представительных групп общественных организаций имперской России: клубов, благотворительных, просветительных, сельскохозяйственных, учительских, литературно-художественных, женских, досуговых, вероисповедных и национальных. Общественные организации трактуются как институциональный стержень для создания в императорской России публичной сферы и формирования гражданского общества.

Авторами были выработаны основные критерии, которые, по их мнению, позволяют судить о качественном состоянии общественной самоорганизации в различные периоды существования Российской империи. Во-первых, это наличие институционального каркаса в виде оформившейся системы добровольных ассоциаций, отражавших разнообразие интересов и потребностей групп русского общества, сформированные ими ценности. Во-вторых, складывание правовой основы для самоорганизации, регулирование различных сторон жизнедеятельности обществ действующим

---

<sup>1</sup> Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX веков / отв. редактор А.С. Туманова. М., 2011.

законодательством, а также рождение доверия к праву как к регулятору взаимоотношений между властью и обществом. Третий существенный аспект самоорганизации – идеологический – предполагал бытование в обществе идеологии, признававшей значимость объединения людей как важного фактора развития социума, способа разрешения назревших проблем населения, реализации его прав и свобод. Четвертый – практический (деятельностный) аспект – включал наличие у самодеятельных объединений успехов в достижении декларируемых ими задач. Все вышеперечисленные факторы были рассмотрены в совокупности, а также в динамике. Анализируя каждый из них, исследователи констатировали определенный прогресс от царствования к царствованию (хотя и отметили цикличность общественного развития), считая периодом наивысшего формирования общественной инициативы монархию Николая II. В начале XX в. в России активно происходил процесс разложения сословного общества, и общественное положение подданного все меньше определялось его сословным статусом и все больше – его профессиональной принадлежностью и активной гражданской позицией.

Автор первой главы В.Я. Гросул, характеризуя русское общество XVIII-XIX вв., приходит к выводу о возрастании роли общественной инициативы и о превращении общественных организаций к концу XIX в. в заметную силу, в той или иной степени независимую от власти и даже ей порой противостоящую. Недоверие власти к общественной инициативе, а зачастую и противодействие ей сдерживали, по его мнению, ее развитие в начале XX в.<sup>1</sup>

И.С. Розенталь в разделе, посвященной клубам императорского России<sup>2</sup>, рассматривает возникновение и развитие клубов как важную составную часть институционализации сферы досуга жителей городов, в которую с течением времени включались все новые общественные слои. Подчеркивая значение клубов для российского общества и для публичной власти, Розенталь изучает

---

<sup>1</sup> Самоорганизация российской общественности. С. 165.

<sup>2</sup> Данный раздел является сокращенной версией его монографии. См.: Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007.

их роль в формировании общественного мнения, их участие в создании элит и элитарного образа жизни и, в конечном счете, в сплочении вокруг клубов интеллигенции. Анализируя роль и значение российских клубов, он признает существование в России начала прошлого века ростков гражданского общества, уничтоженных после 1917 г.<sup>1</sup> По мнению Розенталя, высказанному в его более ранней работе, в России в начале XX в. складывались самоорганизующиеся институты, необходимые для выражения и реализации интересов граждан, к числу которых относились, в первую очередь, добровольные общества и союзы. Увеличение их количества, расширение круга участников свидетельствовало о дифференциации потребностей, усвоении идеи самоценности личности, осознании права на выбор форм взаимного сотрудничества – помимо сословных и иных градаций, установленных государством<sup>2</sup>.

Монография базируется на исследовательских наработках предшественников, прежде всего историка общественных организаций А.Д. Степанского<sup>3</sup>, памяти которого она посвящена. В разработке данной темы доктор исторических наук, профессор РГГУ Степанский являлся, в полном смысле, первопроходцем. Именно он составил первую современную типологию российских обществ, дал периодизацию основных этапов их развития, начиная с последней четверти XVIII в. и заканчивая рубежом XIX-XX вв., проанализировал причины их возникновения и охарактеризовал основные принципы деятельности, осмыслил феномен добровольных ассоциаций как составной части политической организации общества.

Приведенный обзор историографических подходов к проблеме гражданского общества позволяет говорить о ее известной дискуссионности и о неразрешенности ряда важных вопросов. Во-

---

<sup>1</sup> Самоорганизация российской общественности. С. 431.

<sup>2</sup> Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 204.

<sup>3</sup> Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; Он же. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. М., 1980; Он же. Общественные организации в России на рубеже XIX-XX веков. М., 1982; Он же. Легальные общественные организации в политической системе царской России // Общественные организации в политической системе 1917-1918 годов. М., 1991 и др.

первых, как можно оценить состояние общества позднеимперской России, достигло ли оно качества гражданского общества и насколько далеко продвинулось в этом направлении в предреволюционный период? Во-вторых, как складывались взаимоотношения институтов гражданского общества и публичной власти на различных этапах становления общественности, препятствовала ли власть формированию общественных институтов либо же соучаствовала в этом процессе?

Концентрированное выражение этой дискуссии можно увидеть в суждениях западных русистов. Историки Л. Хэфнер, Э. Кимбелл, Дж. Хатчинсон характеризуют гражданское общество последнего десятилетия царского режима как относительно слабое. Свои выводы они основывают на утверждении об отсутствии в условиях самодержавного строя, либо присутствии в минимальных дозах таких важных атрибутов гражданского общества как защищенные права личности и собственности, религиозная и этническая терпимость, верховенство права и закона, неприкосновенность частной собственности и автономия частной сферы, а также сильный средний класс и развитые коммерциализированные города. Важным критерием в их построениях выступает также отношение верховной власти к праву. Оценивая акты 3 июня 1907 г. о роспуске Государственной Думы и об изменении порядка выборов в нее как свидетельство того, что «русское государство и его лидеры не держались за право и закон» и «гражданственность» самодержавия... страдала от юридического дефицита», немецкий ученый Л. Хэфнер утверждает, что гражданское общество не было принято большинством населения в качестве третьей силы после радикальной оппозиции и самодержавия и разорвалось между этими крайностями. Хэфнеру видится более адекватным применительно к поздней имперской России понятие локального, «местного общества», нежели «гражданского». Ученый признает наличие гражданского общества на местах, в отдельных губернских и уездных центрах, и констатирует отсутствие его в общеимперском масштабе ввиду отсутствия форм и сетей коммуникаций на межрегиональном уровне. Российское местное общество, являвшееся эквивалентом европейского буржуазного общества, не выполнило, по мнению Хэфнера, своей исторической роли. Будучи аморфным и малочисленным (всего 1,5-2 % по подсчетам Хэфнера

от численности городского населения Казани и Саратова), оно не сумело стать интегрирующей третьей силой между властью и массами, в результате чего и «было раздавлено этими жерновами»<sup>1</sup>.

Наиболее последовательным сторонником утверждения, что в позднеимперской России существовало гражданское общество, сопоставимое с западноевропейскими аналогами, является американский историк Дж. Брэдли. Рассматривая жизнедеятельность обществ в сфере науки и образования<sup>2</sup>, Брэдли призывает считать их моделью самоорганизации, в рамках которой формировалась публичная сфера гражданского общества и адекватная ему политическая и правовая культура, было достижимо социальное согласие. Под публичной сферой им понимается социальная среда, в которой частные лица защищали свои интересы, обсуждали общие вопросы и выражали позиции. Для Брэдли данное понятие синонимично термину «общественность». В условиях самодержавия общества являлись, по его мнению, самостоятельными и самоуправляющимися организациями, в которых вырабатывалась система ценностей, не характерных для традиционной России: личная инициатива, дух предприимчивости, трудолюбие, самостоятельность, ответственность за свою судьбу, самосовершенствование, вера в науку и прогресс. Именно в обращении к общекультурным идеалам и либеральным ценностям, заключенным в деятельности неполитических ассоциаций, Брэдли видит способ преодоления доминировавшего много лет в исторических исследованиях противопоставления государства и общества. Первоначально общества, по его мнению, были благонамеренны и законопослушны, требуя лишь организационной автономии, однако,

---

<sup>1</sup> Хэфнер Л. Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 196, 199-201; Он же. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861-1914 г. Результаты международного исследования и методологические подходы // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века* / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 51.

<sup>2</sup> Bradley J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia. Science, Patriotism and Civil Society*. Cambridge, London, 2009. См. также русскую версию книги: Брэдли Дж. *Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество*. М., 2012.

не получив желаемого, многие из них переходили к конфронтации с государством. Историк приходит к выводу, что неуспех России в развитии жизнеспособных демократических институтов был неуспехом не гражданского общества, но следствием бескомпромиссной политики самодержавной власти, не пожелавшей этого допустить и слишком долго не терпевшей рядом с собой существования политической публичной сферы, способной содействовать развитию процессов, запущенных добровольными ассоциациями. «Так же, как и в странах континентальной Европы, частные ассоциации в России были институциональным каркасом для освобождения общества от диктата государства. Однако успех или неуспех такого освобождения... во многом зависит от степени готовности государства "отпустить общество на свободу", терпеть дрейф частных ассоциаций в сторону политики и позволить неполитической публичной сфере стать посредником в этом процессе», – пишет Брэдли<sup>1</sup>.

Близкую точку зрения высказывает и А.Н. Медушевский, который изучает формирование гражданских институтов на всероссийском материале и в длительной исторической ретроспективе, также сопоставляя отечественный опыт с европейским. Динамику реформаторского процесса в России Медушевский отождествляет с диалектической спиралью, на каждом новом витке которой ему видится продвижение страны к гражданскому обществу и правовому государству. Важной вехой на этом пути ученый считает Великие реформы, и, в первую очередь, реформу 1861 г., создавшую правовую основу для трансформации аграрного общества в направлении общества гражданского. Слабость гражданских институтов он объясняет неподкрепленностью социальной реформы реформой политической, т.е. переходом от самодержавия к представительной системе правления в виде конституционной монархии. В подобных условиях авторитарная власть в России была призвана, по мнению историка, выполнять несвойственную ей функцию, правовым путем разрешать фундаментальный социальный кризис традиционного общества и осуществлять реформационный переход к

---

<sup>1</sup> Брэдли Дж. Общественные организации в царской России. ... С. 439-440.



гражданскому обществу, что и обусловило сложности и диспропорции этого движения<sup>1</sup>.

Вину за незавершенность формирования в дореволюционный период гражданских институтов возлагает на авторитарный режим и В.В. Шелохаев. По словам этого видного историка российского либерализма, последний «искренне верил и рассчитывал, что ему удастся дозировать и контролировать процесс модернизации, направлять его в приемлемое русло», ввиду чего долгое время искусственно блокировал такие составляющие модернизационного процесса, как введение гражданского равноправия, политических свобод, реформирование политической системы. «Из-за того, что личность была подавлена и вытеснена на периферию социальных связей, – считает Шелохаев, – общество не смогло выстроить эффективные экономические, правовые, политические отношения, стать действенным партнером государственной власти»<sup>2</sup>. Особо следует отметить очерк Шелохаева «Институты гражданского общества и правового государства» в изданной под его редакцией коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век» (М., 2004), где дана характеристика воззрений на гражданское общество и правовое государство теоретиков Партии народной свободы, анализируется разработанный кадетами пакет законопроектов, гарантировавших права личности и способствовавших демократизации российского общества начала XX в.

Как полагает петербургский историк Б.Н. Миронов, хотя Россия по показателю зрелости гражданского общества, а именно – по числу добровольных организаций и по степени их общественной активности, и уступала западным странам, однако прогресс в XIX – начале XX вв. был налицо. Российские добровольные ассоциации являлись бастионами западной культуры, выполняли функцию тигля, где формировался средний класс, где происходила

---

<sup>1</sup> Медушевский А.Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России: Сб. статей. М., 1996. С. 75; Он же. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX - начала XX вв. М., 2010; Он же. Ключевые проблемы российской модернизации. М., 2013. С. 133-136.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. Вводная статья // Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. М., 2002. С. 4.

надсословная, надэтническая, надрелигиозная социализация. Поле их деятельности постоянно увеличивалась, и в начале XX в. они непосредственно формировали общественную жизнь российских городов<sup>1</sup>.

В 1990-е-2010-е гг. в России появилось большое число исследований, акцентирующих внимание на таком качестве общественных ассоциаций, как укорененность в локальном обществе. Процессы общественной самоорганизации на уровне отдельных городов исследованы весьма обстоятельно. Опыт Москвы рассмотрен в статьях Дж. Брэдли<sup>2</sup> и А.С. Тумановой<sup>3</sup>, в монографии И.С. Розенталя<sup>4</sup>, опыт Казани – в главе коллективной монографии казанских историков, написанной А.Н. Зориным и Е.В. Ключиной<sup>5</sup>, опыт Саратова – в статьях Л. Хэфнера<sup>6</sup>, опыт Тамбова – в книге А.С. Тумановой<sup>7</sup>, опыт Костромы и Ярославля – в диссертационном исследовании О.Ю. Соболевой<sup>8</sup>, опыт Рязани – в диссертации О.Е. Сафоновой<sup>9</sup>. Развитие организованной общественной самодеятельности в Поволжье, на Дальнем Востоке, на Среднем Урале и в Сибири также стало объектом специальных

<sup>1</sup> Миронов Б.Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 189-192.

<sup>2</sup> Bradley J. Voluntary associations, civic culture and obchestvennost' in Moscow // Clowes E. W. et al. (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991. P. 131-148; Брэдли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 77-89.

<sup>3</sup> Туманова А.С. Добровольные организации и общественность города Москвы в начале XX в. // *Россия XXI*. 2005. № 1. С. 96-121.

<sup>4</sup> Розенталь И.С. *Москва на перепутье: Власть и общество в 1905-1914 гг.* М., 2004.

<sup>5</sup> Зорин А.Н., Ключина Е.В. *Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др.* Ульяновск, 2000.

<sup>6</sup> Хэфнер Л. *Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio*. 2002. № 3.

<sup>7</sup> Туманова А.С. *Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX-XX веков.* Тамбов, 1999.

<sup>8</sup> Соболева О.Ю. *Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX-XX вв. (1890-1914) (на материалах Костромской и Ярославской губерний).* Дис. ... к.и.н. Иваново, 1993.

<sup>9</sup> Сафонова О.Е. *Общественные неполитические организации Рязанской губернии в эпоху модернизации (конце XIX – начало XX в.).* Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2017.

исследований<sup>1</sup>. Предметом исследования в последние годы становятся и судьбы отдельных ассоциаций<sup>2</sup>.

Изучение состояния и качества развития ассоциаций в провинции, в особенности в провинции неуниверситетской, показывает, насколько институты и практики гражданского общества, общественного участия и самодеятельности были развиты в дореволюционной России. Основываясь на исследованиях, анализировавших процессы самоорганизации, происходившие на уровне отдельных городов, немецкий историк Хильдермайер оценивает степень развития гражданского общества накануне Первой мировой войны и революции 1917 г. как достаточно высокую. Возникновение большого числа добровольных объединений в разных сферах знаменовало, по его словам, «начало самостоятельной деятельности ранее пассивных сегментов общества, которая могла бы развиться до той степени, которая является внутренним ядром гражданского общества»<sup>3</sup>.

Очевидно, что изучение гражданского общества должно опираться на обширный источниковый материал. Плодотворной представляется попытка найти точку соприкосновения между нормативными теориями гражданского общества, предписывающими гражданам, как и что им делать, и эмпирическими исследованиями, показывающими, кем они являются и что делают на самом деле. Полагаем, что приведенные

---

<sup>1</sup> Хаченьян А.Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999; Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861-1917 гг.). Барнаул, 2002; Котляр Н.В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004; Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008.

<sup>2</sup> Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М., 2008; Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. СПб., 2008; Аронов Д.В., Коновалова М.А. Московское юридическое общество в репрессивной практике Министерства народного просвещения: 1889-1892-1899 гг. // История государства и права. 2015. № 14. С. 32-37.

<sup>3</sup> Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 218.

в статье исследования являются существенным продвижением в изучении гражданского общества и добровольных ассоциаций.

**А.В. Попова<sup>1</sup>**

## **ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.**

Неолиберальная политико-правовая доктрина<sup>2</sup> как ценностная мировоззренческая структура возникла в России в конце XIX в. на основе либерального направления государственно-правовой мысли, получившего свое развитие в России еще в XVIII в. По мнению исследователя дореволюционного российского либерализма И.Д. Осипова, неолиберализм как учение представлял собой «особую сборку» отечественного либерализма из внешне однотипных с европейским либерализмом ценностей и концепций<sup>3</sup>.

Первые попытки классифицировать различные течения российского либерализма предпринимались еще в 1904-1906 гг. в трудах идеологов разных политических движений, сосуществовавших в данный исторический период. По мнению представителей партии меньшевиков, в России было два качественно различных направления в либеральном движении – «Союз освобождения» («освобожденцы») и «Союз земцев - конституционалистов» («конституционалисты»)<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Попова Анна Владиславовна – доктор юридических наук, доцент, Профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; профессор конституционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

<sup>2</sup> См. подробнее: Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX – начало XX вв.). Дис. ... д.ю.н. М., 2014.

<sup>3</sup> Осипов И.Д. Философские основания русского либерализма (XIX - начала XX века). Дис. ... д.ф.н. СПб., 1999. С. 8.

<sup>4</sup> Егоров А.Н. Историографическая судьба русской либеральной идеи (начало XX века) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и

«Освобожденцы», по словам А.С. Мартынова, выступили «пионерами нового буржуазно-демократического либерализма, идеологами буржуазного прогресса и социальных реформ»<sup>1</sup>. Ю.О. Мартов, характеризуя политические партии во время Первой русской революции и последующие годы, отмечал, что левые партии подразделялись на революционные и либерально-демократические, среди которых партия «Народной свободы» (или конституционных демократов) действительно была самой массовой и влиятельной<sup>2</sup>.

В научной литературе советского периода господствовала точка зрения о том, что либерализм и неолиберализм представляли собой сходные по своим теоретическим установкам типы правопонимания, но при этом последний являлся высшим этапом развития либерального мировоззрения<sup>3</sup>. Е.Д. Черменский писал, что либеральная оппозиция до 1905 г. была едина по своим идеологическим установкам, а «Союз освобождения» представлял собой закономерный этап в развитии либерального земского движения<sup>4</sup>. И.Ф. Гиндин, напротив, считал, что в истории политико-правовой мысли сосуществовали классический либерализм, под которым он подразумевал земский и «настоящий буржуазный либерализм», трактовавшийся им как новый либерализм (неолиберализм), представлявший собой идеологию «буржуазной интеллигенции», и поэтому не получивший поддержки капиталистов<sup>5</sup>. К.Ф. Шаццлло разделял точку зрения Гиндина и определял неолиберализм как либерализм более высокого качества, т.к. его выразителем была «новая буржуазная интеллигенция»<sup>6</sup>.

Таким образом, в советской историографии утвердился тезис о том, что на рубеже XIX - XX вв. – «старый» и «новый» либерализм в

---

использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 492.

<sup>1</sup> Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. В 4-х тт. Т. 3. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб., 1914. С. 2.

<sup>2</sup> Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000. С. 244.

<sup>3</sup> См., например: Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 136.

<sup>4</sup> Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. 448 с.

<sup>5</sup> Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. // История СССР. 1963. № 2. С. 57-80; № 3. С. 37-60.

<sup>6</sup> Шаццлло К.Ф. Первая революция в России 1905-1907. М., 1985. 223 с.

России сосуществовали и дополняли друг друга. Так, В.Я. Лаверычев писал, что «новый» либерализм не заменил и не вытеснил окончательно «старый» земский либерализм, а существовал и действовал рядом с ним<sup>1</sup>. Разделяя такую точку зрения, А.Д. Степанский отмечал, что не было серьезных различий между либералами-помещиками и либералами-интеллигентами<sup>2</sup>. При этом «новый» либерализм, хотя и отделился от «старого», но до конца не смог полностью освободиться от наследия прошлого<sup>3</sup>, т.к. представители «старого» или «классического» либерализма, возникшего и развившегося в самостоятельное учение в XVI–XVIII вв., трактовали свободу как отсутствие принуждения и видели ее естественные ограничения в равенстве прав других людей.

В конце 1980-начале 1990-х гг. в российском обществе начался этап углубленного изучения истории становления и развития российского либерализма, что можно объяснить сменой правовой идеологии и открытием для широкого пользования архивных документов, ранее закрытых. Исследование российского либерализма превратилось в самостоятельное научное направление, получившее развитие в различных областях научного знания<sup>4</sup>. Так, были выявлены не только характерные черты российского варианта либерализма, но и его особенности в сравнении с западноевропейским классическим либерализмом. Представители либеральной доктрины при помощи правительственных реформ пытались привнести западные идеи в малоподготовленную к их восприятию среду, рассчитывая создать в России гражданское общество и правовое государство. Поэтому в историографии был сделан вывод о формировании российского либерализма в условиях уже существующей ограниченной

---

<sup>1</sup> Лаверычев В.Я. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX-начале XX века // История СССР. 1976. № 3. С. 27-38.

<sup>2</sup> Степанский А.Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении России во второй половине XIX - начале XX вв. // Исторические записки. 1983. № 109. С. 65-66.

<sup>3</sup> См., например: Щетинина Г.И. Интеллигенция, революция, самодержавие // История СССР. 1970. № 6. С. 134; Савельев В.А. Теория возрожденного естественного права в учении П.И. Новгородцева // Труды ВЮЗИ. Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI-XIX вв. М., 1979. С. 110-128.

<sup>4</sup> Шацилло К.Ф. Первая революция в России 1905-1907. М., 1985. 223 с.; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991. 231 с.; Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990. 335 с. и др.

демократической традиции, хотя на Западе демократия сама основывалась на либеральной правовой доктрине<sup>1</sup>. Таким образом, исторические условия развития либерализма в России послужили основой для формирования новой системы ценностей – неолиберализма<sup>2</sup>. Применительно к России второй половины XIX - начала XX вв. неолиберализм определялся как «общественное движение, представленное главным образом интеллигенцией и направленное на достижение правового государства и гражданского общества»<sup>3</sup>. В.В. Шелохаев в своих работах продемонстрировал принципиально отличное от советской историографии отношение к неолиберализму, определив его основой концепцию синтеза «бессловной» интеллигенции, заинтересованной в эволюционной модернизации страны, и «внеклассового» государства<sup>4</sup>.

В 90-х гг. XX в. в исторической и политологической литературе установилось тождество понятий «социальный либерализм» и «новый либерализм», обоснованное социальным характером неолиберализма, выразившимся в стремлении обеспечить

---

<sup>1</sup> См. например: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Матер. межд. науч. конф. М., 1999. С. 23-24; Либеральная модель общественного переустройства России конца XIX-начала XX века. М., 1994. 131 с.; Русские либералы – кадеты и октябристы: (Документы, воспоминания, публицистика) М., 1996. 303 с.; Либерализм в России. (Сб. ст.). М., 1996. 449 с.; Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997; Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70-80-х годов XIX в. Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. 285 с., Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости // Исторический портрет П. Н. Милюкова. Ч. 1. М., 1993. 240 с.; Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994. 191 с.; Кунцевич К.М. Либерализм: сущность, истоки, перспективы. Минск, 1993; Давыдов М.А. Оппозиция его величества: дворянство и реформы в начале XIX в.: Учеб. пос. М., 1994. 197 с.; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995. 286 с.; Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX - начала XX в. СПб., 1996. 191 с.; Гоголевский А. Очерки русского либерализма XIX - начала XX в. СПб., 1996. 153 с. и др.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема. С. 25.

<sup>3</sup> Медушевский А.Н. Либерализм как проблема современной западной историографии // Вопросы истории. 1992. № 8-9. С. 173.

<sup>4</sup> Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 27-28.

каждому гражданину право на достойное человека существование<sup>1</sup>. Важнейшей особенностью неолиберализма, по мнению современных исследователей, стало стремление интегрировать демократические, социальные и либеральные идеи в свою идеологию и практику, оставляя в центре внимания вопросы свободы личности<sup>2</sup>. Однако, на наш взгляд, данное утверждение не верно вследствие того, что неолиберализм вобрал в себя не только идиомы либерализма и социал-демократизма, но и позитивизма, а также учитывал достижения исторической и психологической школ права.

Несмотря на значительный объем научной литературы по проблематике либерализма, следует отметить, что российский либерализм в целом и неолиберализм, в частности, оказались недостаточно изученными. Как отмечал В.Ф. Пустарнаков, «есть ли вообще какие-то существенные концептуальные точки соприкосновения между современными авторами, занимающимися историей российского либерализма. По-разному выглядят в их изложении сущностные признаки либерализма, нет сходства в понимании состава российской либеральной семьи, снова просматриваются существенные различия в периодизации истории либерализма в России»<sup>3</sup>.

Шелохаев в подтверждение этого тезиса отмечает, что в историографии существуют различные характеристики российской либеральной доктрины конца XIX-начала XX вв.: «старый», «новый», «дворянский», «земский», «интеллигентский», «самодержавный», «бюрократический», «правительственный»,

<sup>1</sup> Валицкий А. Владимир Соловьев: Религиозная философия и возникновение «нового либерализма» // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 187-240; Его же. Интеллектуальная традиция дореволюционной России. // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 145-159; Его же. Нравственность и право в теориях российских либералов второй половины XIX-начала XX века // *Вопросы философии*. 1991. № 8. С. 25-40; Голубев Н.Р. Взгляды политических партий и общественных движений на проблемы настоящего и будущего России (конец XIX-начало XX в.). Пермь, 1998. 331 с.; Савельев Г.Г. Проблема революции в теориях русского «социального либерализма». Автореф. дисс. ... к.полит.н. СПб., 1998. 21 с.

<sup>2</sup> См. например: Кисельникова Т.В. Проблемы социального либерализма российской общественно-политической мысли (1890-ые-1917 гг.). Дисс. ... д.и.н. Томск, 2003. 651 с.; Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. 387 с.

<sup>3</sup> Либерализм в России. С. 21.



«консервативный», «демократический», «радикальный», «политический», «социальный», «национальный» и др. Это обстоятельство, по его мнению, «свидетельствует о безусловно сложносоставном характере данного мировоззренческого, идейно-политического, социокультурного и институционального исторического явления»<sup>1</sup>. Именно поэтому, с авторской точки зрения, следует полагать, что необходимо, основываясь на анализе различных либеральных концепций, предметно детерминировать неолиберализм в его сущностном отличии от классического либерализма в рамках исторического периода конца XIX - начала XX вв.

Современные исследования по вопросу особенностей содержания российского либерализма можно разделить на две большие группы. В одних обосновывается точка зрения о том, что российский либерализм является простым заимствованием западного либерализма, т.к., не представляя собой исконной политико-правовой идеи, оказался в совершенно чуждой ему социальной среде<sup>2</sup>. И.Ф. Худушина прямо называет российский либерализм «сколком» с западного образца и считает, что основной постулат классического западного либерализма, утверждающий приоритет индивида, оставался не востребованным в российской либеральной практике<sup>3</sup>.

Другие исследователи, наоборот, утверждают, что российский либерализм, зародившийся в XVIII в. и получивший развитие в XIX в., изначально отличался от западного. Различие заключалось в том, что российский либерализм исторически не был обоснован, время его возникновения не соответствовало эпохе либерализма в Западной Европе. Кроме того, он не носил характера идеологии для большинства российского народа, в отличие от западного, имевшего широкую социальную поддержку. Российский либерализм обуславливался одной из интеллектуальных традиций российской общественной мысли<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Шелухаев В.В. К вопросу о типологии русского либерализма // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сб. науч. ст. Орел, 2010. С. 10.

<sup>2</sup> Рормозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1. С. 33-34.

<sup>3</sup> Либерализм в России. С. 84.

<sup>4</sup> См. подробнее: Пахоленко Н.Б. Либерализм в России: история и перспективы // Государство и право на рубеже веков: Матер. всеросс. конф. «Проблемы истории и

В то же время, нам представляется правильной научная позиция А.А. Валицкого, утверждавшего, что «русская интеллектуальная мысль начала XX в. развивалась в том же русле, что и западная, а отнюдь не отставала от нее»<sup>1</sup>. По мнению Шелохаева, значение либеральных идей для развития российской государственности заключалось в том, что они «стали распространяться в период, когда авторитарный режим (...) был в состоянии отвечать на вызов времени, “проводить” сверху разноуровневые реформы, которые способствовали стабилизации общественной обстановки и динамичному экономическому развитию»<sup>2</sup>.

Современные исследователи российского либерализма также отмечают, что основной характеристикой пореформенного либерализма (неолиберализма – А.П.) стала социально-экономическая проблематика. Например, неолиберализм в работах Пустарнакова определяется как учение, сформировавшееся в условиях противостояния идеологии протекционизма, появление которого связывалось с пересмотром теории невмешательства государства в экономическую и социальную сферы жизни общества<sup>3</sup>.

В 90-х гг. XX в. появились научные работы в области философии, политологии, истории, в рамках которых большинство исследователей отмечало, что произошло качественное изменение системы ценностей классического западноевропейского либерализма. В систему прав личности было включено «право на достойное человека существование», содержание которого представляло собой составную часть теории гражданского общества и правового государства, получившей распространение в Западной Европе во второй половине XIX в. Таким образом, был сделан вывод о том, что основой российской неолиберальной политико-правовой доктрины явилась концепция синтеза

---

теории». М., 2001. С. 179; Либерализм в России. (Сб. ст.). М., 1996; Сиземская И., Новикова Л. Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 68.

<sup>1</sup> Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века. С. 37.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема. С. 32.

<sup>3</sup> Либерализм в России. С. 238.

«внеклассового государства» и «бессловной интеллигенции», заинтересованной в мирной эволюции государства и права<sup>1</sup>.

Исследователи российской либеральной доктрины пришли к заключению, что она, в отличие от западноевропейского аналога, не предполагала насильственные методы, а использовала компромисс, опираясь на дворянство и интеллигенцию, для достижения изменений не революционным, а эволюционным путем, в ходе которого должно изменяться общественное сознание. «В России, – писал И.К. Пантин, – ценности либерализма так и не смогли оплодотворить демократическую идеологию и массовое сознание»<sup>2</sup>. Именно этим, по мнению исследователей, можно объяснить тот факт, что по мере проникновения либеральных идей шел процесс накопления консервативных черт и тенденций.

Часть авторов, признавая оригинальность российского либерализма, пишут о его интегральном характере. Так, Л.В. Селезнева подчеркивает, что итоговая русская либеральная модель (неолиберализм) имеет «интегративный характер», и «сравнительный анализ показал доминирование немецкого влияния как относительно государственного устройства, так и в сфере партийно-политических отношений»<sup>3</sup>. Однако, на наш взгляд, вопрос заимствования необходимо рассматривать в зависимости от этапа развития либерализма, т.к. среди российских либералов и неолибералов были приверженцы как англосаксонской, так и континентальной моделей либерализма.

Согласно утверждениям К.С. Гаджиева, либеральное мировоззрение в России укоренилось лишь во второй половине XIX – начале XX вв.<sup>4</sup> В.Н. Коновалов, соглашаясь с данным утверждением, характеризует идеологию неолиберализма тем, что в ней была выдвинута более позитивная концепция, чем в классическом либерализме, возродившая концепцию особого значения благосостояния<sup>5</sup>. Таким образом, большинство

---

<sup>1</sup> См., подробнее: Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1900-1914 гг. М., 1991. 231 с.; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Матер. межд. науч. конф. М., 1999. 567 с.

<sup>2</sup> Пантин И.К. Драма противостояния // ПОЛИС. 1994. № 3. С. 77.

<sup>3</sup> Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995. С. 175.

<sup>4</sup> Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994. С. 263-264.

<sup>5</sup> Коновалов В.Н. Либерализм // Политология. Словарь. Ростов-на-Дону, 2010

исследователей сходится во мнении, что во второй половине XIX в. исторические и экономические условия обусловили формирование в России особого типа либерализма – неолиберализма, обогатившего идеологию и практику классического либерализма новыми идеями и новым видением проблем.

По определению И.Н. Сиземской и Л.И. Новиковой, «"новый либерализм" появился в условиях социально-политического идейного кризиса 90-х гг. XIX в. как попытка синтеза общечеловеческих ценностей классического либерализма и социальных программ демократического социализма»<sup>1</sup>. С.И. Глушкова признает неолиберализм закономерным этапом российского либерализма и определяет его как радикально-демократический либерализм, проникнутый «духом демократических свобод»<sup>2</sup>. А.В. Гоголевский предлагает определять неолиберализм как демократический либерализм, отличием которого от классического либерализма, признававшего необходимость «нравственной связи между властью и народом», было требование ограничения верховной власти правом. Осипов выделил целый спектр концепций в рамках российского неолиберализма: «свободный универсализм» П.И. Новгородцева, «соборный либерализм» Е.Н. Трубецкого и С.Л. Франка, «сингулярный универсализм» легального марксиста П.Б. Струве, «правовой солидаризм» Б.А. Кистяковского и М.М. Ковалевского. Общие методологические подходы в данных концепциях позволили Осипову сделать вывод о существовании «универсальной (либерально-консервативной) нормативно-ценностной тенденции социальной философии XX века» в виде российского неолиберализма, в рамках которого были преодолены основные противоречия ее европейского аналога<sup>3</sup>.

К.А. Гусев в рамках российского неолиберализма выделял консервативный и социальный неолиберализм. Представители консервативного направления выступали за синтез таких основных

---

[Электронный ресурс] // URL: <http://enc-dic.com/polytology/Liberalizm-3244.html> (дата обращения: 01.06.2018).

<sup>1</sup>Либерализм в России. С. 293.

<sup>2</sup> Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. С. 96.

<sup>3</sup>Осипов И.Д. Философия либерализма в России // Антология русской философии. СПб., 2000. Т. 1. С. 267.

постулатов западноевропейского либерализма, как приоритет свободы личности, эволюционный путь развития общества и государства с ценностями консерватизма, заключавшимися в преемственности религиозно-нравственных и государственных традиций российского менталитета. Особенностью философии права консервативного неолиберализма было не только внешнее ограничение свободы личности в виде государственного закона, но и внутреннее самоограничение в виде морали, нравственности отдельного индивида и общества в целом. Представители социального направления неолиберализма особое внимание уделяли становлению таких политических форм, как конституционализм и парламентаризм, игравших, по мнению Гусева, особую роль в теории общественного идеала<sup>1</sup>.

В современной философии либерализма, на наш взгляд, заслуживает внимания диссертационное исследование Б.В. Васильева, который полагает необходимым в рамках российской либеральной философии права выделить особую неолиберальную философско-правовую парадигму. Ее содержание представлено двумя течениями: идеалистическим, подразделявшимся на школу «нравственного идеализма», религиозную метафизику и «научный идеализм», и позитивистским, раскрывавшим в противовес юридическому позитивизму социологическую и психологическую направленность философии права. Различие между этими течениями, с точки зрения Васильева, состояло в отношении к естественному праву: представители идеалистического течения полагали его за основу философии права, а позитивистского – отрицательно относились к нему<sup>2</sup>.

Автор настоящей статьи, признавая неоспоримость такого деления, вместе с тем отмечает, что Васильев из-за ограниченности предметного исследования, не рассмотрел «социальный (правовой) либерализм», представители которого сыграли определяющую роль в развитии неолиберальной теории социального правового государства. Кроме того, подавляющее

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Гусев К.А. Политико-правовые концепции русского либерализма. Конец XIX-начало XX в. Дисс. ... к.ю.н. СПб., 2002. 230 с.

<sup>2</sup> См. подробнее: Васильев Б.В. Философия права русского неолиберализма конца XIX - начала XX века.

большинство неолибералов прошло через увлечение естественно-правовой доктриной, позитивизмом и марксизмом, а некоторые претерпели эволюцию собственных взглядов. Например, Новгородцев, отнесенный Васильевым к школе «нравственного идеализма» («возрожденного естественного права» – А.П.), в эмиграции перешел на религиозно-метафизические позиции. Кистяковский, разделявший постулаты «научного идеализма», считал правильной синтетическую теорию права, объединяющую правоведение, социологию, психологию и философию права. С.Н. Булгаков, с одной стороны, разделял приверженность к религиозно-метафизическим взглядам, а с другой – призывал учитывать марксистское понимание экономики и т.д. Поэтому мы можем очень условно соотносить тех или иных мыслителей с идеалистическими или позитивистскими направлениями российского неолиберализма, что, на наш взгляд, свидетельствует об интегральном характере неолиберальной политико-правовой доктрины.

Завершая наше исследование, хотелось бы привести слова Осипова, который, характеризуя особенности неолиберальной философии права, отмечал, что она выступает как «опережающее» мышление, преодолевающее в духовно-практической деятельности исторические рамки, т.к. этика российского либерализма стала социальной и государственной этикой, представляя собой гражданское служение государству, обществу и людям<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Осипов И.Д. Философия права русского либерализма XIX-начала XX в. СПб., 1996. С. 35, 49.

## **ЦЕНТРИЗМ В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ (1906 – начало 1990-х гг.)**

Многоликость «центризма» – давно признанный факт. Осмысление данного феномена как общекультурного явления, связанного со стремлением к диалогу и согласию, уходит корнями в глубь веков. Уже в трудах философов Древнего Востока и античного мира были определены контуры концепции «золотой середины»: утверждался приоритет нравственной составляющей этого понятия, обращено внимание на объективную закономерность изменчивости форм и содержания «центрального положения», подчеркнута самостоятельная ценность последнего<sup>2</sup>.

Представление о «центре» в политике, характерное для Новейшего времени, сформировалось в середине XIX в. во Франции. Именно тогда базовые ценности «середины» были «вписаны» в реалии парламентской практики, а политический центризм стал трактоваться как «промежуточная» позиция между «правыми» и «левыми».<sup>3</sup> В России подобный взгляд получил распространение в самом начале XX в. Западный опыт приобрел тогда особую актуальность в связи с ускорением дифференциации политических сил и зарождением парламентаризма. Определение «центристов» как деятелей «умеренного направления», в целом, совпадало с европейской традицией. Именно в этом смысле характеризовались, прежде всего, кадеты и октябристы.

Констатируя расплывчатость, подвижность границ либерального лагеря, современники вплоть до 1917 г. подчеркивали незавершенный, непрерывно «становящийся» характер российской многопартийности, фиксировали «оттенки и полутона» в ее «палитре». В частности, им удалось разглядеть особую когорту участников политической жизни – либералов-

---

<sup>1</sup> Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории РАН.

<sup>2</sup> Плотичкина Н.В. Политический центризм в истории политических учений // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1. С. 24-35.

<sup>3</sup> Ее же. О политическом центризме (эволюция понятия) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2004. № 2. С. 147-151.

центристов, занявших «срединную» позицию между соратниками П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова.

Проблема центризма в русской либеральной общественно-политической мысли и практике была осознана практически одновременно с образованием партий – Демократических реформ (ПДР) и Мирного обновления (ПМО). Вступившие на политическую арену в 1906 г., именно эти политические организации, прежде всего, обозначили «центр центра». Их первыми «историографами» стали авторы изданий справочного характера (энциклопедии, словари, сравнительные таблицы политических партий), а также разного рода брошюр «общедоступного» содержания – просветительского и партийно-пропагандистского характера. Это был «своего рода “нулевой цикл” строительства научного здания»<sup>1</sup>.

В публикациях 1906-1917 гг. представлены попытки классификации и оценки перспектив не только ПДР и ПМО, но и целого «шлейфа» партий, союзов, клубов и т.д., располагавшихся в русле либерально-центристского течения или в непосредственной близости от него. Одни из этих объединений претендовали на всероссийский масштаб и влияние (как, например, Умеренно-прогрессивная партия (УПП), объединившаяся с ПДР в марте 1906 г.; Демократический союз конституционалистов (ДИСК); Партия «свободомыслящих»), другие имели местное или региональное значение (московский Клуб независимых; Конституционно-либеральная партия Прикамья, Донская прогрессивная партия и др.). В «силовом поле» идей, определивших «самостояние» ПДР и ПМО, формировались

---

<sup>1</sup> Розенталь И. О некоторых тенденциях осмысления Первой мировой войны, революции и большевизма современниками // Россия XXI. 2018. № 3. С. 69. По словам автора, «всякое историческое исследование вторично – в том смысле, что раньше, чем приступят к делу специалисты-историки, события прошлого, еще не ставшего таковым, непосредственно наблюдали и, если могли, фиксировали современники». В этой связи И.С. Розенталь ссылался на «близкую, но не идентичную» мысль литературоведа Ст. Рассадина: «История в романе – да и в научной работе – есть не первая, а так называемая вторая реальность, представляемая приблизительно и условно, с версиями и домыслами». «Остается неясным, считал ли автор [Рассадин – Н.Х.] все перечисленное недостатками, которых лишена “первая (“сырая”) реальность”», – комментировал известный историк приведенную цитату, предоставляя читателю возможность самостоятельно поразмышлять над проблемой.



программные и тактические установки ряда партий на национальных окраинах Российской империи<sup>1</sup>.

Отмечая близость взглядов «демреформаторов» к кадетам, а «мирнообновленцев» – к октябристам, современники обращали внимание на главный показатель «умеренности» ПДР и ПМО – исключительную приверженность идее «мирного обновления», безусловное осуждение насилия. Прежде всего, именно благодаря этой своей «родовой черте» либералы-центристы и оказались на «средней» позиции в либеральном лагере – между кадетами (с их «поклонами» налево) и октябристами (фактически поддержавшими введение военно-полевых судов, сохранение «исключительных положений» и т.д.)<sup>2</sup>.

«Притяжение» «демреформаторов» и «мирнообновленцев» к партийным «полюсам» либерализма объяснялось не только «пересечениями» с ними на уровне программ, но и самим фактом происхождения ПДР и ПМО (соответственно, первой – из «недр» Конституционно-демократической партии, второй – от «Союза 17 октября»). Однако если случай с основателями ПМО (П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.Н. Львов), бывшими лидерами октябристов, подтверждает данный вывод, то характеристика «демреформаторов» как «группы, отделившейся от конституционалистов-демократов»<sup>3</sup> (закрепившаяся в последующей историографии благодаря такому же мнению В.И. Ленина и бытующая до сих пор), а также зачастую определение ее видных

<sup>1</sup> Об этом свидетельствуют, в частности, программные документы (а также выступления лидеров) ряда прибалтийских партий. Это – Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии (г. Вильно), Балтийская конституционная партия (г. Рига). Последняя известна также под другими названиями – «Прибалтийская конституционная партия», «Немецкая партия». Близкими к ней по своей программе были также Монархически-Конституционная партия в Курляндии, Либерально-конституционная партия в Либаве и Конституционная партия в Эстляндии (Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 339). «Партия является средним между «Союзом 17 октября» и Конституционно-демократической партией», – определяли положение своей организации на «карте» российской многопартийности основатели «Союза обновления» (Бессарабия) (ОР РНБ. Материалы по истории выборов в I Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым. Т. 1. Л. 102 об.:694).

<sup>2</sup> Политическая энциклопедия / ред. Л.З. Слонимский. Т. 1. СПб., 1906. С. 616; Кожин Л. Современные политические партии в России. М., 1906. С. 15 и др.

<sup>3</sup> Народный политический словарь. Пособие при чтении газет, журналов, брошюр и политической литературы / сост. Н. Денисюк. Пг., 1917. С. 136.

представителей (в частности, М.М. Ковалевского, С.Д. Урусова) как «кадетов», противоречит историческим фактам<sup>1</sup>. Очевидно, «летописцам» событий было просто «не до того», чтобы наводить соответствующие справки.

Современники, фиксируя «промежуточное» положение политических объединений либералов-центристов, характеризовали эти организации как «умеренно-либеральные», определяли их (в зависимости от подходов к группировке партий) как «конституционно-монархические», «конституционно-демократические», «либерально-демократические».<sup>2</sup> Преобладала трактовка либералов-центристов как составной части «левого центра», ядром которого являлась Конституционно-демократическая партия. Подобная классификация совпадала, в целом, с самоидентификацией идеологов либерально-центристского течения. Правда, некоторые из них весьма критически оценивали попытки «вписать» их объединения в сложившуюся «систему координат». В частности, Ковалевский, один из лидеров ПДР, отзывался о ней исключительно как о «партии здравого смысла»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Организаторы ПДР, несмотря на сочувствие кадетам (по словам Арсеньева, «à défaut de mieux», т.е. «за неимением лучшего»), предпочли сохранить организационную самостоятельность. Что касается самого Арсеньева, то он стал, по сути, единственным из лидеров партии, пережившим опыт «хождения» в партию П.Н. Милюкова. Однако пребывание основателя ПДР в рядах кадетов было очень недолгим. Отказавшись 26 сентября 1905 г. («за множеством дел и недостатком сил») от предложения Набокова, Кедрина и других стать членом Петербургского комитета конституционно-демократической партии, Арсеньев все-таки вскоре был избран в этот партийный орган. Но уже 23 ноября того же года он вышел из кадетской партии, «не желая безусловно подчиняться партийной дисциплине» // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 15, 21 об, 25 об, 39 об, 40, 41 об; ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Ед. хр. 56. Л. 55.

<sup>2</sup> Кожин Л. Современные политические партии в России. М., 1906. С. 15; Политические партии. Сборник программ существующих в России политических партий с предисловием и примечаниями. М., 1906. С. 6; Программы политических партий в России / под ред. И.В. Владиславлева. М., 1917. С. 3, 7-22; Василевский Л.М. Политические партии на Западе и в России. Вып. 2. В России / под ред. проф. И.И. Иванюкова. СПб., 1906. С. 20-25.

<sup>3</sup> Страна. 1906. № 224. 28 ноября. Ковалевский впоследствии уточнил, что понимает под «партией здравого смысла». «Это – партия, – писал он, – избегающая всяких крайностей, выше всего ставящая науку и свободное исследование, далекое от подчинения политике, церкви, национальным пристрастиям, завоевательным стремлениям, справедливая по отношению ко всем классам общества, озабоченная материальным и духовным благоденствием Родины, считающая утопией всякую попытку вызвать переворот в общественном укладе, по крайней мере, переворот

Отношение к ПДР и ПМО как к «производным» от кадетов и октябристов не помешало современникам разглядеть самостоятельную значимость либерального центризма. Подчеркивалось заметное влияние идейной платформы ПДР на формирование взглядов ряда либерально-центристских объединений. Данное обстоятельство, в свою очередь, вовсе не препятствовало и последним сохранять свою индивидуальность. Так, констатируя, что программы ПДР и ПМО не носили «резко обособленного характера», современники, тем не менее, обращали внимание на существенное отличие позиции «мирнообновленцев» по аграрному вопросу: гораздо более заметное и определенное «сочувствие» принципу частной собственности. Отмечался также особый (в отличие не только от кадетов, но также соратников по либерально-центристскому «лагерю») акцент в программе Партии «свободомыслящих». Это – мысль о первостепенности «коренных культурно-просветительных реформ»<sup>1</sup>.

Распространенный взгляд на организации либерально-центристского направления, возникшие в период революции 1905-1907 гг., сводился к тому, что эти политические группировки, немногочисленные и преимущественно «интеллигентские» по своему составу, «не приобрели сколько-нибудь значительного влияния и распространенности», носили «отвлеченный, чисто кабинетный характер»<sup>2</sup>. «Партия эта представляет лишь теоретический интерес, как материал для ознакомления с различными течениями русской политической мысли, но самостоятельного значения в деле формирования партий не имеет и иметь не будет»<sup>3</sup>, – этот отзыв о Партии «свободомыслящих», относящийся к 1906 г., можно считать типичным для восприятия либералов-центристов в обществе. Однако констатация данного факта вовсе не исключала интереса к проявлениям феномена либерального центризма вплоть до 1917 г. Поводом для этого служила, прежде всего, заметная роль лидеров ПДР

---

быстрый и внезапный, и подготавливающая лучшее будущее распространением в массах знания и уравниванием условий борьбы и конкуренции из-за приобретения необходимого достатка» // Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 267-268.

<sup>1</sup> Василевский Л.М. Политические партии на Западе и в России. С. 24.

<sup>2</sup> Там же. С. 20, 24.

<sup>3</sup> Там же. С. 24.

(М.М. Ковалевский. В.Д. Кузьмин-Караваев) и ПМО (гр. П.А. Гейден) в становлении российского парламентаризма в период революции 1905-1907 гг. (особенно их деятельность в I Думе). Оценки, в частности, организаторов ПДР как «талантливых утопистов-фантазеров», решающих все злободневные вопросы русской жизни на основе «абсолютной справедливости», вовсе не исключали отношения к этой партии как к «серьезной группе»<sup>1</sup>. Такие авторитетные эксперты, как кн. Е.Н. Трубецкой, В.В. Водовозов и Л.З. Слонимский акцентировали внимание на обоснованном характере содержания программы ПДР, объясняли ее возникновение особенностями исторического пути России, а также своеобразием развития русской общественной мысли<sup>2</sup>.

Последующее развитие событий и, соответственно, эволюция либерального центризма способствовали определенной положительной корректировке сущности и перспектив данного явления. Примечательно, что в одном из обзоров «некоторых фактических итогов» развития российской многопартийности к марту 1917 г. партии либералов-центристов (ПДР «с примкнувшей к ней УПП», Партия «свободомыслящих» и Партия прогрессистов) были включены в число «всех сколько-нибудь значительных политических группировок».<sup>3</sup> Партия прогрессистов ассоциировалась у современников главным образом с одноименной думской фракцией. При этом подчеркивалась прямая связь последней с ПМО. Таким образом, констатировалась преемственность «срединного» течения в русском либерализме. Кроме того, отмечалось укрепление позиций прогрессистов в III и IV Думе, а также радикализация их тактики. Обращалось внимание на особую роль крупной буржуазии в становлении прогрессизма<sup>4</sup>.

Завершающий этап эволюции центристского течения в русском либерализме пришелся на период от февраля к октябрю 1917 г. «Бывшие прогрессисты» – именно так воспринимались тогда члены Российской радикально-демократической партии (РРДП),

<sup>1</sup> Зиновьев А. Нужны ли России «демократические реформы»? СПб., 1906. С. 3, 17.

<sup>2</sup> Политическая энциклопедия / Ред. Слонимский Л.З. Т. II. СПб., 1907. С. 986-987; Новый энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. 15. СПб., 1915. С. 848-849; ОР РНБ. Ф. 1071. Т. XIII. Л. 130 об.:573.

<sup>3</sup> Программы политических партий в России / под ред. И.В. Владиславлева. М., 1917. С. 3, 7-22.

<sup>4</sup> Там же. С. 21, 25; Мартов Л. Политические партии в России. М., 1917. С. 17.

образовавшейся в марте 1917 г. «преимущественно из лиц, принадлежавших к Партии прогрессистов». Однако в отличие от последней, РРДП переместилась «влево», заняв на обновленной карте российской многопартийности пограничное положение между кадетами и социалистами<sup>1</sup>.

Очередная страница в истории России, связанная с приходом к власти большевиков и установлением идеологического диктата РКП(б) - ВКП(б), означала качественно новый этап и в развитии отечественной историографии. В соответствии с ленинской оценкой партий либерального центризма как незначительного явления в политической жизни (в определенной мере коррелировавшей с мнением, распространенным до 1917 г.), «срединное» течение в русском либерализме начала XX в. продолжало оставаться на периферии общественного и научного интереса. С позиций классового подхода прогрессисты характеризовались как часть лагеря «буржуазной контрреволюции». Отмечалась роль особой когорты московских предпринимателей (П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов, С.И. Четвериков и др.) в становлении их идеологии и определении особенностей тактики. В целом, обосновывался вывод об их несостоятельности и бесперспективности<sup>2</sup>.

Трудности в объективном освещении прошлого страны, однако, не смогли остановить процесс «приращения» научного знания. Предпосылкой для этого стало использование новых источников. Так, в книге, вышедшей в 1926 г., анализ деятельности прогрессистов в годы Первой мировой войны был основан на впервые вводимых в научный оборот материалах из фонда Департамента полиции<sup>3</sup>. Начиная с 1930-х гг., проблематика

---

<sup>1</sup> Велихов Л. Таблица русских политических партий (Систематизация современных политических направлений). Пг, 1917.

<sup>2</sup> См.: Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922; Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. Вып. I. М., 1924; Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году. М.; Л., 1926; Рейхардт В.В. Партийные группировки и представительство интересов крупного капитала в 1905-1906 гг. // Красная летопись. 1930. № 6(69); Владимиров А. Буржуазия между двумя революциями // Проблемы марксизма. 1931. № 8-9; Большая советская энциклопедия. Т. 47. М., 1940 и др.

<sup>3</sup> См.: Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. - февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926. Впоследствии документы из упомянутого архивного фонда были опубликованы в сборнике «Буржуазия накануне Февральской революции» (М.; Л., 1927).

русского либерализма на протяжении нескольких десятилетий находилась в центре внимания Е.Д. Черменского. На основе значительной документальной базы историк уже в 1939 г., в своем первом обобщающем труде, расширил представление и о взглядах и деятельности либералов-центристов (Умеренно-прогрессивной партии, Партии мирного обновления), конкретизировал взгляды их лидеров (П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов, Д.Н. Шипов, гр. П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.Н. Львов, кн. Е.Н. Трубецкой и др.), а ряд его выводов адекватно отражал суть упомянутых партий, их место в политической жизни<sup>1</sup>.

В 1970 г., во втором издании (переработанном и дополненном) своей монографии, посвященной анализу позиций буржуазии и действий царизма в период революции 1905-1907 гг.<sup>2</sup>, Черменский значительно расширил круг источников (прежде всего, за счет архивных материалов), подверг пересмотру и уточнению ряд своих выводов и заключений, а также включил в книгу новые разделы. Автором впервые был обстоятельно изложен сюжет, связанный с ПМО и расколом «Союза 17 октября» в период первого междудумья. Более подробно и последовательно, в сравнении с изданием 1939 г., Черменский осветил переговоры (с участием мирнообновленцев) о создании «общественного министерства» летом 1906 г. А приведенная им информация о ПДР представляла собой вплоть до 1990-х гг. наиболее подробную справку об этой партии. Дальнейшее изучение архивов позволило Черменскому обосновать, в частности, вывод о росте влияния прогрессистов,

---

<sup>1</sup> Так, Е.Д. Черменский отмечал изначальную близость к кадетам основателей УПП, характеризуя последнюю как «партию с либеральной искрой», в отличие от «Торгово-промышленной партии с ярко-реакционной окраской». Обращая внимание на лидерский состав ПМО – «из перебежчиков с правого крыла кадетской партии (Н. Львов, кн. Е. Трубецкой и др.) и левых октябристов (Шипов, Гейден, Рябушинский и др.)», – Черменский подчеркивал, что, в отличие от «Союза 17 октября», ПМО объявила себя «непримиримо-оппозиционной ко всякому антиконституционному правительству» и ввиду этого заявила об отказе поддерживать министерство Столыпина. «От кадетов мирнообновленцев отделяло отрицание каких бы то ни было соглашений с революционерами, прямое – без кадетских уверток – осуждение революционного насилия и решительный отказ от “антиконституционных” способов борьбы против правительства», каким стало инициированное кадетами Выборгское воззвание // Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. М.; Л., 1939. С. 186, 317 и др.

<sup>2</sup> См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

благодаря посредничеству которых «в 4-й Думе оппозиционное большинство складывалось чаще, чем в 3-й Думе»<sup>1</sup>.

Ко времени выхода из печати упомянутых нами последних крупных работ Черменского советская историография русского либерализма, в т.ч. центристского течения в нем, обогатилась исследованиями целой плеяды историков. Труды многих из них, изданные в 1960-е гг., вошли в «золотой фонд» отечественной историографии. Особое место в этом ряду занимает книга В.Я. Лаверычева, в которой на основе солидной источниковой базы впервые была рассмотрена роль московской буржуазии в становлении прогрессизма<sup>2</sup>. Почти одновременно с Лаверычевым представили вниманию коллег и заинтересованной читательской аудитории свои первые обобщающие труды А.Я. Аврех и В.С. Дякин. Монографии 1960-х гг. стали для каждого из этих авторов стартовой площадкой для последующего углубленного изучения сущности т.н. «третьеиюньской системы» и «царизма накануне свержения самодержавия», а в контексте данной проблематики – анализа взглядов и деятельности прогрессистов в период работы III и IV Думы<sup>3</sup>. В 1969 г. В.Н. Селецкий защитил кандидатскую диссертацию, посвященную «вопросу о политической консолидации русской буржуазии накануне Первой мировой войны». Продолжив впоследствии изучение «прогрессизма как политической партии и идейного направления в русском либерализме», ученый опубликовал ряд статей, подводя итоги своей работы в докторской диссертации<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 22.

<sup>2</sup> Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.

<sup>3</sup> Аврех А.Я. Царизм и третьиюньская система. М., 1966; Его же. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Его же. Царизм и IV Дума (1912-1914 гг.). М., 1981; Его же. Распад третьиюньской системы. М. 1985; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967; Его же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978; Его же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

<sup>4</sup> Селецкий В.Н. «Прогрессисты» (К вопросу о политической консолидации русской буржуазии накануне первой мировой войны). Дисс. ... к.и.н. М., 1969; Его же. Образование партии прогрессистов // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1970. № 5. С. 32-48; Его же. Прогрессизм: идейно-политическая платформа // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989; Его же.

Что касается начального этапа парламентской деятельности либералов-центристов, то определенный вклад в освещение темы внес С.М. Сидельников. Он впервые подверг детальному анализу изменения в партийной группировке депутатов I Думы, отразив в данном контексте динамику процесса самоорганизации и консолидации депутатов «прогрессивного направления», в т.ч. примкнувших к ПДР, а также инициаторов образования группы «мирнообновленцев»<sup>1</sup>.

Представление о либеральном центризме, сложившееся к началу 1970-х гг., было отражено в Советской исторической энциклопедии. В издании были помещены статьи о четырех партиях – ПДР, ПМО, прогрессистов и «свободомыслящих»<sup>2</sup>. Характерно, что из лидеров «центристов» самостоятельной статьи «удостоился» только М.М. Ковалевский<sup>3</sup>. Можно предположить, что это было обусловлено не только значительностью масштаба его научного наследия, но и дружескими и деловыми связями русского ученого с К. Марксом, которого Ковалевский (несмотря на существенные расхождения во взглядах с автором «Капитала») называл своим «учителем».

Несмотря на то, что в отношении либералов-центристов продолжали ретранслироваться стереотипы (как дореволюционные, так и сложившиеся в советский период), тем не менее уже в публикациях 1960-х гг. наметился отход от устоявшихся представлений и, более того, – проявилось критическое отношение к ленинским оценкам непролетарских партий<sup>4</sup>.

---

Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996 и др.

<sup>1</sup> Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 192-196.

<sup>2</sup> Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. Стб. 892-893, 904; Т. 11. М., 1968. Стб. 591-592.

<sup>3</sup> Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. Стб. 452-456.

<sup>4</sup> Так, И.М. Маляренко подвергла сомнению ленинскую характеристику ПДР как «ничтожного ответвления от кадетов справа», обосновав свое мнение ссылкой на аграрную программу этой партии, отличавшуюся значительной «левизной» // Маляренко И.М. Аграрные программы политических партий в первой русской революции 1905-1907 гг. в свете ленинского учения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве // Всесоюзный заочный финансово-экономический институт. Научные записки аспирантов. М., 1965. С. 148.



Однако «брешь в системе партийного диктата» была пробита лишь к середине 1980-х гг. Этому способствовал, в т.ч., курс на корректировку методологической базы исследований российской многопартийности начала XX в., обозначившийся в 1970-1980-е гг. В частности, Л.М. Спирин обосновывал конкретно-исторический подход к изучению партий, недопустимость однозначной оценки той или иной политической организации на всем пути ее развития. Он же призывал коллег к соблюдению принципа историзма – «изучению не отдельных фактов жизни и деятельности партий, а всей совокупности их», с учетом неоднородности партий. Ученый подчеркивал важность разработки категориального, понятийного аппарата, а также изучения роли субъективных факторов применительно к историко-партийной проблематике. Не отрекаясь от ленинской методологии, Спирин признавал вопросы классификации партий «очень сложными и мало разработанными» и фактически ставил в «повестку дня» необходимость активизации усилий историков и в этом направлении<sup>1</sup>. Настаивая на более «полном и эффективном» применении системного подхода к разработке проблем политической истории, А.Я. Аврех предлагал переходить на «микроуровень», т.е. действовать путем «расчленения основных компонентов данного строя – центральной власти, классов, партий и др. – на более мелкие структуры с целью их более эффективного изучения и обнаружения таких механизмов и взаимодействий, которые при более суммарном подходе оставались бы невыявленными»<sup>2</sup>.

По сути, революционное значение имело коллективное исследование «Непролетарские партии России. Урок истории» (М., 1984), положившее начало научной разработке системы политических партий в России<sup>3</sup>. Историографический «прорыв» (в

---

<sup>1</sup> Спирин Л.М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917-1922 гг. Ч. 1. М., 1977. С. 3-17; Его же. Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения истории непролетарских партий России // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конференции. М., 1982. С. 3-16.

<sup>2</sup> Аврех А.Я. Распад третьиюньской системы. М., 1985. С. 5.

<sup>3</sup> См. об этом подробнее: Шелохаев В.В. Роль К.В. Гусева в создании фундаментального труда «Непролетарские партии России. Урок истории» // Гусевские чтения. Сборник статей / Памяти Кирилла Владимировича Гусева

т.ч. в изучении проблемы центризма в русском либерализме) был во многом подготовлен циклом научных конференций, посвященных истории непролетарских партий России и организованных Научным советом по истории Октябрьской революции, во главе которого стоял академик И.И. Минц. Одним из центров нового направления в политической истории стал Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина, где еще в начале 1960-х гг. В.В. Коминым было проведено первое комплексное исследование, специально посвященное непролетарским партиям России<sup>1</sup>. Следуя в русле ленинской теории о закономерности их банкротства, автор, тем не менее обосновывал «совершенно неоспоримый» вывод о «весьма внушительной силе всего блока помещичье-буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции в России в 1917 году», который, «безусловно, был способен при благоприятных условиях одержать победу»<sup>2</sup>. Одним из историографических открытий В.В. Комина стала Российская радикально-демократическая партия. Ей был посвящен специальный раздел книги, стимулировавший исследовательский интерес к радикал-демократам<sup>3</sup>.

Об оживлении «историографического ландшафта» свидетельствовали, в частности, публикации Г.А. Федотовой и Н.Я. Куприца, посвященные политическим взглядам и общественной деятельности М.М. Ковалевского. Это были «первые ласточки», предвосхитившие череду «политических биографий»

---

посвящается / Под общ. ред. д-ра истор. наук, проф. П.Т. Тимофеева. М., 2005. С. 11-19.

<sup>1</sup> Колин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой октябрьской социалистической революции. М., 1965.

<sup>2</sup> Там же. С. 13.

<sup>3</sup> Там же. С. 366-373. Впоследствии к истории РРДП обратился В.П. Булдаков. Он характеризовал национальную программу этой партии как «буферную», т.е. стоящую «между эсеро-меньшевистскими и кадетскими национальными программами» // Булдаков В.П. Национальные программы правящих партий России в 1917 г. (проблемы взаимодействия). В кн.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 11-20. Отмечая «слабую популярность» РРДП, историк констатировал «существенный вес» радикал-демократов во Временном правительстве // Булдаков В.П. Политические маневры контрреволюции в 1917 г. К вопросу об изучении новых непролетарских политических образований. В кн.: Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конференции. М., 1982. С. 168-171.

лидеров либерального центризма в 1990-2000-е гг.<sup>1</sup> Однако исключительно значимым событием в изучении либерального центризма стало появление в 1973 г. первого исследования, посвященного истории Партии мирного обновления<sup>2</sup>. Его автор, В.М. Шевырин, впоследствии представил и наиболее полное «жизнеописание» гр. П.А. Гейдена, одного из основателей этой партии<sup>3</sup>. Являющийся на протяжении нескольких десятилетий признанным специалистом по данной тематике, именно Шевырин в 1985 г. поддержал призыв А.Д. Степанского к коллегам-историкам заняться специальным изучением истории ПДР, предшественницы мирнообновленцев в деле «обустройства» «срединного» течения в русском либерализме начала XX в.<sup>4</sup> Заметной вехой в историографии либерального центризма стала также монография Н.А. Балашовой, посвященная «Московскому еженедельнику» – неофициальному печатному органу ПМО<sup>5</sup>.

В 1977 г. вышло в свет фундаментальное исследование В.И. Старцева, главным предметом которого явились переговоры о создании в России правительства с участием «общественных деятелей», имевшие место в октябре 1905 г., июне-июле 1906 г., осенью 1915 г. и в конце февраля 1917 г.<sup>6</sup> Этих переговоров ранее касались в своих исследованиях Е.Д. Черменский, В.С. Дякин, Б.В. Ананьич, В.Я. Лаверычев. Однако именно благодаря Старцеву данная проблема стала объектом самостоятельного изучения, а причастность к упомянутым событиям видных деятелей «срединного» течения в русском либерализме (гр. П.А. Гейден, И.Н. Ефремов, М.А. Стахович, кн. Е.Н. Трубецкой, Д.Н. Шипов,

---

<sup>1</sup> Федотова Г.А. Политическое учение М.М. Ковалевского. Дисс. ... к.и.н. М., 1973; Куприц Н.Я. Ковалевский. М., 1978.

<sup>2</sup> Шевырин В.М. История Партии мирного обновления (1906-1907 гг.). Дисс. ... к.и.н. М., 1973.

<sup>3</sup> Он же. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007.

<sup>4</sup> Степанский А.Д. Процесс возникновения непролетарских партий России в освещении современной советской историографии // Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981. С. 8; Шевырин В.М. Революция 1905-1907 гг. (Обзор советской литературы). М., 1985. С. 35.

<sup>5</sup> Балашова Н.А. Российские либералы начала XX века. Банкротство идей «Московского еженедельника». М., 1981.

<sup>6</sup> Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1907 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

Н.Н. Львов, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов и др.) была раскрыта с максимальной (на тот период) полнотой.

Важнейшим этапом в изучении русского либерализма (а в дальнейшем – стимулом для расширения представления об этом многогранном явлении) стали публикации В.В. Шелохаева – первые монографические исследования, посвященные истории Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября»<sup>1</sup>. Впоследствии автором впервые был применен системный подход к анализу деятельности трех основных либеральных партий (включая «центристов») – кадетов, прогрессистов и октябристов<sup>2</sup>. При этом были выявлены не только общие закономерности функционирования этих партий в 1907-1914 гг., но и показаны особенности, присущие каждой из них.

Особо следует упомянуть также вклад Н.М. Пирумовой и К.Ф. Шацилло в изучение «корней» либерального центризма, «протопартийного» периода в его истории. Так, Пирумова, изучая эволюцию земского либерализма до начала XX в., обратила внимание на группу умеренно-либеральных деятелей, близких к журналу «Вестник Европы», который в конце 1905 - начале 1906 гг. стал платформой для образования ПДР. Историк пришла к выводу о том, что на рубеже XIX - XX вв. упомянутые деятели занимали своего рода «срединное» положение между «славянофильской» группой сподвижников Д.Н. Шипова, председателя Московской губернской земской управы (впоследствии близкой октябристам), и тверскими земцами-конституционалистами («влившимися» затем в кадетскую партию)<sup>3</sup>.

Идея «многосложности» русского либерализма была развита К.Ф. Шацилло, автором первого в советской историографии комплексного исследования истории либерализма накануне

---

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983; Его же. Партия октябристов в период первой русской революции. М., 1987.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991.

<sup>3</sup> Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 108.

революции 1905-1907 гг.<sup>1</sup> Он выступил против «упрощения и обеднения» данной проблемы, традиции искусственного «усреднения» либерализма, сформировавшейся еще до 1917 г. Исследуя подспудный процесс кристаллизации основных либеральных партий (кадетов и октябристов), Шацилло представил спектр различных течений отечественного либерализма, в т.ч. также отразил противоречивый характер его земской разновидности. В результате, автором монографии были обозначены контуры обширного поля деятельности для последующих поколений историков. В частности, им были зафиксированы важные аспекты предыстории ПДР и ПМО, отмечена видная роль будущих либералов-центристов в консолидации либеральной оппозиции вокруг Вольного экономического общества, различных профессиональных организаций интеллигенции в пореформенный период. Развивая мысль о «двух тенденциях в земском либерализме» (в лице правого и левого его «крыльев»), Шацилло в то же время констатирует факты, выходящие за рамки данной дилеммы. В этой связи примечательно его заключение о «какой-то средней позиции между конституционалистами и неославянофилами», которую пытался занять П.А. Гейден по организационным, программным и тактическим вопросам<sup>2</sup>. Данное наблюдение историк фактически распространил и на соратников графа по кружку «Беседа» (включавшему в себя ряд будущих либералов-центристов). Шацилло показал разномыслие в их среде (по вопросам о целесообразности организационных «улучшений» либеральной среды, выработки какой-либо конкретной программы, и др.), которое в определенной степени определило впоследствии некоторые характерные черты ПДР и ПМО. Знаменателен и вывод Шацилло о весомом вкладе «традиционного земского либерализма» в зарождение т.н. «нового либерализма». Фактически ученый предвосхитил обоснование той же мысли (в связи с характеристикой генезиса взглядов будущих лидеров ПДР) в новейшей историографии<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М., 1985.

<sup>2</sup> Там же. С. 116-117, 156.

<sup>3</sup> Речь идет, в частности, о публикациях, в которых характеризуется роль деятелей круга «Вестника Европы» (на рубеже 1905-1906 гг. – основателей ПДР) в зарождении

Таким образом, очевидно, что, советские историки, мобилизовав большой опубликованный и особенно архивный материал, существенно расширили представление о русском либерализме, органической частью которого являлось и «срединное» течение в нем. Разные грани интересующей нас проблемы «высвечивались» в ходе дискуссий советских историков о «жизнеспособности» прогрессизма, специфике Партии прогрессистов и особенностях ее становления, споров о «властебоязни» либералов в 1914-1917 гг. и др. Однако, несмотря на успехи, достигнутые к началу 1990-х гг. на данном направлении, интерес ученых к деятельности либералов-центристов носил, в основном, ситуативный характер. Зачастую оценки были основаны на стереотипах, закрепившихся за данной когортой еще до 1917 г. Господство классового подхода и марксистско-ленинской методологии побуждало исследователей концентрировать усилия на решении задач, далеких от проникновения в сущность либерального центризма. Установки партийных инстанций ориентировали ученых на совершенно определенный «ракурс» анализа прошлого страны (под углом зрения противостояния «контрреволюционных» сил и революционно-демократического лагеря) и соответствующие выводы, сводившиеся к заключению об исторической обусловленности и неизбежности победы большевиков и установления монопартийной системы в России. Следование в фарватере идеологических догматов неизбежно приводило к искажению исторических реалий, в частности, преувеличению степени «буржуазности» прогрессистов разных поколений и, соответственно, их социальной базы. Феномен «срединного» течения в русском либерализме не осмысливался всесторонне и комплексно как особое явление общественно-

---

в России еще в пореформенный период т.н. «нового либерализма», характерной чертой которого являлось сочетание стремления к политической свободе с глубокой и настойчивой проповедью социальных реформ // Китаев В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870-1880-е гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс]. М., 2008. С. 531-549; Хайлова Н.Б. Социальная справедливость и социальное государство: взгляд русских либералов-центристов начала XX века // Проблемы социальной справедливости и современный мир: Материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Череповец, 24-26 марта 2016 г.) / Под ред. О.В. Козловой (отв. ред.), А.Е. Новикова, Н.В. Алексеевой. Череповец, 2016. С. 30-35.

политической мысли и практики, имевшее предысторию, уходящую корнями в пореформенный период, впервые заявившее о себе в 1905-1907 гг. в связи с формированием российской многопартийности и присутствовавшее в политической жизни России вплоть до прихода к власти большевиков в 1917 г., претерпев к этому времени ряд этапов в своей эволюции.

Отсутствие системного подхода к рассмотрению либерального центризма, периферический интерес к соответствующим политическим партиям (за исключением Партии прогрессистов и Умеренно-прогрессивной партии) были характерны и для зарубежной (прежде всего, англо-американской) историографии<sup>1</sup>. Зачастую и в работах западных коллег, относящихся к интересующему нас периоду, ретранслировались традиционные клише (о малочисленности, непопулярности политических организаций либералов-центристов, о том, что ПДР и ПМО были «правее кадетов», а ПМО – «левее октябристов», и т.д.), присутствовала путаница в партийно-фракционной идентификации представителей «центра центра». Наряду с этим, утвердилось мнение о ПМО как точке отсчета в истории прогрессизма. Характерно, что, анализируя попытки политической консолидации московской «бизнес-элиты», ученые не склонны были преувеличивать «классовые интересы» прогрессистов, выделяли роль религиозного (старобрядческого) фактора в складывании «национально-либеральных» установок «кружка Рябушинского». В целом, позитивно оценивая перспективы «срединного» течения в русском либерализме, западные исследователи обращали внимание на проблемы в Партии прогрессистов. В ряде работ она характеризовалась как «парламентское явление, а не общенациональная организация», отмечалось противостояние накануне Первой мировой войны между думским лидером И.Н. Ефремовым и П.П. Рябушинским и его окружением. Особо выделим работы польского историка Эд. Вишневецки, на протяжении многих лет плодотворно занимающегося историей прогрессизма.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015. С. 126-154.

Его первый обобщающий труд на эту тему был опубликован в 1984 г.<sup>1</sup>

Возвращаясь к анализу советской историографии, отметим, что преодоление кризисной ситуации, сложившейся в изучении «непролетарских партий», и, в связи с этим, выход на новые «рубежи» в изучении взглядов и деятельности либералов-центристов, – стали возможны благодаря масштабному проекту по исследованию российской многопартийности, инициированному и возглавленному в начале 1990-х гг. доктором исторических наук, профессором В.В. Шелохаевым. Под его научным руководством в 1994 г. была защищена кандидатская диссертация, посвященная истории Партии демократических реформ. В работе впервые получил обоснование вывод об этой партии как идейном истоке «прогрессизма» и отправной точке организационного оформления данного течения общественной мысли, «вехами» эволюции которого стали партии Мирного обновления и Прогрессистов<sup>2</sup>. Благодаря обращению к первоисточникам и свободной от идеологической заданности проработке фактологического материала, к середине 1990-х гг. были представлены перспективные результаты первых опытов объективного осмысления дореволюционной многопартийности, в т.ч. взглядов и деятельности либералов-центристов<sup>3</sup>. А наиболее масштабным символом радикальных перемен стал беспрецедентный коллективный труд – энциклопедия «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (М., 1996). В издание вошло

<sup>1</sup> Вишневи Эд. Прогрессисты во время Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1984.

<sup>2</sup> Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ. Автореферат дисс. ... к.и.н. М., 1994.

<sup>3</sup> См., например, материалы, помещенные в 1993 г. в журнале «Политические исследования (ПОЛИС)», в рубрике «Партии и парламентаризм в досоветской России»: Петров Ю.А. «Третье сословие»: вхождение в политику // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 176-180; Хайлова Н.Б. ПДР, «партия здравого смысла» // Там же. С. 181-184; Шелохаев В.В. Прогрессисты – партия предпринимателей и интеллектуалов // Там же. 1993. № 4. С. 159-164; Шевырин В.М. Мирнообновленцы: в поисках «третьей силы» // Там же. С. 165-168; Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе» // Там же. 1993. № 6. С. 166-171. См. также: Петров Ю.А. Партии промышленников и предпринимателей; Шевырин В.М. Мирнообновленцы; Шелохаев В.В. Прогрессисты; Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ // Политическая история России в партиях и лицах / Сост.: В.В. Шелохаев (руководитель), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др. М., 1994. С. 7-73.



около 50 статей, связанных с историей центризма в русском либерализме начала XX в. Представленная в них информация о политических партиях, их лидерах и периодических изданиях (с краткой библиографией и ссылками на архивные источники) послужила основой для дальнейшей разработки темы.

**Ф.А. Селезнев<sup>1</sup>**

## **ПАРТИЯ КАДЕТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ**

В 1994 – 2001 гг. научным коллективом под руководством В.В. Шелохаева в рамках серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Документальное наследие» были изданы протоколы заседаний ЦК и материалы съездов и конференций Конституционно-демократической партии, а также журналы заседаний Всероссийского Национального Центра<sup>2</sup>. Публикация этого удобного для обработки массива документов, снабженного именными указателями, открыла перед историками практически неограниченные возможности для всестороннего анализа различных этапов деятельности партии Народной Свободы. Появление подобного комплекса источников особенно ценно для изучения роли кадетов в годы Гражданской войны – периода, который в историографии Конституционно-демократической партии (КДП) остается наименее изученным.

Теперь перед учеными стоит задача по осмыслению указанных материалов. Она уже начала выполняться в появившихся за прошедшее двадцатилетие диссертационных исследованиях<sup>3</sup> и

---

<sup>1</sup> Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

<sup>2</sup> Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. М., 1994-1999; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. М., 1997–2000; Всероссийский Национальный Центр. М., 2001.

<sup>3</sup> См. напр.: Сотова О.А. Национальная политика кадетов в составе белогвардейских правительств в период Гражданской войны в России. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2002; Кудряков В.В. Кадеты и левые партии в 1914 – 1918 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н.

обобщающих трудах. Среди последних следует особо выделить новую фундаментальную монографию В.В. Шелохаева «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции», в немалой степени опирающуюся на изданные под его руководством источники<sup>1</sup>. Отдельная глава в ней посвящена Гражданской войне.

Автор книги сосредоточился на трех основных аспектах истории кадетов в годы Гражданской войны. Это положение КДП после большевистского переворота, разработка кадетскими теоретиками программы «переходного периода» после свержения большевистской власти, деятельность кадетов в районах дислокации Белого движения. Каждая из этих тем является перспективной и для дальнейшего изучения, поскольку содержит ряд дискуссионных проблем и неизученных вопросов.

Укажем, во-первых, что советская историография рассматривала Гражданскую войну как противостояние победившего в ходе Великой Октябрьской социалистической революции пролетариата и свергнутых эксплуататорских классов. Политическим олицетворением последних считались кадеты. Поэтому, они, а не «мелкая буржуазия» (эсеры), рассматривались как основные противники большевиков. Например, в известной книге Л.М. Спирина конституционные демократы названы «главной партией реставрации власти буржуазии и помещиков»<sup>2</sup>.

В качестве одного из доказательств этого тезиса советские историки называли участие кадетов в деятельности комитетов спасения родины и революции. Так, по мнению Н.Г. Думовой, хотя во Всероссийском комитете спасения родины и революции «верховодили правые эсеры», в подавляющем большинстве

---

М., 2007; Карташова И.А. Кадеты в общественно-политической жизни Юга России 1917–1920 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. Кропоткин, 2011; Васильева Е.В. Программные установки и политическая практика кадетов Сибири (май 1918 – январь 1920): Автореф. дисс. ... к.и.н. Омск, 2011; Ехина Н.А. Трансформация политических позиций кадетской интеллигенции в 1917-первой половине 1930-х гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2012.

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

<sup>2</sup> Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 266.

губернских комитетов партия Народной Свободы играла «активную, а часто и доминирующую роль»<sup>1</sup>.

Среди современных историков есть те, кто придерживается этой традиционной концепции. Так, согласно В.Г. Хандорину, последствия большевистского переворота на время сплотили кадетов с социалистическими партиями, сообщая с которыми они создают органы сопротивления – комитеты спасения родины и революции<sup>2</sup>. Однако существует и противоположная точка зрения. В.В. Кудряков утверждает, что социалисты, вошедшие во Всероссийский комитет спасения родины и революции, «направили усилия на изоляцию кадетов от дела борьбы с большевиками и на обсуждение целесообразности компромиссов с РСДРП»<sup>3</sup>. Несмотря на кажущуюся экстравагантность, эта мысль находит надежное подтверждение в источниках. По образному выражению члена Всероссийского комитета спасения родины и революции князя В.А. Оболенского, кадеты чувствовали себя там «как белые вороны». Их не выбрали в бюро комитета и не подпускали к делу активного сопротивления большевикам. Чувствуя себя лишними в комитете спасения родины и революции, петроградские члены партии Народной Свободы перестали посещать его заседания<sup>4</sup>.

Похожая картина нарисовалась в Москве. На заседании Московской городской думы 28 октября 1917 г. гласные-социалисты (эсеры и меньшевики) отказались включить кадетов в состав созданного для противодействия большевикам Комитета общественной безопасности. Тогда возмущенный кадет Н.И. Астров покинул заседание, полагая «бессмысленным оставаться при таких условиях в коридорах Думы»<sup>5</sup>.

По такому же сценарию развивались события в Нижнем Новгороде. Там, как и в столицах, в городской думе большинством располагали эсеры. В силу этого, именно они возглавили антибольшевистское сопротивление. Кадеты же занимали в его

---

<sup>1</sup> Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 г. – 1920 гг.). М., 1982. С. 25, 27.

<sup>2</sup> Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и гражданской войны. Томск, 2010. С. 126.

<sup>3</sup> Кудряков В.В. Указ. соч. С. 13.

<sup>4</sup> Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 558, 560, 561.

<sup>5</sup> Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2005. С. 387, 389.

структурах подчиненное положение и, даже, как вчерашние «контрреволюционеры-корниловцы», подвергались политической дискриминации. Так, в выбранном 26 октября 1917 г. Нижегородской городской думой комитете защиты революции из десяти членов кадетов было только двое, а возглавил его эсер. При формировании думой 29 октября 1917 г. Объединенного комитета защиты революции (позднее – комитет спасения родины и революции) фракция меньшевиков объявила, что «находит невозможным присутствие в комитете представителя партии Народной Свободы, ибо она может послужить яблоком раздора, и Комитет не будет иметь авторитета в глазах масс». И хотя один кадет в состав комитета все же был выбран, заседания комитета спасения родины и революции он фактически не посещал, ибо ему было сказано, что «его присутствие там, как члена партии Народной Свободы, вредно отразится на отношении масс к самому Комитету». Наконец, когда эсеры в декабре 1917 г. формировали Союз защиты Учредительного собрания, конституционному демократу Е.М. Ещину без обиняков объявили, что партия Народной Свободы «как таковая, допущена быть в Союз не может»<sup>1</sup>.

Приведенные факты позволяют поставить вопрос о пересмотре характерного для советской историографии утверждения о том, что кадеты сразу после Октябрьской революции стали центром консолидации противников ленинской партии и применяли активные формы борьбы с большевиками. Скорее можно говорить об использовании конституционными демократами тактики «пассивного сопротивления». Отметим в этой связи, что в воззвании ЦК КДП от 27 октября 1917 г. содержится лишь один конкретный призыв – «не признавать власти насильников, не подчиняться их распоряжениям»<sup>2</sup>.

В то же время, неприятие партией Народной Свободы Октябрьского переворота не подлежит сомнению. Оно нашло яркое выражение в ходе кампании по выборам депутатов Учредительного

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 154-155.

<sup>2</sup> Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. М., 1998. С. 409.

собрания. «Против большевиков», – таков был руководящий лозунгом кадетов<sup>1</sup>.

В свою очередь, и большевики относились к партии Народной Свободы с наибольшей враждебностью и опаской. В.И. Ленин предлагал объявить партию кадетов вне закона. М.А. Ларин выступал за лишение конституционных демократов мандатов членов Учредительного собрания. В ночь на 28 ноября 1917 г. были взяты под стражу члены кадетского ЦК С.В. Панина, П.Д. Долгоруков, А.И. Шингарев, Ф.Ф. Кокошкин. В тот же день на заседании Совета народных комиссаров Л.Д. Троцкий указал на «связь кадетов с врагами народа – калединцами» и охарактеризовал ЦК КДП как «очаг контрреволюции, очаг восстания». Вслед за ним, Ленин внес проект декрета «об аресте виднейших членов центрального комитета партии врагов народа и предании их суду революционного трибунала». В результате Совнарком издал антикадетский «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции»<sup>2</sup>.

Судя по данным, введенным в научный оборот Л.Г. Протасовым, эти действия большевиков могут быть истолкованы как подготовка к исключению кадетов из числа депутатов Учредительного собрания, с тем, чтобы затем объявить его (по примеру французской революции 1789 г.) революционным конвентом. (За это ратовали Н.И. Бухарин и Л.Д. Троцкий)<sup>3</sup>. Однако противодействие эсеров заставило Ленина отказаться от этого шага и «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции» не получил практических последствий.

В.А. Степанов, взятый под стражу 28 ноября, был освобожден левым эсером из наркомата юстиции и скрылся. Новых арестов не последовало. Паниной 10 декабря 1917 г. Петроградский революционный трибунал вынес общественное порицание и отпустил. Долгоруков был освобожден без суда 19 февраля 1918 г. Несомненно, получили бы свободу также и Шингарев с Кокошкиным. Их убийство стало полной (и неприятной) неожиданностью для

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917-февраль 1917. М., 1976. С. 311-312.

<sup>2</sup> Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917-март 1918 гг. М., 2006. С. 62.

<sup>3</sup> Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 272.

Ленина. Вопрос о заказчиках преступления требует дополнительного изучения, поскольку обстоятельства убийства не позволяют списать его на спонтанное самоуправство «матросов-анархистов». Убийцы действовали слаженно и по одной и той же схеме: один сильно сдавливал жертве горло, лишая возможности сопротивляться, затем другой в упор стрелял ей в сердце и рот. Оба киллера входили в сводный отряд матросов Балтийского флота, который участвовал в установлении советской власти в Петрограде и Москве, разгоне демонстраций в поддержку Учредительного собрания, охране III Съезда Советов (командир Н.А. Ховрин, заместитель командира – А.Г. Железняков, начальник штаба – А.Ф. Ильин-Женевский).

В декабре 1917 г. давление органов советской власти на партию Народной Свободы ослабло и она, согласно данным, приводимым Думовой, возобновила открытую деятельность<sup>1</sup>. По оценке Шелохаева, кадеты могли вести легальную работу до конца мая 1918 г. Однако следов ее немного. В опубликованных материалах заседаний ЦК мы не видим сколько-нибудь значимых проявлений политической активности руководства КДП с декабря 1917 по февраль 1918 г. Это отразилось и на настроении местных групп партии. Хандорин на материалах Сибири показал, что этот период отмечен «определенной пассивностью, подавленностью и растерянностью основной массы кадетов»<sup>2</sup>.

Часть конституционных демократов, включая членов ЦК, в это время вообще отходит от политической деятельности и начинает работу в советских учреждениях. Некоторые из этих интеллигентов-кадетов проявляют лояльность к новой власти. Вопрос о формах их интеграции в советскую реальность, на взгляд автора, может стать темой отдельного исследования.

Были и партийные активисты, стремившиеся использовать легальные структуры для борьбы с большевизмом изнутри. Так Д.И. Шаховской 2 февраля 1918 г. в тезисах доклада ЦК партии Народной Свободы указывал на то, что партийные формы деятельности уже утратили «значительную долю своей силы» и необходимо найти другие общественные и массовые объединения,

---

<sup>1</sup> Думова Н.Г. Указ. соч. С. 83.

<sup>2</sup> Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 127.

которые можно было бы использовать. Среди них Шаховской отводил главное место кооперации<sup>1</sup>.

Впрочем, практического воплощения идеи Шаховского не получили. Наоборот, как в свое время было отмечено автором, в марте – апреле 1918 г. на уровне ЦК КДП и местных организаций рассматривался вопрос о возможности сотрудничества с большевиками в деле национальной обороны, в т.ч. в создании Красной армии<sup>2</sup>.

Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что своей главной задачей кадеты по-прежнему считали доведение до победного конца войны с Германией в единении с союзниками по Антанте. Не случайно партия Народной Свободы активизировала свою деятельность именно после заключения Брестского мира. Агитационная комиссия КДП 3 апреля 1918 г. решила его не признавать, «считать себя в состоянии войны с немцами» и «вести самую жестокую войну с германофильскими течениями в обществе...»<sup>3</sup>

В этой системе координат для кадетов возможным было взаимодействие со всеми политическими силами, выступавшими за возобновление войны, в т.ч. и с большевиками. Ведь многими представителями советского руководства Брестский мир воспринимался как краткая пауза перед возобновлением боевых действий, которую они использовали для создания новой армии.

На базе восстановления Восточного фронта кадеты были готовы искать союзников и справа и слева. Этим, по мнению автора, и объясняется их участие в Правом центре и Союзе возрождения (Левый центр), а отнюдь не стремлением получить партнеров для борьбы с большевиками, как это принято считать в историографии. Так В.В. Кудряков утверждает, что в основу Союза возрождения России (Левого центра) легла идея единого

---

<sup>1</sup> Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. С. 413-414.

<sup>2</sup> Селезнев Ф.А. Указ. соч. С. 158–159; Он же. Партия кадетов после Брестского мира: вопрос о выходе России из Первой мировой войны // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1-3 октября 2015 г. Орел, 2015. С. 316-318.

<sup>3</sup> Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. С. 422.

«демократического» антибольшевистского фронта<sup>1</sup>. Однако совсем по-другому расставил акценты современник и участник событий С.П. Мельгунов. В его интерпретации, задачей «Союза возрождения России» было «объединить всех тех, которые не признавали Брестского мира, всех тех, кто отстаивал единство России и стоял на демократической платформе; попытаться создать новый фронт при содействии союзников для борьбы с немцами»<sup>2</sup>.

Впрочем, следует признать, что в партии кадетов были и те, для кого главным врагом был большевизм, а не Германия. В историографии указанные политики обычно объединяются под названием «германофилов». Однако оно не может быть признано адекватным. Считать кадетов – членов Правого центра, а также П.Н. Милюкова или Н.В. Устрялова германофилами, т.е. сторонниками союза с Германией, было бы ошибкой. Очевидно, что идеология названного течения внутри КДП требует дальнейшего, более глубокого изучения.

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о роли кадетов в становлении диктаторских режимов А.И. Деникина, А.В. Колчака, Н.Н. Юденича и П.Н. Врангеля. Многие историки утверждают, что партия Народной Свободы политически и идеологически руководила ими. Так, Хандорин пишет о том, что колчаковский переворот был подготовлен при участии кадетов, и они, по существу, заняли положение правительственной партии<sup>3</sup>. Но есть авторы, полагающие, что политический вес кадетов в окружении Деникина и Колчака был не очень велик. По оценке Г.А. Трукана, либеральная группа в Особом совещании при Деникине не смогла преодолеть влияние реакционеров-военных. Что касается совета министров при Колчаке, то в нем наоборот доминировали не кадеты, а социалисты во главе с премьером П.В. Вологодским из партии эсеров<sup>4</sup>. (Правда, Хандорин характеризует Вологодского как беспартийного)<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Кудряков В.В. Указ. соч. С. 13.

<sup>2</sup> История «Союза возрождения России». Справка С.П. Мельгунова // Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1990. С. 81.

<sup>3</sup> Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 214-215.

<sup>4</sup> Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 83, 148.

<sup>5</sup> Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 215.



Похожая точка зрения представлена Н.А. Ехиной. По ее мнению, конституционные демократы «вынуждены были подстраиваться под политические взгляды тех, кто обладал реальной возможностью оказать вооруженное сопротивление большевикам». В итоге, в своей реальной повседневной деятельности, как на Юге, так и на Востоке России они «по существу брали на себя обязательства руководствоваться не столько кадетской программой, сколько политической платформой военных режимов Деникина и Колчака, и серьезного политического влияния, по сути, не имели»<sup>1</sup>.

Впрочем, с конца 1918 г. партию Народной Свободы уже нельзя считать единым субъектом политического процесса. Она, как справедливо отметил Шелохаев, потеряла свою «организационную целостность», что неминуемо сказывалось на ее идейной сплоченности<sup>2</sup>.

В это время у кадетов фактически отсутствует руководящий центр. М.М. Винавер и В.Д. Набоков, с сентября 1917 г. направлявшие работу кадетского ЦК, уехали в Крым. Милюков из-за попыток опереться на помощь Германии, был отторгнут партией. Все трое уже в 1919 г. оказались за границей. Организация подпольной антибольшевистской деятельности в Москве была результатом личных усилий Н.Н. Щепкина, а не партийных структур. В целом, к исходу Гражданской войны партия Народной Свободы оказалась не только не способна объединить на антибольшевистской платформе сколько-нибудь широкие общественные круги, но и сама не смогла консолидироваться.

---

<sup>1</sup> Ехина Н.А. Указ. соч. С. 22.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 636.

## **ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ АРХИВНОЙ ЭВРИСТИКИ**

Историографическое изучение любой проблемы связано с вовлечением в научный оборот новых массивов документов по тем темам, которые до сих пор остаются малоизученными. Тем более это важно применительно к русскому либерализму, чьи архивы долгое время оказывались труднодостижимы для исследователей. Среди причин, затрудняющих изучение русского либерализма, можно назвать значительную распыленность документов, образующих не только самостоятельные фонды, но и входящие составной частью в коллекции и фонды различных учреждений российской эмиграции, достаточно частое и не всегда контролируемое перемещение документов в течение первой половины XX в., а также осторожное отношение самой эмиграции к изучению ее архивов, ограничение доступа к своим документам из опасения того, что информация, в них содержащаяся, будет использована советскими спецслужбами. И, наконец, ограничения на доступ к документам, которые определяются архивным законодательством каждой страны отдельно. В результате всех этих сложностей, период вовлечения документов по русскому либерализму в научный процесс сильно растянулся во времени и не вполне завершился сейчас. Поскольку изучение русского либерализма и эмиграции возможно только при комплексном знании всего объема имеющихся документов, то сохраняется задача выявления, публикации и введения в научный оборот документов, рассредоточенных по разным архивам и библиотекам. С этой целью коллектив авторов подготовил справочник «Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939», вышедший в издательстве Директ-Медиа и содержащий систематизированную информацию о документах, характеризующих структурную составляющую российской

---

<sup>1</sup> Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, зав. сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

постреволюционной эмиграции<sup>1</sup>. Справочник позволяет реконструировать документальные комплексы по русской постреволюционной эмиграции в целом, выявить фонды и коллекции, в которых отложились источники по русскому либерализму, прежде всего в англоязычных странах – Австралии, Великобритании, Ирландии и США, актуализировать использование этих документов путем проведения выставок, конференций, всевозможных публикаций и т.д.

Документы справочника позволяют ответить на следующие вопросы: политические симпатии отдельных диаспор русской эмиграции, связь мест проживания эмиграции и наиболее представительные места хранения ее документов, выявление мест архивного хранения документов, история их попадания в архивы и использования. Материалы справочника позволяют классифицировать выявленные материалы по проблемному принципу, по институтам русской эмиграции, по архивам, их хранящим. Возможность такой классификации важна для изучения русского либерализма, поскольку позволяет понять, в каких именно странах жила либеральная эмиграция, как она институционализировалась, взаимоотношение различных групп внутри нее, и оценку ими основного вопроса русской эмиграции – вопроса о причинах и следствиях русской революции. Вместе с тем, справочник позволяет определить современные места хранения документов эмиграции и выявить соотношение различных групп этих документов, например, по времени создания: дореволюционные, созданные в ходе революции и Гражданской войны, возникшие в период деятельности эмиграции до 1939 г. или позже.

Постреволюционная российская эмиграция – уникальное явление в мировой истории. Значительный процент либеральной интеллигенции среди русских эмигрантов способствовал ее консолидации, созданию различных политических, творческих, профессиональных, благотворительных объединений, библиотек, издательств и периодических изданий. Все это создало исторический феномен, исследование которого еще не завершено,

---

<sup>1</sup> Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939. Материалы к межархивному справочнику // Сост. и авт. ввод. статей и приложений И.В. Сабенникова, В.Л. Гентшке, А.С. Ловцов. М.-Берлин: Директ-медиа, 2017.

отчасти по причине плохого знания исследователями мест хранения архивных документов русского зарубежья.

Общественная жизнь русской постреволюционной эмиграции выражалась в сложной системе различных социальных связей, представленных институтом общественных организаций. Существование широкого спектра различных политических течений, общественных объединений и организаций в русской диаспоре было закономерно. Как отмечают многие современные исследователи, это в значительной мере было связано с процессом международного транзита (перемещения) значительной части общественных институтов дореволюционной России на иную социальную почву, что создавало в итоге новые социальные образования. В результате таких преобразований бывшие русские консульства за рубежом выполняли функции правовых учреждений, а такая общественная организация как, например, Земско-городской комитет (Земгор) стал продолжением и развитием российского земского самоуправления в условиях эмиграции.

Общая идея борьбы с большевизмом, надежды на скорый крах советской системы, на возвращение привлекали в ряды этих организаций все новых членов из лиц, оказавшихся за границей после Гражданской войны. Общественные формирования эмиграции структурировались на основе общности интересов (политика, благотворительность, просвещение и т.п.) и стремления к достижению общих целей. Помимо сети всевозможных организаций, в эмиграции действовали политические партии и объединения. Они складывались по инициативе отдельных лиц и групп эмигрантов на добровольной основе, имели собственное самоуправление. Их влияние на эмигрантскую среду, сроки деятельности определялись целым рядом факторов – от востребованности до финансовой составляющей. Итогом взаимодействия эмигрантских общественных и международных организаций стал единый идентификационный документ – «нансеновский» паспорт, который более 20 лет подтверждал принадлежность беженцев из России к русскому зарубежью.

Объединительные процессы, шедшие в постреволюционной эмиграции в период 1920-1940-х гг., отличались различной интенсивностью, определяемой численностью и структурой эмигрантского сообщества различных стран. Однако центральным

всегда оставался вопрос об отношении к революции, принятие или непринятие ее в целом и отдельных ее этапов. В результате появилось множество групп, союзов и т.п., имеющих сходные цели, но предлагающих различные методы борьбы. Объединению в общества и союзы способствовала потребность сохранения своих национальных, культурных и духовно-нравственных ценностей, а идея возвращения на родину препятствовала ассимиляции и натурализации русских<sup>1</sup>, в результате чего процесс интеграции и социокультурной адаптации русских беженцев к социальным условиям европейских стран, США, Австралии и Китая завершился лишь к 1939 г.

Современная российская историография постепенно заполняет пробел в сфере знаний, касающихся российской диаспоры за рубежом и ее структурной составляющей. Но без глубокого изучения архивного наследия российского зарубежья, невозможно достоверное освещение истории российского эмигрантского сообщества. Русская эмиграция, ставившая своей стратегической целью возвращение в Россию, оставила потомкам богатое документальное наследие. Документы российской эмиграции отложились: в государственных архивах многих стран мира (Национальный архив США, Вашингтон; Национальный архив Финляндии, Хельсинки и т.д.); в архивных фондах университетов, музеев, библиотек (Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса; Литературный Архив Музея национальной письменности в Праге и т.д.); в архивах научных, общественных организаций (Архив института истории общества Макса Планка и

---

<sup>1</sup> Volkmann H.T. Die Russische Emigration in Deutschland. 1919-1929. Würzburg, 1966; Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881-1941. N.Y., 1972; Beyssac M. La vie culturelle de L'emigration russe en France. Chronique (1920-1930). Paris, 1971; Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. N.Y., 1990; Russian Emigrants. Contribution to the Scientific and Cultural Life of America. N. Y., 1985; Der grosse Exodus / Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941/ München, 1994; Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Аэрес, 1967; Русский Берлин.1921-1923. Париж, 1983; Беляков В.В. Приютила Африка Жар-птицу: Россияне в Египте. М., 2000; Российская диаспора в Африке. 20-50-е годы: Сб. ст. / Отв. ред. А.Б. Летнев. М., 2001; Казнина О.А. Русские в Англии: Русские эмигранты в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М., 1997; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924). М., 1997; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (Гражд. беженцы, армия, учеб. заведения) / Под ред. Пивовара Е.И. М., 1994.

т.д.); в архивах религиозных организаций (Архив Свято-Троицкой семинарии, Джорданвилль, США и т.д.); в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами (Музей русской культуры в Сан-Франциско и т.д.); в архивах различных эмигрантских организаций, находящихся у них, в личных архивах эмигрантов и их потомков (Архив Толстовского фонда в Вэлли Коттедж, США; Личное собрание А. Копршиовой-Вуколовой, Чехия и т.д.); в различных фондах (Фонд «Russia Cristiana», Италия и т.д.)<sup>1</sup>. Среди них документы как вывезенные из России, так и возникшие в процессе деятельности частных лиц и эмигрантских организаций.

Представители российской эмиграции, прежде всего либеральная интеллигенция, понимая необходимость сохранения документального наследия русского зарубежья, много сделали в этом направлении, обеспечив преемственность культурной традиции, разорванной революцией и десятилетиями установившегося после нее режима. Даже там, где русская эмиграция была незначительной, как, например, в Великобритании, где по некоторым данным находилось около 2000 русских беженцев, преимущественно либерально настроенной интеллигенции (В. Набоков, А.В. Тыркова-Вильямс, П. Виноградов, М. Ростовцев, Б. Анреп, А. Павлова, Н. Зернов и др.),<sup>2</sup> в архивах отложился достаточно обширный комплекс источников, связанных с Россией. Значительным собранием материалов российского происхождения располагают Государственный архив Великобритании (Public Record Office), Отдел рукописей Британской библиотеки (British Library), Библиотека Школы славянских и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East European Studies Library), Архив Королевского географического общества (Royal Geographical Society), архив Королевского общества (Royal Society) и др. Крупнейшим собранием документов русской эмиграции является Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса (Brotherton Library, University of Leeds). Среди документов этого архива фонд «Земгора»,

<sup>1</sup> Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М., 2014. С. 23-24.

<sup>2</sup> Каталог выставки «Русские в Англии: между двумя войнами (1917-1940 гг.)». БФРЗ 2000 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://old.bfrz.ru/dejat/vystavki/anglia/katalog.doc> (дата обращения 10.12.2016).

документы П.Г. Виноградова – профессора Оксфорда, правоведа и историка, отложившиеся сразу в нескольких коллекциях Лидского архива и др. Обширный фонд С.П. Мельгунова хранится в Отделе рукописей Британской библиотеки политических и экономических наук (British Library of Political and Economic Science). В Архиве Лейбористской партии (The Labour Party Archive) в фонде Российские материалы – записи выступлений А.Ф. Керенского по международным вопросам и экономическому положению в России (январь 1920 г.)<sup>1</sup>.

Даже в Республике Ирландия, где представителей первой волны эмиграции практически не было, хранятся документы, содержащие сведения о численности российских эмигрантов, о помощи им, о решении визовых проблем и т.д. Среди них Национальный архив (National Archives of Ireland. Dublin) и Военный архив в Дублине (Military Archives of Ireland. Dublin); Главная библиотека независимой англиканской церкви в Ирландии (Ирландской церкви) (Main Library of the Independent Anglican Church of Ireland (Church of Ireland)). Последняя хранит документы Ассоциации англиканских и восточных церквей (Anglican and Eastern Churches Association), содержащие информацию о Русской православной церкви в Лондоне, о Фонде помощи духовенству и т.д.

Наиболее представительной из стран в плане эмигрантских архивов являются США, где формирование русской диаспоры происходило постепенно и отличалось от других регионов. Численность русской эмиграции здесь значительно возросла после Второй мировой войны, в результате расширения социалистической политической системы, когда многие эмигранты из стран Восточной Европы и Китая вынуждены были вторично эмигрировать, главным образом, в США и, в меньшей степени, в Австралию. Именно в США на подъеме холодной войны сложились наиболее представительные по составу документов архивные хранилища, которые продолжают работать и в настоящее время.

Наиболее значительным из эмигрантских архивов в США стал

---

<sup>1</sup> См. подр. Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.М. Архивные материки Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. М.-Берлин, 2015. С. 82-109 (То же. [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=279329>).

Музей русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско. Постоянный интерес у исследователей вызывают коллекции Архива Гуверовского института (Hoover Institution on War, Revolution and Peace), являющегося одним из крупнейших зарубежных хранилищ документов по истории России периода Первой мировой войны и революции. Здесь находятся интересные документы, содержащие сведения о численности и положении русской диаспоры в мире, документы, характеризующие выдающихся представителей эмиграции. Среди них наиболее востребована исследователями коллекция Бориса Николаевского, одна из самых интересных эмигрантских коллекций, приобретенная институтом в 1963 г. В нее включены документы российских политических партий преимущественно левого толка, а также ряда крупных политических деятелей, документы, относящиеся к жизни русской постреволюционной эмиграции. Фонд Николаевского состоит из 203 подгрупп (серий), сгруппированных по принципу происхождения документов. 39 серий содержат документы организаций. Лучше всего представлена документация меньшевистского крыла РСДРП, это самая репрезентативная коллекция меньшевистских документов за пределами России и бывшего СССР. В фонде также отражена деятельность Государственной думы, февральская и октябрьская революции 1917 г., Гражданская война и т.д.

Бахметевский<sup>1</sup> архив (Columbia University in the City of New York, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture) был создан в 1951 г. в США по инициативе бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне, профессора Инженерной школы Колумбийского университета Б.А. Бахметева для хранения документов из России и Восточной Европы, оказавшихся за границей после революции 1917 г. и Гражданской войны, а также в последующие годы. Бахметевский архив является одним из основных по объему хранилищем российских документов за пределами России и бывшего Советского Союза. Здесь хранятся документы, отражающие важнейшие исторические события, послужившие причиной эмиграции из России, – революцию 1917 г. и Гражданскую войну, мемуары общественных и государственных

---

<sup>1</sup> В литературе встречается различное написание названия архива на русском языке – Бахметьевский архив и Бахметевский архив. Это связано с написанием фамилии его создателя Бахметьев или Бахметев.



деятелей, лидеров политических партий и революционного движения, участников Первой мировой и Гражданской войн. В документах личного и официального характера освещена деятельность военных и гражданских учреждений, имевших отношение к событиям первой четверти XX в. Среди других выделяется фонд Б.А. Бахметева – инициатора создания русского архива (документы за 1914–1951 гг., около 34000 ед. хр.). Большая часть фонда относится к периоду 1917–1922 гг. Тематические папки в основном содержат документы, относящиеся к периоду Гражданской войны, посвященные Парижской мирной конференции, созданному Бахметевым фонду и Советский России начала 1920-х гг. Печатные материалы включают в себя брошюры, журналы и газетные вырезки. Также имеются собранные вместе отчеты различных департаментов российского посольства и миссии с 1917 до начала 1920-х гг.

Интересные документы отложились и в некоторых учебных учреждениях США. Так, Архив Центра российской культуры при колледже г. Амхерст, Массачусетс (Amherst Center for Russian Culture, Amherst College, Amherst, Massachusetts) был создан в 1991 г. на основе коллекции документальных материалов российской эмиграции, переданной колледжу г. Амхерст известным русистом Томасом П. Уитни (Thomas P. Whitney). В архиве содержатся рукописи, книги, периодика и другие документы, связанные с русской постреволюционной эмиграцией. В Библиотеке школы права Гарвардского университета (Harvard Law School Library, Harvard University) хранится архив директора Американского Красного креста на Ближнем Востоке – Чарлза Клэфлина Дейвиса, в состав которого входят документы и фотографий о жизни русских белоэмигрантов 1919-1923 гг. в Турции. В особой коллекции (Special collection) библиотеки Джоржтаунского университета в Вашингтоне находится архив известного американского дипломата и советолога Роберта Ф. Келли, содержащий документы периода, предшествующего признанию Советской России Соединенными Штатами Америки в 1933 г. В Свято-Троицкой Духовной Семинарии (The Holy Trinity Orthodox Seminary) г. Джорданвилль имеются интересные коллекции документов Русского общевойскового союза, В.А. Абданк-Коссовского, П.Н. Краснова, В.А. Маевского и др.

Российская диаспора в Австралии географически одна из самых отдаленных и далеко не самая многочисленная, ее формирование, как и формирование других российских диаспор, зависело от изменений политической и экономической ситуации в России и мире. С 1920 по 1940 г. здесь нашло приют чуть больше 2 тыс. русских беженцев. Главным центром русской иммиграции в Австралии был Квинсленд, где проживало около половины русских австралийцев. В годы Второй мировой войны и после нее сюда приехала часть эмигрантов проживавших ранее в странах Европы и Азии, а так же перемещенных в ходе Второй мировой войны лиц, т.н. «ди-пи»<sup>1</sup>. Эмигрантского архива русским в Австралии создать не удалось, но в 2016 г. в Сиднее открылся небольшой музей, характеризующий жизнь русских на этом континенте.

Материалы русского происхождения отложились в различных архивохранилищах Австралии, например, в National Archives of Australia (NAA) , а также в библиотеках этого континента. Среди них Митчелловская и Фишеровская библиотеки (Сидней)<sup>2</sup>. Отдел рукописей и фотодокументов Государственной библиотеки Нового Южного Уэльса, Библиотека университета штата Квинсленд (University of Queensland Library, Brisbane, Australia), в которой находится обширная коллекция документов по истории русско-австралийских связей – «Бумаги Томаса Пула и Эрика Фрида»<sup>3</sup>. Помимо архивов и библиотек, материалы о россиянах находятся и в мемориалах и музеях Австралии, как, например, в Австралийском военном Мемориале (Australian War Memorial), в Канберре.

---

<sup>1</sup> См. подробно: Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в.-вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010.

<sup>2</sup> Библиотека Митчелла – часть Государственной библиотеки штата Новый Южный Уэльс, которая занимает помещения двух зданий, соединенных между собой. Более старое здание (1906 г.) носит название библиотеки Митчелла. В ней находится бесценная коллекция рукописей. Библиотека Фишера (Fisher Library) – главная библиотека Сиднейского университета, обладающего самым обширным собранием книг в Южном полушарии, насчитывающим более 2 млн. томов.

<sup>3</sup> Массов А.Я. Коллекция документальных материалов по истории русской иммиграции в Австралии в библиотеке Квинслендского университета // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2009. Вып. 11-12. С. 66-69.

Имеются и семейные архивы русских эмигрантов<sup>1</sup>.

Процесс формирования документальных коллекций и фондов русской эмиграции проходил под влиянием различных обстоятельств, что привело к тому, что лишь в редких случаях весь объем документальных источников хранится в одном архиве, большей же частью они рассредоточены по различным хранилищам, что значительно осложняет работу исследователей. Учитывая данную особенность, исследователи постарались свести воедино всю разрозненную до настоящего времени информацию.

Например, документы такой известной русской общественной благотворительной организации как Российский Красный Крест хранятся в архивах разных стран. Несмотря на то, что в англоязычных архивах нет отдельного фонда РОКК, тем не менее, документы, характеризующие деятельность этой значимой организации русского зарубежья, можно найти в ряде фондов Бахметевского архива (США) и архива Лидса (Великобритания). В определенной степени это связано с тем, что в состав организации входили многие видные общественные деятели эмиграции, по своим политическим взглядам близкие к конституционным демократам или монархистам (граф П.Н. Игнатъев (президент), Б.Е. Иваницкий, барон Т. Нольде (бывший тов. Министра иностранных дел), М.С. Аджемов, Н. Антонов, Е. Бинексен (бывший член думы), А. Шаманский (бывший член совета по сельскому хозяйству), А.И. Гучков (бывший председатель Государственной думы), Васильчиков и граф В.Н. Коковцев), в состав архивных фондов которых входит деловая переписка по вопросам РОКК, уставные и программные документы, мемуары и воспоминания. Так, в Бахметевском архиве (USA BAR) находятся фонды Игнатъева П.Н. (Ignatev, Pavel Nikolaevich, graf) и Лодыженского Ю.И. (Lodyzhenskii, Iurii Ilich), а в архиве Лидса (UK LRA) документы семьи Саблина (Sablin Family).

Рассеянными по архивохранилищам оказались документы другой важной организации русского зарубежья – Совецания послов, созданной в Париже в 1921 г. на совещании российских послов, не признавших РСФСР. Председателем организации был

---

<sup>1</sup> Govor E. Russian Anzacs in Australian History. UNSW Press in association with the National Archives of Australia. Australia, 2005. P. 307 (Говор Е. Российские «Анзаки» в истории Австралии).

выбран русский посол в Риме, старейшина дипкорпуса – М.Н. Гирс (товарищ председателя – В.А. Маклаков). Бывшие послы защищали интересы русских эмигрантов в странах их пребывания вплоть до 1940 г. Документы, касающиеся организации, оказались распыленными между тремя архивами и вошли в состав пяти фондов, преимущественно лиц, участвовавших в ее деятельности: Саблина Е.В. (Sablin, Evgenii Vasilevich) USA BAR, Гирса М.Н. (Mikhail Nikolaevich de Giers USA HIA), Маклакова В.А. (Maklakov, Vasily Alekseyevich) USA HIA и Архива Земгора (Суб-коллекция: LRA MS 1500) UK LRA.

Справочник «Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939» включает разделы, характеризующие структуру российской постреволюционной эмиграции: российское государство накануне октября 1917 г.; Белое движение в годы Гражданской войны; общественно-политические движения, партии и организации; военные, военно-политические организации и союзы российской эмиграции; дипломатические представительства и организации; религиозные конфессии, организации, союзы; печать; коммерческие организации; профессиональные объединения, творческие союзы; благотворительные, ветеранские организации, объединения и фонды; научные, учебные организации и объединения; культурно-просветительные, досуговые, спортивные общества, объединения по интересам; молодежные движения, союзы, организации; дом Романовых, включающий в себя как фонды, непосредственно принадлежащие его членам, так и фонды различных лиц, организаций, имеющие в своем составе документы, относящиеся к российской монархии; зарубежные организации, поддерживавшие беженцев и эмигрантов; дополнительные материалы к теме. Информация об организациях, учреждениях, описываемых в тексте, биографические сведения приводятся по аннотациям архивных фондов, справочным изданиям, в т.ч. библиографическим, специальным научным исследованиям.

Таким образом, появление межархивного справочника «Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939» вносит ценный вклад в изучение русского либерализма. Введение в научный оборот информации о местах хранения различных материалов по русской постреволюционной эмиграции позволяет расширить источниковую базу современных

исследований в области либерализма и открывает новые возможности изучения русского либерализма по самым разным направлениям – географическому, персональному, институциональному и другим, позволяя исследователям найти ответы на нерешенные вопросы.

**В.В. Журавлев<sup>1</sup>**

### **«ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» П.Н. МИЛЮКОВА: СИМБИОЗ ВЗГЛЯДОВ УЧЕНОГО И ПОЛИТИКА<sup>2</sup>**

Труд выдающегося русского историка и политика Павла Николаевича Милюкова «История второй русской революции»<sup>3</sup>, созданный им по свежим следам описываемых событий февральского этапа Великой российской революции 1917 г., занимает особое, можно сказать, уникальное место в отечественной историографии. Являясь одновременно и важным, бесценным источником, и весомым историографическим фактом. А, точнее, – исследовательским трудом с активным авторским включением в воссоздание, описание и оценку данных событий, свидетелем и активным участником которых он был.

Само введенное в название определение жанра данного труда как «истории» сознательно выводит авторский замысел за грань собственно воспоминаний, выдавая нацеленность на концептуальную отстраненность в возможных пределах от позиций собственного «Я». Усиливает эту тенденцию и принятое автором решение упоминать о себе как об актере, активном «игроке» на

---

<sup>1</sup>*Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории.*

<sup>2</sup>Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17 – 01 – 00237 «Общественная мысль России с древнейших времен до первой трети XX века. Коллективная монография в 4-х томах».

<sup>3</sup>Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 767 с. Научный комментарий к изданию подготовлен А.В. Репниковым.

политическом поле только в третьем лице. Максимально проясняя суть своего замысла, Павел Николаевич заявляет в Предисловии: «"История" ставит себе иную задачу, чем "Мемуары". Она принципиально отказывается от субъективного освещения и заставляет говорить факты. Факты подлежат объективной проверке, и поскольку они верны, постольку же бесспорны и вытекающие из них выводы» (с. 11).

Профессионализм историка, однако, заставляет автора сделать при этом весьма важные оговорки: «Другой вопрос, насколько самые факты известны и насколько они собраны с надлежащей полнотой, чтобы позволить определенные выводы. Не может быть сомнения, конечно, что дальнейшее накопление и изучение фактов оставит далеко позади предлагаемый первый опыт их предварительной установки». Естественные оговорки эти, однако, не останавливают автора в самооценке исследовательского характера собственного начинания. Он «льстит себя надеждой, что при этом не очень изменятся намечаемые им выводы» (с. 11).

Одно дело, однако, представить и выстроить факты о тех или иных событиях, а другое – дать им оценку. Милюков, прекрасно понимая это, не скрывает от читателя, что из предлагаемого им «рассказа, несомненно, вытекал определенный политический вывод». И в этом уже правомерно усматривать заявку на признание самим автором двух ипостасей в видении и оценке воссоздаваемых им событий: с уровня, с одной стороны, ученого-историка, а, с другой стороны, ключевого политика либеральной направленности. Сложная парадигма взаимовлияния и переплетения указанных начал позволяет нам ввести термин «*симбиоз*» для характеристики диалектики их взаимодействия. Напомню, что понятие это обозначает «сожительство организмов совершенно разных видов, чаще всего полезное для обоих участников»<sup>1</sup>.

Переводя термин, взятый из области биологии, в сферу историографического рассмотрения, важно подчеркнуть такую важную особенность данного явления как взаимную полезность, возможно даже благотворность, такого рода сосуществования для его участников, что мы можем наблюдать, применяя это понятие при оценке социальных отношений, практически в любой области

---

<sup>1</sup>Большой словарь иностранных слов. М., 2012. С. 734.

человеческого бытия и сознания. В рассматриваемом же случае – для двух «Я» в авторском восприятии событий: с позиций, с одной стороны, скрупулезного исследователя фактов и явлений, с другой же – политически ангажированного активного их участника.

Уточняя специфику рассматриваемого труда, следует подчеркнуть, что перед нами *политическая* история событий 1917 г., направленность и содержание которой отвечает критериям именно этого исследовательского жанра. «Главной движущей силой», если употребить этот марксистский термин, революционного процесса для автора являются его акторы – политики, в согласии одних и непримиримой схватке с другими «ткущие» полотно истории.

Касаясь источниковой базы «Истории», нельзя не отметить, что она достаточно обширна и разнообразна с учетом тех сложных условий, в которых данное исследование создавалось. Одной из главных ее составляющих можно признать периодическую печать. Автор так или иначе обращается к материалам почти трех десятков газет и журналов в широчайшем диапазоне «от монархизма до анархизма»: от охранительно-консервативной газеты «Новое время», издания деловых кругов «Биржевые ведомости» и солидного историко-литературного журнала «Вестник Европы» до большевистской «Окопной правды» и захваченной анархистами газеты «Русская воля». Не остаются без внимания и одиозные издания типа «Вестника Союза освобождения Украины», исповедовавшего прогерманские взгляды украинских ультра националистов. Важное место, естественно, занимает либеральная печать («Речь», «Русское Слово», «Свободный Народ»), а для анализа послеоктябрьских событий – советские «Известия» и большевистская «Правда».

Широко пользуется автор и изданиями русской эмиграции 1918-1923 гг., в т.ч. мемуарного характера. Такими, как «Архив русской революции», в 1-м томе которого были помещены воспоминания В.Д. Набокова – члена ЦК кадетской партии, одного из ближайших соратников Милюкова, вместе с которым в 1919 г. он издавал в Лондоне журнал «New Russia». Обращение к документам своей партии и информация, полученная автором из личного общения с широким кругом политических лидеров 1917 г., дополняют отечественную источниковую базу исследуемого труда, делая ее в

целом вполне репрезентативной для проведения объективного исследования.

Широко привлекается зарубежная информация. В том числе, книга американского посла в России Дэвида Френсиса<sup>1</sup> (615). Не мог обойти своим вниманием Милюков и «брошюру» представителя Белого дома в Петрограде Эдгара Сиссона «Германо-большевистский заговор» (у Милюкова просто «The Bolshevik Conspiracy» – с. 586), опубликованную в 1918 г. американским правительственным Комитетом по общественной информации и содержащую в приложении 68 документов, якобы свидетельствовавших о поддержке большевиков со стороны Генштаба Германии.

Тема «немецкого золота» большевиков, получившая широкое распространение в западной советологии и возрожденная некоторыми «новаторами» на российской почве в 1990-е гг., требует специального рассмотрения<sup>2</sup>. В данном случае обращает на себя внимание исследовательская осторожность, с которой Милюков подошел к оценке, посчитав, в частности, необходимым отметить: «Основательность сомнений (в подлинности данных документов – В.Ж.) была признана союзными правительствами и на документы перестали ссылаться... Точного критерия я до сих пор не имею» (с. 586-587). Осторожность эта оказалась оправданной. Впоследствии (в 1956 г.) американский историк и дипломат Дж. Кеннан признал данные документы подделкой («апокрифом»)<sup>3</sup>, что в отечественной историографии было подтверждено исследованиями Г.Л. Соболева и В.И. Старцева.

Своеобразным «косвенным» источником данного труда можно признать дневник<sup>4</sup> автора «Истории». Хотя хронологически он не относится к событиям 1917 г., но последовательно фиксирует авторские суждения и размышления, а также политические дискуссии последующего периода по проблемам, корнями своими уходящим в описываемое им время. Постоянное обращение к оценке опыта и ошибок недавнего прошлого в дневниковых

---

<sup>1</sup>Russia from American Embassy, by David R. Francis. N.Y. Scribner's, 1921.

<sup>2</sup>Наиболее тщательный анализ pro et contra в подходе к данной проблеме см.: Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 224-252.

<sup>3</sup>Kennan G.F. The Sisson Documents // Journal of Modern History, 1956. Vol. № 2. P. 130-154.

<sup>4</sup>Дневник П.Н. Милюкова. 1918- 1921. М., 2004. 847 с.



записях, которые велись параллельно с работой автора над книгой, несомненно, держало его «в тонусе» в ходе исследовательского процесса.

Создавая свой труд, Милюков-ученый руководствовался выработанными и многократно опробованными им (прежде всего в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры»), методологическими принципами. «Целью исторического познания, – как удачно обобщает их суть Н.И. Канищева, – П.Н. Милюков считал выявление закономерностей путем последовательного углубления анализа в направлении от сложносоставных явлений, представляющих собой результат действия различных сил, к более простым, чтобы получить элементарные слагаемые, которые могут быть объяснены посредством законов естественно-научного знания (метод "социологической дедукции")»<sup>1</sup>.

Исследуемый труд создавался поэтапно, в сложной, постоянно меняющейся обстановке: исторической, событийной, политической, чисто житейской. Работа над ним растянулась на несколько лет. Началась она в 1918 г. в Киеве, где автор оказался, будучи вынужденным покинуть Петроград после большевистского декрета от 28 ноября 1917 г., объявлявшего Партию конституционных демократов «врагами народа». Надо отметить, что именно в это время личностное и политическое неприятие большевизма достигло у Милюкова апогея. Это выразилось, в частности, в том, что он – вопреки позиции части однопартийцев – вступил в переговоры (впоследствии признав их ошибочность) с оккупировавшим Украину германским военным командованием о помощи Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева, временно потеряв на этом полномочия председателя ЦК партии. Завершалась же работа над «Историей» уже после окончания Гражданской войны (вплоть до 1923 г.) в эмиграции – в Англии, а затем во Франции.

Излишне говорить, что структура труда, содержащего 3 выпуска, а точнее – проблемно-тематического «узла»

---

<sup>1</sup> Канищева Н.И. Милюков Павел Николаевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 574. Специально об этом см.: Пустарнаков В.Ф. Социологическая концепция П.Н. Милюкова – антитеза метафизической философии истории // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 11-32.

(«Противоречия революции», «Корнилов или Ленин?», «Агония власти»), тщательно выверена. Хронологически выстроенный событийный подход органично связан с проблемно-аналитическим. Читатель получает четкое представление о том, как, зародившись в ходе февральских событий, революционная волна нарастала от этапа к этапу, достигнув «девятого вала» к октябрю 1917 г. Как в ходе этого нарастания менялась расстановка, конфигурация социальных и политических сил и таяли надежды их либеральной составляющей на стабилизацию ситуации в стране.

Образцом многофакторного подхода можно признать уже содержание первого раздела первой главы «Корни второй революции».

Автор видит эти корни прежде всего в историческом прошлом страны. На протяжении всего своего творческого пути, начиная с «Очерков по истории русской культуры», он пытается разгадать код дихотомии «Россия – Европа». Позиция Милюкова-политика заставляет его, по справедливому замечанию американского исследователя Т. Эммонса, занимать позицию «посредника между крайностями исключительности и тождественности (с европейской моделью – В.Ж.) в интерпретации исторического пути России (ибо ставкой было *будущее* страны, и радикал-либерал Милюков находил неприемлемым видение *будущего* обеими сторонами)». Впоследствии в стремлении дистанцироваться уже от евразийцев<sup>1</sup>, он фактически разрушает дихотомию Россия – Европа «признанием существования множества "Европ" и конструированием западно-восточного культурного уклона, который включал Россию как самый восточный фланг Европы и, следовательно, как самую своеобразную европейскую страну, наиболее подверженную азиатскому влиянию, но, тем не менее, европейскую»<sup>2</sup>.

В реалиях начала 1918 г., когда создавалась первая часть его труда, носящая название «Противоречия революции», Милюков был склонен к повторению своих прежних убеждений в том, что «мы не могли *еще* (выделено нами – В.Ж.) выработать что-либо

<sup>1</sup> Специально об этом см.: Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков в полемике с евразийской концепцией русской истории // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. С. 62-73.

<sup>2</sup> Эммонс Т. «Запоздалость» или «своеобразие»? Проблема русского исторического процесса у П.Н. Милюкова // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. С. 57, 58.

подобное устойчивому западному культурному типу». И что: «Неорганичность нашего культурного развития есть неизбежное следствие его запоздалости».

На этой позиции историка базировались прежние, исходные убеждения Милюкова-политика, теоретика и стратега либерального движения в стране. Он полагал, что по мере осознания сущности старого режима как врага общества в целом два главных социально-политических течения в стране – социалистическое и либеральное – «получат возможность совместных действий ... в борьбе с общим врагом». Убеждения эти, сформировавшиеся еще в канун Первой российской революции, не в последнюю очередь опирались, надо полагать, на знание (и признание возможности его применения) опыта взаимодействия либерального и социалистического движений на Западе.

Ход и результаты российского революционного процесса поставили крест на этих убеждениях. Не подобрав в свое время «ключ» к диалогу с царской властью в силу «неискренности уступок» старого режима, Милюков и его партия в ходе партийно-политической борьбы 1917 г. оказались отброшенными «социалистической демократией» на периферию революционного, а – в итоге – и исторического процесса. Признавая это, Павел Николаевич, вместе с тем, видит в таком развороте событий прежде всего «неполное приспособление русских политических партий к условиям и требованиям русской действительности».

Данное суждение, на наш взгляд, акцентируя фактор «запоздалости», не снимает с повестки дня проблему «своеобразия». И в этом можно узреть позицию именно историка, прошедшего суровую школу политической борьбы, опыт которой заставил его рассматривать как историческую данность явления, уже не подвластные анализу в русле его прежнего понимания дихотомии «Россия – Европа».

Характерна именно для взглядов российского либерала точка зрения на февральские события, выраженная в заголовке «Четвертая Гос[ударственная] Дума низлагает монархию». «Парадигма конституционной революции как либеральная альтернатива проекту социальной революции», по точной оценке

современного исследователя<sup>1</sup>, находит в данном заголовке наиболее явное и яркое проявление.

Характерна в этом отношении самооценка, которую Милюков дает своей – направленной против правительства и «членов придворного кружка, с именем императрицы во главе» – речи в Государственной думе от 1 ноября 1916 г. с ее ставшим легендой рефреном «Глупость это или измена?». Опубликованная лишь через месяц, она, тем не менее, сразу же после произнесения разошлась в рукописных списках по всей стране. «Этот громадный отзыв, – заключает Павел Николаевич, – сам по себе превращал парламентское слово в штурмовой сигнал и являлся красноречивым показателем настроения, охватившего всю страну. Теперь у этого настроения был лозунг, и общественное мнение единодушно признало 1 ноября 1916 г. началом русской революции» (с. 35). На этот раз предельно точный в большинстве своих оценок автор не уточняет, что он вкладывает в понятие «единодушное общественное мнение», прекрасно понимая, что для большей части крестьянства, например, этот «лозунг» вряд ли дошел.

Такой (назовем его сугубо правоведческим) подход опирается на тезис об особой роли политиков, «вождей» в революции в силу пассивности, инертности, неподготовленности для социально-политических преобразований широких масс населения. Милюков был глубоко разочарован, более того – уязвлен их позицией, как она ему представлялась тогда, в ходе событий 1917 г. А именно: безразличием к «агонии», по его собственным словам, Временного правительства и власти в целом; пассивной реакцией на захват власти большевиками в октябрьские дни; более чем скромными для либералов итогами выборов в Учредительное собрание (собрав 4,5% голосов избирателей, кадеты получили 14 депутатских мандатов из 765)<sup>2</sup>; равнодушием большей части, казалось бы, уже

---

<sup>1</sup> Медушевский А.Н. Почему либералы проиграли русскую революцию? Революция и либерализм в сравнительной перспективе // Либералы и революция: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общ. ред. д.и.н., профессора В.В. Шелохаева. Орел, 2017. С. 20.

<sup>2</sup> См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164. См. также: Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. 555 с.

ставших *юридически* гражданами россиян к разгону Конституанты и объявлению кадетов «врагами народа».

По свежим следам всех этих коллизий лидер отечественного либерализма не пытается смягчить своих жестких оценок тому, что называет «душой народа», «душой предков»: «Наша русская *âme ancestrale* (душа предков – В.Ж.) продолжает, очевидно, представлять ту плазму, на которой лишь слабо и отрывочно запечатлелись отметки истории. Основным свойством ее еще остается та всеобщая приспособляемость и пластичность, в которой Достоевский признал основное свойство русской души, – идеализировав его, как "всечеловечность". В политическом же применении, бесформенность этой души проявляется как... догосударственный "анархизм"...» (с. 22).

Запальчивость эту (не лишнюю, впрочем, определенных оснований для человека, твердо стоящего на позициях верховенства права) можно объяснить, в том числе, состоянием психологического потрясения, в котором пребывал Милюков в первые месяцы 1918 г., когда писались эти строки. Однако 27 декабря 1920 г., находясь в Лондоне, он в Предисловии к своему труду, возвращаясь к оценкам почти 3-летней давности, фактически признает их скоропалительными.

Убедившись, что «революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи», в силу чего «роль вождей в событиях оказывается менее активной», Павел Николаевич ратует за то, что «должно быть сильно исправлено и ходячее представление о пассивной роли инертной массы», которое, как мы могли убедиться выше, исходило от него самого.

Окончательные представления Милюкова конца 1920 г. кардинально отличаются от его умозаключений начала года 1918-го, когда ему «казалось», что масса русского населения «действительно только *терпела*». Опыт политика и зоркость историка, как бы слившись воедино (вот оно одно из свидетельств обоюдной пользы симбиоза двух «Я»!), подталкивают его к обоснованию новой парадигмы в решении проблемы соотношения начал стихийности и сознательности и алгоритма поведения масс в революции: «...Обозревая теперь весь процесс в его разных фазах, мы начинаем приходить к выводу, что терпение масс, все

же не было вполне пассивным. Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события клонятся не в сторону их интересов».

Вывод, проистекающий из этого, уже мало напоминает представления Павла Николаевича как политика собственно либерального толка, заставляя нас вспомнить о материалистических его «грехах» молодости: «Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, пока еще в неясных очертаниях, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, сказалась коллективная народная мудрость».

Такое буквально «озарение» заставляет Милюкова увидеть, «подводя актив и пассив», в русской революции «то же, что показало изучение великой французской революции». А именно: «Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, – но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос; вопрос о земле» (с. 12-13).

Разобранная ситуация позволяет нам судить о том, как непросто складывался у Милюкова дискурс в интеллектуальном пространстве между двумя ипостасями собственного «его»: «Я-историка» и «Я-политика». Но самое важное здесь заключается в том, что неизбежно возникающие на этой почве нестыковки, противоречия он стремится преодолевать сугубо самостоятельно. Строгая опора на факты в осмыслении и переосмыслении ключевых событий революционного процесса 1917 г. оборачивается тем, что в большинстве случаев Милюков-историк берет верх над политиком. И это мы прослеживаем на протяжении всего его исследовательского процесса, неотрывно следующего за процессом революционным.

Выдвинутый и отстаиваемый им постулат инертности масс побуждает Павла Николаевича рассматривать революционный процесс через призму – в основе своей – процесса политического, который представляется ему в виде сменяющих друг друга стадий борьбы сил либеральных (и шире – «буржуазных»<sup>1</sup>) с силами

---

<sup>1</sup> Термин этот П.Н. Милюков употребляет как в кавычках, так и без них.

«социалистической демократии». Точками же отсчета при переходе из одной стадии в другую выступают кризисы Временного правительства.

Первый кризис он рассматривает в границах формулы «буржуазное правительство капитулирует перед социалистами», а в своей отставке с поста министра иностранных дел видит лишь результат закулисного сговора: «Таким образом, выдавалась советам лишь личность П.Н. Милюкова, а не его политика» (с. 97). Деятельность первого коалиционного правительства, особенно в свете событий 3-5 июля, он склонен оценивать под углом зрения того, что «социалисты защищают буржуазную революцию от социалистической», хотя и открывают путь попятного, в его понимании, движения событий: «Цикл грядущих превращений у русской революции здесь наметился, как в зеркале. На этой покато́й плоскости коалиционное правительство оказалось, действительно, "первым шагом". Прежде чем совершился "второй", – к господству советов, – коалиция должна была пройти через тройной кризис, в котором противоречие между утопизмом слов и неизбежным реализмом дел министров-социалистов вскрылось вполне и до конца» (с. 101).

С этих позиций Милюков оценивает деятельность второго (с 24 июля) и третьего коалиционного правительства (с 25 сентября), а также два «мятежа» – выступление большевиков 3-5 июля и «заговор» Корнилова. Рассматриваются они в тесной взаимосвязи – как два полюса революционного процесса – в виде дилеммы: Корнилов или Ленин?

Пристальное внимание уделяет Милюков анализу этапов движения большевиков к власти.

Касаясь событий 3-5 июля, он фактически признает их стихийными, но видит в них пролог октябрьского переворота: «Итоги опыта были чрезвычайно поощрительны. Большевики увидели, как, в сущности, легко овладеть властью. Было очевидно, что, когда наступит время для повторения опыта, они проведут его более систематически и сознательно». Главный же урок для власти состоял в том, что она не извлекла из случившегося никаких уроков: «Фатально государственный корабль несло течением к крутому обрыву» (с. 201).

Миллюков-историк не скрывает, что Миллюков-политик, находясь в гуще этих событий, не избежал гипноза недооценки политических потенций большевиков. Как ошиблись не только антибольшевистски настроенные слои населения, но вожди и рядовые члены практически всего широчайшего спектра оппозиционных большевизму партий и движений. Впоследствии эту позицию сторонних наблюдателей, «зрителей из партера», некоторые из них были склонны возвести в ранг некоего политического замысла. «В очень умеренных кругах, – свидетельствует Миллюков, – последний эксперимент находили даже очень желательным, чтобы "навсегда излечить Россию от большевизма"». Прошло всего несколько месяцев, и Миллюков, находясь на Дону (в Новочеркасске), где в это время уже формировалась Добровольческая армия, констатировал: «Опыт показал, что вся эта легкомысленная самоуверенность была глубоким заблуждением».

Отрекаясь от скептицизма, который породила у него в свое время «идеология большевистского переворота», изложенная в ленинской брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» (вышла в свет 1 сентября), Миллюков уже в начале 1918 г., размышляя с позиций не только политика, но и историка-аналитика, заключал: «Таким образом, теперь можно с большей объективностью прислушаться к тому, о чем предупреждал Ленин, взвесить то верное, что было в его предупреждениях, – и что дало большевикам доверие масс, внушило им ту смелость "дерзания", которой не хватало Керенскому, – и успехом их попытки вполне оправдало предварительные расчеты и соображения Ленина» (с. 579).

Эту свою уверенность большевики подтвердили своим отношением к предпринимавшимся попыткам хоть как-то стабилизировать положение в стране, демонстративно отказавшись от участия во Временном совете Российской республики (Предпарламенте) уже в день открытия его работы 7 октября. «Уходя из Мариинского дворца, – резюмирует Миллюков, – большевики тем самым показывали, что парламентской борьбы они не признают и что дальнейшую борьбу против правительства и против «руководящих партий» Совета они будут продолжать вне этой залы, на улице. Они говорили и действовали, как люди,



чувствующие за собой силу, знающие, что завтрашний день принадлежит им» (с. 539).

Власть в стране в октябре сменилась, но острее проблемы не только сохранились, но приобрели еще более острый и – в плане их решения – неотложный характер. Главным из них оставался вопрос о мире. Что же касается большевиков, то они, как нам уже приходилось говорить и писать<sup>1</sup>, оказались в полном одиночестве, когда пришлось решать вопрос о формах и способах выхода из войны, взвалив ответственность за национальное унижение страны в форме сепаратного мира с Германией исключительно на свои плечи. И это не могло не способствовать обострению обстановки на пути движения страны к Гражданской войне.

За все приходилось платить сполна. Отвергнув идеи коалиции с другими революционными партиями и создания «однородного социалистического правительства», большевики предоставили своим политическим оппонентам важную дополнительную услугу, избавив их от необходимости примерять на себя саван постыдного Брестского мира и размышлять над реальностью либо нереальностью других альтернатив решения вопроса.

Воспользовался этой «услугой» и Милюков. Завершая свой труд, он напишет: «Партия народной свободы предсказывала при этом, что победа большевиков повлечет за собой проигрыш войны и разделение России на части» (с. 685). В этом итоговом суждении Павел Николаевич говорит уже голосом политика, а не вдумчивого историка-аналитика, каким выступает на протяжении большей части книги.

К исходу 1917 и началу 1918 гг., и это сегодня уже очевидно для всех непредвзятых исследователей, предотвратить катастрофический для России итог войны не смог бы уже никто. Ибо все мыслимые и немыслимые шансы на изменение ситуации в стране и в армии были исчерпаны, что между строк фактически признает и Милюков. Большевикам в силу их неуступчивости и политического максимализма досталось в единоличное наследство лишь то, что было достигнуто совместными разнонаправленными

---

<sup>1</sup> Специально об этом см.: Журавлев В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество // Россия XXI. 2014. № 2. С. 62-94.

действиями всех борющихся друг с другом социальных и политических сил страны.

Но признать это Милюков-политик, как и Милюков-историк, уже не смог. Ибо историографические оценки, основанные на полном понимании и признании коллективной ответственности – прямой или косвенной – всех политических и социальных сил за то, что страна в итоге вверглась в пучину Гражданской войны, могли появиться, быть осмыслены, сформулированы и аргументированы лишь потомками, причем очень далекими потомками<sup>1</sup>, героев и мучеников Великой российской революции 1917 г.

Подводя итоги, следует, прежде всего, сказать, что обращение к труду Милюкова ставит перед нами сложную проблему взаимоотношений науки, идеологии и политики при воссоздании и оценке событий прошлого, настоящего и будущего. Особенно в том ее аспекте, который требует ответа на вопрос, возможно ли получить – в целом и основном – объективное историческое исследование от профессионального ученого, стоящего на твердых идеологических и политических позициях?

«История второй русской революции» дает нам достаточно редкий пример того, что на данный вопрос может быть получен и положительный ответ. Труд этот правомерно считать по сей день «работающим инструментом» познания эпохи, которой он посвящен. В том числе в свете сохраняющейся исследовательской ситуации, когда, по оценке современных специалистов, продолжает доминировать «разная критериальная оценка тех системных изменений, которые произошли в государственном устройстве, политической системе и политическом строе России в 1917 г.»<sup>2</sup>.

В структуре сложного взаимодействия начал науки, идеологии и политики верх берет все-таки наука, последовательное стремление автора достичь истины в понимании смысла и логики развернувшихся в «роковом» году отечественной истории событий, в т.ч. в уяснении причин и уроков краха либерального движения в стране. Даже в тех случаях, когда истина эта – идейно, политически, нравственно, психологически – дается Павлу

---

<sup>1</sup> См. новейший обобщающий труд: Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. Т. 1. 743 с.; Т. 2. 591 с.

<sup>2</sup> Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале-октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 14.

Николаевичу нелегко, он не жалеет о том, что «добровольно отказался от некоторых преимуществ мемуарного изложения, чтобы тем более приблизиться к выполнению задачи историка» (с. 686).

В данном отношении рассматриваемый труд разительно противостоит многим поделкам как пробольшевистской, так и антибольшевистской направленности, которыми так богата библиография данных событий.

Отметив во Введении к современному изданию «Истории», что «Милюков как историк-профессионал, стремился довести свой труд до совершенства», В.В. Шелохаев подчеркивает, что он «существенно отличается от десяти томного труда А.И. Солженицына "Красное колесо"<sup>1</sup>, который также посвящен описанию событий 1917 года». Суть этого отличия, по мысли крупнейшего исследователя истории российского либерализма, заключается в следующем: «Если Милюкову, находившемуся в эпицентре послефевральских событий 1917 года, удалось создать объективное, живое, документальное, масштабное историческое полотно, то Солженицын, наоборот, "утонул", в буквальном смысле этого слова, в "груде" необработанного материала и не смог понять общий смысл политических событий 1917 года, а главное, логику их развития от февраля к октябрю» (с. 5).

Добавлю, что автор «Красного колеса» не только «утонул» в разнородном материале, но и с усердием графомана попытался насытить – и перенасытить – далеко не всегда точно установленными или осмысленными фактами некую заранее, априори ясную для него схему, на публицистический смысл которой указывает само «хлесткое» название данной эпопеи.

Непрофессионализм и субъективизм подобного рода подходов ярко выявляет себя в сопоставлении с позицией, которую избрал Милюков, открыто заявивший, что «не хотел и не мог подгонять факты к выводам; наоборот, он принимал выводы из фактов, как нечто бесспорное, хотя бы эти выводы и противоречили настроению того момента, когда переживались события и писалась "История"» (с. 11).

---

<sup>1</sup> Солженицын А.И. Красное колесо. Узел I - IV. Париж, 1985-1991.

Новая «Смута», в эпицентре которой оказалась наша страна в 1990-е гг., лишь усилила «непререкаемость» толкований некоторых представителей западной историографии, склонных рассматривать историю России исключительно как цепь «периодических цивилизационных катастроф». Неясным, хотя и подразумеваемым, для них остается лишь один вопрос, который ставший американским историк А.Л. Янов выразил следующим образом: «Победит ли она (эта периодичность – В.Ж.) снова в двадцать первом [веке], предстоит ли, иначе говоря, России еще одна цивилизационная катастрофа...»?<sup>1</sup>

Иное видение будущего *своей* страны за восемь десятилетий до этого утверждал Павел Николаевич, пересмотревший, о чем уже говорилось выше, по завершении работы над «Историей второй русской революции» свое понимание места и роли народа в социальных движениях: «Если из мрака небытия, в котором мы погребены под обломками великих руин, нам удастся зафиксировать эту светлую точку вдали, то это соображение поможет излечить самый упорный пессимизм, и, быть может, внушить отчаявшимся и тонущим, каких теперь так много, – желание жить дальше, чтобы работать для родного народа на новом пути, избранном им самим» (с. 13).

И в этом признании судьбы Отечества как высшей ценности заключено свидетельство того, что сотканный из веры в Россию и не умирающих надежд на ее достойное будущее патриотизм Павла Николаевича Милюкова оказывался готовым вступить в благотворный дискурс, а может быть даже и спор, с его убеждениями как историка, так и политика.

---

<sup>1</sup> Янов А.Л. Европа в политической традиции России // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. С. 93.

## ЛИБЕРАЛИЗМ В СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ОСОБЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП?

Полифоничность, сложносоставной характер либерализма придает особую значимость типологическому методу в исследовании данного мировоззренческого, идейно-политического, социокультурного и институционального исторического явления<sup>2</sup>. Построение логических моделей (так называемых «идеальных типов») позволяет не только зафиксировать, но и осмыслить многообразие конкретно-исторической реальности, понять его причины и последствия. Тип как идеальная конструкция, порожденная мыслительной деятельностью исследователя, отражает наиболее существенные свойства изучаемого объекта. При этом вопросом исключительной важности становится выбор оснований типологии и определение ключевых параметров логической модели. В настоящее время в качестве критериев типологии форм либерализма довольно широко используются стадии и этапы его развития, технологии осуществления реформ, ключевые стратегии преобразований, партийно-политическая принадлежность и др.<sup>3</sup> Существует и страноведческая типологизация либерализма: англосаксонский, континентально-европейский, российский и т.д. В последнем случае исходной посылкой становится учет специфических конкретно-исторических обстоятельств политического, социального, экономического, культурного свойства, сопутствовавших генезису определенной модели либерализма и в значительной степени определивших ее типологические особенности. Поскольку в различных регионах обширной Российской империи начала XX в. также имело место определенное своеобразие процессов общественного развития,

---

<sup>1</sup> Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. К вопросу о типологии русского либерализма // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 7–13.

<sup>3</sup> Медушевский А.Н. Либерализм // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 529.

будет логичным предположить, что это своеобразие в той или иной степени накладывало отпечаток на формирование либерального направления общественной мысли и общественно-политического движения на разных территориях. Однако сила и глубина воздействия региональной специфики на мировоззрение, идеологию, программатику и практики либералов может быть определена только на основе конкретно-исторических исследований.

Целью данной статьи является постановка вопроса о возможности использования регионального параметра для внутренней типологии российского либерализма. В качестве эмпирической базы используются результаты предпринятого автором комплексного исследования истории либерализма в Сибири начала XX в. Выбор объекта анализа определяется двумя обстоятельствами: 1) Сибирь, являвшаяся крупнейшим регионом Российской империи, имела ярко выраженную специфику во всех сферах жизни: социальной, экономической, политической, культурной; 2) несмотря на наличие значительного числа конкретно-исторических исследований по отдельным проблемам либерального направления в общественно-политической жизни региона, вопрос об его сущностных особенностях с учетом всего комплекса составляющих (мировоззренческая парадигма, социальная философия, политическая доктрина, стратегия и тактика, программные установки, практика политической деятельности) не стал предметом научной рефлексии и экспертных обсуждений. Единственная попытка такого рода была предпринята Н.В. Макарьевой, поставившей перед собой цель «в цепи пространственно-временных модификаций либерального мировоззрения определить место сибирского варианта и политические, экономические и социальные факторы его формирования на территории Сибири»<sup>1</sup>. Однако обобщения и выводы, сделанные по результатам этого исследования, представляются далеко не бесспорными. В этой связи возникает необходимость как в уточнении целого ряда отдельных характеристик, ставших основанием для позиционирования

---

<sup>1</sup> Макарьева Н.В. Либерализм в Сибири 1890–1907 гг.: проблема типологии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 12.

«сибирского либерализма как своеобразного и целостного явления»<sup>1</sup>, так и в оценке степени обоснованности самого тезиса о либерализме Сибири как особом типе либеральной идеологии, ставшем порождением специфических условий региона.

Делая акцент на исследовании конкретного типа либерального мировоззрения, сложившегося в Сибири, Макарьева вычленяет его философскую, политическую, экономическую и социальную составляющие и приходит к выводу о ярко выраженном синтетическом характере сибирского либерализма как его главной особенности, проявившейся в инкорпорировании традиционалистских элементов и идеалов<sup>2</sup>. И если сам по себе этот тезис не вызывает принципиальных возражений, то его конкретизация применительно к основным составляющим «сибирского варианта» либерализма дает повод для сомнений в безупречности логики умозаключений, позволивших выйти на такую формулировку.

Наиболее ярко, по мнению Макарьевой, синтетический характер местного либерализма проявился на уровне «философских разработок»: «Религиозные или социалистические основания диктуют сибирским либеральным деятелям отказ от личного во имя общего, от развития во имя идеала, от рациональности во имя прозрения, так или иначе идеи эти восходят к долиберальному традиционно-корпоративному мировоззрению»<sup>3</sup>. Авторское утверждение о том, что для российского либерализма в целом характерен коллективистский идеал мышления, дополнено констатацией в качестве особенности сибирского либерализма «более явного отрицания индивидуализма, чем в европейских районах страны»<sup>4</sup>.

Уместно заметить, что в Сибири круг либерально настроенных интеллектуалов, в той или иной степени занимавшихся изучением и разработкой собственно философских проблем, был весьма узок и ограничивался небольшим числом профессоров Томского университета (в их числе можно назвать членов «Союза 17 октября» И.А. Базанова, Д.Н. Беликова и П.А. Прокошева, а также вступивших

---

<sup>1</sup> Там же. С. 3.

<sup>2</sup> Там же. С. 17-21.

<sup>3</sup> Там же. С. 17-18.

<sup>4</sup> Там же. С. 20-21.

в местную кадетскую организацию И.В. Михайловского, М.И. Боголепова, И.А. Малиновского, С.П. Мокринского, Н.Я. Новомбергского). Внимательное прочтение научных и научно-публицистических трудов, а также опубликованных текстов учебных лекций и публичных выступлений этих правоведов, историков, экономистов обнаруживает широкую палитру философских воззрений и теоретико-методологических позиций авторов: от религиозного мистицизма и объективного идеализма до позитивизма и экономического материализма. Логика ортодоксального теизма в его православной вариации была присуща только рассуждениям доктора богословия и церковной иерархии, протоиерея Беликова, являвшегося активным членом октябристской организации (попутно заметим, что Макарьева считает октябристов «чистыми» консерваторами, не имеющими отношения к либерализму). Однако, апеллируя к богословской традиции в обосновании ценности человеческой личности, и этот профессор демонстрировал неприятие воззрений, подразумевающих под благом человека, прежде всего, благо рода и интересующихся личностью лишь постольку, поскольку она может содействовать совершенствованию рода<sup>1</sup>. Таким образом, и в данном случае нет достаточных оснований для фиксации «отказа от личного во имя общего», хотя иррациональное начало и признание ограниченности возможностей человеческого познания в суждениях богослова, безусловно, имели место. Для всех прочих коллег Беликова, являвшихся продолжателями традиций светского гуманизма, приверженцами различных философских учений (от гегельянства до экономического материализма) идеи прогресса и рационализма были столь же органичной составляющей их мировоззрения, как и представление о самоценности и приоритете человеческой личности. Наличие же «социалистических оснований» в философских построениях сибирских теоретиков либерализма не подтверждается при обращении к их трудам. Даже признавая некоторые ценные стороны социалистических теорий, связанные с идеями государственного регулирования экономики, правоведы Томского университета

---

<sup>1</sup> Беликов Д.Н. Речь, произнесенная в храме Императорского Томского университета 22 октября 1889 г. Б.м., б.г. С. 3; Он же. Чудо как принадлежность откровения. Публичная лекция. Томск, 1895. С. 14.



принципиально не могли согласиться с гетерономией личности как одним из ключевых принципов социалистического государства<sup>1</sup>.

Последнее обстоятельство уже само по себе дает повод усомниться и в правомерности утверждения Макарьевой о популярности у местной либеральной общественности этатистских идей. Психологическая и политическая установка на крепкую власть действительно являлась одной из наиболее ярких специфических черт российского либерализма в целом. Однако акцент на особую роль государственного начала не рассматривался как антитеза либеральной идее индивидуальной свободы. Более того, сильное государство воспринималось как главный ее гарант.

И теоретические представления сибирских интеллектуалов, и программные требования местных отделов либеральных партий явно диссонировали с ключевыми принципами этатизма как идеологии, предполагающей подчинение личных интересов интересам государства и активное вмешательство государства во все сферы общественной и частной жизни. Либерально настроенные профессора Томского университета в своих трудах не только представили убедительное обоснование значимости конституционных гарантий гражданских прав, призванных создать максимально благоприятные условия для обеспечения неприкосновенности и свободы личности, но и предложили конкретные механизмы их практической реализации. Перечень основных гражданских прав и свобод содержался в программных документах местных октябристов. Программные документы сибирских кадетских организаций в полном соответствии с общепартийной программой предусматривали принятие конституции, гарантирующей неотъемлемые права человека и гражданина: равенство всех перед законом без различия пола, вероисповедания, национальности и сословия; неприкосновенность личности и жилища; свободу совести, вероисповедания, слова, печати, собраний, союзов, передвижения. Солидарность с общепартийным руководством проявили сибирские кадеты и в поддержке начал конституционной монархии с народным

---

<sup>1</sup> См., напр.: Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1904. № 7. С. 31; Он же. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 168; Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права (Томск, 1914. Т. 1) // Журнал министерства юстиции. 1915. Март. С. 302-303.

представительством, что является убедительным опровержением тезиса Макарьевой об одобрительном отношении к институту самодержавия, присущем как российскому либерализму в целом, так и сибирским либералам, в частности.

Безосновательными представляются и упоминания в качестве отличительных характеристик сибирского либерализма требований социальной защиты слабых и малоимущих и автономии края. Действительно, и в трудах профессоров Томского университета (Боголепова, Н.Н. Кравченко, Михайловского, Новомбергского), и в заявлениях политических лидеров местных кадетов (таких, например, как Н.В. Некрасов) неоднократно звучал и получил развернутое обоснование тезис о необходимости государственной поддержки слабейших членов и групп общества с целью смягчения фактического чрезмерного социального неравенства и создания для всех равных социальных условий. Этот тезис получил свое развитие и закрепление в социально-экономических разделах программ сибирских кадетских организаций. Однако в такой позиции не было ничего специфически «сибирского», она в полной мере соответствовала характерному для неолиберальной идеологии представлению о государстве как гаранте права каждого на минимальное материальное благополучие, на достойное человеческое существование<sup>1</sup>.

Что же касается идеи областной автономии, то она была заложена в официальной программе партии народной свободы: «После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всего Российского государства должен быть открыт правомерный путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения»<sup>2</sup>. В программах сибирских отделов партии это положение было лишь уточнено за счет формулировки о предоставлении автономии с местными представительными

---

<sup>1</sup> Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Новый либерализм в России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 137-138.

<sup>2</sup> Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // *Российские либералы: кадеты и октябристы*. М., 1996. С. 54.

учреждениями областям, «обособленным по языку, народности, географическому положению и историческому прошлому»<sup>1</sup>, к числу которых кадеты, безусловно, относили и Сибирь.

Особенности социально-экономической ситуации в регионе, имеющие глубокие исторические корни, повлияли на формирование позиции местных либералов по аграрному вопросу. Тезис Макарьевой о защите ими государственной и коллективной формы землевладения соответствует действительности. Вместе с тем, едва ли можно согласиться с объяснением причин такой позиции, которое выстроено в духе общей концепции автора о синтетическом характере сибирского либерализма, проявившемся в наличии «солидного пласта традиционного мировоззрения, разбавленного либеральными вкраплениями». В отличие от Европейской России, где частная собственность признается неприкосновенной и важной основой экономики, в Сибири, по мнению Макарьевой, «благо частной собственности многими ставится под сомнение, высказываются предположения о необязательности прохождения Сибирью капиталистической стадии развития при помощи государства и общины»<sup>2</sup>. Комплексное изучение программных документов местных кадетов, материалов либеральной периодической печати, текстов выступлений сибирских депутатов – членов фракции партии народной свободы в Государственной думе позволяет утверждать, что в своем стремлении предотвратить насаждение частной собственности в Сибири они руководствовались отнюдь не отрицательным отношением к самому принципу частной собственности, а неприятием принудительного характера преобразований. Рассматривая общинное землевладение как исконную и привычную форму земельных отношений, исторически сложившуюся в прочную хозяйственную организацию, местные либералы возражали против ее искусственного разрушения и установления принципа частной собственности росчерком пера. Такая логика в полной мере соответствовала идеям поступательности и эволюционности

---

<sup>1</sup> Программа томского отдела партии народной свободы // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 31; Программа свободной народной партии. Красноярск // Там же. Д. 77. Л. 1.

<sup>2</sup> Макарьева Н.В. Указ. соч. С. 18-19.

общественного развития, приверженность которым была присуща либеральному мировоззрению в целом.

Таким образом, те черты сибирского либерализма, которые послужили основанием для выделения его в качестве особого типа, не находят своего подтверждения в источниках. Не исключено, что отдельные представители либерально настроенной общественности действительно демонстрировали приверженность подобным идеям и принципам, но это не дает основания для признания последних «типичными» для позиции либералов в Сибири.

Вместе с тем, нельзя отрицать определенную специфику позиций местных либералов, порожденную особенностями социально-экономических, политических, культурных условий края. Проявлялась она, главным образом, в акцентированном внимании к решению проблем, являвшихся следствием неравноправного статуса Сибири в составе Российской империи. В частности, на страницах либеральной печати, в выступлениях лидеров кадетских организаций остро ставились вопросы о введении в регионе земства и суда присяжных, об упразднении института крестьянских начальников, об обеспечении возможности свободного товарообмена между Сибирью и Европейской Россией. Примечательно, что сама по себе постановка региональных вопросов была продиктована стремлением распространить на Сибирь те социальные, политические, культурные институты, которые стали реальностью в Европейской России в результате реформ 1860–1870-х гг. В целом общероссийская идентичность сибирских либералов явно доминировала над региональной, а потому и их позиции по принципиальным проблемам общественного развития Отечества не имели сколько-нибудь существенных отличий от позиций либералов других регионов.

Вместе с тем, присущий либерализму плюрализм мнений довольно отчетливо проявился в специфике позиций отдельных представителей либерального направления в Сибири по целому ряду частных вопросов. Так, в среде местных либералов отсутствовало единство мнений о процедуре и принципах формирования органа народного представительства, о его структуре, полномочиях и принципах взаимоотношений с исполнительной властью. Разные позиции занимали сибирские

кадеты по вопросам о принципах выкупной операции и определения размеров крестьянского землепользования, о целесообразности национализации земли и социализации производства. Однако аналоги всех этих позиций обнаруживаются и в дискуссиях либералов других регионов страны. К тому же специфические позиции отдельных лиц или групп по различным программным и тактическим вопросам не поддаются генерализации на уровне регионально-типичного.

Тем более нет оснований для вычленения особого «сибирского» типа либерального мировоззрения. Органично присущее представителям интеллектуальной элиты стремление к самостоятельности в осмыслении окружающей действительности находило отражение в индивидуализированной логике философских и теоретико-методологических построений, в нюансах представлений о мире и месте в нем человека, в оригинальных версиях интерпретации и обоснования ключевых положений либеральной доктрины. Однако это обстоятельство, весьма значимое для индивидуальной типологизации либералов России, едва ли может быть использовано для типологии по региональному параметру, поскольку в данном случае определяющими были обстоятельства личностного свойства (стиль мышления, характер, психологический склад, жизненный опыт и пр.).

Таким образом, по результатам комплексного исследования истории либерализма в Сибири начала XX в. не выявлено сколько-нибудь существенное влияние регионального фактора на дифференциацию позиций российских либералов. Тем не менее, вопрос о целесообразности использования регионального измерения в типологии либерализма, по-видимому, может стать предметом совместного обсуждения специалистов разных обществоведческих дисциплин – философов, политологов, социологов, историков. Для его конструктивного решения представляется необходимым ориентироваться на такие общие принципы исторической компаративистики, как: корректный выбор объектов и предметов для сопоставления; обязательность реконструкции инварианта сопоставляемых объектов при описании

их несовпадений<sup>1</sup>. Типологизация либерализма вообще и российского, в частности, предполагает дополнительные сложности на уровне генерализации, поскольку его всегда отличала богатая палитра мнений и их оттенков, многообразие философских приверженностей и политических предпочтений. Поэтому при выявлении существенных характеристик определенного «типа» либерализма возникает проблема разграничения черт, свойственных если не большинству, то многим представителям этой условной общности – с одной стороны, и феноменов индивидуального сознания и поведения, которые чрезвычайно важны для типологизации на уровне личностном, но не являются значимыми при фиксации социально типичного – с другой. основополагающим же принципом при конструировании «идеального типа», позволяющего фиксировать общие и особенные черты социального явления и тем самым создавать целостную картину вариативности исторического процесса, является верифицируемость логических моделей на основе анализа источников и конкретно-исторического материала.

---

<sup>1</sup> Троицкий Ю.Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 26-32.

## ЛИБЕРАЛЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

*Д.В. Тимофеев<sup>1</sup>*

### РОССИЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ: ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Одно из перспективных направлений исследования истории общественного сознания, которое открывает перед историком возможность реконструкции широкого спектра общественных настроений – изучение особенностей социально-политического языка изучаемого периода времени. Такой подход предполагает концентрацию внимания исследователя на значениях, контекстах и целях использования ключевых социально-политических понятий в исторических источниках различной видовой принадлежности. Основная задача при проведении сравнительно-контекстуального анализа привлекаемых текстов – выявить представления современников о сущности, причинах, позитивных и негативных следствиях явления или процесса, которые формулировались современниками с помощью таких понятий как, например, «свобода», «собственность», «конституция» или «революция». Все это, с одной стороны, позволит избежать осовременивания значений ключевых социально-политических понятий, а, с другой, – уйти от формального, линейного рассмотрения истории формирования политических идеологий, которые, на начальном этапе, не имели концептуальной целостности и возникали как конгломерат экономических, социальных и политических представлений, ожиданий и критических размышлений.

На рубеже XVIII – начала XIX в. ключевым понятием социально-политического лексикона образованного российского подданного становится понятие «*революция*». До середины XVII в. оно имело политически нейтральное значение и использовалось в англоязычной научной литературе для описания астрономического

---

<sup>1</sup> *Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УРО РАН), профессор кафедры истории России Уральского Федерального университета.*

феномена кругового вращения светил вокруг Земли<sup>1</sup>, а позднее отождествлялось с любыми масштабными изменениями в природе и обществе. Доминирование политического значения над «природным» произошло после революции во Франции 1789 г. С этого времени понятие «революция» как в оригинальных, так и в переводных изданиях зарубежных авторов уже безоговорочно отождествлялось с масштабными социальными и политическими изменениями, а в начале XIX в. впервые было зафиксировано в толковом словаре Н. Яновского: «Революция – внезапная перемена в правлении какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей»<sup>2</sup>.

Наполнение понятия «революция» новым содержанием прослеживается в трех сферах публичной коммуникации: 1) на страницах российских газет и журналов в форме новостных сообщений и аналитических обзоров; 2) проектах реформ; 3) научно-популярных произведениях российских авторов.

На рубеже XVIII–XIX вв. в журнальных публикациях, посвященных революционным событиям во Франции, постепенно происходило смещение акцентов от простого описания событий к размышлениям о причинах и последствиях революции. Пытаясь объяснить природу революции, авторы, как правило, основными ее причинами называли злоупотребления местных властей, слабость Людовика XVI и падение нравов<sup>3</sup>. В качестве «нравственных причин революции» объявлялось увлечение «ложными» политическими идеалами, поиск «гражданами несбыточного счастья», необоснованная критика властей, а также социальная вражда, вызванная непониманием взаимосвязи и функционального

---

<sup>1</sup> Магун А. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 59.

<sup>2</sup> Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3: О–Ф. СПб., 1806. Стб. 516. Косвенным подтверждением окончательного закрепления политического значения было то, что в «Словаре Академии Российской» (первое издание: Ч. 1-6, 1789-1794, второе: Ч. 1-6, 1806-1822) понятие «революция» не упоминалось.

<sup>3</sup> Стенник Ю.В. Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 74–75.



назначения различных сословий<sup>1</sup>. Так, например, в одном из номеров журнала «Сын Отечества» российские читатели могли найти следующее суждение: «В начале революции народ Французский искал счастья, руководствуясь каким-то темным чувством: Правительство казалось ему тиранским, дворянство высокомерным и притеснительным, и хотя дворяне и купцы со своей стороны также роптали, но другия состояния признавали первых излишними в государстве, а вторых своекорыстными откупщиками...»<sup>2</sup>

Наряду с морально-этическими факторами, хотя и значительно реже, в ряду причин «революции» называлось противоречие между действовавшим в стране законодательством и реальностью. Так, например, в статье «Взор на нынешнее положение Европы» революция преподносилась не только как результат действия «гнусных злодеев», которые воспользовались «беспомощным положением» короля Франции, но, главным образом, как закономерный итог ошибочного представления о возможности в течение длительного времени сохранить в неизменном виде «коренные законы и учреждения». Следуя «...несчастной склонности человеческого духа всегда творить для вечности...», французы не смогли своевременно корректировать нормы закона. Именно поэтому, по словам автора, «...оныя узаконения пережили полезность свою многими столетиями, и сия твердая роспись времен старинных так увеличилась, что не осталось уже места для учреждений, коих требовало время настоящее» и «все почти постановление Французского Королевства состояло напоследок из таких законов, кои почитались священными и нерушимыми, но годясь только для давно прошедших веков, болезненно удручали племя живущее»<sup>3</sup>. В такой трактовке причины революции оказывались непосредственно связанными с неспособностью властных структур адекватно реагировать на происходившие в стране изменения.

---

<sup>1</sup> Размышление русского патриота о быстрых успехах французской системы // Сын Отечества. 1813. Ч. 4. № X. С. 149.

<sup>2</sup> Исступление французской политики в 19 веке // Сын Отечества. 1813. Ч. 8. № XXXIII. С. 34.

<sup>3</sup> Взор на нынешнее положение Европы // Политический, статистический и географический журнал, или современная история Света. 1807. Ч. II. Кн. 1. С. 5.

Аналогичная взаимосвязь революции и непродуманной политики правительства прослеживается также в особом мнении Н.С. Мордвинова «О новых налогах», представленном в сентябре 1822 г. на совместном заседании департаментов Гражданских и Духовных дел и департамента Государственного хозяйства Государственного Совета. Известный своими либеральными взглядами адмирал подверг критике предложение министра финансов о введении налога на наследство и повышении ряда сборов. Аргументируя свою позицию, он напомнил собравшимся, что именно «расстройство финансов» вовлекло Францию «...во все лютости кровавой революции»<sup>1</sup>. Непродуманная налоговая и денежно-эмиссионная политика правительства представлялась достаточной причиной революции и в работе Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов». Провозглашая принцип соразмерности налогов доходам граждан, он писал: «От неравного разделения податей между гражданами рождается ненависть одного класса народа к другому, от чего происходит ненависть к самому правительству. Французская революция представляет ужасные примеры того и другого»<sup>2</sup>. Данное обстоятельство, по мнению автора, должно было быть для российского правительства весомым аргументом против любых предложений о повышении налогов или выпуске новых ассигнаций.

Важной составляющей образа французской «революции» в публичном пространстве России первой четверти XIX в. было утверждение, что она не только не достигла своих первоначальных целей, но и обманула надежды граждан: вместо «свободы», верховенства «закона» и неприкосновенности «собственности» «Франция... со временем постыдной своей революцией соделалась позорищем ужасных неистовств и воспитала грабителей, нагло попирающих священные права, коими обеспечивается благо народов»<sup>3</sup>. Главными «средствами революционных героев» объявлялось «возмущение народа против законной власти, грабеж всякого имущества, нарушение всех прав народных и

---

<sup>1</sup> См.: Мордвинов Н.С. Записка о новых налогах // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 558.

<sup>2</sup> Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. СПб., 1818. С. 30.

<sup>3</sup> О политических обманах Франции // Вестник Европы. 1812. Ч. LXV. № 17. сент. С. 69.

человеческих»<sup>1</sup>. Все подобные проявления «человеческой страсти» были полной противоположностью «истинного просвещения», а, следовательно, в морально-нравственном смысле «революция» не могла иметь положительных результатов.

Одновременно с этим утверждалось: неизбежность в ходе революции открытого противоборства предопределяла вероятность того, что любые ее «достижения» могут быть сведены к минимуму или даже уничтожены противниками в исторически обозримом будущем. Именно поэтому, наряду с понятием революция, в текстах российских авторов появился специальный термин – «контр-революция», используемый для обозначения движения политического процесса в противоположном «революции» направлении<sup>2</sup>. Убедительным примером архаизации достигнутого ранее уровня развития были публикации, авторы которых утверждали, что «Европа после революции не только не приобрела никакого просвещения и успеха в нравственности, но едва не погрузилась в прежнее варварство...»<sup>3</sup>, а поколение людей, «воспитанных во время и после революции... не имеет никаких понятий, кроме зверских правил, распространенных революцией»<sup>4</sup>. В данном контексте именно негативным влиянием «революции» на сознание человека многие российские авторы объясняли «варварские» действия французских солдат на оккупированных в 1812 г. российских территориях.

Однако, признавая общность причин и негативных последствий европейских революций, российские авторы подчеркивали неповторимость и уникальность исторического опыта каждой страны. Нетипичным примером «революций» считалась, например, история возникновения республики «Соединенных Американских областей». Война за независимость, формирование высших органов государственной власти на выборной основе, реализация принципа верховенства закона и разделения властей – все эти события отождествлялись с «революцией» и рассматривались как яркий пример ее позитивного влияния на социально-политическое

---

<sup>1</sup> Французская революция // Сын Отечества. 1813. Ч. 7. № XXVII. Смесь. С. 40.

<sup>2</sup> Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3: О–Ф. СПб., 1806. Стб. 516.

<sup>3</sup> Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени // Сын Отечества. 1813. Ч. 10. № LI. С. 226.

<sup>4</sup> Положения и надежды Европы // Сын Отечества. 1813. Ч. 8. № XXXVII. С. 191.

развитие молодого государства. В этой стране, в отличие от европейских государств, «революция» не привела к возникновению острых социальных конфликтов и «падению нравов». Но все подобные высказывания сопровождалось утверждением, что опыт «американской революции» следует рассматривать только лишь как исключение из общего правила. В одном из многочисленных свидетельств русских путешественников о пребывании в «республике Соединенных Американских Областей» сообщалось: «Революция Американская не может быть уподоблена ни какой другой, и конечно, надобны были необыкновенные причины, чтоб произвести то удивительное всеобщее согласие, коим Американцы превозмогли все непреодолимые препятствия!»<sup>1</sup> В качестве такого рода «необыкновенных» причин, чаще всего, называли географическое положение и осознанное стремление переселенцев из Европы создать максимально благоприятные условия для решения наиболее важных общественных вопросов и ведения хозяйства.

Таким образом, в сознании представителей образованной части российского общества сформировалось двойственное отношение к революции. На уровне журнальных публикаций «революция», с одной стороны, оценивалась как безусловное «зло» и ничем неоправданное «насилие», а, с другой, – как важный урок человечеству, позволивший понять «истинные ценности», и убедиться в важности соблюдения закона и необходимости поддержания единства власти и народа. В 1802 г. на страницах журнала «Вестник Европы» российский читатель мог найти следующие рассуждения: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священен даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти...; что одно время и благая воля законных Правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ»<sup>2</sup>. Следуя

---

<sup>1</sup> Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 256–257.

<sup>2</sup> Приятные виды, надежды и желанья нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. III. № 12. Июнь. С. 314–315.

этой логике, неизвестный автор, обозначивший свое имя инициалами «Р.О.», делал вывод о том, что «...если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благодетельными, то сим благодеянием мы конечно обязаны Революции»<sup>1</sup>. С этих позиций негативный пример французской революции должен был служить укреплению стремления и власти, и подданных к сохранению социального мира, уважению законов и соблюдению взаимных прав граждан.

В отличие от журнальных публикаций итоги революции в правительственных проектах проведения реформ преподносились с меньшей эмоциональностью. В такого рода текстах обращение к опыту зарубежных революций было нацелено на выявление общих тенденций развития, понимание причинно-следственных связей целого ряда социально-экономических изменений, необходимость которых признавалась актуальной и для России. В этой связи не случайным представляется, например, неоднократное обращение к европейской истории при разработке в «Комиссии составления законов» сценария освобождения крестьян в России. В составленной М.А. Балугьянским записке «О законах, относящихся до земледельцев в главнейших европейских государствах» (1818), например, одним из позитивных следствий «революций» была названа ликвидация личной зависимости крестьян в целом ряде стран Европы: «Революция уничтожила феодальные права сначала в Голландии, потом в Англии, и наконец во Франции. Все сии перевороты имели влияние на прочия государства. Правительства и помещики поспешали определить или смягчить законами и сельскими уставами то, что начинало вводиться уже обычаем, и Серфы учинились подданными»<sup>2</sup>. В совокупности с признанием того, что любая революция – это чрезвычайное состояние общества, вызванное, как правило, неспособностью государства эффективно решать наиболее актуальные социально-экономические проблемы, подобная позитивная оценка ее отдаленных следствий служила дополнительным аргументом необходимости достижения тех же целей, но принципиально иными методами.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 315.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 325. Л. 154.

На этом фоне лишь отдельные представители радикальных тайных обществ, проецируя результаты революций в разных странах мира на отечественную реальность, считали, что только посредством такой чрезвычайной процедуры возможно появление необходимых для дальнейшего развития России законов и институтов. Например, П.И. Пестель писал об итогах французской революции: «...большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны... От сего суждения родилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем еще суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»<sup>1</sup>.

Характерной чертой мировоззрения участников радикальных тайных обществ было двойственное отношение к революции. Анализируя опыт зарубежных революций, они четко отделяли «преступления», совершенные наименее «просвещенными» гражданами, от ее «принципов и идеалов», основанных на либеральных принципах верховенства закона, личной свободы и неприкосновенности частной собственности<sup>2</sup>. Именно поэтому, говоря о возможной перспективе совершения в России «революции», они подчеркивали, что ее сценарий должен был существенно отличаться от европейских аналогов.

Принципиально важной отличительной чертой российской «революции» должно было быть отсутствие массового кровопролития. Для этого, с позиции сторонников революционного варианта модернизации страны, ее началу должен был предшествовать период формирования так называемого «общего мнения», предполагавший количественное увеличение членов «тайного союза» и, одновременно, распространение в образованных кругах российского общества идеи о необходимости проведения значительных преобразований. В ходе следствия по делу декабристов Е.П. Оболенский свидетельствовал, что «...постепенным улучшением нравственности и распространением просвещения... общество надеялось достичь тихого и

---

<sup>1</sup> Цит. по: Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Великая Французская революция и революционная традиция в России // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 218.

<sup>2</sup> Чудинов В.А. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 12.

неприметного переворота в правлении государства»<sup>1</sup>. В перспективе все это привело бы к разделению в общественном сознании образа «кровавой французской революции» и разработанной в тайных обществах программы социально-политических преобразований. Следуя этой установке, Пестель считал возможным заменить понятие «революция» близкими по значению словами «превращение», «преобразование» или «переворот»<sup>2</sup>. Отчасти такая подмена понятия соответствовала распространенной в XVIII в. практике перевода *révolution* как «преобразования» или «перемены»<sup>3</sup>.

Вторая отличительная особенность предполагаемой российской «революции» от европейских аналогов состояла бы в том, что в процессе проведения кардинальных преобразований все происходящее в стране должно было быть подконтрольно новому правительству, т.к. утрата управляемости грозила массовыми беспорядками и повторением «ужасов французской революции». Именно поэтому даже наиболее радикальные члены тайных обществ не планировали полного уничтожения прежней системы управления, а разумное сочетание ранее существовавших структур с новыми. Такое сочетание позволило бы избежать массовых народных волнений и в течение нескольких лет сформировать эффективную систему государственного управления. Реализация данного сценария предполагала привлечение к работе в новом правительстве известных своими либеральными взглядами представителей прежней администрации. В данном контексте вполне логичным представляется намерение декабристов пригласить во временное революционное правительство Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского<sup>4</sup>.

Для приверженцев революционных методов преобразования было очевидным, что для сближения идеала с реальностью необходимо государство, способное сохранить социальный мир, гарантировать гражданам личную свободу и безопасность,

---

<sup>1</sup> Восстание декабристов: Материалы. Документы. М.; Л., Т. 1. 1925. С. 230.

<sup>2</sup> Одесский М.П. Вольнодумный тезаурус декабристов. *Révolution*–революция–переворот–превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 496–499.

<sup>3</sup> Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 449.

<sup>4</sup> См.: Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

обеспечить неприкосновенность частной собственности и реализацию принципа верховенства закона. Не желая повторения «ужасов французской революции», они подчеркивали, что «революция» является не конечной целью, а всего лишь необходимым инструментом достижения «общего блага» и реализации «гражданских прав».

Таким образом, общими установками сторонников как реформистской, так и революционной модели модернизации страны было признание необходимости сохранения сильного государства и важности юридического закрепления прав граждан на свободу, собственность и личную безопасность.

**О.А. Жукова<sup>1</sup>**

## **РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИОСОФИИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО**

### ***1. Философский анализ и историческое предвидение***

Русская революция 1917 г. – важнейшее социально-политическое событие, изменившее ход российской и мировой истории. Духовно-культурные и социально-политические причины возникновения революционной ситуации в России заняли центральное место в дискуссиях и публичной полемике между выдающимися представителями русской общественной и религиозной мысли, став продолжением традиционного русского историософского спора о цивилизационной и политической идентичности России. Философская постановка вопроса об исторической судьбе России в ансамбле европейских государств и культур во многом была инспирирована Великой войной, которая русским обществом воспринималась как отечественная война с Германией. Геополитический конфликт мировых держав словно бы подтверждал культурологическую формулу Н.Я. Данилевского о цивилизационном отличии романо-германского и славянского мира,

---

<sup>1</sup> Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».



следствием которого мог стать как продуктивный диалог, так и открытое противостояние. Процесс политической модернизации в России был значительно осложнен событиями Первой мировой войны. Факт, что революция является продолжением войны, оказался для русских интеллектуалов узловым моментом в понимании трагической взаимосвязи между событиями Великой войны и большевистским переворотом в России. Об этом в разгар гражданского братоубийства, охватившего Россию, в публичной лекции, находясь на белом Юге, прямо скажет выдающийся русский философ и либеральный общественный деятель, князь Евгений Николаевич Трубецкой. Правовед и религиозный философ, активный участник политических событий, Трубецкой станет свидетелем октябрьского переворота, произошедшего на фоне Великой войны. С высоты философского осмысления современности, он попытается соотнести происходящее с логикой мировой истории, выявить диалектику закономерности и случайности свершающегося в ней.

Трубецкой проведет параллели между революцией в России и Германии – в странах, наиболее пострадавших от войны, столкновение которых на полях сражений было столь масштабным и ожесточенным. При явных отличиях, он увидит поразительное сходство в *существенном*. «Везде революция есть дитя войны. Отсюда – целый ряд явлений, повторяющихся всюду, – заметит Трубецкой. – Везде мы видим революцию по преимуществу военную, солдатскую; всюду сила вооруженного народа, раньше служившая целям защиты государства против внешнего врага, становится или грозит стать источником величайшей внутренней опасности. И, наконец, одно и то же парадоксальное превращение совершается в Германии и в России: из милитаризма *рождается большевизм*»<sup>1</sup>. Уже в эмиграции, в одних из самых ярких политических мемуаров «На путях к свободе» эту мысль со всей отчетливостью сформулирует журналистка, член ЦК партии кадетов, А.В. Тыркова-Вильямс: «Политическая свобода, первые зачатки которой были заложены с учреждением Государственной думы, придавала новую силу, открывала перед русским народом новые возможности. Порожденная войной 1914 – 1917 годов

---

<sup>1</sup> Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 397.

революция эту свободу разметала, творческий рост Российской державы остановила...»<sup>1</sup>

В октябре 1917 г. власть оказалась в руках политических и идейных радикалов – большевиков, что привело российское государство и общество к ситуации социального хаоса. Революция, по мнению русских религиозных философов, стала выражением национальной катастрофы. Анализируя драматические события, либерально настроенные мыслители публично заявляли о патриотической и антибольшевистской позиции на страницах журналов и газет, возвышая свой голос в защиту ценностей культуры и правового порядка. Боль от осознания происходящего, тяжелые предчувствия, граничащие с метафизическим ужасом, – определяющая тональность работ этого периода. Историософия русской революции Трубецкого резонирует с эмоционально окрашенными размышлениями авторов знакового для революционной эпохи сборника с символическим названием «Из глубины», среди которых общественные деятели и философские публицисты С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, А.С. Изгоев, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, С.Л. Франк. Участвовавший только в «Проблемах идеализма» (1902), Евгений Трубецкой формально остается вне авторской группы сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), но вместе со Струве, Бердяевым и Франком находится в одном смысловом и этико-политическом поле русской либерально-христианской мысли начала XX в. Философы, осуществившие резкую критику революции и роли в ней русской интеллигенции, созвучны Трубецкому, давая характеристики большевизму. Как емко определит Трубецкой, «большевизм есть фактор общественного гниения»<sup>2</sup>. Опасность политического радикализма общество впервые ощутило в событиях 1905-1907 гг., но не осознало реальность угрозы. В «Предисловии» инициатор и издатель «Из глубины» Струве прямо говорит о пути к исторической катастрофе Октября, проделанном русским государством и обществом: «Сборник “Вехи”, вышедший в 1909 г., был призывом и предостережением. Это предостережение, несмотря на всю

---

<sup>1</sup> Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 390.

<sup>2</sup> Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 407.

вызванную им, подчас весьма яростную реакцию и полемику, явилось на самом деле лишь робким диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась ещё в 1905 – 1907 гг. и разразилась в 1917»<sup>1</sup>.

Трубецкой в полной мере разделяет точку зрения авторов сборника с пророческим названием «Из глубины». *De profundis* – это и метафизическое дно русской истории, мистическим образом связанное с названием станции «Дно», на которой 1 марта 1917 г. председатель Государственной думы М.В. Родзянко пытался удержать Государя телеграммой из Петрограда, чтобы решить вопрос о формировании «ответственного правительства». Последовавшее 2 марта отречение Николая II от престола стало прологом огромной исторической драмы, затронувшей судьбы десятков миллионов русских людей, для которых надежды, связанные с Февральской революцией, были рассеяны и разрушены Октябрем. *De profundis* – это и метафора судьбы русской интеллигенции, в скором времени выдворенной из России и уничтожавшейся в стране Советов. Не удивительно, что исторические и цивилизационные последствия русской революции представлялись Трубецкому и философам его круга катастрофическими для судеб России, Европы и мира. Они остро переживали несостоявшуюся модернизацию России, оценивали пагубность царской политики, ее моральное и политическое банкротство. В революции мыслители пытались определить и понять психологию русской смуты как явления, раскрывающего логику отечественной истории. Государство и общество, которые не нашли пути согласования интересов в этот судьбоносный для жизни страны период, выявили диалектику трагической для России взаимосвязи случайности и закономерности в историческом процессе. В очередной раз проявил себя своеобразный русский код духовной и социальной катастрофы в сочетании реакционности традиционалистского режима и радикальности устремлений гражданского общества, что было использовано большевиками в ситуации полного паралича власти и слома социального порядка.

---

<sup>1</sup> Струве П.Б. Предисловие издателя // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 19.

И все же среди немалого количества работ ярких мыслителей и публицистов, высказывавшихся на животрепещущую тему политической и духовной жизни российского общества, при всей близости к взглядам авторов «Из глубины», оценка революции, данная князем Евгением Николаевичем Трубецким, занимает особое место. Значим и тот факт, что в отличие от большинства своих выдающихся сподвижников – религиозных философов и политиков либерального крыла, Трубецкой не получил от Провидения времени для обсуждения исторических результатов и последствий революции – он не участвовал в дискурсивной разработке сюжета, который стал центральным для историософской мысли эмиграции. Революция была *опытом его жизни, а не опытом памяти и рефлексии* ученого и мыслителя, вплетающего воспоминания о далеком моменте в большой философско-исторический нарратив. Трубецкой готовился разделить эмигрантскую судьбу многих русских интеллектуалов, но волею свыше избежал ее. Князь Евгений Николаевич Трубецкой скончался от тифа в Новороссийске, в январе 1920 г., незадолго до эвакуации Добровольческой Армии, с которой был связан. Философ завершил свой земной путь в России, словно небесными силами было услышано его желание умереть на родине.

## **2. Метафизика русской революции**

Корпус историософских работ Трубецкого периода трех русских революций одинаково важен и как опыт исторического свидетельства, и как оригинальная разработка философско-исторической проблематики, когда рефлексивная мысль непосредственно включена в социальную ткань жизни – в то, как она воспринимается, чувствуется, в каких формах осмысляется, создает сценарий настоящего и провидит будущее, строит прогноз. Следует подчеркнуть, что тема философии истории и революционного катаклизма присутствует не только в журнальных и газетных статьях, лекциях, выступлениях, опубликованных в период трех русских революций, она фундирует основные исследования Трубецкого. Во всех его текстах просматривается подход профессионального мыслителя, который создает историко-философскую и политико-философскую рамку для понимания наблюдаемой им реальности.

Обдумывая текущие события, глубоко и болезненно переживая разрывы исторического и социального поля русской жизни, Трубецкой создает прецедент *актуальной философии истории*: социальное знание о движущих силах истории и предельных основаниях человеческого познания, *проблематизированное темой смысла жизни*. Его философская дистанция по отношению к текущим событиям имеет, скорее, не экзистенциальную и политическую, а интеллектуальную и религиозную природу. В ней соединяется знание и нравственное чувство верующего человека, схватывающего философской интуицией два плана бытия – временного, исторически приходящего, и вечного, связанного с «прекрасным видением того безусловного смысла, который составляет разрешение мировой трагедии»<sup>1</sup>. Поэтому реальность для философского мироощущения Трубецкого – это часто «только внешний повод»<sup>2</sup>. Главное в его философствовании – отыскание *внутреннего смысла событий*, имеющих двойную оптику видения. Трубецкой рассматривает историческое событие во взаимосвязи, как с прошлым, так и с будущим, при этом его мысль обогащается образным содержанием. Она адресуется к памяти культуры, вызывая живые художественные ассоциации. Философизация революции в горизонте культурно-исторического, религиозного и художественного сознания позволяет Трубецкому выявить ее духовную природу, установить социальную причинность явления и его психологические закономерности, действующие в конкретный момент истории.

Об этом свидетельствует книга князя Евгения Трубецкого «Два зверя (Старое и новое)», вышедшая в середине 1918 г. в типографии товарищества Сытина, когда Россия в смятении моральных и политических чувств необратимо продолжала путь к исторической катастрофе. По замыслу философа, в сборник были включены ранее опубликованные в 1906, 1907, 1908 и 1909 гг. статьи в «Московском еженедельнике», редактором-издателем которого был Трубецкой. В обращении к читателям автор раскрывал программный замысел републикации своих известных философско-публицистических статей. В свое время они стали откликом на

---

<sup>1</sup> Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 4.

<sup>2</sup> Там же.

события Первой русской революции и воспринимались теперь мыслителем и политическим деятелем как сбывшееся предчувствие всемирной беды, постигшей Россию. Тем самым, недавнее прошлое освещало настоящее и служило его толкованием, а современные события виделись, по словам Трубецкого, как «продолжение и развитие *единого исторического процесса, объединяющего обе революции*»<sup>1</sup>.

Приводя в начале книги цитату из Откровения Иоанна Богослова, в которой апостол пророчествует о наступлении сил зла – зверя из бездны, Евгений Трубецкой недвусмысленно делал отсылку к апокалипсическому сценарию сбывающихся в истории страшных свидетельств тайновидца. В образе зверя, властвующего силою поверженного, но возродившегося ныне зверя, Трубецкой, переживший революционную смуту 1905 г. и крах Февральской революции, угадывал мистический ужас близкой духовной и социальной катастрофы не только для России, но и для судеб мира. Задавая своим рассуждениям апокалипсическую перспективу, он делился с читателями не только личностными ощущениями текущего момента истории, но и указывал на психологический характер переживаний большого круга русских интеллектуалов, для которых современность стала воплощением Апокалипсиса, его образов и пророчеств.

На этот мотив *апокалипсической катастрофы* как своеобразной доминанты русского сознания укажет Бердяев в своей книге 1923 г. «Мирозерцание Достоевского». Достоевский, по мнению Бердяева, религиозно переродил русскую душу, открыл ей ощущение бездны, и поэтому русские философы после Достоевского ментально и культурно принадлежали уже другой эпохе. «Наше мироощущение сделалось катастрофическим. Это Достоевский нам его привил, – писал Бердяев. – Киреевские, Хомяковы, Аксаковы, с которыми были у Достоевского, есть и у нас некоторые общие верования и идеи, не знали еще того катастрофического мироощущения, которое захватило потом даже таких сравнительно спокойных и устойчивых людей, как, напр., кн. Е.Н. Трубецкой»<sup>2</sup>. Действительно, правоведу и одному из лидеров

<sup>1</sup> Трубецкой Е.Н. Два зверя: (Старое и новое). М., 1918. С. 3.

<sup>2</sup> Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 140.

партии мирного обновления, провозгласившей программу совместной культурной работы власти и общества, их нравственного обновления, был свойственен трезвый, деятельный и спокойный взгляд на жизнь. Но в Трубецком, как наследнике и восприемнике религиозно-философских идей Владимира Соловьева, жило уже чувство «последнего и предельного», «конца всех вещей», по выражению Бердяева<sup>1</sup>. Он человек иной эпохи – эпохи после Достоевского, когда русская мысль, уязвленная последними метафизическими вопросами героев его философских романов, обратилась к поиску своих исторических и онтологических оснований, решая проблему веры и разума вслед за отцами церкви, средневековыми теологами и философами Нового времени.

Из биографии Евгения Трубецкого хорошо известен факт борьбы между верой и безверием, пережитой им в юности. Вместе со своим старшим братом, будущим выдающимся философом Сергеем Трубецким, он прошел все этапы религиозного нигилизма и его преодоления: юношеское отвержение веры, период мучительных сомнений в истинности христианства и последующее обретение веры отцов и радости Воскресения. Достоевскому принадлежит большая роль в новом обращении к вере братьев Трубецких, в принятии ими Христа и Его Церкви. Как верно заметит Бердяев, «после Достоевского у тех, которые приобщились к его духу, меняется ткань души. Души, пережившие Достоевского, обращаются к неведомому и жуткому грядущему, души эти пронизываются апокалипсическими токами, в них совершается переход от середины к окраинам души, к полюсам»<sup>2</sup>. Как можно понять Бердяева, в атмосфере апокалипсиса, присутствующей в разной степени выраженности во всех произведениях великого писателя, русская мысль после Достоевского пыталась выразить какую-то основополагающую черту национального самосознания и культурной истории, ее духовную сущность. Можно согласиться с оценкой Бердяева – своим обостренным религиозным чувством Достоевский поменял перспективу русской мысли и *перенастроил философскую оптику русского мирозерцания* в религиозно-этическом, экзистенциально-персоналистическом и мистико-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 141.

<sup>2</sup> Там же.

апокалипсическом ключе. Близок интерпретации Бердяева и Н.О. Лосский, возводящий религиозно-философскую мысль Серебряного века к линии Достоевского, где среди первых его продолжателей – Владимир Соловьев и братья Трубецкие: «Чтобы оценить значительность этого движения, – пишет Лосский, – достаточно указать на следующие имена: Вл. Соловьев, кн. С.Н. Трубецкой, кн. Е.Н. Трубецкой, о. П. Флоренский, о. С. Булгаков, Н. Бердяев, Мережковский, Франк, Карсавин, Вышеславцев, Арсеньев, о. В. Зеньковский, Кобылинский-Эллис»<sup>1</sup>.

Справедливо говорить, что философия истории Трубецкого с привитым русскому миросозерцанию апокалипсическим чувствованием – это оригинальная версия социальной метафизики со смещением в область *религиозной философии истории и теологии культуры*. Особо выделим: опыт осмысления революции для Трубецкого глубоко связан с ключевой религиозно-философской проблемой *свободы и бессмертия*. Она была сформулирована философом в мемориальной речи на годовщину памяти старшего брата, Сергея Трубецкого, первого избранного ректора Московского университета. Оратор призвал присутствующих увидеть в Сергее Трубецком не только политическое знамя русского либерализма, но религиозного философа, для которого вопрос о свободе решался онтологически, как вопрос о бессмертии, и вся устремленность к социальным и политическим свободам исходила из христианского понимания свободной и разумной души, обретающей духовное бессмертие во Христе: «Смысл свободы для него был в том же, в чем он видел смысл жизни. И как ни парадоксальным вам может это показаться, он был борцом за свободу, потому что был учителем бессмертия»<sup>2</sup>. На эту онтологическую связку свободы и бессмертия Евгений Трубецкой еще раз твердо укажет в книге «Смысл жизни»: учение о Христе – это «ключ к разрешению вопроса о человеческой свободе»<sup>3</sup>.

Проблема духовного смысла, проецируемая на жизнь человека и на исторический процесс, может быть прослежена и в других, близких по времени работах Трубецкого. У истоков этой

<sup>1</sup> Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 211-212.

<sup>2</sup> Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. С. 293.

<sup>3</sup> Там же. С. 155.



проблемы – религиозно-философская мысль В.С. Соловьева. Метафизическая рамка истории, в которую вовлечена жаждущая свободы и бессмертия личность, возникает в рассуждениях Трубецкого на важнейшую для Соловьева тему о судьбе России как носительницы православного сознания и ее роли в установлении всемирной теократии. Здесь Трубецкой вступает в спор с Соловьевым, который завершается уже заочно, в фундаментальном двухтомном исследовании «Мирозозерцание В.С. Соловьева» (1913), посвященном творческому наследию философа.

Трубецкой анализирует теократический проект гениального мыслителя и провидца в рамках глобальной религиозно-философской темы исторической судьбы христианства. Он ищет аргумент для критики историософских идей Соловьева и находит подтверждение своей правоты в христианском Риме, где интенсивно работает над книгой о своем великом учителе и старшем друге зимой 1911 г. «У меня тут сильные переживания – как-то вдруг и Рим и работа о Соловьеве сошлись в одно, и не случайно. Пишу я как раз про соединение церквей и папизм Соловьева и все вспоминаю, что он не был в Риме. А между тем, какое откровение Рим о католицизме, как тут каждый камень вопиет о его духе», – сообщает философ в письме от 12 января к М.К. Морозовой. Он видит пустые храмы и «торжественный парад духовенства – без верующих» и заключает: «Вот что сделала “Теократия” и та внешняя власть, которую Соловьев считал условием *действующего христианства*»<sup>1</sup>. По словам Трубецкого, если бы Соловьев побывал в Риме, то он смог бы глубже оценить православие, «которое сделало одно великое дело: положило *грань* между мистическим и здешним, не дало ему слиться с мирским, презрело храмы-дворцы и ушло на Афон – созерцать свет горы Фавора, тот самый, что ни в дворцах, ни в хижинах Петровых не умещается»<sup>2</sup>. Православие спасло мистический корень, и тем спасло веру, настаивает Трубецкой. Именно в Риме, в точке притяжения исторических и духовных сил христианства, Трубецкой

<sup>1</sup> Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 314.

<sup>2</sup> Там же. С. 314.

напишет главу под названием «Вселенское и русское в теократической идее Соловьева», о чем с воодушевлением сообщит в письме к Морозовой от 2 февраля 1911 г.<sup>1</sup> Буквально физически ощущая историю, которая излучает прикровенный свет христианских святынь, Трубецкой поднимается до высоких религиозно-философских обобщений и продолжает удерживать этот опыт духовного прозрения в смысл истории на протяжении всего последующего творческого пути.

С наибольшей полнотой проблема смысла истории, в которую включена жизнь человека с ее неизбежной трагедией смерти и воскресения, звучит в *теме всемирной катастрофы войны и революции*. Она понята Трубецким в духе христианского учения о свободе и бессмертии души и раскрыта им в книге «Смысл жизни» (1918). По мнению историка русской философии В.В. Зеньковского, философский концепт смысла жизни – определяющий мотив творчества Трубецкого, его дискурсивно разрабатываемая главная религиозно-философская интуиция: «Я думаю, что и самая тема о смысле жизни была для Е. Трубецкого основной и центральной, – что его философские анализы развились в диалектической зависимости от их значения для раскрытия смысла жизни»<sup>2</sup>. Труд «Смысл жизни» стал ответом на «мучительные переживания мировой бессмыслицы»<sup>3</sup>. Трубецкой считал его самым важным для раскрытия своего мирозерцания, надеясь в дальнейшем развить сформулированные в работе положения религиозно-философской концепции познания, свободы, ценности культуры, смысла истории и человеческого существования. Начало книги было осложнено предчувствиями надвигающейся на Россию катастрофы, а завершение с ней совпало. «Слышались отдаленные раскаты грома приближающейся грозы; но оставалась надежда, что она минует, и все еще казалось целым. Потом труд был прерван в самом его начале революционной бурей. Он возобновился под гром пушек московского октябрьского расстрела 1917 г. Теперь, когда он кончен, Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара,

---

<sup>1</sup> Там же. С. 329.

<sup>2</sup> Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. II. Ч. 2. Л., 1991. С. 108.

<sup>3</sup> Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. С. 4.

угрожающего гибелью всемирной культуре», – свидетельствовал в предисловии Трубецкой<sup>1</sup>.

Книга «Смысл жизни» оказалась итоговой для философа. В ней он увидел революцию как продолжение мировой войны, ознаменовавшей собой кризис европейской культуры и ценностей политического проекта модерна. Анализ философского наследия Трубецкого убедительно показывает, что в «Смысле жизни» он продолжает разрабатывать отдельные тезисы и идеи, высказанные в статьях 1906-1919 гг., оценивая политический процесс в России как закономерность истории, имеющую не только социальное, но и духовно-нравственное измерение. Это позволяет Трубецкому как метафизически ориентированному философу истории увидеть социальность в ее статике, динамике, разломах и турбулентности в присутствии Абсолюта – в религиозной логике происходящих и грядущих событий. Именно в этом и заключается философский аргумент князя Евгения Трубецкого в пользу всемирного смысла, обнаруживаемого сквозь всю бессмыслицу мировой войны и революционного хаоса – аргумент непреходящего духовного значения и интеллектуальной силы, который воспринимается сегодня как свидетельство верующего разума, возвышающегося над исторической катастрофой и смертью.

*Н.И. Алымова<sup>2</sup>*

**МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРИ П.Н. МИЛЮКОВЕ  
(март - май 1917 г.)  
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Г.Н. МИХАЙЛОВСКОГО**

Георгий Николаевич Михайловский (1890-1946) – сын известного русского писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. После окончания в 1911 г. юридического отделения Санкт-Петербургского университета занимался научной работой в области международного права. С 1914 по 1917 гг. служил в Министерстве

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Алымова Нина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

иностранных дел первоначально в должности секретаря юрисконсульского отдела, затем начальника Международно-правового отдела, одновременно исполнял обязанности юрисконсульта министерства и члена Высшего призового суда.

В 1918-1919 гг. Михайловский работал во внешнеполитических структурах Белого движения: сначала у А.И. Деникина, затем у П.Н. Врангеля. С 1922 по 1928 гг. был профессором международного права на Русском юридическом факультете Пражского университета, с 1932 г. жил в Братиславе, занимался литературным трудом. По некоторым сведениям, в 1945 г. Михайловский был арестован военной контрразведкой «СМЕРШ», вывезен в СССР, осужден на 10 лет лагерей, умер в 1946 г. В Архиве внешней политики России с 1946 г. хранятся его воспоминания, которые в 2 томах были изданы в 1993 г. под названием «Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920».

Работа состоит из 3 частей. Первая посвящена работе Михайловского в министерстве с августа 1914 г. по февраль 1917 г., ее вторая часть: «Дипломатическая служба при Временном правительстве (март – октябрь 1917 г.)», третья: «Дипломатическое ведомство и белое движение (октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.)». Деятельность министерства иностранных дел при П.Н. Милюкове изучалась в ряде исследований<sup>1</sup>, однако воспоминания Михайловского дополняют знакомый сюжет новыми красками.

«Записки» Михайловского, относящиеся марту – маю 1917 г., содержат богатый материал, поскольку в эти месяцы автору приходилось заниматься широким кругом вопросов международно-правового и внутригосударственного характера, принимать участие в работе большого количества межведомственных комиссий, контактировать с многими государственными и политическими деятелями. Не ставя задачу детального анализа второй части воспоминаний, обратим внимание на ряд выразительных моментов, характеризующих внешнеполитическое ведомство в тот период,

---

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Гусева А.Ю. Павел Николаевич Милюков – министр иностранных дел 2(15) марта – 2(15) мая 1917 г. [Электронный ресурс] // URL: [http://www.pseudology.org/MID/Milukov\\_PN.htm](http://www.pseudology.org/MID/Milukov_PN.htm) (Дата обращения: 01.09.2017).

когда его возглавлял Милюков.

Михайловский отметил, что в министерстве иностранных дел, за исключением двух-трех лиц, начало Февральской революции было встречено «со всеобщим удовлетворением». К началу 1917 г. в среде служащих так настоятельно ощущалась необходимость перемены царствовавшего императора, что весть о его отречении была встречена «со вздохом самого искреннего облегчения»<sup>1</sup>. Правда, на сотрудников министерства некоторое впечатление произвело высказывание бывшего посланника в Персии и Китае, ранее секретаря С.Ю. Витте при заключении Портсмутского мира – И.Я. Коростовца, который заявил, что даже его внуки «не увидят конца русской только что начавшейся революции». Тем не менее, в ведомстве преобладало позитивное отношение к начавшимся переменам.

Большинству старших чиновников министерства иностранных дел Милюков был хорошо знаком. Как известно, А.П. Извольский и С.Д. Сазонов, министры иностранных дел, официально принимали Милюкова после его поездок на Балканы, «старались использовать его влияние в Государственной думе, чтобы добиться поддержки левыми кругами внешней политики правительства». Милюкова лично знали почти все директора департаментов.

Уже при первой встрече с сотрудниками министерства в неформальной обстановке в «чайной комнате» Милюков признал, что он и его соратники в Думе «жестoko ошибались», что это они, члены Думы, «делают революцию», что революция была уже «давно сделана» и все они оказались перед свершившимся фактом. Милюков оценивал сложившееся положение как крайне серьезное, отмечал большое давление «левых». В данных обстоятельствах единственно возможной тактикой, по мнению нового министра, было «говорить левые слова», чтобы удержаться у власти, а затем в благоприятной ситуации «овладеть движением». Также Милюков заявил, что главная задача настоящего момента в доведении войны до благополучного конца, а потому он считал обязательным сохранить в неприкосновенности внешнюю политику, личный состав министерства, действия

---

<sup>1</sup> Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rulit.me/books> (Дата обращения: 01.09.2017).

дипломатического аппарата, чтобы «ни в чем не подорвать доверия союзников». По мнению Милюкова, «революция должна быть стиснута, пока ее нельзя прекратить»<sup>1</sup>.

При этом Милюков предупредил своих новых коллег, чтобы они спокойно воспринимали его возможные публичные резкие выступления против министерства, которые, по его мнению, были необходимы «по тактическим соображениям». Действительно, в газете «Речь» Милюков поддержал развернутую в левых газетах кампанию против министерства, называл его сотрудников «чванной кастой» и другими тому подобными эпитетами, но никаких гонений в ведомстве после этой публикации не последовало. Сам Милюков, показывая сотрудникам статью, говорил, что это «единственный способ держаться у власти».

По вопросу о сохранении министерства и продолжении войны до конца выявилось «полное единомыслие» Милюкова и всех его ближайших сотрудников, которое сохранялось до самого его ухода. Лидер кадетов писал в своих мемуарах: «Я ценил заведенную машину с точки зрения техники и традиции»<sup>2</sup>.

Приход Милюкова принес самые незначительные перемены в личном составе и структуре ведомства. Так, знаковым событием стала отправка в отставку А.А. Половцова, назначенного Штурмером товарищем министра иностранных дел. Впоследствии в отставку были отправлены посол в Париже А.П. Извольский и посол в Лондоне С.Д. Сазонов, хотя Михайловский считал, что на это Милюков, возможно, пошел под давлением своих оппонентов.

Михайловский отмечал, что Милюков довольно последовательно осуществлял свое стремление «сохранить министерство» и его политику. Именно Министерство иностранных дел не только при Милюкове, но и затем при Терещенко сохранилось в наибольшей мере и, несмотря на новшества, внесенные Февральской революцией, сохранило «общие линии внешней политики».

Придя в министерство, Милюков не стал делать традиционный для вновь назначенных министров «обход» своего ведомства, как считал Михайловский, не желая подражать «царским министрам» и

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 289.

боясь упрека «левых кадетов», у которых министерство без должных оснований было на худом счету. Михайловский считал, что это в какой-то мере неблагоприятно отразилось на общем отношении всего министерства к Милюкову. Вместе с тем, благодаря качествам профессионального политика, спокойствию, выдержке отношения Милюкова с ближайшими сотрудниками были неплохими. С первого же дня он смог наладить деловое сотрудничество со своими главными сотрудниками и пользовался с их стороны искренней поддержкой.

Первым (политическим) товарищем министра Милюкова был А.А. Нератов, профессиональный чиновник, бывший товарищем министра при С.Д. Сазонове. Вторым своим заместителем Милюков назначил барона Б.Э. Нольде, участвовавшего в деятельности кадетской партии, служившего в МИДе с 1907 г.

В министерство Милюков привел только одного нового человека – своего секретаря А.Н. Соболева, который пользовался его неограниченным доверием. В министерстве Соболев числился «частным секретарем», хотя такой должности не предусматривалось. У Милюкова была специальная, вполне квалифицированная, канцелярия, выполнявшая и функции Политического отдела. Одновременно Милюковым был назначен и официальный секретарь В.К. Коростовец, служивший в канцелярии министра, племянник И.Я. Коростовца, с 1907 г. состоявший в кадетской партии.

Михайловский узнал впоследствии от самого Соболева, что под вымышленной фамилией он входил в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и несколько раз выступал в защиту Милюкова на пленумах Совета. Иногда его сопровождал В.К. Коростовец. После ухода Милюкова из министерства Соболев уже под собственной фамилией продолжал участвовать в Петроградском совете.

В министерстве Соболев делал для Милюкова подборку из донесений с фронта, выбирая все, что могло свидетельствовать о благоприятном военном состоянии российской армии. Этот обзор Милюков предоставлял иностранным послам, чтобы «не

разочаровывать их в революции». Хотя у М. Палеолога<sup>1</sup> и Дж. Бьюкенена<sup>2</sup> были собственные источники информации, эта систематически проводимая Милюковым работа отчасти настраивала до некоторых пор оптимистически обе стороны. Также Милюков, часто встречаясь с американским послом Д.Френсисом в марте-апреле 1917 г., поддерживал мнение американского посла о «чудодейственном значении Февральской революции для хода войны». Известно, что в апреле 1917 г. Североамериканские Соединенные Штаты вступили в войну.

В самом начале Февральской революции все основные дипломатические представители в Петрограде – Палеолог, Бьюкенен, Карлотти верили что революция «даст новые силы русской армии для продолжения войны и доведения ее до победного конца». Со временем эта вера стала таять. Особенно в этом отношении был реалистичен Палеолог, который покинул Россию накануне отставки Милюкова.

В министерстве Милюкова началась и недолгая дипломатическая карьера П.Б. Струве, приглашенного Нольде на должность директора Экономического департамента, образованного им из отделов упраздненного II Департамента для обслуживания российских торговых и финансовых интересов за границей.

Струве довольно быстро расположил к себе сотрудников искренностью и простотой в личных отношениях, не характерной для дипломатического ведомства, и доверием к окружающим. Вместе с тем чиновников озадачивало то, что Струве, пришедший на свою должность вследствие революции, сразу же открыто «в крайне резкой форме» стал высказывать свои взгляды, удивлявшие всех своей «правизной». «Он открыто говорил о "еврейских зачинщиках" Февральской революции, о необходимости "ликвидировать бунтарство», как он называл революцию, и т.п.", хотя в этот период для министерства был характерен общий

---

<sup>1</sup> В своих воспоминаниях М. Палеолог на основе собственных источников информации дает довольно объективную характеристику состояния российской армии в этот период. См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 318-319.

<sup>2</sup> Столь же реалистичен в оценке положения на Русском фронте и состояния российской армии был и Дж. Бьюкенен. См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 238, 242.



поворот влево<sup>1</sup>.

По своим деловым качествам, как оказалось, Струве был не вполне готов к руководству структурой такого большого политического значения в условиях войны, как Экономический департамент МИДа. Струве сам в присутствии своих молодых подчиненных «с добродушным смехом» признавался, что «он, профессор с научным именем, чувствует себя часто совершенно растерянным в тех делах практического свойства, которые он изучал теоретически всю свою жизнь», и что ему приходится менять принятые им решения под влиянием какого-нибудь начальника отделения – молодого человека 25-26 лет». Фактически Струве был консультантом по экономическим вопросам при Нольде. В министерстве считали, что для Нольде Струве фактически был консультантом по экономическим вопросам, что Нольде мог бы прекрасно без него обойтись, но «страховался», опасаясь правых, и использовал его как некий противовес Милюкову, несмотря на то, что в данный момент серьезных разногласий между ними не было.

Вскоре после своего назначения Струве привел в министерство своего ученика Н.Н. Нордмана, не блиставшего, по мнению Михайловского, «никакими выдающимися достоинствами», на пост вице-директора департамента, и проявлял доверчивое, порой «непростительно снисходительное отношение к своим «любимчикам», неблагоприятно влиявшее на ход дел.

Михайловский считал, что, несмотря на то, что после Февральской революции в министерстве почти все чиновники остались на своих местах и «внешне все текло по-старому», произошла общая перемена «всего строя и духа» внешнеполитического ведомства. На первом же «Чрезвычайном общем собрании служащих МИД», разрешенном Милюковым, на котором он с Нератовым и Нольде не присутствовал, было создано «Общество служащих МИД» и избран исполком. Его возглавил князь Л.В. Урусов, вице-директор Экономического департамента, секретарем был избран Михайловский<sup>2</sup>. В Исполкоме преобладали высшие чины министерства, но в него входили и младшие

---

<sup>1</sup> Михайловский Г.Н. Указ. соч.

<sup>2</sup> Там же.

сотрудники, и представители всех отделов. Это своеобразное «министерство в министерстве» вело себя очень сдержанно, политических разделений в исполкоме не было, также было равноправие членов исполкома. Так прежняя иерархическая лестница в министерстве стала понемногу терять свое реальное значение.

По уставу Общества компетенции исполкома, его назначение и цели, по мнению Михайловского, были довольно неопределенными, но было очевидно, что к самоорганизации чиновников побудил инстинкт самосохранения. В исполкоме и на многочисленных собраниях ни одной оппозиционной речи в монархическом духе не было произнесено. В этот период исполком преимущественно занимался чисто организационной работой, вступил в связь с «Союзом союзов» всех ведомств. Вместе с тем, общество при Милюкове, по мнению Михайловского, сыграло в этот период роль естественного предохранительного клапана, в частности, пресекало некоторые «анархические течения левого толка», возникавшие, по наблюдениям Михайловского, в основном на личной почве. Исполком при Милюкове охранял «начальство, то есть Февральскую революцию, от "друзей" этой революции, от недовольных элементов министерства», возможных в каждом учреждении. Общество явилось тем каналом, куда направлялись тревоги и волнения чиновников ведомства, связанные и с судьбой министерства и обстановкой в стране в целом.

Так, исполком резко отрицательно отнесся к предложениям отдельных служащих «о необходимости фактического захвата власти в министерстве», пресекал критику отдельных политических или служебных действий начальства, выступал против предложений радикальных реорганизаций в министерстве.

Исполком смог «не допустить превращения министерства в Совдеп», вместе с тем он принимал на себя удары, которые приходились бы на Милюкова. Таким образом, он сыграл в известной мере «громоотводную роль». И Милюков, и весь «генералитет» министерства сочувственно относились к исполкому. Эту же громоотводную роль Общество играло и при М.И. Терещенко, но при последнем исполком стал приобретать все больше политический характер и оказывать большее влияние на жизнь и даже политику министерства. Михайловский считал, что

после октябрьского переворота только благодаря самоорганизации министерства, предшествующей деятельности Общества и его исполкома удалось лишить большевиков дипломатического аппарата как в Петрограде, так и за границей, приведя к известному «дипломатическому саботажу».

При этом деятельность отдельных членов исполкома была ими использована и для делания «революционной карьеры», для многих исполком стал трамплином для служебных перемещений. Как писал Михайловский, многие члены исполкома, даже имея определенные заслуги, «понимали революцию и как личную игру, где каждый имеет свой черед», равнодушно относясь к вынужденному уходу предшественников и «очень чувствительно» к собственному.

Во времена Милюкова в министерстве была сделана попытка привлечь в кадетскую партию его служащих. Инициатива исходила от некоего Фонвизина, одного из молодых дипломатов. Первоначально Фонвизин выяснил мнение Милюкова о своем желании войти в партию кадетов. Милюков заявил, что поскольку он сам состоит в партии, то и желающим этого он запрещать не будет, что вопрос о партийной принадлежности подчиненных его не интересует, что это решение – право каждого гражданина. Вместе с тем, Милюков ознакомился с объявлением Фонвизина о записи в партию и разрешил его вывесить<sup>1</sup>.

Это объявление не вызвало положительного отклика, скорее оно было встречено враждебно, хотя в это время в министерстве было довольно сочувственное отношение к кадетской партии. Записалось у Фонвизина всего 4 человека. Отрицательное отношение вызвала грубая демагогия Фонвизина, кстати, накануне революции добивавшегося назначения камер-юнкером, кроме того, сам он не пользовался авторитетом. В среде чиновников вся эта ситуация была воспринята негативно. Возникли подозрения об опасности чисто партийного начала в политике министра, о том, что Фонвизин действует с согласия кадетского лидера. Объявление попало в печать, было интерпретировано как «заманивание» чиновников в кадетскую партию. Объявление было вскоре снято, но «легкомысленное» попустительство «вербованию в партию»

---

<sup>1</sup> Там же.

сильно повредили Милюкову в глазах «всех серьезных работников министерства». Впрочем, это был один из немногих промахов Милюкова.

В период руководства министерством Милюковым решался ряд сложных вопросов внешнеполитического характера и внутригосударственных, имевших внешнеполитический аспект. Это – чешский вопрос, больной и сложный для России польский вопрос, проблема возвращения в страну политических эмигрантов, участие в обсуждении «аграрной конституции», поскольку дипломатическое ведомство должно было принять участие в решении вопроса о земельных имуществах иностранцев в России (союзников и нейтральных стран), и отдельно вопрос о немецком землевладении, вопрос об изменении дипломатического этикета в связи с «совершившейся переменой в образе правления», о правах и статусе славян-военнопленных и другие. Главными же были проблемы, связанные с отношениями с союзниками, с продолжением войны, вопросы о целях войны.

Оценивая в целом работу Милюкова в министерстве, Михайловский отмечал, что Милюков много и серьезно работал на своем посту, но «управлял министерством как старорежимный министр, и в этом была его сила». Действуя по форме «совсем как царский министр», он управлял всем дипломатическим аппаратом по собственному усмотрению и «сам нес ответственность за последствия своей политики»<sup>1</sup>. При этом Милюков не встречал сколько-нибудь серьезного сопротивления своей деятельности, несмотря на известные разногласия в оценке момента или по тактическим вопросам. Его ближайшие ответственные служащие министерства и аппарат ему беспрекословно подчинялись.

Михайловский отмечал, что вся система работы в центральных структурах министерства была такова, что «даже на самых высших ступенях дипломатической службы людей самостоятельного склада не было». Например, Милюкову много раз высказывались мнения относительно явной всем в ведомстве неправильной линии в константинопольском вопросе, но в министерстве не нашлось ни одного человека, который осмелился бы изложить свое мнение в такой решительной форме, чтобы на Милюкова это могло

---

<sup>1</sup>Там же.

произвести должное впечатление. В итоге, и при Милюкове, и впоследствии при Терещенко «министерство не выходило за пределы субординации и должной служебной дисциплины».

Михайловский отмечал, что Милюков чрезвычайно ответственно относился к своим обязанностям министра, что он проявил «незаурядное отношение» к нелегкому бремени руководителя внешней политики в таком объеме и в столь сложных условиях. При этом он оставался кадетским лидером, но несколько в меньшей степени, что позволило усилиться оппозиции внутри его собственной партии.

Как известно, в ответ на ноту Милюкова в Петрограде прошли демонстрации протеста, в которых участвовали Финляндский и Павловские полки, возглавляемые офицерами. В ответ кадетское руководство инициировало демонстрации и митинги своих сторонников. Так, кадетский клуб на Французской набережной снарядил и оплатил несколько автомобилей с плакатами, главным образом, против «Ленина и компании». Перед Мариинским дворцом состоялся многотысячный митинг с выражением поддержки Милюкову и Временному правительству. По наблюдениям Михайловского, толпа состояла в основном из штатских, военных было очень мало, в основном офицеры. «Среди штатских преобладала буржуазная интеллигенция, рабочих совсем не было». 20-21 апреля произошли столкновения между сторонниками и противниками Временного правительства, приведшие к жертвам.

Накануне отставки Милюкова, «Общество служащих министерства» сыграло не только предохранительную, но и руководящую роль. Стало известно, что одновременно уходят Нольде и Струве. Демонстрации протеста, предстоящие отставки вызвали в министерстве панические настроения. Несмотря на разное отношение к Милюкову в чиновничьей среде, многие опасались, что с его уходом произойдет и перемена общей политики министерства и даже его разгром. В связи с этим на заседании комитета «Общества» встал вопрос о реакции на грядущие события.

Несмотря на предложение массового протеста против отставки Милюкова, на панические заявления о готовящемся сепаратном мире, комитет единодушно отверг идею массового ухода из министерства, чтобы не дезорганизовать всю дипломатическую

работу и не поставить Временное правительство в чрезвычайное положение. Одновременно было принято решение войти в контакт с будущим министром М.И. Терещенко, взять с него обязательство не подписывать сепаратный мир с Германией и не нарушать «основных линий внешней политики России»<sup>1</sup>. Хотя последнее предложение было расценено как «кондиции» министру, оно было единодушно поддержано. Михайловский считал, что эта акция комитета «Общества» свидетельствовала не только о серьезности положения, но и была явным признаком «разложения министерского аппарата, недопустимого в условиях нормального государства».

*Л.Г. Березовая<sup>2</sup>*

## **ЛИГА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1917 г.: ИДЕЯ И СОЗДАНИЕ**

Революционный год был чрезвычайно богат на разные объединения, целью которых было либо сохранение культурных ценностей, либо создание новой революционной культуры (Союз деятелей культуры, «Комиссия Горького» – самые известные из них). По существу, каждый местный совет, претендуя на власть, создавал собственную комиссию по культуре. А культурническое движение породило множество объединений «крестьянских», «солдатских» и «пролетарских» поэтов и художников. Однако для политиков и политических партий вопросы культуры, как правило, лежали на периферии целей, использовались только с точки зрения имиджа. Единственной идеологией, которая ставила свободу личности и свободу творчества выше политических свобод, являлся либерализм в его веховской интерпретации. Вполне закономерно, что и единственная политическая организация, ориентированная исключительно на культурные проблемы, также была создана либералами. Организация, образованная либеральными деятелями весной 1917 г., называлась Лига русской культуры (ЛРК). О ней почти ничего не известно. Из достоверных

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> *Березовая Лидия Григорьевна – доктор исторических наук, профессор.*

официальных документов имеется лишь журнал заседаний Временного комитета Лиги в РГАЛИ и 12-страничная брошюрка, изданная в 1917 г., в которой содержится Устав Лиги, список ее учредителей и два первых воззвания: «К русским гражданам» и «К русской молодежи». Состоялось 25 выпусков журнала Лиги «Русская свобода». Все остальные сведения и упоминания о Лиге разбросаны незначительными фрагментами в воспоминаниях и биографических трудах (Франк, Струве, Николаевский, Шульгин, Пайпс, Ананьев). Весьма скудна и историография: несколько статей в нестоличных сборниках (Жердева, Панкова) и изредка упоминание в несколько строк в энциклопедиях.

Инициатором создания Лиги русской культуры в 1917 г. был П.Б. Струве. 27 апреля он написал статью под этим названием, в которой обосновал необходимость создания политической организации, которая бы поставила задачу культурного возрождения нации. Струве считал произошедшую стремительную и почти бескровную революцию чудом, которое «прожгло, очистило и просветило», а, значит, позволяло осуществить надежды на обновление национальной идеи. Площадкой для создания новой организации естественно стал возглавляемый с 1907 г. П.Б. Струве журнал «Русская мысль». К этому времени вокруг журнала сложилась группа идейно близких людей, «веховцы», создатели идеалистического направления русской философии: С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, С.Л. Франк. В журнале печатались также литераторы-символисты: В.Я. Брюсов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский. Журнал «Русская мысль» выделялся тем, что демонстративно отказался от «направленства», позиционируя себя как орган свободной мысли, независимой от какой-либо идеологии. Струве с самого начала своего редакторства подчеркивал, что «Русская мысль» «не есть журнал какой-нибудь партии или даже направления. Наоборот, насколько это зависит от меня, я стремлюсь освободить журнал от всякого “направленства” и сделать его органом свободной мысли. Делаю это замечание ввиду того, что часто – на основании имен редакторов журнала – его называют “кадетским”»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Письмо П.Б. Струве А.Ф. Кони от 24 августа 1908 года. Цит. по: Литературный архив. Т. 5. М.: Л; 1960. С. 258-259.

Тем не менее, быть «вне политики» в 1917 г. было невозможно. Внимание к политической жизни руководителей журнала и самого Струве сказалось уже в том, что главным содержанием журнала стала публицистика, а литературный раздел (беллетристика) сошел на нет. Политические события 1917 г. заставили редакцию журнала сделать шаг от публицистики к конкретному политическому поступку – созданию организации Лига русской культуры. Впервые в русской политической истории культура и политика шли рука об руку.

В помещении редакции журнала 29 мая 1917 г. состоялось «подготовительное собрание» новой организации под председательством М.В. Родзянко. С докладом на этом собрании выступил Струве, который заявил, что «политически внепартийное» новое сообщество создается для того, чтобы соединить идею русской культуры и идею русской нации<sup>1</sup>. В программной речи Струве указал на главную беду времени: «В широких народных массах оказался утраченным здоровый патриотический инстинкт», без которого невозможно ни нормальное международное бытие народа, ни здоровая внутренняя жизнь государства<sup>2</sup>. Любимая Струве идея «здорового национализма» была высказана им еще до войны, а революция, как ему представлялось, давала шанс реально двигаться к позитивной «национальной идее» на основе культуры. Ближайшей революционной задачей всех граждан России он считал «построение русской культуры», поскольку она «народу дает бытие, а государству смысл и оправдание»<sup>3</sup>. Связь культуры и политики виделась ему в том, что русские люди всегда были «владыками вовне» и «рабами внутри», а обретенная в результате революции свобода давала шанс сформировать свободного гражданина и построить национальную культуру без «политического рабства». Поэтому Струве призывал всех сознательно любящих русскую национальную культуру людей объединиться для творческой работы в «могущественную лигу русской национальной культуры»<sup>4</sup>. Эти же идеи он развивал в

---

<sup>1</sup> Русская свобода. 1917. № 9.

<sup>2</sup> Струве П. Б. Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. № 3. С. 3.

<sup>3</sup> Там же. С. 4.

<sup>4</sup> Там же.



статье «России нужно организованное патриотическое движение»<sup>1</sup>. Стремление возродить национальную культуру для строительства новой свободной России с разных позиций поддержали ряд либерально настроенных политиков и мыслителей. «Веховцы» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.Л. Франк) поддержали культурную работу как средство выработки личностного и творческого начала. Сторонники славянофильства, национализма и «религиозного возрождения» (А.В. Карташев, В.В. Шульгин, кн. Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, А.С. Лаппо-Данилевский) – как путь к «национальной идее», деятели культуры (Ф.К. Сологуб, А.Н. Бенуа, И.М. Гревс) – как инструмент для сохранения культуры в революционное время, политики (М.В. Родзянко, В.А. Маклаков, Н.Н. Львов) – во имя политической стабилизации страны. Заявленный аполитизм сглаживал возможные идейно-политические разногласия. Создавалось «особое внепартийное объединение, преследующее “национально-культурные цели”, призванное удержать общество от сползания в революционную анархию».

Для продвижения этой идеи, по предложению П.Б. Струве, начал выходить журнал «Русская свобода», который вместе с уже выпускаемым журналом «Русская мысль» составил печатный арсенал для продвижения культурно-политического проекта. Среди участников нового издания были заявлены: Бердяев, Булгаков, Изгоев, Карташев, С.С. Кондурушкин, С.А. Котляревский, Франк, Шульгин и др. В первом номере были напечатаны статьи: Струве «Наша задача», Бердяева «Психология переживаемого момента», Франка «Демократия на распутье», Изгоева «Революция и культура»<sup>2</sup>. В № 3 журнала и появилось сообщение о создании Лиги. К этому времени «лицо» новой организации проявилось столь отчетливо, что критик М. Левидов определенно назвал членов Лиги «борцами против социализма»<sup>3</sup>.

Традиционный для либералов пиетет перед нормативными документами сказался в подробном протоколировании всех действий Лиги. Документальное и программное творчество новой организации далеко превосходило ее конкретные действия. Ее

<sup>1</sup> Русская свобода. 1917. № 9.

<sup>2</sup> Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891–окт.1917). В 3 вып. Вып. 3. 1911 – окт. 1917. М., 2005. С. 555-556.

<sup>3</sup> Новая жизнь. 1917. 11 июня.

организационная структура и членство были определены в принятом Уставе, а основные организационные вопросы решались на учредительном собрании 7 июня 1917 г., которое прошло в помещении редакции «Русской мысли». В числе 22 учредителей Лиги значились: Булгаков, Бердяев, гр. В.Н. Бобринская, А.Ф. Зайцев, Изгоев, Карташев, Е.П. Ковалевский, Котляревский, В.М. Латкин, Львов, В.Н. Муравьев, Маклаков, Б.Ф. Никольский, С.Ф. Ольденбург, С.Ф. Платонов, Родзянко, епископ Уфимский от. Андрей, Струве, Н.В. Савич, Франк, Ф.Д. Филоненко, Шульгин<sup>1</sup>. Почти все – петербуржцы, за исключением Булгакова, Бердяева и Бобринской. Членами Лиги стали известные политики, депутаты Государственной думы, деятели культуры, профессора и мыслители – фактически цвет столичного общества.

На учредительном собрании 7 июня был избран руководящий орган Лиги – Временный комитет. В него вошли: Карташев, Родзянко, Струве, Савич и Шульгин. Через неделю во Временный комитет были введены Муравьев и Никольский. Осенью во Временный комитет включили Зайцева и А.М. Сухотина. Основанием этих изменений протоколы Лиги называют только отсутствие в Петрограде тех или иных членов Временного комитета. Всего состоялось шесть заседаний Временного комитета ЛРК: первое – 16 июля, последнее – 29 сентября 1917 г.

Хотя идея создания организации и конкретные шаги по ее воплощению принадлежали Струве, почетным председателем Временного Комитета Лиги был определен Родзянко. Избрание Родзянко обнаруживало стремление организации стать заметной политической величиной. Председательство известного главы Государственной думы придавало Лиге авторитет и политический вес, а, кроме того, сглаживало внутренние трения из-за некоторой «нетерпимости» Струве. Однако фактически роль главы Лиги исполнял именно Струве, который был чрезвычайно увлечен своим проектом. Он неизменно присутствовал на всех заседаниях, входил во все проблемы и тонкости дел. Родзянко охотно перепоручал ему практически все дела Лиги, мотивируя это недостатком времени и своими частыми отъездами<sup>2</sup>. Главным «мотором» организации

---

<sup>1</sup> Русская свобода. 1917. № 9. С. 23-24.

<sup>2</sup> РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

были Струве и Франк, которых связывали не только схожесть идей, но и многолетняя дружба и сотрудничество в журнале «Русская мысль», в помещении редакции которого и базировалась Лига. Франк стал фактическим редактором журнала «Русская свобода». В этом журнале были опубликованы все его основные статьи 1917 г.: «Демократия на распутье», «О благородстве и низости в политике», «Мертвые молчат».

Либеральные «родители» Лиги даже в ситуации революционного хаоса стремились к максимально правовым отношениям в организации. Устав скрупулезно прописывал все организационные вопросы. Временный комитет, избранный на первом заседании, должен был передать полномочия Совету из 15 человек во главе с председателем, которые избирались бы на 2 года на общем съезде Лиги. Временный комитет Лиги имел четкое распределение обязанностей. Имелись казначей (Никольский), канцелярия, налаженное делопроизводство. Председатель, товарищи председателя, секретарь и казначей – все должности предполагались выборными. Съезды планировались как всероссийские (по очереди в разных городах), так и региональные. Оговаривалась ежегодная отчетность всех отделений Лиги, источники финансирования и т.п.<sup>1</sup> Основательность и детальная регламентированность всей работы Лиги намного превосходили действительные ее массовость, территориальный охват, срок существования и масштаб деятельности.

Членство в Лиге носило сугубо персональный характер и определялось либо личным заявлением претендента, либо предложением конкретному лицу, сделанным от имени Временного комитета. Первоначально Лига оказалась привлекательной для многих деятелей культуры, которые в целом приветствовали февральскую революцию, но избегали четкой партийной принадлежности. Франк вспоминал впоследствии, что «в приемной Петра Бернгардовича толпились десятки людей, желавших записаться в Лигу русской культуры, и получалось много письменных заявлений»<sup>2</sup>. Но Лига вовсе не собиралась становиться массовой организацией – важнее было привлечь самых известных

---

<sup>1</sup> Устав Лиги русской культуры // Русская свобода. 1917. № 9. С. 21-22.

<sup>2</sup> Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 116.

и авторитетных в культуре и политике людей. Именно поэтому наиболее видные деятели культуры получали персональное приглашение о вступлении в Лигу. Ярко выраженный «личностный» характер организации иногда мешал. Так А.А. Блок, активно принимавший участие в деятельности по сохранению культуры в 1917 г., отклонил предложение Струве о вступлении в Лигу. В письме матери 16 июля он сообщал о том, что «с удовольствием почитывает иногда “Русскую свободу”», но от событий «в глазах пестрит». Свой отказ Блок объяснял Струве той «странностью», что в Лиге русской культуры «есть Родзянко, но нет Горького», хотя имя Горького в истории русской культуры «знаменательнее, чем имя председателя IV Думы»<sup>1</sup>. Однако Блок поддерживал отношения с многими членами Лиги, со Струве, и в августе уже был согласен участвовать в работе Лиги<sup>2</sup>.

Отличие Лиги от Комиссии по сохранению культурных ценностей, которая существовала при Временном правительстве и при столичных Советах и которой руководил Горький, состояла в очевидном налете политизации. Культурная политика, по мнению организаторов Лиги, была необходима не для просветительских, а для государственных и национальных задач. Из-за этой невольной тяги к политике некоторые современные исследователи (Жердева) склонны отнести Лигу к категории политической партии. Однако ЛРК последовательно избегала любой политической идентификации, каких-либо контактов с политическими партиями, и даже не позволяла использовать свои собрания для пропаганды партийных платформ, программ, лозунгов.

Лига виделась ее организаторам представителем всей нации, объединяющим лучшие культурные и общественные силы страны во имя возрождения нации и укрепления государственности. Устав ЛРК декларировал, что «“Лига русской культуры” ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие национальной русской культуры, как на всем пространстве Российской державы, так и за ее пределами, а также поддержку духовную и материальную очагам русской культуры на чужбине»<sup>3</sup>. Однако усилия Лиги по организации своих местных отделений

---

<sup>1</sup> Блок А.А. Собр. соч. в 8 т. М.; Л., 1960-1963. Т. 8. С. 509-510.

<sup>2</sup> Там же. Т. 7. С. 294.

<sup>3</sup> Лига русской культуры. Пг., 1917. С. 3.

нельзя признать успешными. Активность проявляла преимущественно столичная интеллигенция. Судя по переписке Временного комитета, местные отделения Лиги были образованы лишь в Москве, Харькове, Н. Новгороде, на Кавказе<sup>1</sup>. Но сведений о конкретной деятельности, а иногда даже подтверждений о реальном наличии отделений на местах, помимо упоминаний в протоколах Временного комитета, нет. Даже в Москве филиал Лиги появился очень поздно: только на 5 заседании Временного комитета Струве представил доклад об открытии московского отдела. При открытии отделения Лиги в Москве присутствовало всего 20 человек, причем большинство – из Петроградского комитета Лиги (Бердяев, Булгаков, Бобринская, Карташев, Струве, С.Н. Трубецкой). Учредители Лиги рассчитывали на длительную скрупулезную работу, но стремительность и катастрофичность перемен 1917 г. такой возможности не давали, и уже в октябрь-ноябре работу пришлось прекратить.

В чем же состояла главная идея этого объединения, можем ли мы отнести его к либеральным формам политики? Идея Лиги основывалась на том, что новое общество строится прежде всего «в головах», т.е. через комплекс новых идей, образов – здесь решающая роль принадлежит культуре. В уставе Лиги говорилось, что она «ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие и укрепление национальной русской культуры»<sup>2</sup>. Целью культурного развития заявлялось восстановление утраченного «единства общества», возрождение «здорового патриотического инстинкта» нации. Этот процесс, по мысли основателей, должен был включать восстановление «религиозного чувства», упадок которого привел к разгулу «грубых и злобных инстинктов». Отказываясь от политических задач, устроители Лиги свои надежды возлагали на культурную созидательную работу – по их мнению, единственное, что могло противостоять одичанию и варваризации общества. Более того, именно культуре предстояло соединить разорванное противоположными интересами общество, стать фундаментом общенационального единства и возрождения России. Основатели новой организации принципиально дистанцировались от

---

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 9, 11, 12.

<sup>2</sup> Лига русской культуры. М., 1917. С. 21.

политических партий и от всякой классовости. А.А. Кизеветтер характеризовал их позицию как поддержку свободной России, «истинно демократической культуры и отрицание классовой борьбы»<sup>1</sup>. Отказавшись от каких-либо политических целей, Лига могла объединить представителей всех политических направлений, которых связывало бы лишь признание за культурой связующей роли для общества и государства.

В проекте основателей Лиги реализовались, прежде всего, идеи Струве о связи культуры и национализма, а также идеи Франка о консолидирующей функции культуры. Резкое обострение вопроса о государственности после падения монархии придало новую актуальность идеям Струве о «великой России», ее имперском предназначении. «Патриотическая тревога», возникшая еще в период русско-японской войны, в 1917 г. получила реальную причину. «Дух свободы», не подкрепленный культурным самосознанием нации, мог привести к анархии и распаду государства. Возглавив издание журнала «Русская мысль» в 1907 г., в первом же подписанном им к печати номере (1908, № 3) Струве опубликовал свою программную статью «Великая Россия». Он противопоставлял «национализм свободный, творческий», культурный национализму официальному, «скованному, пассивному»<sup>2</sup>. Национализм, вырастающий через культуру, шел снизу, от общества, цементируя его искренней и глубокой любовью к русской культуре. Вынужденное усиление государственности во время мировой войны, по мнению Струве, не изменило смысла и цели этого содружества. А после падения монархии в условиях революционной демократии оно обрело шанс стать реальностью. Политическое освобождение и культурное процветание для Струве были связаны неразрывно. В статье 1917 г. он сетовал на «более чем недостаточное одухотворение личности государственной необходимостью, слишком пассивное ее отношение к великим историческим задачам момента»<sup>3</sup>. В этом состояло принципиальное отличие Лиги от всех других культурнических организаций 1917 г., начиная с «комиссии Горького». Только Лига ставила перед культурой не просто задачу выживания или строительства «новой»

<sup>1</sup> Кизеветтер А.А. «Русская свобода» // Русские ведомости. 1917. 14 мая.

<sup>2</sup> Струве П.Б. Два национализма // Струве П.Б. *Patriotica*. М., 1997. С.169.

<sup>3</sup> Он же. Национальный эрос и идея государства // Русская мысль. 1917. № 1.

культуры, но задачу политическую – сохранить нацию и Россию. Именно этим она привлекала к себе не только деятелей культуры, но и политиков, мыслителей, общественных деятелей. Сам Струве всегда был и оставался прежде всего государственным деятелем.

Следует отметить, что у учредителей Лиги при общности основных позиций мировоззренческие акценты были расставлены все-таки различно. Отрицание партийности новой организации автоматически отвергало и господство какой-либо конкретной идеологии, поэтому убеждения основателей и участников Лиги содержали самые разные идеи, не сводясь ни к одной из них. Вместе они составляли довольно причудливый «букет». Для Струве культура виделась средством объединения нации, фундаментом здорового «национализма». Представляя только что созданную Лигу в журнале «Русская мысль», он утверждал, что издание «Русская свобода» и Лига будут отстаивать ту же идею свободы через духовную культуру, что в 1905-1906 гг. проводили еженедельники «Полярная звезда» и «Свобода и культура»<sup>1</sup>. Для Франка культура имела самостоятельную ценность как основание главного предназначения человека и общества – духовной жизни. Франк не отделял духовную жизнь, культуру от реалий жизни. Вытеснение из реальной жизни понятий «культура», «нравственность», «свобода», по его мнению, грозит гибелью революции. Как раз летом 1917 г. Франк опубликовал свою программную работу, ставшую его докторской диссертацией – «Душа человека», которую он начал писать еще в 1915 г. Ключевой идеей представленной философии жизни была заявлена духовная жизнь личности и общества, которая не определяется внешними обстоятельствами, но сама создает их. И.М. Гревс в статье «Лига русской культуры» заявлял, что члены Лиги приемлют «заветы лучших отцов» славянофильства (И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских, А.С. Хомякова) и отвергают идеи «многих новых адептов» славянофильства (Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева), которые перемешали свои воззрения с официальным национализмом, заразившись соседством с ним<sup>2</sup>. «Веховцы» Бердяев, Булгаков полагали культуру важнейшим способом

---

<sup>1</sup> Русская мысль. 1917. № 5–6. Форзац.

<sup>2</sup> Речь. 1917. 20 августа.

преодоления радикализма интеллигенции; «почвенники» приветствовали возвращение к традиционной русской культуре. Однако все разнообразие идей и убеждений участников Лиги включало признание исключительной ценности свободы, и все ставили культурное возрождение России первым условием ее благополучия. Общая идеологическая установка Лиги, так или иначе, укладывалась в границы либерализма. Позиции ее участников отмечены и значительным влиянием «веховства», которое отличалось от «классического» либерализма безусловным приоритетом личности и творческого начала. Поскольку 1917 г. обозначил угрозу самому существованию России, появилась возможность объединения «либерального национализма» Струве и «культурного либерализма» веховства. Идея доминирования культуры в объединении общества привлекала и некоторых общественно активных деятелей культуры: А.А. Блока, Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева.

Советская историография клеймила такой «культурный национализм» мелкобуржуазным, либеральным и интеллигентским. Все эти характеристики совершенно справедливы, если снять с них обвинительный мундир. В них отражена катастрофическая несвоевременность идей, декларируемых Лигой, в ситуации стремительно нараставшего радикализма и общественного раскола в 1917 г. Франк вспоминал, что ему с самого начала было понятно, что издаваемый Лигой журнал, да и сама Лига не сможет решить задачу объединения национальных сил, однако энтузиазм и бурная энергия Струве увлекали тогда многих<sup>1</sup>.

Первоначальное поле деятельности Лиги виделось как культурническое, поэтому намечалось создание культурно-просветительских учреждений и проектов. Лига должна была иметь свою типографию и выпускать книги и периодические издания. Намечалась также организация международных культурных связей, серия лекций, экскурсии, поездки по России и другие мероприятия. Планы были обширные, но их осуществление оказалось минимальным. Лето прошло в организационных хлопотах и попытках создания региональных отделений Лиги. Судя по протоколам, реальные шаги по проведению каких-либо

---

<sup>1</sup> Франк С.Л. Указ. соч. С. 115.



мероприятий предпринимались лишь в Петрограде и Москве и только осенью 1917 г., в последние недели существования Лиги. 29 сентября Временный комитет организовал расширенное заседание для создания лекционной комиссии. Среди планируемых лекторов были главным образом столичная профессура, историки и литературоведы (С.А. Аскольдов, Я.Л. Барсков, И.М. Гревс, С.А. Жебелев, В.Н. Княжнин, Н.А. Котляревский, И.И. Любименко, С.Ф. Платонов), политики и публицисты (А.С. Изгоев, С.Ф. Ольденбург), бывшая фрейлина императрицы, член Философского общества Ю.Н. Данзас, деятель школьного образования Е.П. Репина, писатель Ф.К. Сологуб<sup>1</sup>. Однако лекционной работе помешала предельная политизация общества к осени 1917 г. Слушатели ждали ответов на животрепещущие политические вопросы: война, выборы в Учредительное собрание, корниловский мятеж, экономический крах и др. Востребованность в такого рода лекциях была велика, и Лига располагала для этого интеллектуальными силами. Но, следуя заявленному принципу внеполитичности и внеклассовости, запросы на лекции о текущей политике Лигой отклонялись. К примеру, было отказано в прочтении на одном из общих собраний доклада В.Е. Чешихина «О всероссийской русской национал-либеральной партии» на том основании, что этот доклад, «согласно уставу, не мог быть заслушан как носящий чисто политический характер»<sup>2</sup>.

Стремление наладить связи, привлечь к работе широкую общественность было вполне в духе либералов по созданию «широкого фронта» общественно-культурного движения. По предложению члена Лиги еп. Уфимского Андрея было принято решение о проведении вечера-лекции с религиозной тематикой, программу которого поручили разработать Струве и Карташеву<sup>3</sup>. Было решено также просить участвовать в вечере Андреева, Блока, Сологуба. По ходатайству Карташева, предполагалось привлечь старообрядческие организации и пригласить их представителей на общее собрание Лиги 11 сентября<sup>4</sup>. Результаты сотрудничества со

---

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

<sup>2</sup> Там же. Л. 5.

<sup>3</sup> Там же. Л. 2.

<sup>4</sup> Там же. Л. 3.

старообрядцами остались неизвестными, но члены Лиги участвовали в данном мероприятии.

Неудачными оказались и усилия Лиги по формированию международного «христианско-социалистического» движения, которое предлагали создать дипломат, работавший в министерстве иностранных дел В.Н. Муравьев и еп. Уфимский Андрей. Во главе этого движения, по проекту, должен был стоять Булгаков, но он ограничился только подготовкой брошюры «Христианство и социализм». На Всероссийском церковном соборе, проходившем в Москве в августе, были оглашены приветствия членов Лиги Родзянко (заочно) и Е. Трубецкого, а последний даже избран в руководящие органы Собора. Но приветствия эти были не от имени Лиги, а Родзянко – от Государственной думы, а Трубецкого – от Московского университета<sup>1</sup>.

Осенью деятельность Лиги осложнилась как внешними, так и внутренними обстоятельствами. После корниловского мятежа и неудачных попыток создать новое коалиционное правительство на фоне явного назревания вооруженного восстания культурническая работа не могла иметь успеха. В сентябре из Петрограда в Саратов, к месту своей новой работы уехал Франк – самый деятельный соратник Струве. Журнал «Русская свобода» стал выходить реже. Под влиянием Струве журнал принял крайне негативный тон в оценке революционных событий, что не могло способствовать его успеху у читателей. Франк пытался убедить Струве в нежелательности такой позиции с точки зрения «практической влияния наших идей», говорил ему, что «мы делаем безнадежную попытку листами “Русской свободы” заткнуть прорвавшуюся плотину огромного бушующего потока», но переубедить своего товарища не смог<sup>2</sup>. Бердяев в статье «Демократия и иерархия», напечатанной в последнем (сдвоенном) номере «Русской свободы», вышедшем 15 октября, писал о «нравственном и эстетическом безобразии» русской революции, которая ведет к «самоубийству нации».

Идейный кризис и внешние обстоятельства парализовали и организационную деятельность Лиги. Ее Временный комитет

<sup>1</sup> Летопись литературных событий в России конца XIX–начала XX в. (1891 – окт.1917). В 3-х вып. Вып. 3. 1911–окт. 1917. М., 2005. С. 577.

<sup>2</sup> Франк С.Л. Указ. соч. С. 115-116.

собирался осенью нерегулярно и в разном составе из-за отсутствия и отлучек его членов. Общего собрания Лига очень долго не проводила. Оно было запланировано лишь на 24 октября 1917 г. и должно было открыться речами Карташева и Бердяева<sup>1</sup>. Однако информации о том, состоялось ли оно и какие решения приняло, источники не содержат. После октябрьского переворота журнал «Русская свобода», как и другие «буржуазные» издания, был закрыт, некоторые члены Лиги (Карташев) арестованы, и работа Лиги остановлена. В конце 1917 г. руководители Лиги Струве и Родзянко уехали на юг, где формировалась Добровольческая армия, и Лига окончательно прекратила свое существование.

В целом практическая деятельность Лиги свелась к образованию 2 отделов в Петрограде и отдела в Москве, 3 зафиксированных в протоколах местных отделов (в Бузулуке, Харькове, Нижнем Новгороде) и отдела при 10-й Армии, а также изданию «Русской свободы» со статьями самых блестящих мыслителей и публицистов России. Несмотря на почти нулевые результаты конкретной работы «на местах», историческое значение Лиги русской культуры 1917 г. уникально. Это была первая и единственная организация, которая поставила целью соединить политическую свободу и культурное возрождение во имя будущей России. Впервые была поставлена задача «воспитания» народа, интеллигенции и власти в духе нравственности и патриотизма, глубокая перестройка психологии и сознания масс, форм общественной жизни и государственного строя, чтобы они в соответствии с «неподдельным национальным ликом родной культуры» пришли к новому величию России<sup>2</sup>.

Несомненным можно считать принадлежность Лиги к консервативно- либеральному направлению русской общественной мысли. Этот тип либерализма был ориентирован, прежде всего, на государственные, национальные и культурные ценности. Доминирующими в его мирозерцании были начала свободы и культуры, в соединении которых с православием и государственностью виделись основы новой государственности России. Однако эта установка оказалась совершенно оторванной от

---

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

<sup>2</sup> Струве П.Б. Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. № 3. С. 21.

реального развития событий 1917 г., лозунги и практическая деятельность Лиги не соответствовали ситуации стремительного падения культуры, «озверения» общества и радикализации политики. Фактически Лига продемонстрировала бессилие либеральной идеи во время революционного кризиса. Консервативный либерализм, любое «почвенничество» в ситуации радикализации социально-политических отношений оказывается на обочине событий.

Но значение Лиги нельзя оценивать только ее конкретными действиями в 1917 г. Она собрала вокруг себя самых блестящих философов, мыслителей, ученых России. В журнале Лиги «Русская свобода» Бердяев напечатал 13 статей, Изгоев – 7, дипломат и публицист Муравьев – 9, сам Струве – 6. Несколько десятков самых известных ученых, философов, общественных деятелей помещали в 1917 г. свои статьи в этом издании. Почти все они позже стали пассажирами «философского парохода». Их интеллектуальный труд не могли прервать ни организационные, ни политические неурядицы. Авторы, печатавшиеся в «Русской мысли», «Русской свободе» и других изданиях либерального направления, не изменили своему неприятию «классового социализма», продолжали последовательно отстаивать примат высших ценностей (религии, философии, нравственности, науки, культуры) для русской нации и государственности. Многие иллюзии позже были развеяны, осталось лишь главное: неразрывная связь культуры и свободы для национального развития, гибельность их разрушения. Уже после революции, в 1923 г., Франк написал одну из самых замечательных своих работ – «Крушение кумиров». Наряду с разрушением кумира и мифа о революции, о политике, была разрушена вера в культуру как путь европейской цивилизации. После мировой войны и серии европейских революций «что-то умерло в нашей душе... мы состарились и духовно охладели», увидев вместо культуры «духовное варварство... при господстве гуманитарных принципов» и «вера в культуру умерла в нашей душе»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Франк С.Л. Соч. М., 2000. С. 180, 190, 191.

## **ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК БАРОМЕТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ (март – апрель 1917 г.)**

Первые месяцы после Февральской революции российское население находилось в атмосфере чрезвычайного общественного подъема, больших надежд на грядущую светлую жизнь, в ожидании «свободы, равенства и братства». Весной 1917 г. лишь немногие особо прозорливые мыслители подозревали, что такие настроения окажутся иллюзорными, что период единодушия и общегражданского согласия будет кратковременным, что вскоре последует жестокое разочарование в неспособности новой власти решить накопившиеся проблемы и последняя будет сметена волной недовольства и радикализма. В первые же дни и недели после крушения монархии, ставшей, по сути, атрибутом прошлого, и учреждения Временного правительства в публичном пространстве царило всеобщее ликование. Такие настроения доминировали в прессе, в многочисленных публичных выступлениях и речах. Наконец, они зафиксированы в многочисленных приветственных телеграммах, которые в большом количестве приходили из всех уголков страны в Петроград, на адрес Временного правительства, а также в Таврический дворец, где размещалась Государственная Дума. Общее количество подобных приветственных телеграмм историками не подсчитано, но без сомнения их тысячи, если не десятки тысяч. Такие телеграммы, в частности, собраны в фонде Государственной думы в Российском государственном историческом архиве (РГИА).<sup>2</sup> В отдельных «папках» хранятся аналогичные телеграммы, присланные из мест компактного проживания мусульманского населения<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Дд. 1244-1363.

<sup>3</sup> «Мусульманские» телеграммы собраны в следующих делах: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Дд. 1249, 1303, 1324, 1338.

Многочисленные телеграммы, посланные мусульманами в Государственную думу, были выявлены автором во время работы в РГИА в количестве не менее 200 документов. Несмотря на отдельные публикации<sup>1</sup>, приветственные телеграммы от мусульман не стали еще предметом серьезного изучения и анализа. В то же время, тот факт, что мусульманское население бывшей империи, еще пару лет назад публично демонстрировавшее лояльность и верноподданство, после свержения монархии бурно приветствовало падение «ненавистного» режима телеграммами, весьма показательно. Помещение такого рода документов в исторический контекст, текстуальный их анализ, выявление наиболее типичных аргументов и тезисов, сравнительный анализ с другими публичными текстами того времени может помочь в понимании доминирующих настроений мусульманского населения.

Львиная доля «мусульманских» телеграмм с приветствиями в адрес новых властей приходится на март месяц: из выявленных мной около 200 телеграмм более 175 датируются первым весенним месяцем 1917 г. По мере того, как эйфория от перемен улетучивалась и сменялась сначала спокойным отношением, а потом разочарованием и плохо скрываемым раздражением, уменьшается и затем вовсе иссякает поток приветственных телеграмм-посланий. Если в марте такие телеграммы составлялись и посылались от имени многолюдных митингов, а также инициировались отдельными, политически активными персонами, то ближе к апрелю месяцу телеграммы в основном посылались общественными собраниями и съездами, которые в большом количестве созывались с апреля месяца. Уже ближе к лету такого рода телеграммы становятся большой редкостью, что может также служить индикатором изменений общественных настроений.

Еще один важный показатель – география регионов, откуда в столицу поступали такого рода телеграммы. Можно сказать, что приветственные телеграммы приходили из всех центров и регионов, где мусульмане проживали более-менее компактно. А это практически вся Российская империя от западных границ до Сибири и Дальнего Востока, от северного города Архангельска до

---

<sup>1</sup> Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1997. № 1-2. С. 164-170.

южного Туркестана, от Европейской части России до Туркестана и Сибири. Географически приветствия представлены не одной сотней населенных пунктов: Астрахань, Архангельск, Баку, Барнаул, Верхнеудинск, Вятка, Екатеринбург, Елисаветополь, Зайсан, Иркутск, Казань, Касимов, Коканд, Кунгур, Курган, Нижний Новгород, Орск, Омск, Пенза, Петропавловск, Самара, Саратов, Семипалатинск, Симбирск, Ставрополь, Тара, Тобольск, Томск, Троицк, Тюмень, Пенза, Пермь, Ташкент, Уфа, Харьков, Челябинск, Чистополь, Ярославль и другие. Более того, одна приветственная телеграмма пришла из города Кульджа (т.н. Восточный Туркестан, современный Китай), где наряду с уйгурами, казахами проживало немало и татар. Телеграммы шли как из крупных промышленных и культурных центров, так и из «глубинки», из провинции, из совсем небольших населенных пунктов. Не оставались в стороне и жители деревень, сел, посадов, поселков и пр., в основном, в Казанской, Уфимской и Оренбургской губерниях.

В этническом плане среди авторов и инициаторов составления телеграмм преобладали волго-уральские татары, хотя они очень редко указывали свою этническую принадлежность («татары»), чаще выступая от имени всего мусульманского населения данного населенного пункта. В то же время, представители других народностей, исповедовавших ислам, как правило, указывали свою этническую или «племенную» принадлежность.

Интересно и то, кто и почему выступал в качестве инициатора посылки приветственной телеграммы. Если речь идет об индивидуальных телеграммах, то, как правило, мы встречаем имена, хорошо известные по общественной деятельности, по гражданской активности. Не удивительно, что среди них довольно широко представлены политически активные персоны, в частности, бывшие депутаты Государственной думы, члены мусульманской фракции. Из числа последних можно назвать переводумцев Саид-Гирея Алкина, Гарифа Бадамшина, Сахипзаде Максютובה, Али-Мардан-бек Топчибашева, депутата Думы 3-го созыва Фатали Ханхойского, а также депутата с действующим мандатом Мамеда Джафарова<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Биографии членов мусульманской фракции см.: Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1 Государственная дума Российской империи (1906 – 1917). М., 2006. С. 21-22, 36-37, 171-172, 360, 639, 680. О мусульманской фракции

Например, казанский адвокат и общественный деятель, переводумец Саид-Гирей Алкин оказался в числе первых, кто уже 5 марта прислал на имя председателя Думы М.В. Родзянко телеграмму следующего содержания: *«Иностранцы при старом режиме, теперь чувствуем себя гражданами, равными со всеми национальностями великого государства, доказавшего свою политическую зрелость, в глубокой уверенности, что дело раскрепощения страны и освобождения угнетенной России от векового деспотизма доведется до счастливого конца, мусульманское население г. Казани приветствует Временное правительство как оплот будущего счастья нашей Родины. По поручению своих единоверцев, бывший член Государственной думы первого созыва Саид-Гирей Алкин»*<sup>1</sup>.

7 марта в Петрограде состоялся большой митинг, выразивший доверие и поддержку Временному правительству. От имени митинга большую приветственную телеграмму послал действующий член мусульманской фракции Государственной думы Мамед-Юсуф Джафаров. В своей телеграмме он в весьма распространенных в столичных кругах (но не в провинции) выражениях заявил об условной поддержке нового правительства («постольку-поскольку»).

Весьма цветистая и многословная телеграмма от мусульман г. Чистополь датируется 12 марта. Среди подписантов мы встречаем фамилию депутата Думы 1-го и 2-го созывов Гарифа Бадамшина: *«Именуемые иностранцами, угнетаемые наравне с другими национальностями при старом режиме, ныне волею Божьей свободные, как и все сыны Великой России, мусульмане г. Чистополя приветствуют новое правительство и выражают ему свою полную солидарность в проведении в жизнь основ, намеченных в программе нового кабинета. Да поможет Бог новому правительству в его предстоящей созидательной работе [по] объединению всех национальностей Великой России в одно целое свободное человечество. Будем твердо помнить, что в единении сила. Потому поможем все, как один человек, нашему новому правительству, облеченному доверием народа, закрепить*

---

Государственной думы подробнее см.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906 -1916. Казань, 2005. 584 с.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Лл. 27, 29.



*за собой власть и водворить полный порядок в стране на славу великой будущности свободной и сильной единением народа России. (...) Уполномоченные мусульман города Чистополь, член Комитета общественной безопасности Самигулла Салихов, бывший член Государственной думы первого и второго созывов Гариф Бадамшин, мулла первого прихода Назиб Амирханов, мулла второго прихода Шигабутдин Шарафутдинов»<sup>1</sup>.*

Наиболее часто употребляемыми выражениями в этой телеграмме являются слова «*Великая Россия*», «*единение*» и «*свобода*». Вообще, эти выражения встречаются в большинстве из упомянутых телеграмм, отражая доминирующую речевую стилистику весны 1917 г.

Сразу же, после распространения вести о падении старого режима, везде, где проживали мусульмане, на традиционных «*пятничных намазах*» были совершены молебствия в честь установления новой власти, затем прошли многолюдные митинги и собрания. Вот, например, как описывались лишь некоторые из них: «*Семипалатинск, 11/III. Праздник свободы ознаменован громадным стечением народа, торжественным богослужением, присягой всех религий, вечной памятью погибшим борцам за свободу, молением дарования победы, парадом войск (...), торжественной манифестацией всех рабочих, всех мужских, женских учебных заведений, степных киргиз, сбором пользы семей погибших борцов. Депутация мусульманского духовенства выразила полное подчинение мусульман Временному правительству, готовность к жертвам общему делу, единодушную работу, помощь Родине, образцовый порядок*». Другая телеграмма сообщала, что в Бирском уезде Уфимской губернии 19 марта состоялась «*манифестация с красными флагами в числе около 3 тысяч человек...*»<sup>2</sup> На подобных митингах и собраниях произносились восторженные речи, приветствовались перемены в стране, зачитывались и обсуждалась программа нового правительства, а также принималось решение поприветствовать эту власть.

---

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Л. 52.

<sup>2</sup> Там же. Лл. 77-78.

Возвращаясь к инициаторам составления и посылки приветственных телеграмм, следует назвать различных общественных деятелей, в т.ч. руководителей комитетов и благотворительных обществ, которые подписывались от имени общемульманских собраний. Наконец, весьма значительной была доля представителей мусульманского духовенства: из более чем 200 мусульманских телеграмм почти треть была инициирована и подписана имамами. Вероятно, это доминирование духовных лиц объясняется тем, что решение послать приветствие в адрес Временного правительства, руководства Государственной думы и лидеров мусульманской фракции нередко принималось после пятничной молитвы в соборной мечети при большом скоплении прихожан. И здесь вполне понятно, что от имени такого собрания выступал местный мулла. Помимо этого, имамы традиционно были наиболее активной частью мусульманской *уммы* и воспринимались многими как «духовные лидеры» («*юлбашчылар*»).

Гораздо более удивительно, что среди оперативно поприветствовавших новую власть оказалось даже руководство Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС): уже 8 марта муфтий Мухаммед-Сафа Баязитов направил на имя председателя Государственной думы телеграмму следующего содержания: *«Осведомившись по пути, возвращаясь со служебной поездки, об образовании нового правительства, осмеливаюсь почтительнейше принести Вашему Высокопревосходительству свое приветствие. Оренбургский муфтий Баязитов»*<sup>1</sup>. В этих строчках сквозит полная растерянность муфтия, которому, учитывая его чрезмерную лояльность к Верховной власти и сложные взаимоотношения с мусульманской общественностью, перемена во власти не сулила ничего хорошего. Однако уже 9 марта руководство ОМДС послало по 3 адресам (председателю Исполнительного комитета Государственной думы, председателю Совета министров и членам мусульманской фракции!) новую телеграмму следующего содержания: *«Уфа. Оренбургское магометанское собрание, приветствуя новое правительство, почтительнейше заявляет о своей полной готовности радостно послужить дорогой родине и мусульманскому населению своего*

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 27.

округа под руководством нового правительства вместе с сим Духовное собрание циркулярно оповещает духовенство округа для объявления народу об этом с совершением молебствия за благоверное правительство. Председатель Духовного собрания Баязитов, члены Капкаев, Мамлеев, Урманов»<sup>1</sup>. Впрочем, это поспешное выражение лояльности и преданности новой власти не помогло им удержаться на плаву. Уже через неделю все руководство ОМДС было смещено и посажено под домашний арест<sup>2</sup>. Таким образом, радостное восприятие произошедших в стране перемен не всегда было искренним. Скорее, оно отражало желание вовремя продемонстрировать лояльность и сохранить свои прежние позиции.

Зачастую телеграммы приветствовали новую власть от имени многотысячного собрания, всех жителей того или иного населенного пункта, от имени большого коллектива. В реальности же они составлялись небольшой группой лиц или конкретной персоной. Поэтому следует иметь в виду условность этого единодушия и единства порыва масс. Всегда от имени большинства говорит некое активное и властное меньшинство. Однако, голос меньшинства тоже может отражать доминирующий общественный дискурс, точнее преобладающую в данный момент риторику. Очевидно, что доминирующая риторика была в основном либеральная с апеллированием к идее социальной и национальной справедливости.

Знакомство с содержанием упомянутых телеграмм позволяет окунуться в атмосферу весны 1917 г. и может дать ответ на следующие вопросы: что более всего волновало мусульман в первые послереволюционные месяцы? О чем они мечтали и на что надеялись? Чему верили и кому доверяли? Какие идеи и персоны доминировали в сообществе российских мусульман в этот период времени?

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 29.

<sup>2</sup> Об обстоятельствах назначения М.-С. Баязитова муфтием, о его конфликте с членами мусульманской фракции Государственной думы подробнее см.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906-1916. Казань, 2005. С. 397-406. О событиях марта 1917 г. и о переменах в муфтиате см. подробнее: Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918). М., 2003.

Прежде всего, телеграммы свидетельствуют, насколько дискредитирована, неуважаема, а потому отчуждена от народа была монархия, персонализированная в Николае II, насколько сильно было неприятие общества к павшему режиму. Ни единого доброго слова, ни капли сожаления по отношению к прежней власти, которая именовалась не иначе, как «*вековым деспотизмом*», «*беспощадной реакцией*», «*изгом*», «*романовской опричниной*»; властью, «*губительной для Отечества*», «*истязавшей родину*» и т.д. Одновременно почти все телеграммы выражали новому Временному правительству полное и безусловное доверие, поддерживая его как первое «*истинно народное правительство*». Правда, продлилась эта поддержка, как известно, недолго.

Судя по телеграммам, отражавшим довольно широкий спектр общественных настроений, татар волновали те же проблемы, что и всю страну: продолжавшаяся мировая война, вопрос о земле, продовольственное положение, осуществление демократических преобразований в стране, особенно в государственном управлении, и многие другие актуальные проблемы того времени. Но самым важным и значительным был вопрос о будущем нации. Эта идея пронизывает все без исключения телеграммы. В них выражалась вера, что новое правительство сумеет осуществить все необходимые преобразования, чтобы обеспечить счастливое и равноправное будущее всех народов без исключения.

В телеграммах довольно часто говорится о программе демократических преобразований, объявленной Временным правительством. Какие же ее положения привлекли внимание мусульманского населения в первую очередь? Несомненно, прежде всего, это пункт, провозглашающий и гарантирующий отмену «*всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений*». Чувство ущемленности, второсортности переживалось многими нерусскими народами России, в т.ч. и татарами, возможно более тяжело и мучительно, нежели даже физические и материальные лишения и страдания. Поэтому провозглашение равенства народов, ликвидация дискриминации и формальных ограничений по национальному или религиозному признаку, «*закрепление справедливости и равноправия*», по мнению мусульман, являлось первой задачей нового режима и основным итогом революции.

Радость и ликование по этому поводу пронизывают практически все телеграммы. Главная надежда на будущее заключалась в вере, что произойдет коренное обновление страны и будет построено справедливое, гражданское общество. Основное пожелание – не чувствовать себя «иноходцами», «пасынками», «изгоями», «чужими в родной стране», а стать полноправными гражданами свободной России.

Значительное место в телеграммах отводилось политическому переустройству страны, вопросу о будущей форме правления. Наиболее часто встречающееся пожелание касалось скорейшего созыва Учредительного собрания. Об этом писали мусульмане Казани, Челябинска, Иркутска, Уфимской губернии, Хабаровска и других городов. Причем, если программа правительства предполагала установление формы правления Учредительным собранием, то телеграммы свидетельствовали, что симпатии мусульман были явно на стороне демократической, федеративной, народной республики с основами народовластия. Эти слова также входили в набор общеупотребимых и даже модных в то время терминов и выражений.

Наряду с общедемократическими пожеланиями, в телеграммах нашли отражение и интересы отдельных слоев населения. В ряде телеграмм, посланных из сельской местности, указывается на то, что правительство должно как можно быстрее решить аграрный вопрос. Так, например, жители Стерлибашево (Уфимская губерния) надеялись на скорое решение земельного вопроса «в пользу безземельных и малоземельных крестьян»; крестьяне Камского устья выражали уверенность, что «скоро осуществятся народные права и крестьяне будут наделены землей через Учредительное собрание». Но в целом число подобных телеграмм незначительно. О чем это говорит? О том ли, что крестьянство не уповало на депутатов и Временное правительство в решении своих земельных проблем? Или о том, что к руководству парламента и депутатам зачастую апеллировали представители тех слоев населения, для которых социальные проблемы не были значимыми и болезненными.

Таким же парадоксальным, на первый взгляд, зная основные причины Февральской революции, было некоторое единодушие в вопросе о войне. Практически каждая вторая телеграмма

призывала к скорому, победоносному, успешному завершению войны. Редким исключением является телеграмма, посланная от многочисленного собрания крестьян Белебеевского уезда, состоявшегося 12 марта, и выражающая надежду на *«скорейшее заключение мира»*. Остальные же больше призывали к легкой и быстрой победе *«наших доблестных войск»* над внешним врагом *«на всех фронтах»*, еще раз подтверждая, что настроения *«революционного оборончества»* и *«добросовестного патриотизма»* имели распространение и в татарском обществе. Отражали ли эти телеграммы истинное желание продолжать войну, или же авторы телеграмм просто использовали общеупотребимую риторику?

Весьма красноречиво то, что в «татарских» телеграммах практически игнорируются пункты правительственной программы, провозглашающие *«полную и немедленную амнистию по всем делам политическим и религиозным»*, посвященные *«выборам в органы местного самоуправления»* и касающиеся положения в армии. И хотя эти проблемы волновали мусульман не в меньшей степени (о чем ярко свидетельствует, например, татарская пресса того времени), но все же вопросы самоопределения, культурного и религиозного развития, равенства народов доминировали над иными.

В заключение можно сказать следующее. Приветственные телеграммы являются весьма специфическим документом: политически активное меньшинство говорило от имени большинства; настроения, выражаемые в этих текстах, были сиюминутными и очень изменчивыми; наконец, стилистика и язык текстов более выразительны и красноречивы, нежели смысловое содержание. Конечно, их не стоит абсолютизировать и воспринимать буквально, как, впрочем, любой публичный текст эпохи общественных потрясений. Плохо востребованные и слабо изученные историками, эти документы, тем не менее, имеют большое значение для понимания своей эпохи. Едва ли содержание подобных текстов способно создать полную и *«единственно-верную»* картину первых послефевральских месяцев, однако определенные тренды и преобладающий общественный дискурс они отражают вполне адекватно.

*5/III. Саратов.*

*Мусульмане г. Саратова, преисполненные неподдельным чувством неопишемого восторга приветствуют в лице Вашем, Ваше Высокопревосходительство, новое правительство, ставшее у кормила многострадальной России в столь небывало тяжелое время и молят Бога, чтобы он ниспослал Вам силу вывести страну на широкую и торную дорогу светлой и свободной жизни, достигнув нашей доблестной армией решительной и полной победы над дерзким и упорным врагом. Председатель собрания Б.С. Юскаев.*

*7/III. Челябинск.*

*Мусульмане Челябинска, собравшись 6 марта по случаю величайшего в мире переворота, постановили приветствовать Государственную думу в лице ее Исполнительного комитета, и выразить ему глубокую признательность, подчиниться всем его распоряжениям, поддерживать его всеми мерами и просить о созыве Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования. Уполномоченные Басанов, Салимов, Ибрагимов.*

*10/III. Казань Забулачная.*

*Мусульманские мугаллимьы всех медресе г. Казани выражают свою глубокую радость и полное сочувствие возрождению России. Воодушевленные всеобщей радостью, с восторгом приветствуют новое правительство. Одинаково принимающее к сердцу интересы всех граждан без различия нации. Да здравствует свободная Россия, возрожденная для благоденствия всех верных сынов. По уполномочию казанских мугаллимов Ахметзян Мустафин.*

*10/III. Пермь.*

*Собрание мусульман города Перми и пригорода в лице Исполнительного комитета приветствует освободителей Родины: новое правительство, совет рабочих и солдатских депутатов. Надеемся и твердо верим, что они доведут Россию до желанной победы над врагом и засияет над дорогой родиной луч правды и справедливости. Председатель собрания Кайдаров.*

*19/III. Ижевск.*

*Мусульманское собрание Ижевского завода в заседании своем постановило приветствовать Ваше Превосходительство за освобождение дорогой нам родины и взятие под свое управление и сердечно выражает свою глубокую преданность Временному Исполнительному комитету Государственной думы. Просим бога*

даровать победу над врагом и сломить его окончательно.  
Уполномоченный Гялиакберов.

26/III. Уфа.

Собрание мусульман г. Уфы, ознакомившись с обнародованным Временным правительством манифестом, отменившим вероисповедальные и национальные ограничения, единогласно поручило нам выразить Временному правительству и Исполнительному комитету Государственной думы чувство восторга, вызванного этим актом, являющимся залогом братства всех народов, населяющих нашу великую родину. Уполномоченные собрания Еникеев, Наврузов.

5/IV. Иркутск.

Уверенные, что с обновлением нашей Родины загорается заря новой жизни для свободной гражданки мусульманки, что тяжкие цепи политического и бытового рабства пали навеки, мы, иркутские мусульманки, шлем вам, как одним из первых борцов за свободу свой восторг и искренний привет. Да здравствует Учредительное собрание и демократическая республика. По уполномочию иркутских мусульманок Газиза Мухамедьярова.

**В.Г. Хандорин<sup>1</sup>**

## **ФЕВРАЛЬ 1917 г. ГЛАЗАМИ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

В последние годы в публицистике распространено мнение о российских либералах как об активных творцах Февральской революции, «февралистах», к которым причисляются и будущие лидеры Белого движения. Расхожими стали оценки Февраля 1917 г. как «антинациональной, либерально-западнической революции» в противовес Октябрю как «национальной революции», призванные оправдать большевиков как якобы «собирателей России» и «продолжателей ее исторического пути». При этом абсолютно

---

<sup>1</sup> Хандорин Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва).



игнорируются реальное содержание программ и деятельности как тогдашних российских либералов, так и большевиков, и Белого движения, сам характер событий Февраля 1917 г., заставших врасплох все политические партии России.

Ложность подобных оценок очевидна, в частности, из анализа последующей деятельности российских либералов, и, прежде всего, кадетов (как ведущей либеральной партии) в Белом движении. Под влиянием краха российской демократии в лице Временного правительства 1917 г. мировоззрение и программа кадетов претерпели радикальную ломку от западнического либерального демократизма и парламентаризма – к признанию особенностей национального пути развития, идеям авторитарной и надпартийной национальной диктатуры на продолжительный период времени, от федерализма – к унитаризму, от секулярности и агностицизма – к религиозности и поддержке православной церкви как государственной религии, от альянса с умеренными социалистическими партиями – к борьбе с ними, и т.д. Но наиболее показательным менялось само отношение кадетов к событиям Февраля 1917 г. под влиянием развития революции и Гражданской войны. Рассмотрим это на примере Сибири, где в 1918–1920 гг. господствовала военная диктатура адмирала А.В. Колчака.

Отношение сибирских кадетов к Февралю начало меняться еще при Временном правительстве. После эйфории «свободы» первых недель и месяцев революции, охватившей всю российскую интеллигенцию, уже с мая 1917 г. появляются нотки разочарования и переосмысления. Омская кадетская газета «Сибирская речь» писала: «Отечество несется на всех парусах к гибели, к экономическому и финансовому краху, к анархии..., а мы в это время, стоя на тонущем корабле, произносим свои заклинательные формулы, выносим резолюции, выкрикиваем лозунги и в этой словесной вакханалии кружимся, словно листья в ноябре»<sup>1</sup>. Полемизируя с эсерами и меньшевиками, по-прежнему упоенными «развитием революции», сибирские кадеты отмечали: «Весь ужас в том, что... мы приняли революцию как цель, а не как средство», и сравнивали затягивание революционной стихии с затягиванием

---

<sup>1</sup> Сибирская речь (Омск). 1917. 27 мая.

родов акушеркой<sup>1</sup>. Такой пессимизм перекликался с мнением отдельных лидеров партии. Так, В.А. Маклаков на совещании депутатов Госдумы в Петрограде 4 мая 1917 г. сказал: «Россия оказалась недостойна той свободы, которую она завоевала»<sup>2</sup>.

Главную причину того, почему демократия обернулась анархией, сибирские кадеты усматривали в отсутствии политической культуры: «Общество, привыкшее столетиями ютиться по перегородкам и полицейским камерам, на другой день после отмены сословных и национальных ограничений создало себе новые – партийные и социальные»<sup>3</sup>. Кардинальной ошибкой русской интеллигенции сибирские кадеты, вслед за авторами дореволюционного сборника «Вехи», называли наивно-романтическое «народопоклонство» (которому отдали дань и сами), развившееся в «политическую религию». Революция, писали они, беспощадно развеяла сентиментальные иллюзии, «стремление спасти человечество оказалось не более чем претензией синицы, мечтавшей зажечь море», «народ оказался сложнее»<sup>4</sup>.

Эти нотки усиливаются после июльских событий 1917 г., связанных с провалом наступления на фронте, продемонстрировавшим степень разложения армии, и неудавшимся большевистским путчем. Впечатление от этих событий отражают строки иркутской кадетской газеты «Свободный край»: «Страна погибает, и каждый день приносит все новые и новые ужасы. А революционная демократия... лепечет жалкие и беспомощные слова... Ничему не научились и ничего не забыли»<sup>5</sup>.

Характерна для кадетов оценка Временного правительства А.Ф. Керенского все той же «Сибирской речью» как «какого-то странного толстовского "непротивленческого" государства, сводящего свою деятельность к голосованиям резолюций и изданию манифестов»<sup>6</sup>. Разочарование в демократии сказалось и на отношении к выборам в Учредительное собрание. «Свободный край» писал: «Учредительное собрание, с которым связывали столько надежд, для многих представляется такой же бесконечной

<sup>1</sup> Сибирская речь. 1917. 18 июня.

<sup>2</sup> Цит. по: Сибирская жизнь (Томск). 1917. 9 мая.

<sup>3</sup> Сибирская речь. 1917. 22 августа.

<sup>4</sup> Там же. 30 сентября.

<sup>5</sup> Свободный край (Иркутск). 1917. 10 октября.

<sup>6</sup> Сибирская речь. 1917. 19 августа.

говорильней, как и все бесчисленные совещания и съезды, от которых, кроме чувства оскотины, ничего не остается»<sup>1</sup>.

Для изменения отношения кадетов к фетишу демократии знаменательны слова, произнесенные на Сибирском областном съезде в октябре 1917 г. кадетским делегатом полковником Е.П. Березовским: «Нельзя народу навязывать формы государственного устройства, может быть, совершенные, но не отвечающие его потребностям, ему еще непонятные даже»<sup>2</sup>.

Окончательная переоценка ценностей произошла после Октября и последовавшего в январе 1918 г. разгона Учредительного собрания. В конце 1917 г. с первой полосы ведущей газеты сибирских кадетов «Сибирская речь» исчезает девиз: «Да здравствует парламентарная демократическая республика», под которым газета выходила с момента основания в мае 1917 г. В начале 1918 г. один из сибирских кадетских лидеров В.А. Жардецкий писал: «Весь пройденный пепелищем путь внушает жуткую мысль: хорош был старый дом наш – Россия», и вопрошал: «Не забавно ли в столь прискорбных обстоятельствах твердить затверженные в марте слова: демократия, общественность, завоевания революции, свобода, всеобщее и проч.», когда «надо спасти самую возможность государства в России, установить в ней порядок в самом грубом смысле этого слова... Может быть, государство Русское ближайших столетий будет весьма далеким от тех широких надежд, в которых мерещилось нам его будущее в марте 1917 года. Но это несравненно лучше, нежели если оно умрет совершенно»<sup>3</sup>. Показательно, что речь здесь идет об отказе от демократии западного толка возможно даже на «ближайшие столетия». Несомненна перекличка данного текста с идеями П.Б. Струве, высказанными весной 1918 г. в сборнике «Из глубины»<sup>4</sup>. О том же говорил на Южнорусской конференции кадетской партии в январе 1918 г. сам ее лидер П.Н. Милюков<sup>5</sup>. Можно согласиться с В.Д. Зиминной, что краеугольным камнем расхождения между

<sup>1</sup> Свободный край. 1917. 28 октября.

<sup>2</sup> ГА ТО. Ф. р-552 (1-й Сибирский областной съезд). Оп. 1. Д. 8. Лл. 4–5.

<sup>3</sup> Сибирская речь. 1918. 21 января.

<sup>4</sup> Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. М.–Пг., 1918.

<sup>5</sup> Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1982. С. 79.

либералами и социалистами в Гражданскую войну стало именно отношение к Февралю и его итогам, глубоко переосмысленное кадетами и оставшееся прежним у эсеров и меньшевиков<sup>1</sup>. Обобщая суть разногласий, лидер сибирских кадетов В.Н. Пепеляев формулировал так: «Социалисты мыслят: да здравствует революция, хотя бы погибло государство. Мы же говорим: да здравствует государство, хотя бы погибла революция»<sup>2</sup>.

Типична для кадетов послеоктябрьского периода оценка Временного правительства, данная томским профессором Г.Г. Тельбергом (впоследствии министром правительства Колчака): «Каждый политический деятель вступал в состав правительства как делегат определенной партии..., получал от партийного комитета мандаты и директивы, связан был партийной дисциплиной... Немудрено, что правительство, состоявшее из таких министров с различными резолюциями в кармане, уподоблялось той крыловской тройке, которая усердно тянула воз в разные стороны и не могла сдвинуть его с места, пока не пришел сильный хищник, счастливый тем, что у него была лишь одна резолюция»<sup>3</sup> (имелись в виду большевики). Кадеты указывали, что развал государства и армии и позорный Брестский мир подготовили «не один Ленин и Бронштейн, а и Чхеидзе с Церетели, и Керенский с Черновым»<sup>4</sup>. Отсюда их презрительное отношение к наследникам разогнанного большевиками Учредительного собрания – Комучу, Директории и съезду членов Учредительного собрания, которые они именовали такими эпитетами, как «мешанина из керенщины и совдепщины»<sup>5</sup>, «попытка воскрешения непохороненного трупа» (из письма Н.И. Астрова В.Н. Пепеляеву от 3 ноября 1918 г.)<sup>6</sup>, «привидение» (из дневника Пепеляева)<sup>7</sup> и т.п. В резолюции совещания сибирских кадетских деятелей от 7 октября 1918 г. говорилось, что партия

<sup>1</sup> Зими́на В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны (1917–1920 гг.). М., 2006. С. 27.

<sup>2</sup> Сибирская речь. 1918. 30 августа. См. также: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 112.

<sup>3</sup> Тельберг Г.Г. О внепартийности правительства // Сибирская речь. 1918. 7 августа.

<sup>4</sup> Пределы соглашательства // Сибирская речь. 1918. 5 сентября.

<sup>5</sup> Свободный край. 1918. 16 ноября.

<sup>6</sup> ГА РФ. Ф. р-5913 (Астров Н.И.). Оп. 1. Д. 600. Лл. 1–2. Также см.: Думова Н.Г. Указ. соч. С. 174.

<sup>7</sup> Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы / Под ред. А.В. Квакина. М., 2007. С. 48; ГА РФ. Ф. р-195 (Пепеляев В.Н.). Оп. 1. Д. 47. Л. 7об.

«должна содействовать освобождению страны от тумана неосуществимых лозунгов (завоевания Февральской революции, вся власть Учредительному собранию и проч.), каковые в данных условиях являются фикциями, самообманом и обманом»<sup>1</sup>. Подводя итоги Февральскому периоду революции, «Сибирская речь» с горечью писала: «Мы много смеялись над немецким лозунгом "Германия превыше всего", а между тем немцы с этим лозунгом сумели создать сильнейшее государство..., мы же со своими широчайшими утопиями обратились в мировое позорище», и призывала соединить традиционное для кадетов западничество со «здоровым» национализмом<sup>2</sup>.

При этом кадеты не снимали и с себя ответственности за произошедшее. Видный сибирский кадет Н.К. Волков говорил: «Керенский – наш общий грех... Мы сами его выдвигали и поддерживали»<sup>3</sup>. Они имели мужество признать демократизм партии партии в 1917 г. «роковой ошибкой», ибо «законодательное творчество и словесные убеждения действуют в порядке мирного времени, а во время войны, революции и государственного переворота волеизъявления государственной власти достигают своей цели применением силы»<sup>4</sup>.

Перемену в оценке кадетами Февральских событий отмечали и их оппоненты-социалисты, сочинившие сатирическое стихотворение о сибирских кадетях и их главном рупоре В.А. Жардецком:

*О парус корабля кадетского!  
Тобою правит мелкий бес.  
От Милюкова до Жардецкого –  
Какой разительный регресс!  
От Петрункевича – к лабазникам!  
Внемли, читатель, и поверь:  
«Сибирской речи» безобразникам  
«Речь» указала бы на дверь»<sup>5</sup>.*

<sup>1</sup> Отчет о совещании Партии народной свободы во Владивостоке // Свободный край. 1918. 19 октября.

<sup>2</sup> Сибирская речь. 1918. 4 сентября.

<sup>3</sup> Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 101.

<sup>4</sup> Сибирская речь. 1919. 10 августа.

<sup>5</sup> Кроль Л.А. За 3 года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921. С. 190. («Речь» – центральный орган кадетской партии до Октября).

Колчаковский переворот 18 ноября 1918 г., в организации которого активное участие приняли кадеты во главе с Пепеляевым, завершил их идейно-политическую эволюцию. Не случайно его поддержали и кадеты центра и юга России, и заграничные группы партии, что подтверждает факт общей ломки ее мировоззрения, несмотря на разделявшие эти группы пространства (ее лидер Милюков писал Петрункевичу 2 октября 1919 г. о необходимости безоговорочно поддерживать диктатуру Колчака и Деникина – «этот свершившийся факт, полезный и благодетельный для России», и выступал «против формального ограничения фактического диктатора какой-либо коллективной волей, пока его дело не сделано»<sup>1</sup>. Собрание членов кадетского ЦК в Екатериноударе в июле 1919 г. в своей резолюции подчеркивало, что «не может быть возврата к системе управления Временного правительства Львова и Керенского»<sup>2</sup>). Подводя черту под событиями 1917 г., иркутский кадетский «Свободный край» писал: «Высокие лозунги, сиявшие и освещавшие путь человечества светом вечных истин, брошенные в темные невежественные массы, быстро поблекли, истрепались и выродились в уродливые, отталкивающие своим безобразием формы»<sup>3</sup>. Оправдывая диктатуру, газета напоминала читателям: «История дает нам немало примеров, говорящих за то, что от революционных бурь переход к народовластию совершается через... диктатуру. Так было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Наполеоне»<sup>4</sup>. Говоря о том, что именно Временное правительство Керенского расчистило дорогу к власти большевикам, сибирский кадетский деятель Н.В. Устрялов повторял обвинения авторов «Вех» в адрес интеллигенции: «Длительная невозможность практической деятельности в сфере общественно-политической воспитала в широких интеллигентских кругах одностороннюю "теоретичность", близорукую влюбленность в программы и отвлеченные идеалы... Поверхностный, банальный и устаревший позитивизм в качестве основы общественного мирозерцания, дешевая религия прогресса в стиле Конта и

<sup>1</sup> ГА РФ. Ф. р-5856 (Милюков П.Н.). Оп. 1. Д. 184. Л. 5. См. также: Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943). М., 1997. С. 147.

<sup>2</sup> Цит. по: Сибирская речь. 1919. 18 сентября.

<sup>3</sup> Свободный край. 1918. 30 ноября.

<sup>4</sup> Свободный край. 1918. 1 декабря.

Фейербаха... Поколениями воспитанные в ненависти к власти, мы приучились отождествлять правительство с государством и Родиной». Итогом, по его словам, стало попустительство «антигосударственным элементам», расчистившее дорогу к власти большевикам. В заключение Устрялов писал: «Окончательная победа над большевизмом – в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого..., в отказе от прежней системы идей, чувств и действий... Русская интеллигенция должна сказать большевизму: – Я тебя породила, я тебя и убью»<sup>1</sup>. Характерна в статье Устрялова и оценка конкретных событий и лиц 1917 г. Рассматривая Корниловское выступление как попытку спасти государство, автор обвинял интеллигенцию в том, что она проявила дряблость, позволив «презренным Керенскому и Некрасову» погубить дело Корнилова. Характерно, что «презренным» именовался бывший лидер сибирских кадетов Н.В. Некрасов, оставшийся на демократических позициях и отошедший от партии.

Много говорилось и о том, что важной идейной предпосылкой большевизма была слабость духовных начал в среде интеллигенции, ее «фанатичное, религиозное преклонение перед материальной культурой и материальным прогрессом»<sup>2</sup>. С этим связывалась психологическая неустойчивость в борьбе. «Характерной чертой русского интеллигента, – писал "Свободный край", – всегда была крайность настроений. Мы не знаем середины: или впадаем в самый мрачный пессимизм, или пребываем в телячьем восторге. К длительному, ровному напряжению, к упорному и настойчивому проведению своей линии мы всего менее склонны. Мы или опускаем беспомощно руки, или бестолково размахиваем ими в воздухе»<sup>3</sup>. Дрейф эсеров после колчаковского переворота в сторону союза с большевиками кадеты пророчески назвали «политическим самоубийством» и, не жалея хлестких эпитетов для эсеров, не сделавших выводов из событий 1917 г., обзывали их «политическими гермафродитами», «выкидышами русской революции», «мыльными пузырями», «партией обезьяньего народа бандерлогов» (из «Маугли» Р. Киплинга). (В этих оценках они парадоксально сходились с большевиками, достаточно вспомнить убийственную тираду В.И. Ленина: «Этих мещанских Нарциссов – меньшевиков, эсеров, беспартийных –

<sup>1</sup> Устрялов Н.В. Большевики и мы // Сибирская речь. 1919. 12 апреля.

<sup>2</sup> Сибирская речь. 1919. 12 марта.

<sup>3</sup> Свободный край. 1919. 20 июня.

настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать»<sup>1</sup>). Квинтэссенцией этих рассуждений стал сформулированный «Сибирской речью» тезис о **коллективной ответственности** интеллигенции за итоги русской революции<sup>2</sup>.

Кадеты открыто признавали влияние революции на ломку их мировоззрения. В речи на III Восточной конференции кадетской партии 17 мая 1919 г. председатель Восточного отдела ЦК А.К. Клафтон сказал: «Революция с огромной силой ударила по нашей программе и по нашей привычной идеологии»<sup>3</sup>. Ему вторил Устрялов: «Великими разочарованиями заплатила партия за предметные политические уроки, преподанные ей, как и всей русской интеллигенции, жизнью». Именно это, писал профессор, заставило кадетов «искать новых вех и новых путей»<sup>4</sup>. В этом вопросе кадеты извлекли уроки из событий 1917 г. Они находили изменившемуся отношению к демократии и теоретические обоснования. Независимо от М. Вебера, высказавшего мысль об ее неизбежном отрыве от народа, «Свободный край» писал: «Избранники народа, ставшие на верхах государственного и общественного устройства... станут снова обособленным классом»<sup>5</sup>. Кроме того, утверждала газета, никакая демократия не в состоянии разрешить полностью противоречия между классами. Ей вторила «Сибирская речь»: «Наиболее полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство – то именно, которое соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития... Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 г. Так или иначе, он эту одежду сбросил», – заключала газета, добавляя, что не поняли этого только эсеры, вобравшие в себя «всю оскомину русской революционной словесности»<sup>6</sup>. Эти настроения были вполне созвучны мыслям и идеям адмирала

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 239.

<sup>2</sup> Сибирская речь. 1919. 27 февраля.

<sup>3</sup> Отчет о III Восточной конференции Партии народной свободы. Доклад А.К. Клафтона // Сибирская речь. 1919. 22 мая.

<sup>4</sup> Сибирская речь. 1919. 1 июня.

<sup>5</sup> К вопросу об антагонизме между народом и интеллигенцией // Свободный край. 1919. 1 июня.

<sup>6</sup> Сибирская речь. 1919. 17 сентября.



Колчака, о котором близко работавший с ним Г.К. Гинс вспоминал: «адмирал больше всего ненавидел "керенщину" и, может быть, из ненависти к ней допустил противоположную крайность – излишнюю "военщину"»<sup>1</sup>. Более того, лидеры правого крыла кадетов в Сибири Жардецкий, Пепеляев и Устрялов по своим взглядам в этот период стояли правее самого Колчака, выступая против инициированного им осенью 1919 г. созыва даже такого скромного совещательного органа на частично выборных началах, как Государственное земское совещание, считая любое выборное представительство в тот момент «несвоевременным»<sup>2</sup>. А Пепеляев стал инициатором привлечения на службу в правоохранительные органы профессионалов царской жандармерии и полиции (мера, на которую пошел Колчак и не решился А.И. Деникин).

Показателен поддержанный кадетами запрет колчаковским правительством в 1919 г. празднования годовщины Февральской революции и любых митингов и манифестаций в ее честь. «Сибирская речь» писала, что эту годовщину «уместно помянуть... во всенародном стыде и молчании»<sup>3</sup>, имея ввиду плачевные последствия революции. Все это подкреплялось существенными изменениями программных установок и тактики кадетов, упомянутыми в начале статьи.

Вопреки попыткам отдельных западных исследователей представить поворот кадетов вправо «жестом отчаяния»<sup>4</sup>, более оправдан вывод о внутренней логике их отказа от демократической модели в той обстановке, поскольку для них «либерализм всегда был менее важен, чем российская государственность»<sup>5</sup>. В свете этого несостоятельными выглядят распространившиеся оценки Белого движения и кадетов его эпохи как «либералов-западников», «февралистов»<sup>6</sup>. Недобросовестность либо некомпетентность таких заявлений очевидна, в частности, из вышеприведенных цитат и фактов.

<sup>1</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 10.

<sup>2</sup> Свободный край. 1919. 9 октября; Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 103; Кроль Л.А. Указ. соч. С. 190.

<sup>3</sup> Сибирская речь. 1919. 14 марта.

<sup>4</sup> Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917–1921. Princtone, 1974. P. 471 и др.

<sup>5</sup> Перейра Н. Белая Сибирь: политика и общество / Пер. с англ. М., 1996. С. 66.

<sup>6</sup> Кара-Мурза С.Г. Истинная суть «белого движения» // Завтра (М.). 2000. 14 октября; Мультатули П.В. Николай II. Отречение, которого не было. М., 2010 и др.

# **ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТЕОРИИ, ПРОГРАММАТИКЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

*А.Н. Егоров<sup>1</sup>*

## **РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ НАЧАЛА XX в. И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ**

Национальный вопрос занимал одно из ведущих мест в программах российских либеральных партий начала XX в. Конституционно-демократическая партия отстаивала унитарный принцип государственного устройства России. В своей национальной программе кадеты выступали за культурно-национальное самоопределение (культурную автономию): использование национальных языков в школе, вузах, суде. Лишь в отдельных случаях кадеты допускали введение областной автономии. Особый статус признавался за Финляндией, т.к. речь шла о восстановлении конституционного порядка. Кадетская партия предлагала также предоставить более широкие автономные права царству Польскому.

В годы Первой российской революции кадеты выступали за культурную автономию на Украине, в Прибалтике, в мусульманских регионах. Эта политика опиралась в основном на либеральную концепцию отношений между различными национальностями внутри империи. Кадетская партия боролась за равенство гражданских и политических прав для всех национальностей империи, а также за реальное право на культурное самоопределение. Именно это позволило представителю польской группы Коло в I Государственной думе А.Р. Ледницкому сказать, что лишь в партии кадетов «все нерусские народности могут найти

---

<sup>1</sup> *Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.*

действительную опору и поддержку»<sup>1</sup>. Вследствие этого различные национальности были представлены в Первой думе именно кадетской партией, т.к. они видели в ней адвоката своих национальных интересов.

Лидер кадетов П.Н. Милюков постоянно размышлял над национальным вопросом. В эмиграции он подчеркивал, что в противовес господствующему мнению, Россия до 1917 г. не была «тюрьмой народов», а русский народ никогда не был заражен агрессивным национализмом правящей «расы». «Русификация» окраин и инородцев была делом правительственной политики и чиновников, а отнюдь не народа. Воинствующий национализм в России был всегда орудием политической реакции<sup>2</sup>. Согласно взглядам Милюкова, в России существовало два типа национальностей; те, которые избежали ассимиляции, развивая собственное национальное сознание, и те, которые, оказавшись только в политическом подчинении у России, сохранили как этническую чистоту, так и национальное самосознание – Финляндия, Польша, Прибалтийские государства (эстонцы, литовцы и латыши), народы Кавказа (грузины, армяне) и народы Средней Азии.

Милюков рассматривал «русское племя» как состоящее из трех народов – великороссов, украинцев и белорусов. Не без оттенка иронии он писал о проблеме украинского языка, который стал поздно складываться, так же как и белорусский, который еще долго не имел статуса языка литературного. С другой стороны, он признавал: «Конечно, само русское население не составляет единого целого; антагонизм украинцев и белорусов с великороссами чрезвычайно усилился именно в последнее время»<sup>3</sup>.

Кадеты ставили на первое место политическую свободу, а не национальные стремления. Они полагали, что у них и у национальных движений один общий враг – самодержавие, и одна общая цель – права и свободы. Если Россия станет свободным правовым государством, все народности смогут реализовать свои устремления в рамках единой России. Кадеты не поддерживали

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 369.

<sup>2</sup> Он же. Россия на переломе. Париж, 1927. Т.1. С. 208.

<sup>3</sup> Там же. С. 206.

политическую федерацию, а говорили о культурной автономии. Как подчеркивал Милюков, «слово "федерализм" было откинуто: остался "союз автономистов"»<sup>1</sup>.

Правые постоянно упрекали кадетов в том, что они идут на поводу национальных движений и тем самым разрушают единство страны. В ответ либералы не раз подчеркивали, что стоят за единство государства. Чтобы понять политику кадетов в национальном вопросе, необходимо помнить, что она основывалась на либеральной концепции государства и на идее защиты индивидуальных прав человека. Главная цель кадетов заключалась в том, чтобы, уважая специфику каждой национальности, создать общество свободных и равноправных граждан единого государства. Эта политика противоречила взглядам «Союза русского народа», члены которого считали, что: «единство государства находит свое преимущественное выражение в господствующей народности и проявляется в государственном языке, на котором говорит эта господствующая народность»<sup>2</sup>.

Руководствуясь идеей единства государства и равноправного гражданства, Милюков защищал право каждой национальности использовать свой родной язык в суде, школе и т.п. Это было, по его мнению, лучшим средством поддержания связи центра с национальными окраинами. Милюков выступал против лозунга ультраправых «Россия для русских», который вел лишь к увеличению пропасти между различными национальностями России и русскими, т.е. был фактором развала единства России.

В итоге кадеты оказались между двух огней: с одной стороны, правые партии, своей политикой поощрявшие национализм, а с другой – растущие национальные движения, постепенно переходившие на позиции сепаратизма. Кадеты, с одной стороны, защищали национальные культуры и языки, а с другой, отстаивали принцип единства России. Поэтому в глазах правых они были врагами русского народа, людьми, выступавшими за распад России. А в глазах радикальных националистов они были противниками национальных движений, людьми, препятствующими политической автономии.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 213.

<sup>2</sup> Цит. по: Брейяр С. Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 93.

Компромиссная политика кадетов оказалась непонятой, что предопределило различные оценки в отечественной историографии планов решения либералами национального вопроса. Советская историография следовала точке зрения В.И. Ленина, назвавшего позицию основных либеральных партий национал-либеральной и близкой правительственному шовинизму<sup>1</sup>. Советские историки рассматривали программные положения либеральных партий по решению национальных проблем в контексте противопоставления их социал-демократической позиции, трактовали направленность требований либералов только как линию национально-культурной автономии, подчеркивая непоследовательность, недостаточность и контрреволюционность данного подхода. В 1970-е гг. Т.Ю. Бурмистрова и В.С. Гусакова предприняли попытку общего анализа программных положений и деятельности основных политических партий России по национальному вопросу. Они считали, что после 1905 г. кадеты повернули вправо в подходе к решению национальных проблем. Их вывод о том, что кадеты были сторонниками ликвидации всех национальных различий на почве полной русификации, выглядит надуманным и не подтверждается фактами<sup>2</sup>.

В начале 1980-х гг. В.С. Горякина рассмотрела этапы становления программы либерального движения по национальному вопросу на примере Украины. Она отмечала радикализм требований левых либералов (освобожденцев) в национальном вопросе в 1905 г. (федеративное устройство государства, самоуправление национальных областей и их право на представительство в парламенте, политическая автономия Польши и Финляндии и др.), влияние на «Союз освобождения» буржуазных националистов. Однако этот «радикализм» постепенно стухивался, и требования либералов становились все более и более умеренными как под влиянием правых либералов, так и в силу «классовой ограниченности партии кадетов в ее отношении к национальному вопросу». В итоге, по мнению исследовательницы,

---

<sup>1</sup> Ленин В.И. Горемычники октябристы и кадеты. ПСС. Т. 13. С. 126–127; Кадеты и националисты. Т. 22. С. 157–158; Национал-либералы. Т. 22. С. 244–246; Кадеты о праве народов на самоопределение. Т. 24. С. 208–210.

<sup>2</sup> Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976. С. 31.

политика кадетов по национальному вопросу «свелась к принятию резолюций и разглагольствованию, устным и печатным, о "культурном самоопределении" наций, автономии и федерации вообще и в применении к России. Все это были пустые фразы, рассчитанные на обман народов. Дальше словопрений и бесплодного прожектерства дело не пошло»<sup>1</sup>. Такой подход для советской историографии типичен. В целом в 1970–1980-е гг. выводы авторов укладывались в официальную трактовку о правильности большевистской национальной программы и реакционной националистической направленности либерального подхода.

В 1990-е гг. историографические подходы стали меняться. В.В. Шелохаев в ряде исследований детально проанализировал идеологические и программные установки основных либеральных партий России по национальному вопросу, показав, что в их основе лежало декларирование права на самоопределение народов, но идеи отделения и автономии отрицались либо воспринимались не в полном объеме. Либеральные теоретики доказывали, что народы России в своей массе пока не готовы к территориальной автономии, для них целесообразно предоставление и гарантии прав культурного самоопределения на основе достижения демократических свобод для всех граждан России. Шелохаев проанализировал расхождения между правыми и левыми либералами по национальному вопросу, отметил факторы, мешавшие либералам-политикам налаживать контакты с идеологами других национальностей, раскрыл борьбу кадетов с крайностями великодержавного национализма. На конкретных примерах он показал несовпадение программных установок либеральных партий по национальному вопросу с их реальной политической позицией. В целом Шелохаев оценил либеральный вариант решения национального вопроса как «наиболее оптимальный», ибо он создавал условия и предпосылки для сохранения единства исторически сложившегося полиэтнического

---

<sup>1</sup> Горякина В.С. Партия кадетов и национальный вопрос в период буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конференции. М., 1982. С. 144.

Российского государства<sup>1</sup>. Исследователь подчеркнул, что решение национального вопроса, по мнению либеральных теоретиков, было возможно лишь при наличии конституционного закрепления гражданских и политических прав личности. Эту мысль последовательно проводил Милюков в своих работах по национальному вопросу. В 1920-е гг. в эмиграции он писал: «Если бы первой революции 1905–1906 гг. удалось создать русскую свободу, то отношения национальностей в освобожденной России, вероятно, были бы построены на начале автономии, национальной и территориальной»<sup>2</sup>.

Выводы Шелохаева разделяются многими исследователями<sup>3</sup>. В то же время сохраняется и значительное влияние на историков положений советской историографии. Ю.Л. Золотовский полагает, что представления кадетов по национальному вопросу объективно согласовывались с потребностями русской промышленной буржуазии, «заинтересованной в крепком и стабильном едином всероссийском рынке, сохранении внутренних колоний путем политических уступок национальной буржуазии»<sup>4</sup>. Видеть во взглядах либералов на национальный вопрос лишь «буржуазную» составляющую означает существенно сужать проблему, сводя все к социально-экономическому детерминизму.

В постсоветский период сохранились и такие краеугольные положения советской историографии, как близость взглядов правых либералов с официальной позицией властей по национальному вопросу, ограниченность и непоследовательность всех либеральных партий в его решении. По мнению Ю.Л. Золотовского, в теоретическом отношении октябристская концепция структуры управления империей представляла собой «несколько модернизированное краеугольное положение теории "официальной

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 113.

<sup>2</sup> Милюков П.Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). М., 2005. С. 139.

<sup>3</sup> Белов И.Е., Кузнецов В.Е. Российский либерализм и прибалтийский вопрос в 1917 г. // Первая мировая война и международные отношения: Сб. ст. СПб., 1995. С. 82; Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум. Автореф. дис... к.и.н. М., 1998. С. 28; Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России (конец XIX в. – февраль 1917 г.). Автореф. дис... к.и.н. М., 1998. С. 25.

<sup>4</sup> Золотовский Ю.Л. Государственное устройство России в программных документах политических партий в начале XX в. Автореф. дис... к.и.н. Воронеж, 1998. С. 20.

народности" о вечности и неизменности русской формы политического строя как единственного в своем роде, соответствующего особенностям русского патриархального духа и русской истории». В этой схеме не было места для политической самостоятельности регионов. Программа Партии правового порядка в области государственного устройства вообще не отличалась от планов правящих кругов империи и правомонархических партий<sup>1</sup>. А.В. Антошин также отмечает близость позиций по национальному вопросу Партии правового порядка и консервативных сил (лозунги «единой и неделимой» России, борьба против автономии Польши, антисемитизм, свойственный правому крылу партии)<sup>2</sup>.

В.Н. Селецкий указывает на ограниченность национальной программы прогрессистов, которая предусматривала только отказ от грубых насильственных мер подавления «инородцев» и использование родного языка в школах, судах и земствах. В целом их позиция оценивается им как национал-либеральная, близкая к правым кадетам<sup>3</sup>. Он полагает, что прогрессисты выступали под лозунгами национал-либерализма с целью, с одной стороны, противостоять «зоологическому» национализму правых, а, с другой, – бороться с революционной программой решения национального вопроса. Селецкий подчеркивает, что цели национальной политики у прогрессистов и правительства «были одни и те же: упрочение империи, ее целостности и неделимости. И если прогрессисты выступали против национализма, то потому только, что считали его неспособным привести к достижению этих целей»<sup>4</sup>. В данном случае мы видим марксистскую парадигму, очищенную от догматизма советской эпохи.

По мнению ряда исследователей, либеральные проекты оказались слишком умеренными, не соответствующими ожиданиям и потребностям нерусского населения многонациональной Российской империи. Отмечается, что в период революции 1905–

<sup>1</sup> Там же. С. 23.

<sup>2</sup> Антошин А.В. Партия правового порядка в политической жизни России начала XX века. Дис... к.и.н. Екатеринбург, 1998. С. 71.

<sup>3</sup> Селецкий В.Н. Прогресси́зм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 77–79.

<sup>4</sup> Он же. Прогресси́зм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. Автореф. дис... д.и.н. М., 1997. С. 30.



1907 г. национальные движения еще доверяли левым либералам и готовы были сотрудничать с ними (Д.М. Усманова показала этот процесс на примере мусульманских депутатов Государственной думы<sup>1</sup>). Однако в третьеиюньский период процессы оказались разновекторными: кадеты эволюционировали вправо, к национал-либерализму (обычно историки приводят в пример П.Б. Струве), а национальные движения все больше дрейфовали к автономии и сепаратизму. Ситуацию обострял националистический курс правительства и III Думы, а невозможность кадетов ему противодействовать не способствовала их популярности на национальных окраинах. В исследованиях, посвященных рассмотрению национального вопроса в дореволюционном парламенте, убедительно обосновывается тезис о невозможности III и IV Дум сыграть роль инструмента межнационального согласия<sup>2</sup>.

С. Брейяр полагает, что позиция Милюкова по отношению к украинскому вопросу отличалась нерешительностью, постоянным лавированием в силу убеждения в преждевременном характере федерализма для России. Из-за этого украинские общественные деятели упрекали его в бездействии или даже двойной игре<sup>3</sup>. По мнению Т.И. Пономаревой, к началу Первой мировой войны кадеты подошли, «в значительной степени растеряв доверие нерусского населения многонациональной Российской империи», не удовлетворенного либеральной программой решения национального вопроса<sup>4</sup>. К сходным выводам пришел Эд. Вишневски, анализируя отношение либералов к польскому вопросу<sup>5</sup>. Усманова подробно проследила процесс охлаждения симпатий мусульманских думских представителей к кадетам в связи с их экспансионистской позицией в турецком вопросе в период Первой мировой войны<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. С. 228.

<sup>2</sup> Аманжолова Д.А., Зорин В.Ю., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законодательства. М., 1999. С. 200.

<sup>3</sup> Брейяр С. Указ. соч. С. 104.

<sup>4</sup> Пономарева Т.И. Кадеты и национальный вопрос в России (1905–1914) // Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. ст. СПб., 2005. С. 52.

<sup>5</sup> Вишневски Э. Либералы и польский вопрос // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 1999. № 2. С. 48.

<sup>6</sup> Усманова Д.М. Указ. соч. С. 237.

Анализируя современные работы, не стоит забывать о национальной принадлежности их авторов, рассматривавших российский либерализм с точки зрения интересов отдельных национальных образований (Украина, Польша и т.п.). Отсюда и разница в оценках. Если отдельные польские, украинские, татарские авторы акцентируют внимание на умеренности либеральной программатике, ее несоответствии потребностям развития отдельных территорий, непоследовательности либералов в ее реализации, то российские исследователи обращают внимание на крайне неблагоприятные внешние обстоятельства, мешавшие разумному решению национального вопроса: националистический курс правительства, расстановка политических сил в парламенте, Первая мировая война, революционные потрясения и т.п. Так, И.Е. Белов и В.Е. Кузнецов, рассмотрев отношение либералов к прибалтийскому вопросу, пришли к выводу, что в условиях «естественного» развития страны реализация либеральной программы была бы не только возможным, но и наиболее оптимальным вариантом. Но в условиях внешнего военного конфликта и революционных потрясений 1917 г., подтолкнувших Прибалтику к разрыву с российской государственностью, либералы не обладали реальной возможностью осуществления своей программы<sup>1</sup>.

Встречаются в современной историографии и консервативные оценки либеральной программатике по национальному вопросу. Г.Н. Бавкунова утверждает, что кадеты «относились к своей программе как к "боевому оружию", к лозунгам – как к "боевому кличу", но не как к программе преобразования страны. Поэтому с развитием политического процесса в стране кадеты теряли своих сторонников среди национальных либеральных партий»<sup>2</sup>.

К наиболее серьезным исследованиям либеральной идеологии и программатике по национальному вопросу относятся монографии Д.П. Кондратенко и О.Ю. Малиновой, близкие по своей концептуальной направленности работам Шелохаева. Первый автор полагает, что программные документы большинства либеральных партий основывались на кадетско-октябристском

---

<sup>1</sup> Белов И.Е., Кузнецов В.Е. Указ. соч. С. 89.

<sup>2</sup> Бавкунова Г.Н. Отечественные либеральные партии начала XX века: Национальный аспект: Автореф. дис... к.и.н. Брянск, 2003. С. 23.

варианте. В качестве примера либералы брали западные модели национального государственного устройства, которые накладывались на российскую действительность. Либеральная программатика по национальному вопросу была во многом конструктивна, представляя собой «достаточно реальную возможность снятия многих национальных противоречий того времени», но в своей практической деятельности либеральным партиям не всегда удавалось отстоять провозглашенные требования в «программном» виде<sup>1</sup>.

Малинова, проанализировав взгляды российских либералов (Милюкова, Струве и др.) по национальному вопросу, выявила значительную общность их подходов с решениями, предложенными западными, в особенности, британскими философами. Она уточнила содержание понятия «либеральный национализм», показав, что его можно использовать для характеристики достаточно широкого круга теорий, разработанных мыслителями прошлого и современными философами, которые стремились сочетать приверженность идее нации и поддержку ее политических и/или культурных прав с защитой либеральных ценностей<sup>2</sup>. Малинова показала принципиальную возможность соединения либеральных ценностей с защитой определенным образом понимаемых прав наций и культурных групп, выявив ограничения, устанавливаемые либеральными принципами в отношении поддержки определенных идей из арсенала национализма, в частности: недопустимость полного подчинения индивидуальных интересов коллективному, признание важности индивидуальной свободы для блага нации; представление о плюрализме и равноценности наций; отрицание любых притязаний на национальную исключительность и особые права; акцент на развитие наций и необходимость взаимодействия национальных культур.

Малинова подчеркивает, что вопрос о единстве государства был весьма чувствительным для русских либералов (Кондратенко

---

<sup>1</sup> Кондратенко Д.П. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX–начале XX века. Киров, 2005. С. 218.

<sup>2</sup> Малинова О.Ю. Анализ концепций либерального национализма (середина XIX – начало XX века): Автореф. дис... д.ф.н. М., 2000. С. 10.

показал это на примере польского вопроса<sup>1</sup>). Милюкову и его соратникам задача создания в России конституционного строя, закрепления гражданских, политических и социальных прав и свобод казалась более насущной, чем немедленное решение национального вопроса. «И дело здесь не просто в "имперской" позиции, – полагает исследовательница, – но в принятии принципа "либерального империализма", опирающегося не на силу, а на право, обеспечивающего единство империи цивилизованными средствами»<sup>2</sup>. Однако либеральная имперская политика в качестве предпосылки требовала упрочения конституционного строя, создания «правильного» народного представительства – отсюда и желание идеологов кадетской партии отсрочить практическую реализацию права наций на самоопределение, признаваемого ими в теории. Из этого и вытекает отмеченное Шелухаевым несоответствие теоретических и программных установок либеральных партий с их реальной политической позицией<sup>3</sup>.

Кроме того, Милюков и его коллеги не были готовы к осуществлению этого права на основе общей для всех национальной «нормы». Федеративное государственное устройство России, на котором настаивали представители некоторых национальностей, с самого начала вызывало у русских либералов острые споры и сомнения. В целом, полагает Малинова, такая позиция в отношении признания права на самоопределение народов России «может быть охарактеризована как либерально-империалистическая»<sup>4</sup>. Основу ее составляло представление о непреложности единства Российской империи, которая должна обеспечить развитие составляющих ее народов (и их собственных национальных культур). Проблема заключалась в том, что залогом «либерального империализма» должно было служить преобразование политического и правового строя, которое не было завершено. В силу этого поддержка более радикальных требований

---

<sup>1</sup> Кондратенко Д.П. Кадеты и польский вопрос во время первой мировой войны (по материалам заседаний кадетского ЦК) // Русский исторический вестник: Междунар. ежегодник. 2000. М., 2000. Т. 3. С. 90.

<sup>2</sup> Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М., 2000. С. 162.

<sup>3</sup> Шелухаев В.В. Указ. соч. С. 82, 93.

<sup>4</sup> Малинова О.Ю. Анализ концепций либерального национализма (середина XIX – начало XX века). Автореф. дис... д.ф.н. С. 31.

«национальностей» откладывалась до лучших времен, а возможности влиять на текущую политику властей в национальном вопросе либералы не имели. В свою очередь, проводимая правительством и правым большинством III и IV Дум политика вела к радикализации требований сепаратистов.

В целом, многие современные историки рассматривают либеральную альтернативу решения национального вопроса как вполне обоснованную и разумную, возлагая ответственность за ее провал и, соответственно, за рост сепаратистских настроений на самодержавие.

***В.В. Вострикова<sup>1</sup>***

### **ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ИДЕОЛОГОВ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX вв.**

Многочисленные исследования биографий идеологов российского либерализма конца XIX - начала XX вв., появившиеся в последние десятилетия, с различной степенью обстоятельности (что имеет и объективную обусловленность наличием соответствующих источников) затрагивают проблему формирования мировоззренческих установок либералов, в т.ч. уделяя внимание и становлению их религиозной составляющей. Обращение к данной тематике представляется важным, поскольку степень личной религиозности отразилась в трактовке либеральными идеологами различных общественных феноменов (государства, власти, права и т.д.) и проблем (соотношение государства и права, права и нравственности и т.п.), что, в свою очередь, в значительной мере повлияло на их общественно-политическую деятельность.

---

<sup>1</sup> *Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

В настоящей статье предпринимается попытка выявить закономерности и этапы процесса формирования религиозной составляющей мировоззрения идеологов нового либерализма. Специфика предмета исследования обусловила его источниковую базу, в которую вошли в основном воспоминания либералов.

Анализ биографий либералов позволяет утверждать, что религиозные основы мировосприятия первоначально усваивались ими в семье. Превалирующую роль здесь играли родители. В частности, Е.Н. Трубецкой вспоминал о влиянии матери – Софьи Алексеевны Трубецкой, урожденной Лопухиной. В.А. Маклакова приобщала к христианству его мать – Елизавета Васильевна (урожденная Чередеева), которая сама «воспиталась на одной главной основе – религиозной»<sup>1</sup>. «Глубокая и своеобразная религиозность, – вспоминал Маклаков, – проникала все ее мирозерцание, не оставляя места ни сомнениям, ни рассуждениям», была для нее «очевидностью», и это она стремилась передать своим детям<sup>2</sup>. После ранней и внезапной смерти матери (Маклакову было всего 11 лет) укрепить Василия в вере пыталась его крестная, М.П. Степанова, но ее доводы резко контрастировали с материнскими своей утилитарностью. Веровать надо, говорила она, ибо, «если Бога нет и все, чему религия учит, – ошибка, для верующих людей от этого худа не будет; но зато, если это правда, как за это им будет хорошо! Поэтому лучше уж верить»<sup>3</sup>. В окружении Трубецкого истово верующей была няня – Федосья Степановна, последним подарком которой ее воспитанникам стали иконы и духовное наставление «держаться почище»<sup>4</sup>.

Процесс религиозного воспитания будущих либералов шел как бы двумя взаимодополняющими путями: через практику – посредством приобщения к религиозному культу, и через теорию – благодаря знакомству с основами вероучения.

Что касается первого, то, например, М.М. Ковалевский вспоминал, что дома строго соблюдались все религиозные

---

<sup>1</sup> Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 16.

<sup>2</sup> Там же. С. 16, 18.

<sup>3</sup> Там же. С. 16.

<sup>4</sup> Трубецкой Е.Н. Из прошлого [Электронный ресурс] // URL: <http://ihavebook.org/books/101784/iz-proshlogo.html> (Дата обращения: 01.05.2015).

ритуалы, в период рождественских и пасхальных праздников даже прерывалось домашнее обучение<sup>1</sup>. Н.И. Кареев указывал, что, воспитываясь в атмосфере «образцовой набожности», он с раннего детства был обучен молитвам, каждый день прочитывал их, каждое воскресенье и в праздники его водили в церковь<sup>2</sup>. Аналогичны воспоминания Маклакова, которого с братом мать постоянно заставляла посещать церковь и читать молитвы<sup>3</sup>. В семье Трубецких, помимо того, практиковались частые паломничества в Троице-Сергиеву лавру, находившуюся недалеко от подмосковного родового имения Трубецких, где они проводили лето, «...а образ св. Сергия висел над каждой из ... детских кроватей»<sup>4</sup>.

У некоторых либералов первоначальное приобщение к религиозному культу было достаточно формальным. Так, Кареев отмечал, что произносил молитвы он «совершенно безучастно, а одно место в великопостной "Господи и Владыко живота моего" ...даже смешило», при чтении символа веры «"чаяние воскресения мертвых" почему-то больше ассоциировалось с представлением утреннего или вечернего чая»<sup>5</sup>. Интересно свидетельство Кареева о восприятии им в раннем детстве церковной службы. «...Как ни плохо было пение дьячка и пономаря, – вспоминал он, – но оно мне более нравилось, чем мало понятное чтение, а потому я был в наивности своей вполне уверен, что пение "слава тебе, господи, слава" после чтения евангелия было выражением удовольствия, что чтению этому пришел конец»<sup>6</sup>.

Будущих либералов учили обращаться к Богу в повседневной жизни, для поддержки в трудную минуту. Так, после пробуждения от ночного кошмара Николаю Карееву полагалось читать молитву «Да воскреснет Бог» и целовать икону в золотой ризе, которую вынимали из киота<sup>7</sup>.

Большое значение в воспитании отводилось исповеди. В семье Трубецких дети исповедовались матери каждый вечер, и если

<sup>1</sup> Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 54.

<sup>2</sup> Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 51-52.

<sup>3</sup> Маклаков В.А. Указ. соч. С. 18.

<sup>4</sup> Трубецкой Е.Н. Указ. соч. [Электронный ресурс] // URL: <http://ihavebook.org/books/101784/iz-proshlogo.html> (Дата обращения: 01.05.2015).

<sup>5</sup> Кареев Н.И. Указ. соч. С. 51.

<sup>6</sup> Там же. С. 52-53.

<sup>7</sup> Там же. С. 55.

совершали какой-либо проступок, она умела вызвать у них чувство глубокого раскаяния<sup>1</sup>. Воспоминания Ковалевского о первой исповеди говорят о том, что религиозные переживания юного Максима были искренни и достаточно сильны. «Мне сказали, что надо рассказать священнику о всех своих грехах, – писал Ковалевский. – Мне показалось, что у меня их так много, что мне их и не подумают отпустить. Ревел я дня два и затем, во время первого причастия, чувствовал себя как-то особенно счастливым»<sup>2</sup>.

Будущих либералов с детства знакомили с основами христианского вероучения. Так, Кареев вспоминал, что, он «рано познакомился с главным в священной истории Ветхого и Нового заветов и с символом веры»<sup>3</sup>. Приобщение к таинствам Библии оказывало сильное эмоциональное воздействие. Как писал Трубецкой, когда мать по вечерам читала детям Евангелие, «страдания Христа и ужас человеческого греха, приведший к этому, так ярко изображались в наших душах, потрясающая повесть о Голгофе так захватывала, что мы все плакали»<sup>4</sup>.

Мать Маклакова своих детей «старалась переносить ... в насыщенную живой верой атмосферу» посредством чтения им «Житий Святых», где открывался особенный мир страданий за веру<sup>5</sup>. Сила эмоционального воздействия христианства на Василия была очень велика. Убеждение матери в том, что истинная вера способна творить чудеса настолько врезалось в его ум, что, когда мать умерла, он решил ее воскресить. Первая попытка, предпринятая ночью у гроба матери, окончилась для 11-летнего мальчика обмороком. Вторую попытку, намеченную на время отпевания, Василий сделать не решился, и потом долго упрекал себя за маловерие<sup>6</sup>.

Трубецкой писал о достаточно забавном случае из своего детства, который привел к настоящему религиозному прозрению. Маленькая сестра Жени – Тоня – ползала под столом и собирала крошки после обеда, что взрослые строго воспрещали. Она попросила маму отвернуться, чтобы та не видела этого, на что

<sup>1</sup> Трубецкой Е.Н. Указ. соч.

<sup>2</sup> Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 52.

<sup>3</sup> Кареев Н.И. Указ. соч. С. 51.

<sup>4</sup> Трубецкой Е.Н. Указ. соч.

<sup>5</sup> Маклаков В.А. Указ. соч. С. 18.

<sup>6</sup> Там же. С. 20-21.



последовал ответ, что Бог-то все равно это увидит. «С этой минуты, – вспоминал Трубецкой, – с какой-то необычайной силою гипноза мне врезалось в душу религиозное ощущение, навсегда оставшееся для меня одним из центральных и самых сильных, – ощущение какого-то ясного и светлого ока, пронизывающего тьму, проникающего и в душу, и в самые глубины мира; и никуда от этого взгляда не укроешься»<sup>1</sup>.

«Семена религиозного настроения» (выражение Ковалевского), зароненные в детские души, в возрасте 7-10 лет у многих либералов дали серьезные всходы. Как вспоминал Кареев, религиозное чувство развилось у него в возрасте 7-8 лет, и ему родители стали казаться «недостаточно благочестивы и набожны», он «даже страдал от этого, заранее видя их в аду»<sup>2</sup>. Кареев полюбил церковную службу, присутствие на ранней обедне наполняло его «душу каким-то благоговением», «по несколько раз прочитывал весь молитвенник», усердно читал Евангелие, «заповеди Христа о любви к ближнему, о милосердии, о прощении обид глубоко западали в душу»<sup>3</sup>. В его «детской религиозности», отмечал Кареев, была и «поэзия мистики потустороннего мира, и глубоко этические переживания, возвышавшие душу, поселявшие в ней стремление к идеалу, жажду нравственного подвига, любовь к человечеству, но было и грубое суеверие с магическими устремлениями»<sup>4</sup>.

У П.Н. Милюкова период «повышенной религиозности» наступил в 10-12 лет, в силу внутренней потребности. Как вспоминал либерал, в детстве «религия, как воспитательное средство» в его семье «отсутствовала», он не помнил, были ли дома Библия или Новый Завет, «проявления домашней религиозности не шли дальше обязательного минимума». Однако Павел начал сам посещать церковь, «стал настоящим "дево́том"», что дома «отнюдь не поощряли»<sup>5</sup>.

Однако следующим этапом эволюции религиозной составляющей мировоззрения у большинства либералов стало

<sup>1</sup> Трубецкой Е.Н. Указ. соч.

<sup>2</sup> Кареев Н.И. Указ. соч. С. 74.

<sup>3</sup> Там же. С. 76.

<sup>4</sup> Там же. С. 77.

<sup>5</sup> Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 67.

отрицание религии. Это происходило в подростковом возрасте, всегда сопряженном с серьезной ломкой психики.

Как вспоминал Кареев, «детская религиозность» владела им «то усиливаясь, то ослабевая, около десяти лет»<sup>1</sup>. «...В пятом или шестом классе (вернее, в шестом) совершился перелом в моем мирозерцании, полное исчезновение из него всякой мистики и романтизма и замена их самым "трезвым реализмом". Старые верования постепенно падали одно за другим, причем пройден был весь путь отрицания до самого конца»<sup>2</sup>. У Ковалевского религиозные настроения, внушенные матерью, были погашены «нелепым обучением в гимназии непонятному катехизису»<sup>3</sup>. Милюков пришел к отрицанию формальной стороны религии под влиянием Вольтера. Насмешки философа «над наивностями и примитивными добродетелями Библии» привели к тому, что Библия потеряла для Павла «свое учительное значение и свой ореол богодухновенности»<sup>4</sup>.

Как вспоминал Трубецкой, у него «первые сомнения в вере возникли... четырнадцати лет, под влиянием чтения Белинского, коим... увлекался в уже в V-м классе гимназии. «В ту пору, – писал либерал, – сомнения меня волновали особенно в бессонные ночи, когда мысль о том, что нет Бога, повергала меня в трепет и заставляла дрожать в моей постели. Потом уже в VI классе, когда я напал на Бокля, Милля, Спенсера, переход к безверию совершился, внезапно и *в ту минуту*, казалось, необыкновенно, легко. Разумеется, эта кажущаяся *легкость* объясняется тем, что болезненные ощущения были испытаны гораздо раньше, и на самом деле вера была подточена уже давно!» Последней каплей стал «тон» писателей, «которые рассматривали религию как что-то давно поконченное, близкое к суеверию или как пережиток отсталого способа мышления "теологического периода"»<sup>5</sup>. Анализируя данный эпизод своей биографии, Трубецкой отмечал, что «боязнь "быть отсталым" и преувеличенное преклонение перед "последним словом науки" вообще характерное свойство очень

<sup>1</sup> Кареев Н.И. Указ. соч. С. 76-77.

<sup>2</sup> Там же. С. 105-106.

<sup>3</sup> Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 52.

<sup>4</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. С. 83.

<sup>5</sup> Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С. 46.

юных некритических умов. Под этой маской скрывается, в действительности, рабская зависимость молодого ума от того авторитета, чье слово признается "последним"»<sup>1</sup>.

В отрицании религии, указывал Трубецкой, было много ребяческого: «Мы демонстративно ели колбасу на Страстной неделе на бульваре, ходили по церквам шаловливой толпой, чтобы смущать старушек, и, постояв пять минут, шумно выходили, детски радуясь, когда за нами вслед раздавался негодующей старушечий возглас: – "Башибузуки проклятые!"»<sup>2</sup>

Период подросткового нигилизма завершился для либералов по-разному. Некоторые пережили «религиозный Ренессанс», в результате которого религия стала одной из доминант их мировоззрения.

Ярким примером такого развития событий является Трубецкой. В возрасте 17 лет, посредством чтения философских трактатов, интенсивных размышлений, споров с братом Сергеем, Евгений пришел «обратно к той самой духовной точке опоры, которая так сильно чувствовалась в... детстве, в Ахтырке, в Хотькове и в лавре»<sup>3</sup>. К юноше пришло осознание существования *над миром* некой «полноты бытия, к которой все стремится», которая и есть Бог<sup>4</sup>. Во многом этому помогли А. Шопенгауэр и Ф.М. Достоевский. У последнего в ясной и определенной формулировке Трубецкой нашел дилемму «Или Бог есть, или жить не стоит», которая, как и многие произведения Достоевского, послужила дополнительным импульсом к духовно-нравственным поискам. Чтение Шопенгауэра «нанесло решительный удар ... пантеистическим настроениям» Трубецкого, для него «стало ясно, что мирозерцание, для которого нет ничего *над миром*, логически неизбежно приводит к пессимизму»<sup>5</sup>. Картина мировых страданий, нарисованная Шопенгауэром, убедила Трубецкого в нелепости отождествления мира с Богом, но, с другой стороны, и показала, что «мир жаждет той полноты бытия, которой в нем нет»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Трубецкой Е.Н. Из прошлого.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Трубецкой Е.Н. Воспоминания. С. 65.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

В итоге, отмечал Трубецкой, его «поворот к религии не остановился на промежуточной ступени неопределенного и расплывчатого теизма, а сразу вылился в определенную и ясную форму возвращения к "вере отцов"»<sup>1</sup>. Это дало Евгению «глубокое чувство внутреннего счастья... восстановление разрушенной *целости*» его существа, преодоление внутренних противоречий, ибо до того «душа требовала полноты бытия, как цели..., а разум в то же время утверждал, что вся эта цель – *иллюзия*»<sup>2</sup>. Религиозный поворот стимулировал изучение Трубецким философии, поскольку он воспринимал ее как «орудие Богопознания»<sup>3</sup>. Необходимо отметить, что возвращение к «вере отцов» сопровождалось у Трубецкого «националистической реакцией»: возрождением уважения ко всему русскому как неразрывно связанному с православием<sup>4</sup>.

Религия была основополагающим элементом мировоззрения и мироощущения Д.Н. Шипова. Источники не позволяют проследить, испытывал ли он мировоззренческую трансформацию, подобную юношеским религиозным исканиям Трубецкого. Известно, что Шипов с детства воспитывался в православных традициях, в убеждении, что православие является базовой основой мировидения русского человека, а религиозное сознание имманентно присуще духовной природе человека. Помимо того, в формировании религиозной составляющей его мировоззрения Шипов отмечал большую роль Л.Н. Толстого. В письме к своему другу и единомышленнику М.В. Челнокову от 16 июля 1904 г. Шипов признавался, что Толстой помог ему «разобраться понять сущность христианского учения»<sup>5</sup>. По убеждению Шипова, смысл жизни человечества заключается «в постепенном, но неуклонном движении по *направлению* к идеалу христианского учения – установлению Царства Божия на земле»<sup>6</sup>. В данном процессе Шипов видел две органично дополняющих друг друга составляющих: внутреннюю работу каждого над религиозно-

<sup>1</sup> Там же. С. 66.

<sup>2</sup> Там же. С. 67.

<sup>3</sup> Там же. С. 68.

<sup>4</sup> Там же. С. 70.

<sup>5</sup> Цит. по: Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 18.

<sup>6</sup> Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 39.

нравственным устроением своей личности и деятельность по улучшению условий общественной жизни<sup>1</sup>.

К группе лидеров либерализма, отличавшихся сильно развитой религиозной составляющей мировосприятия, можно отнести и В.И. Герье. «Религиозное убеждение есть самое дорогое для человека благо», – утверждал он<sup>2</sup>. К данному убеждению после катаклизмов 1917 г. пришел и П.И. Новгородцев. Религиозный поворот, столь внезапный для некоторых современников мыслителя, на самом деле был подготовлен всем его предшествующим духовным развитием. Об этом свидетельствовал И.А. Ильин, настаивавший, что в его учителе «всегда жило чувство живой тайны бытия и мистического благоговения перед нею... Павел Иванович не за последние годы "стал" религиозным человеком, но всегда был им»<sup>3</sup>.

Как «исконно-религиозную душу» С.Л. Франк характеризовал П.Б. Струве. «Как-то легко и просто, само собой, не пережив при этом никакого религиозного кризиса, – писал Франк, – он преодолел – тоже уже в юности – традиционное безбожие русского интеллигентского сознания», сразу стал «на естественную для его духа религиозную почву»<sup>4</sup>. Струве, по словам Франка, не переживал «трагически исканий и недоумений» в области религии, «никогда не пытался отдать себе ясный отчет в догматическом содержании своих верований», ибо считал это «делом бесплодным и потому ненужным»<sup>5</sup>. Некоторая религиозная трансформация произошла у Струве уже в зрелом возрасте, когда он склонялся «к верованиям... в духе немецкого либерально-протестантского христианского богословия»<sup>6</sup>. Возможно она была обусловлена влиянием кровной связи Струве с немецкой культурой. Но в последнее десятилетие своей жизни он осознавал себя верующим православным, достаточно часто посещал церковные

<sup>1</sup> Там же. Подробнее об этом см.: Шелохаев С.В. Указ. соч. С. 18-23.

<sup>2</sup> Герье В.И. Герье В. И. Речь, произнесенная гласным В.И. Герье 21-го апреля в торжественном заседании московской городской думы по случаю столетнего юбилея грамоты жалованной императрицею Екатериной Великой на права и выгоды городам Российской империи. М., 1885. С. 5.

<sup>3</sup> Цит. по: Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 13.

<sup>4</sup> Франк С.Л. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. М., 1997. С. 491.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

богослужения, исповедовался и причащался. При этом Струве особо не углублялся в религиозную догматику, будучи убежден, что «в религии культ, молитвенная жизнь имеет более решающее значение, чем идеи, отвлеченное догматическое вероучение»<sup>1</sup>. Для себя самого, указывал Франк, Струве оставался «свободным религиозным духом, не связанным никакой точно оформленной догматикой. Он просто духовно жил, непрерывно ощущая Святыню Бога...»<sup>2</sup> По мнению Франка, это «смирение в религиозном мудрствовании» было органичной составляющей его консерватизма – «убеждения, что дерзаниям человеческого духа поставлены некие непереходимые пределы. Он следовал совету Гете: "Познавать постижимое и тихо почитать исповедимое"»<sup>3</sup>.

Другую группу либеральных идеологов начала XX в., гораздо более многочисленную, составляют люди, мировоззрение которых, как достаточно точно подметил Шипов, «определялось преимущественно, если не исключительно, работой человеческого разума», «к вопросам веры и религии они проявляли значительный индифферентизм»<sup>4</sup>.

В частности, Кареев отмечал, что после нигилистического подросткового кризиса от чувства повышенной религиозности у него «сохранилось уважение к религии как к культурному явлению, могущему иметь и часто имеющему моральную ценность, а также к религиозному чувству других, к свободе человеческой совести»<sup>5</sup>. А матери Кареева пришлось «сокрушаться» по поводу его «нехождения в церковь и небывания у исповеди и причастия»<sup>6</sup>. Маклаков в воспоминаниях отмечал, что «жизнь рассеяла» религиозные ростки, которые смогло заронить в душу воспитание матери<sup>7</sup>.

Милюков указывал, что период подросткового религиозного нигилизма, низвергнув с пьедестала Библию, все-таки не смог подорвать самих основ религиозности<sup>8</sup>. Однако некоторым его

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 407-408.

<sup>5</sup> Кареев Н.И. Указ. соч. С. 107.

<sup>6</sup> Там же. С. 74.

<sup>7</sup> Маклаков В.А. Указ. соч. С. 19.

<sup>8</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. С. 83.

соратникам казалось иначе. Так, по мнению А.В. Тырковой, Милюков «был совершенно лишен религиозного чувства, как есть люди, лишённые чувства музыкального», откуда проистекало отсутствие «связи с глубинами своеобразной русской народной жизни», придававшее всем идеям Милюкова слишком европеизированную окраску<sup>1</sup>.

Сохранившиеся источники не дают возможности четко определить степень религиозности Ковалевского в зрелые годы. Однако, как вспоминал Трубецкой, перед смертью Ковалевский исповедался и причастился. На его похоронах в надгробных речах шли «споры о том, был ли он или не был христианином; намекали на минутное "затмение" в сознании умирающего. П.Н. Милюков усматривал в этой подробности его кончины "бытовую черту", т.е. попросту говоря курьез, который можно было простить Ковалевскому за многое другое положительное, что в нем было»<sup>2</sup>. Трубецкой указывал, что судить о сознательности обращения Ковалевского к христианству в момент кончины очень сложно, но «глубоко трогательными» ему показались слова Ковалевского о том, что соблюдение этих ритуалов обрадовало бы его мать, а он хочет быть с нею. Трубецкой такое поведение Ковалевского характеризовал как «мудрость сердца»<sup>3</sup>.

Таким образом, сопоставление биографий идеологов отечественного либерализма рубежа XIX-XX вв. позволяет выявить некоторые закономерности формирования религиозной составляющей их мировоззрения в период личностного становления, начиная с детства и заканчивая ранним юношеством. Большинство либералов приобщались к христианским ценностям в семье, поскольку принадлежали к дворянскому сословию, для представителей которого православие было органичной частью менталитета. В раннем детстве это приобщение носило во многом формальный характер и осуществлялось посредством строгого следования религиозному культу. Однако, по мере взросления будущих либералов, в процессе изучения и осмысления христианского вероучения, к ним приходило осознание религии. Не

<sup>1</sup> Тыркова-Вильямс А.В. Кадетская партия // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 211.

<sup>2</sup> Трубецкой Е.Н. Воспоминания. С. 91.

<sup>3</sup> Там же.

последнюю роль здесь сыграла эмоциональная составляющая христианства. В подростковом возрасте у многих будущих либералов наступал период критического переосмысления ценностей, в т.ч. и религиозных. Это предопределялось несколькими факторами: и собственно подростковым нигилизмом, и столкновением с зачастую формальным преподаванием Закона Божьего в гимназиях, и углубленным знакомством с различными философскими идеями. Преодоление религиозного кризиса будущими либеральными идеологами, происходившее в период перехода от подросткового возраста к юношескому, завершалось либо искренним «приятием» христианства уже на качественно новой основе, в результате серьезной внутренней духовной работы, и тогда православие становилось одной из доминирующих констант мировосприятия, либо осознанием религии как части культуры, как основы нравственности, но без «глубокого допуска» ее в личный внутренний мир. Думается, что «пониженная религиозность» значительного числа либеральных идеологов явилась во многом результатом настроений, господствовавших в среде российской интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. и обусловленных ослаблением позиций церкви в жизни общества, падением ее морального и политического авторитета, внутренним кризисом церкви. Серьезную роль сыграл и позитивизм, который был философией практически всей российской интеллигенции и стал базовой составляющей философского мировоззрения многих либералов. В частности, Милюков прямо признавался, что знакомство с «синтетической философией» Г. Спенсера в последнем классе гимназии стало «переходным этапом в развитии... мировоззрения», довершив начатый с помощью Вольтера отход от религиозного восприятия мира<sup>1</sup>.

Представляется, что рассмотрение проблемы формирования религиозной составляющей мировоззрения идеологов отечественного либерализма начала XX в. интересно с позиции приращения знаний о них как личностях.

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. С. 83.



## ЛИБЕРАЛЫ И ЦЕРКОВЬ В НАЧАЛЕ XX в.

Проблема церкви, в целом, не была для русских либералов начала XX в. центральной. Один из лидеров партии Н.В. Некрасов, сын священника и кандидата богословия, на кадетской партийной конференции выражал общее настроение, когда заявлял: «Для нас "истинный сын православной церкви" – есть фикция»<sup>2</sup>. Как правило, Русская церковь лишь выступала объектом политической критики. Главным ее грехом было то, что она служила государству – причем не за страх, а за совесть. Кн. Е.Н. Трубецкой отмечал: «Святейший Синод стал преимущественно органом надзора за политической благонадежностью духовенства, духовным "департаментом полиции"»<sup>3</sup>. Н.А. Бердяев о синодальных порядках писал: «Русская церковь не сказала своего слова о земной судьбе России, оставалась в подчинении. И курился фимиам в честь империализма, которому поручено было устроить землю, а империализм не знал, как устроить ее по-божески»<sup>4</sup>. По поводу думских выборов 1912 г., на которых духовенство было активно использовано в целях агитации за проправительственные силы, А.С. Изгоев писал: «Главнейшим орудием выборной фальсификации сделано было православное духовенство, с таким непостижимым легкомыслием брошенное в самую гущу политической борьбы. Не только духовенство, но и сама религия были превращены в узко-партийное политическое знамя. Религиозной реформации оказана была колоссальная услуга»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Гайда Федор Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор-консультант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта.

<sup>2</sup> Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 512.

<sup>3</sup> Трубецкой Е.Н. Буран // Московский еженедельник. 1908. 8 января // Цит. по: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 321.

<sup>4</sup> Бердяев Н.А. К психологии революции // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-9 г.). Пг., 1910. С. 53.

<sup>5</sup> Изгоев А.С. К истории одесского погрома // Русская мысль. 1912. № 6. Паг. II. С. 9.

Основным предложением радикальных либералов было отделение церкви от государства. Партийная программа кадетов предполагала принцип «свободы совести и вероисповедания». Второй пункт программы, в частности, гласил: «Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки»<sup>1</sup>. П.Н. Милюков в своей думской речи в 1910 г. солидаризировался с классическим либеральным принципом К.Б. Кавура («старый лозунг "свободной церкви в свободном государстве"») и настаивал в будущем на исключении духовенства «из состава народных представителей». Присутствовавшему духовенству он прямо заявил: «Вы своим политическим положением, своей услужливостью готовите материал, который пригодится при будущем широком пересмотре русского избирательного права»<sup>2</sup>. Бердяев писал: «Окончательное отделение церкви от государства должно быть неизбежным и повсеместным результатом дифференцирующего процесса новой истории. Это отделение признают благом и искренние друзья церкви, и искренние ее враги, так как ни искренняя вера, ни искреннее безверие не могут стоять за лицемерную и лживую связь, унаследованную от старых грехов папоцезаризма и цезарепапизма, коренящуюся в идеях, давно уже потерявших силу»<sup>3</sup>. Кроме того, как позднее отмечал Трубецкой на VII съезде кадетской партии 25 марта 1917 г., «государство разноплеменное с множеством разных вероисповеданий едва ли будет в дальнейшем признано государством только православным»<sup>4</sup>.

Особых надежд на то, что проблемы могут быть разрешены поместным собором, у либералов не было. По поводу предвыборных усилий правительства в 1912 г., пытавшегося увеличить количество священников на думских скамьях, либеральная печать иронизировала: что это – «генеральная

<sup>1</sup> Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1997. С. 34.

<sup>2</sup> Государственная дума. Созыв III. Сессия III. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1910. Стб. 1622, 1628.

<sup>3</sup> Бердяев Н.А. Распря церкви и государства в России // Духовный кризис. С. 223-225.

<sup>4</sup> Стенографический протокол заседаний VII съезда партии народной свободы. 1-й день съезда. Пг., 1917 // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 422-423.

репетиция» поместного собора?<sup>1</sup> Бердяев отмечал: «Давно уже говорят о Соборе, надеются, что Собор возродит омертвевшую религиозную жизнь, обновит церковь. Но Собор фальсифицируется в интересах князей церкви, верных слуг государства. <...> И "христианскую" иерархию интересуется не дело Христово, а дело государственной и церковной власти, дело земного царства, в котором давно уже они царствуют и от которого не хотят отказаться. Религиозное же сознание прогрессивной части духовенства и православных мирян, участвующих в освободительном движении, таково, что не в силах победить отмеченный иерархический принцип, духовно изменить власть». Говоря о перспективах земной Церкви, Бердяев в 1907 г. отмечал: «Для религиозной победы над принципом официального иерархического авторитета, принципом человеческого самоутверждения и самообожествления необходима не религиозная реформация даже, а религиозная революция. Только раскрытие подлинной религиозной антропологии, религиозного учения о человеке и человечестве, поведет к победе над изменившей своему назначению духовной и государственной властью, над ложью "христианского" государства. Тогда освободительное движение перестанет казаться народному сознанию отступничеством от веры, а царство перестанет именоваться христианским. <...> Христианской, подлинно христианской общественности, Божьего Царства, теократии мир еще не видел»<sup>2</sup>.

А.В. Карташев на заседаниях Религиозно-философского общества 11 и 25 октября 1915 г. говорил: «В газетах провозглашается, что возвращение к каноническому строю есть полное устройство церкви. Но это простительно говорить людям, которые стоят вне церкви. <...> Только, пожалуй, Религиозно-философское общество, особенно в первую эпоху, когда оно занималось церковными вопросами особенно, как то, как "глас вопиющего в пустыне", все время говорило, что не в канонах реформа церкви, что канонизм формален, мертв. Надо устроить самым демократическим образом церковь, освободить ее, и если в

<sup>1</sup> 350 священников-депутатов // Утро России. 1912. 6 сентября.

<sup>2</sup> Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 226-227.

ней есть внутренняя христианская жизнь, тогда это скажется в том, что эти освобожденные силы запросят чего-то другого, они преобразят церковь во всех ее частях, не в смысле только канона и поправки богослужебных книг, ибо такая мысль существует и в Синоде, а в смысле изменения самых форм деятельности церкви, в смысле изменения проповеди, литературы, мысли, в смысле всего христианского мировоззрения, доходя, быть может, до перерождения самого духа церковного, ибо этот дух создает народ и культура»<sup>1</sup>.

Более умеренным был проект С.Н. Булгакова. В сборнике «Вехи» он заявил о необходимости формирования церковной интеллигенции. Именно преображенная интеллигенция должна была преобразить земную церковь. Для этого в интеллигентском сознании уже существовали зримые предпосылки: «В этом стремлении к Грядущему Граду, в сравнении с которым бледнеет земная действительность, интеллигенция сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности. <...> Вообще, духовными навыками, воспитанными церковью, объясняется и не одна из лучших черт русской интеллигенции, которые она утрачивает по мере своего удаления от Церкви, например, некоторый пуританизм, ригористические нравы, своеобразный аскетизм, вообще строгость личной жизни». Интеллигенция должна была перевоспитать себя и после этого вновь повести за собой всю страну, включая и Русскую церковь: «Для русской интеллигенции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной – для осуществления "реформ", экономической – для поднятия народного хозяйства, культурной – для работы на пользу русского просвещения, церковной – для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 3. М., 2009. С. 235-236.

<sup>2</sup> Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М., 1991. С. 48-49, 74-75, 81-82.

Октябристы, в отличие от большинства кадетов не отрещивавшиеся от православия, были не менее решительны в своей критике «синодальной бюрократии». Докладчик октябристской фракции Государственной думы по церковным вопросам И.В. Никаноров в основном печатном органе партии – газете «Голос Москвы» – писал об «ужасном состоянии» Русской церкви, виной чему были «синодальные порядки»<sup>1</sup>. Никаноров отмечал, что основной причиной нестроений было вмешательство светской власти в церковные дела, которое происходило по вине епископата, и призывал рядовое духовенство к протесту<sup>2</sup>. Лидер октябристов А.И. Гучков с думской трибуны под аплодисменты всего зала заклеил «страшное попустительство высшего церковного управления» в отношении Г. Распутина и риторически спросил аудиторию о Святейшем Синоде: «Где его "Святейшество", если он по нерадению или по малодушию не блюдет чистоты веры в церкви Божией и попускает развратному хлысту творить дела тьмы под личиною света?»<sup>3</sup> «Голос Москвы» писал, что Синод формируется из «распутинской партии»<sup>4</sup>. Газета, в частности, выступала в поддержку Илиодора (Труфанова) в его борьбе против «церковных бюрократов»<sup>5</sup>. В том же духе газета развивала и кампанию в защиту монахов-имяславцев<sup>6</sup>. Октябристы подготовили законопроект о приходской реформе, который был внесен в Государственную думу и предполагал передачу собственности приходам и выборность духовенства. Обер-прокурор В.К. Саблер расценил проект как протестантский<sup>7</sup>.

Февральская революция спровоцировала наиболее радикальный из всех обсуждавшихся вариантов – «церковную революцию». В статье «Трагизм церкви» профессор, директор Демидовского юридического лицея и сын священника В.Г. Щеглов писал: «Падение старого строя нигде не отзовется так катастрофически, как в православной церкви. Здесь менее, чем где-

<sup>1</sup> Никаноров И. На краю пропасти // Голос Москвы. 1910. 10 августа.

<sup>2</sup> Он же. Постыдный приказ // Голос Москвы. 1916. 16 июня.

<sup>3</sup> Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. СПб., 1911-1912. Ч. II. Стб. 1013-1016.

<sup>4</sup> Голос Москвы. 1913. 26 июня.

<sup>5</sup> Гофштеттер И. Илиодор и свобода Церкви // Голос Москвы. 1911. 6 апреля.

<sup>6</sup> Правда об афонских событиях // Голос Москвы. 1914. 26 января.

<sup>7</sup> Новое время. 1913. 6 июня.

либо, понимали, куда идет жизнь, слепо держались мысли в незыблемость самодержавия и связывали с ним вековечное дело Христово»<sup>1</sup>. Епископат повсеместно устранялся от управления епархиями; по подсчетам историка, в первой половине года, в основном по желанию церковных «низов», было смещено 17 епархиальных архиереев<sup>2</sup>. На IX съезде кадетской партии 26 июля 1917 г. кн. Трубецкой приветствовал происходившие события: «Все церковное управление попадает в руки таких учреждений, в которых миряне составляют большинство. Эта демократизация церкви неразрывно связана с демократизацией государства»<sup>3</sup>.

Совет Религиозно-философского общества на своем заседании 11-12 марта 1917 г. обсудил вопрос об отношении революционного Временного правительства к Русской церкви и постановил донести до верховной власти о необходимости во имя «реальной свободы религиозной совести» отделения церкви от государства. Особо отмечалось, что этот принцип «в чистом виде» возможен только при республике. Вместе с тем Совет требовал от правительства не только «упразднить созданную Духовным регламентом Петра I коллегиально-бюрократическую форму управления церковью», но и «устранить от ответственных постов всех иерархов, составлявших оплот самодержавия». Указывалось, что новый революционный обер-прокурор В.Н. Львов обнаружил де «недостаточно ясное проведение начала отделения церкви от государства». В частности, отмечалось: «Принятие Синодом акта отречения царя от престола в обычной канцелярской форме "к сведению и исполнению", совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности акту, посредством которого церковь признала царя помазанником Божиим. Необходим для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского

---

<sup>1</sup> Речь. 1917. 11 марта.

<sup>2</sup> Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 74-94.

<sup>3</sup> Речь. 1917. 27 июля // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 705.

миропомазания, по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинств брака и священства»<sup>1</sup>.

Эта идеологическая направленность была характерна для большинства членов Временного правительства. 11 марта правительство обсуждало вопрос о собственной присяге. В первоначальном своем варианте она заканчивалась инвокационными словами: «В удостоверении сей моей клятвы целую крест и слова Спасителя моего. Аминь». Юридическое совещание, возглавляемое одним из лидеров кадетской партии Ф.Ф. Кокошкиным, сочло эти слова лишними на том основании, что они могут ущемлять свободу совести министров. Следует отметить, что все министры формально были христианами (большинство – православными, А.И. Гучков – единоверцем, А.И. Коновалов – старообрядцем), и никаких перемен в правительстве вплоть до Учредительного собрания в то время не предполагалось. Данные слова, тем не менее, были вычеркнуты и заменены общей «внеконфессиональной» фразой: «В исполнение сей моей клятвы да поможет мне Бог»<sup>2</sup>. В такой формулировке она и вошла в окончательный вариант.

Поправка не носила случайного характера: Кокошкин проявлял особый интерес к подобным вопросам. По словам его партийного товарища М.М. Винавера, он отказывался от постов министра народного просвещения или юстиции, но не прочь был заняться реорганизацией церковного устройства. «Единственный пост, который я бы занял с некоторым интересом, это пост обер-прокурора Св. Синода. Тут я мог бы кое-что сделать; у меня есть на этот счет свои идеи», – говорил он Винаверу. Тот вспоминал: «Когда духовенство, узнав из печати, засопровтивлялось и обвинило его в недостаточной религиозности, он это отверг с улыбкой»<sup>3</sup>. Что именно планировал Кокошкин, осталось тайной, однако именно в это время он работал над проектом Положения о выборах в Учредительное собрание, впервые в мировой истории предусматривавшим полное проведение «демократического принципа» и уравнивание всех граждан в их правах.

<sup>1</sup> Речь. 1917. 16 марта.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 6. Л. 40-40а; Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

<sup>3</sup> Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926. С. 157-158.

Новый обер-прокурор В.Н. Львов (ранее – председатель церковной комиссии Государственной думы) на первом заседании Синода после победы революции 4 марта начал свою работу с предложения вынести императорский трон из зала заседания «как эмблему цезаро-папизма» и тем символически положить конец господству светской власти над церковью<sup>1</sup>. Принцип ее отделения от государства действительно начал осуществляться. 20 марта были отменены все вероисповедные ограничения. 25 марта, в праздник Благовещения, правительство отменило и все ограничения в отношении лиц, лишенных сана. 20 июня состоялось отделение начальной школы от церкви.

Однако, несмотря на заявления нового обер-прокурора об освобождении церкви, себя Львов считал «облеченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах», о чем и заявил Синоду 7 марта<sup>2</sup>. Уже через два дня он по собственному усмотрению отправил на покой петроградского митрополита Питирима и предложил уйти московскому митрополиту Макарию, мотивировав такой шаг прежней близостью владыки к Распутину. Синод попытался отстоять митрополита, но 20 марта он был уволен на покой по старости. Львов единолично назначил в состав Синода епископов Андрея (Ухтомского) и Владимира (Путяту). Затем обер-прокурор потребовал от Синода подготовить новый закон о церковном управлении и требовал внести в него принцип выборности иерархии и отмены «кастовости» в церкви. 13 марта Синод постановил составить записку Временному правительству с протестом против действий обер-прокурора. В ответ тот отстранил Синод от управления хозяйственной частью, пригрозил распустить весь его состав, а затем единолично занялся подготовкой означенного закона<sup>3</sup>.

14 апреля по распоряжению правительства Синод был распущен. Старый состав заявил протест, но вынужден был подчиниться воле новой власти. В состав обновленного Синода, который был определен обер-прокурором незаконно, без

<sup>1</sup> Новое время. 1917. 5 марта.

<sup>2</sup> Фруменкова Т.Г. К биографии Владимира Николаевича Львова // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 94.

<sup>3</sup> Новое время. 1917. 15 марта; Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство... С. 77-78.



согласования с представителями церкви, вошли финляндский архиепископ Сергей (Страгородский), экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), ярославский архиепископ Агафангел (Преображенский), уфимский епископ Андрей (Ухтомский), самарский епископ Михаил (Богданов), 1 протопресвитер и 3 протоиерея. 26 апреля состоялось первое заседание Синода в новом составе. Львов объяснил ему принципы своей политики: «Обер-прокурорская власть всеми силами стремится к полной свободе церкви <...> но в настоящий момент переустройства всей церковной жизни на новых началах свободного самоопределения <...> он [обер-прокурор – Ф.Г.] <...> не может не вмешиваться в жизнь церкви, т.е. не проявлять здесь даже, пожалуй, некоторого самовластия. <...> Епископат в церкви православной потерял почти всякий кредит, а между тем он не хочет вовсе отказываться от мысли, что свобода церковной жизни должна выражаться в полном самовластии только именно одного епископата». Львов обещал передать всю полноту церковной власти лишь Поместному собору, воспринимая его как некое представительство церковных «низов»<sup>1</sup>.

На том же заседании Львов активно поддержал направленное в Синод ходатайство «Московского исполнительного комитета объединенного духовенства» о созыве 1 июня Всероссийского съезда духовенства и мирян без участия епископата и монашествующих. Обер-прокурор полагал, что «современный епископат потерял всякое доверие, всякий авторитет» и появление на съезде «архиереев-распутинцев» вызовет лишь «всеобщий соблазн, грандиозный скандал». 30 мая Львов представил Синоду собственный проект его устройства, в соответствии с которым туда должны были входить 4 епископа, 4 пресвитера и 4 мирянина. Обер-прокурор предложил избрать их на предстоящем 1 июня съезде, а подобную спешку объяснил тем, что «современный состав Синода никакого авторитета не имеет, и если держится, то только личным авторитетом обер-прокурора». Лишь единодушный протест заставил Львова отказаться от подобного проекта. Однако на первом заседании Предсоборного совета 13 июня Львов также предлагал проводить заседания поместного собора по двум

<sup>1</sup> Любимов Н., протопресв. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917-1918). Сборник. Материалы по истории Церкви. Кн. 8. М., 1995. С. 16-17.

отдельным куриям – епископата (1/3 от состава собора) и клира и мирян (2/3 состава)<sup>1</sup>.

После июльского кризиса новым обер-прокурором, а потом (с 5 августа) и министром исповеданий стал вошедший в кадетскую партию А.В. Карташев. 5 июля Синод вынес постановление о скорейшем созыве поместного собора и наметил его срок – 15 августа. Через три дня Временное правительство определило сроки созыва Всероссийского учредительного собрания – 30 сентября. Поместный собор в глазах власти должен был стать церковным подобием Учредительного собрания и пересмотреть принципы внутрицерковного устройства.

Таким образом, в 1917 г. началась реализация сразу всех тех основных либеральных проектов церковных преобразований, которые первоначально мыслились как альтернативные. Новое революционное правительство активно поощряло скоротечный процесс внутренней демократизации церковного управления, одновременно стартовал процесс отделения церкви от государства. Приступил к воплощению своего собственного плана «поднятия сил учащей церкви» и принявший сан Булгаков. Как показало будущее, ни одному из этих проектов в целом сбыться было не суждено.

***В.К. Кантор<sup>2</sup>***

## **ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА РУССКОГО ЗАПАДНИЧЕСТВА (К.Д. КАВЕЛИН И А.И. ГЕРЦЕН)**

Становление русской философской мысли происходило на перекрестье нескольких влияний. Прежде всего, разумеется, это были внутренние проблемы культуры, которые требовали осмысления. Но для осмысления необходим, так сказать, некий орган, обладающий способностью впитывать и продумывать

<sup>1</sup> Там же. С. 21, 89-93, 119-120.

<sup>2</sup> *Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ-ВШЭ), заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога НИУ-ВШЭ, член Союза российских писателей, член Общественного совета Фонда Достоевского.*

внешний опыт. Чаадаев в тоске спрашивал «Где наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думал за нас, кто думает в настоящее время?»<sup>1</sup>. В славянофильском дискурсе существует миф о хоровом мышлении. Однако никогда и нигде в истории мысли нельзя назвать артикулированные хоровые идеи (либо это не мысль, а идеология). Однако западники увидели у Чаадаева иное - проблему возможности (или невозможности) личности в России, что и стало их главной темой. По словам современного исследователя, «самой важной в чаадаевском наследии оказалась для западников поставленная, но до конца не разрешенная проблема личности и общества» (Щукин, 38). В первой трети XIX века оппозиционно настроенные дворяне, вытолкнутые после декабрьского восстания из политической жизни, оказались способны, обладая свободным временем, на попытку самостоятельного мышления. Герцен писал: «Умственная работа <...> совершалась не на вершине государства, не у его основания, но между ними, т.е., главным образом, среди мелкого и среднего дворянства» (Герцен, VII, 212). А поскольку традиционно уже связь с Западом установилась, то и учиться мыслить поехали туда, прежде всего, разумеется, в Германию, страну «университетской науки», по определению К.Д. Кавелина. Поехали, выписывали книги, читали, философствовали, пытаясь, если сказать словами Чаадаева, понять место России «в общем порядке мира». Как писал Д.И. Чижевский о «сороковых годах»: «Философские интересы распространяются с упорством и быстротой психической заразы»<sup>2</sup>. А властителем умов был в европейском мире Гегель, который при этом довольно жестко сказал о славянах: «Вся эта масса исключается из нашего общего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире»<sup>3</sup>. Это и стало проблемой русской мысли – открыть, понять, каким образом можно показать Россию как самостоятельный момент в ряду проявления разума в развитии человечества. В эти же годы прозвучала как вызов и книга знаменитого Астольфа де Кюстина, где были и такие строки:

<sup>1</sup> Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 513.

<sup>2</sup> Чижевский Д.И. Гегель в России // Русские философы. Антология. М., 1996. С. 278.

<sup>3</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Изд. 2-е. СПб., 2005. С. 368.

«В России нет <...> независимых характеров»<sup>1</sup>. Независимые характеры – это, естественно те самые личности, которых, по словам Чаадаева, так не хватало России. К этому надо добавить, что де Кюстин в полном согласии с Гегелем называл Россию страной деспотической, где вроде бы свободен лишь один человек - царь, но «одно из главных бедствий, от которых страждет Россия, отсутствие свободы, отражается даже на лице ее повелителя: у него есть несколько масок, но нет лица»<sup>2</sup>.

Все прямо по Гегелю: восточный деспот тоже не свободен, а потому и не личность. Русские западники первыми приняли этот высокомерный вызов Западной Европы. Их задача была – показать появление в России независимых личностей, показать, что Россия, пусть позже, но тоже идет этим европейским путем. Одним из первых эту проблему поднял и принял русский историк, юрист и философ К.Д. Кавелин, взглянувший на развитие русской истории и культуры через проблему *личности*, ибо, по его мнению, «для народов, призванных к всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без **начала личности**<sup>3</sup> невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться под гнетом внешних, природных определений, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говорим, что народ действует, мыслит, чувствует, мы выражаемся отвлеченно; собственно чувствуют, **мыслят единицы, лица**, его составляющие. Таким образом, **личность**, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа» (НУС, 22). Мимоходом замечу, что термин «**лицо**» как культурфилософское понятие введен в русскую мысль скорее всего Кавелиным, затем он используется Герценом, Чернышевским, Струве и т.д. Он имеет коннотацию, конечно, и с христианским «**лицом**», но, конечно, более всего с европейской личностью, воспринятой через немецкую **Persönlichkeit**. Русский историк рубежа XIX—XX веков Н. Павлов-Сильванский с упреком писал: «Кавелин признавал, что в основе органического развития, русского и германского, лежат различные противоположные

<sup>1</sup> Кюстин А. де. Россия в 1839 г. В 2-х тт. Т. 1. М., 1996. С. 220.

<sup>2</sup> Там же. С. 178.

<sup>3</sup> В статье везде в цитатах выделяются шрифтом понятия «личность», «лицо», «индивидуальность».

начала. Германские племена "рано развили начало личности" и дальнейшее развитие этого начала было основой их истории. У русско-славянских племен «начало личности не существовало»; у них в основе развития было начало родственных связей, род и семья... Такое признание резкой противоположности между историей русской и западной, признание совершенно различных начал развития той и другой, делало очень шаткой позицию Кавелина в его политической борьбе с Погодиным и славянофилами на этой исторической почве»<sup>1</sup>.

Однако и славянофилы, и западники пытались одолеть не друг друга, а на самом деле их противник находился в Германии, авторитет его был велик, ибо казалось на тот момент, что его устами говорит сама западноевропейская культура. Отсюда попытки славянофилов найти противников Гегеля в самой Германии – Шеллинга, Баадера и т.д. Для Гегеля свободный человек как некая философская идея – цель и смысл развития истории. Причем Европа, пронизанная германским элементом, эту идею усвоила через христианство: «Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек как таковой свободен, что свобода духа составляет самое основное свойство его природы; это сознание сперва появилось в религии, в сокровеннейшей сфере духа, но проведение этого принципа в мирских делах являлось дальнейшей задачей, разрешение и выполнение которой потребовали тяжелой продолжительной культурной работы»<sup>2</sup>. Славянофилы предложили иное понимание христианской идеи, опасаясь, что в гегелевском контексте русский народ может оказаться нехристианским.

Кавелин искал путь России не к «самодостаточной» (в отличие от славянофилов), а к «общечеловеческой жизни». Следом за Гегелем он принял его меру и точку отсчета, способную дать единство мировому прогрессу, на которую этот прогресс может опереться, — **личность**. На Западе, писал он, «человек давно живет и много жил, хотя и под односторонними историческими формами, у нас он вовсе не жил, и только начал жить с XVIII века.

<sup>1</sup> Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 7, 8.

<sup>2</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. С. 71.

Итак, вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один» (НУС, 66).

Семантика, предложенного Кавелиным термина, имела несколько вариаций. Во-первых, очень часто в текстах русских мыслителей (не только Кавелина) «личность» имела коннотацию с «лицом», «индивидуальностью», одно слово вполне могло замещать другое. Во-вторых, поразительным образом гегелевское понятие «свободный человек» часто подменялось рассуждением о «свободе народа», что личность должна повести к свободе народ (это уже у Герцена), подменяя тем самым длительный эволюционный процесс, о котором писал Гегель («проникновение принципа свободы в мирские отношения является длительным процессом, который составляет самую историю»<sup>1</sup>), революционным. Артикулированное русскими мыслителями понятие личности стало странным образом (словно вызванное из небытия заклинаниями) реальностью общественной жизни. Личность стала фактом общественно-интеллектуального процесса в России. Здесь крылся путь к «коперниканскому перевороту» Достоевского (Бахтин), который именно личность, родившуюся в философских спорах 40-х годов XIX века, сделал центром своих великих романов. Идея личностного принципа была подхвачена значительной частью последующей русской мысли (достаточно напомнить Белинского, Чернышевского<sup>2</sup>, писавшего, что мы «выше **человеческой личности** не принимаем на земном шаре ничего», – Чернышевский, V, 597; Михайловского с его «субъективной социологией», идеей «героев и толпы», утверждавшего, что в борьбе можно опереться только на личность; «теорию личности» П. Лаврова; идеи самосовершенствования человека в литературе девятнадцатого века и т.д.). Отсюда путь и к герценовской идее о

<sup>1</sup> Там же. С. 72.

<sup>2</sup> А в диссертации высшей точкой у него выступает жизнь и представление о красоте «образованных людей», которые уже различают «лицо», личность: «Всякий истинно образованный человек чувствует, что истинная жизнь - жизнь ума и сердца. Она отпечатывается в выражении **лица**, всего яснее в глазах - потому **выражение лица**, о котором так мало говорится в народных песнях, получает огромное значение в понятиях о красоте, господствующих между образованными людьми; и часто бывает, что человек нам кажется прекрасен только потому, что у него прекрасные, выразительные глаза» (Чернышевский, II, 11). Напомню здесь евангельские слова, которые дают существенный контекст к высказыванию Чернышевского: «Светильник тела есть око» (Лук. 11, 34).

«свободе лица», как факторе переустройства русской общинной культуры, и к персонализму Бердяева, и к идеям «новоградцев» (Степуна и Федотова). Первым, кто оценил кавелинский философский ход, был Герцен, поддержавший своего университетского сотоварища<sup>1</sup> в полемике со славянофилами.

Подлинную славу и влияние Кавелина на русскую общественную мысль надо отсчитывать с 1847 года, когда в журнале «Современник» публикуется его статья «Взгляд на юридический быт древней России», ставшая программным документом русского западничества. Статья эта была составлена из его лекций по просьбе Белинского, считавшего выраженный в этих лекциях взгляд «гениальным», а появившуюся вскоре статью «эпоха в истории русской истории, с нее начнется философическое изучение нашей истории»<sup>2</sup>. На статью обрушились славянофилы. Ведь если следовать славянофильской доктрине, то личности и не должно было быть в России. Юрий Самарин в полемике с Кавелиным писал: «Общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей <...>. Общинный быт в существе его <...> основан **не на личности** и не может быть на ней основан, но он полагает высший акт личной свободы и сознания – самоотречение»<sup>3</sup>. Речь идет о самоотречении в пользу князя, ибо, по мысли Самарина, общинный быт славян основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полномочия. В защиту Кавелина выступил Герцен, но уже из-за рубежа, ибо мог там свободно договориться то, что нельзя было сказать в русской подцензурной печати. В своем трактате «О развитии революционных идей в России» Герцен отвечал на это рассуждение Самарина следующим образом: «Говоря о князе, автор лишь пространно пересказал общеизвестное определение, которое Гегель дал рабству в “Феноменологии” (“Herr und Knecht”). Но он умышленно позабыл, как Гегель расстаётся с этой низшей ступенью человеческого сознания. <...> На замечание, что все мы

<sup>1</sup> «Лермонтов, Белинский, Тургенев, Кавелин – все это наши товарищи, студенты Московского университета» (Герцен, XV, 20)

<sup>2</sup> Белинский В.Г. Собр. соч. В 9-ти тт. Т. 9. Письма 1829-1848 годов. М., 1982. С. 588.

<sup>3</sup> Самарин Ю.Ф. О мнениях “Современника”, исторических и литературных // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 431-432.

рабы, что **личное право** не развито в России, отвечают: “Мы спасли это право, увенчав им князя”. Это издевка, возбуждающая презрение к человеческому слову» (Герцен, VII, 245-246). Позицию самого Кавелина Герцен формулировал следующим образом: в России «неопределенное положение **личности** вело, согласно автору, к такой же неясности в других областях политической жизни. Государство пользовалось этим отсутствием определения **личного права**, чтобы нарушать вольности; таким образом, русская история была историей развития самодержавия и власти, как история Запада является историей развития свободы и прав» (Герцен, VII, 244).

Более трезво и спокойно спустя годы подошел к этому курсу бывший ученик Кавелина знаменитый историк и философ Б.Н. Чичерин: «В основание своего курса Кавелин полагал изучение источников, не внося в них никакой предвзятой мысли. Он брал факты, как они представлялись его живому и впечатлительному уму, и излагал их в непрерывной последовательности, с свойственной ему ясностью и мастерством, не ограничиваясь общими очерками, а постоянно следя за памятниками, указывая на них и уча студентов ими пользоваться. Перед нами разворачивалась стройная картина всего развития русской общественной жизни: вначале родовой быт, на который прямо указывает летописец и который проявляется и в обычаях, и в родовой мести, и в отношениях князей; затем разложение этого начала дружинным, **выступление личности**, постепенное развитие государства и, наконец, завершение всего этого исторического процесса деятельностью Петра Великого, который, воспользовавшись государственным материалом, подготовленным московскими царями, вдвинул Россию в среду европейских держав, тем самым исполняя великое ее историческое назначение. Как далек был этот здравый, трезвый и последовательный взгляд на русскую историю от всех бредней славянофилов, которые, страстно изучая русскую старину, ничего не видели в ней, кроме собственных своих фантазий»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Часть II. М., 1991. С. 33.



Итак, обозначим важные для Кавелина коннотации, связанные с личностью. Заметим только, что в каком-то смысле Кавелин выразил основную тенденцию умеренного западничества. Как писал о русских западниках Анджей Валицкий: «Общим историческим опытом, глубоко пережитым и определяющим мировоззрение, был для русских мыслителей прежде всего болезненный и радостный процесс формирования личности, ее освобождения»<sup>1</sup>. Именно этот процесс от реалистического принятия этого начала (у Кавелина) до утопической веры во внеисторическую силу личности (у Герцена), которая приводила к отрицанию условий, способствующих формированию личностного начала, мы и постараемся здесь рассмотреть.

1. Первой в концепции Кавелина можно назвать тему соотношения личности и истории: «У нас не было **начала личности**: древняя русская жизнь его создала; с XVIII века оно стало действовать и развиваться» (НУС, 66). XVIII век — это период петровских реформ, укрепления государственного могущества и выход России на сцену европейской истории. Случайно ли это совпадение: укрепление государства и становление личности? Того самого государства, которое чуть не раздавило — каждого по-своему — Чаадаева и Гоголя, которому так отчаянно сопротивлялся Лермонтов и позитивный смысл деяний которого (помимо негативного) пытался понять Пушкин, говоря, что государство — единственный европеец в России и связывая появление новой литературы с реформами Петра. Это была одна из центральных проблем русской духовной жизни, весьма важная для самоопределения русской литературы. Нужна была историософская концепция, которая увязала бы распадавшиеся противоречивые факты взаимоотношений личности и государства. Одной из самых влиятельных попыток такого рода стало творчество Константина Дмитриевича Кавелина.

2. В русскую историю личность вводит государство. По Кавелину, распадение родового быта, укрепление быта семейного, последующий его кризис привели к возникновению могучего государства в России. А «появление государства было вместе и

---

<sup>1</sup> Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Вып. 2. М., 1992. С. 189.

освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия **личности**» (НУС, 48). Петра I он считал первой свободной личностью в России: через три года, в 1850 году, сославшись на Кавелина, Герцен назвал Петра «первой русской **личностью**, дерзнувшей поставить себя в независимое положение» (Герцен, VII, 169). Кавелин связывал развитие личности с самодержавным государством, которое приобрело в Петровской империи новый характер, поощряя развитие индивидуальных усилий у своих подданных. «С Петром Великим начало **личной свободы** было поставлено в России, как программа, как требование, которое должно было осуществиться в действительности» (НУС, 164), - писал он чуть позднее в 1863 г.

3. Личность, по Кавелину, противостоит стихийности доцивилизационного периода, которая в России остается сильнее начала личности: «Во всех слоях нашего общества стихийные элементы подавляют **индивидуальное** развитие» (НУС, 314), писал он в статье «Наш умственный строй».

Однако русский западник опасается вторжения новой стихийности, или, иными словами, варварства в ту еще непрочную цивилизацию, что устоялась в России, а стало быть и уничтожение еще непрочного утвердившегося личностного начала. В «Задачах психологии» он писал: «Живое чувство истины и лжи, правды и неправды, добра и зла меркнет в сердцах и совести людей, не находя себе пищи в господствующих воззрениях. <...> **Личностям** предстоит обратиться в безличные человеческие единицы, лишенные в своем нравственном существовании всякой точки опоры и потому легко заменимые одни другими. <...> Мы уже больше не боимся вторжения диких орд; но варварство подкрадывается к нам в нашем нравственном растлении, за которым по пятам идет умственная немощь. Люди обратились бы в злейших из хищных зверей, если бы современные взгляды, как думают многие, действительно выражали собою последнее слово науки» (Кавелин, 3, 385-386). Тема «вертикального, внутреннего вторжения варварства» безусловно предвещает размышления европейских мыслителей от Бердяева и Степуна до Ортеги-и-Гассета по поводу победы большевизма и фашизма. В словах Кавелина и предчувствие превращения людей в «винтики», в «безличные человеческие единицы», как в романах Замятина и

Оруэлла, но и указан виновник – «современные взгляды», т.е. взгляды русских радикалов.

4. Личность есть для Кавелина залог, как цивилизационного, так и экономического движения: «Все знают, какое огромное развитие промышленности и духа предприимчивости дает начало **личной** собственности. Оно создало те чудеса индустрии, которыми так справедливо гордится Европа и Северо-Американские Штаты. Оно – живая сила, поддерживающая современные образованные общества в вечном движении, толкающая их беспрестанно вперед на пути всяких преуспеваний» (Кавелин, 2, 177, «Взгляд на русскую сельскую общину»). Вообще-то, здесь была одна из существеннейших проблем русской мысли. Становление личности вводит культуру в исторический процесс, превращая народ из природно-этнографического материала в субъект истории. Каждая культура проходит природно-языческую стадию общинного хозяйствования, где имущество принадлежит роду-племени, а потому не возникает даже вопроса о личном отношении к миру. Нет вопроса и о личном наследовании, личном восприятии жизни. Только с появлением частной собственности, когда из общинно-коллективистского безличного сообщества выделяется индивид, начинается цивилизационный этап культуры.

В начале 1900-х гг. В.О. Ключевский писал: «В отличие от государственного порядка, основанного на власти и повиновении, экономическая жизнь есть область личной свободы и личной инициативы, как выражения свободной воли. Но эти силы, одушевляющие и направляющие экономическую деятельность, составляют душу и деятельность духовную. Да и энергия личного материального интереса возбуждается не самим этим интересом, а стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю, умственную и нравственную, а эти последние на высшей ступени своего развития выражаются в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую»<sup>1</sup>. Иными словами, личность не есть то, что задано природно, а то, что вырабатывается в историческом движении человеческой цивилизации.

---

<sup>1</sup> Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 81-82.

Процесс становления личности есть процесс по сути своей революционный и болезненный, а потому тяжкий для большинства населения, продолжающего жить во внеличном мире. Утверждается личность через вполне реальные социокультурные механизмы и через людей, которые являются нарушителями традиционной морали и нравственности.

5. Появление личности подтверждает ту интеллектуальную позицию, что русские относятся к европейским народам. В 1863 г., «на чтениях в профессорском клубе» в Бонне об освобождении крестьян, Кавелин в своем «Кратком взгляде на русскую историю» четко формулировал: «Если мы - европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление **индивидуальности** высвободиться из-под давящего ее гнета; **индивидуальность** есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немыслим человеческий быт» (НУС, 162).

6. Быть может, самое главное в общественно-культурном звучании кавелинской концепции – это установка на самостоятельность российского развития, которую может дать только независимая личность. В обществе шло заимствование западных идей и теорий без учета российского коэффициента преломления. Между тем, как считал Кавелин, по-прежнему не обращается внимание на кардинальнейшее условие внутреннего самостоятельного развития – личность, которая способна отвечать на запросы русской жизни. Даже в теоретических изысканиях проблеме личности отводилось одно из последних мест. «Нам не следует, — писал Кавелин в статье «Наш умственный строй», — как делали до сих пор, брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создать у себя такое же отношение к знанию, к науке, какое существует там. В Европе наука служила и служит подготовкой и спутницей творческой деятельности человека в окружающей среде и над самим собой. Ту же роль должны мысль, наука играть и у нас. <...> Такой путь будет европейским, и только когда мы на него ступим, зародится и у нас европейская наука. <...> Очень вероятно, что выводы эти будут иные, чем те, до каких додумалась Европа. <...> Предвидеть у нас другие выводы можно потому, что условия жизни и развития в Европе и у нас совсем иные. Там до совершенства выработана теория общего, отвлеченного, потому что оно было слабо и требовало поддержки,

наше больное место – пассивность, **стертость нравственной личности**. Поэтому нам предстоит выработать **теорию личного, индивидуального, личной самостоятельности и воли»** (НУС, 317-318). Эта установка вполне подтверждает соображение исследователя, что в сознании «западника эмансипация личности связывается с реалистическим отношением к миру» (Щукин, 38).

7. Установка на действительность, на реализм предполагала для западников типа Кавелина стремление к эволюционному развитию страны, которое исходит из исторической данности, стараясь посредством образования, просвещения создать в стране независимую личность, свободную личность, в этом они опирались на исторические примеры наделения свобод разных сословий – дворянства, купечества, крестьянства. Задача лишь в том, чтобы постепенно начало личности пронизало все общество. Поскольку начало личности вводит в Россию пока что государство, поскольку государство с самого зарождение Руси было ее двигателем, революция представлялась ему бессмысленной, не решающей никаких проблем: «Выгнать династию, перерезать царствующий дом – это очень не трудно, и часто зависит от глупейшего случая; снести головы дворянам, натравивши на них крестьян, – это вовсе не так невозможно, как кажется... Только что будет за тем? То, что есть, не создаст нового, по той простой причине, что будь оно новым, – старое не могло бы существовать двух дней. И так выплывает меньшинство, – я еще не знаю какое, – а потом все скристаллизуется по-старому...»<sup>1</sup>.

8. Опасение революции на самом деле объясняется его неуверенностью, что личность – уже свершившийся факт русской общественности и культуры. Скорее пессимистичными можем мы назвать завершающие соображения русского мыслителя: «Чрезмерным развитием **личной энергии**, железною стойкостью **лица**, его необузданным стремлением к свободе, его щепетильным и ревнивым охранением своих прав мы, кажется, никогда не имели повода хвалиться. **Юридическая личность** у нас, можно сказать, едва народилась и продолжает и теперь поражать своею пассивностью, отсутствием почина и грубейшим, полудиким реализмом. <...> Не говорю о **нравственной личности** в высшем

<sup>1</sup> Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 56.

значении слова: она везде и всегда была и есть плод развитой интеллектуальной жизни и всюду составляет исключение из общего правила. Нет, я беру **личность** в самом простом, обиходном смысле, как ясное сознание своего общественного положения и призвания, своих внешних прав и внешних обязанностей, как разумное поставление ближайших практических целей и такое же разумное и настойчивое их преследование. И что же? Даже в этом простейшем смысле **личность** составляет у нас почтенное и, к сожалению, редкое; изъятие из общего уровня крайней распушенности во все стороны. <...> Оттого, в ходе общественных и частных наших дел, нет ни обдуманной системы, ни даже последовательности, нет преемственности от поколения к поколению, и потому нет капитализации труда, знания и культурных привычек. Сменились люди, и дело пропадает; все идет совсем иначе, до тех пор, пока случай не натолкнет опять на то лее дело другого человека, который выкопает его из-под спуда, стряхнет с него архивную пыль и опять пустит в ход, чтоб после него оно снова было брошено и забыто» (НУС, 314).

Надо сказать, что, быть может, такое отношение к проблеме личности в России скорее стоит назвать не пессимистическим, а реалистическим. Выступая в защиту «Нови» (большую восторженную статью о романе написала дочь Кавелина – С. Брюллова), используя его образы в своих статьях, более того, в опубликованной за рубежом брошюре «Разговор с социалистом-революционером» (1880), заявив, что выступает он не против революционеров, благородных по своим устремлениям, а **против революции** (то есть солидаризуясь полностью с позицией Тургенева в этом романе), Кавелин не мог не увидеть, так сказать, **нелиберальные структуры сознания**, характерные не только для героев Достоевского, но и для всех **действующих** героев «Нови» Тургенева. «**Безымянная Русь!**» - так устами Паклина определяет писатель будущих делателей русской истории, заключая роман. Иными словами, Тургенев предчувствовал период, когда идея личности на долгое время вновь уйдет на периферию исторического процесса в России. Самодержавный запрет на свободу личности поневоле отзеркаливал в деятельности революционных кружков и партий.

Но любопытным образом вначале эти революционные русские идеи структурировались **через идею личности**, причем высказывал их один из самых ярких русских деятельных мыслителей – А.И. Герцен. Быть может, его обращение к проблеме личности стоит начать с чувства детской ущемленности, когда общий любимец и баловень Шушка «романтически противопоставил свое самоценное "я" несправедливому устройству общества» (Щукин, 47), осознав себя незаконным сыном богатейшего русского барина Яковлева, который, хотя и оставил ему миллионное состояние, фамилию свою не дал. Тема характерная, звучавшая в «Войне и мире» («бастард» Пьер Безухов), но также в уже упомянутой тургеневской «Нови», где главному герою Нежданову подарено биографическое сходство (незаконное дитя любви) с Герценом, как в «Дыме» в образе демагога Губарева был с очевидностью выведен Огарев. В отличие от Губарева Нежданов симпатичен, но он бессилен что-либо сделать в России. А главное – бессильно его «я» против структур народного сознания.

Что же было у его прототипа? Если говорить о семантике **герценовского понятия личность**, то надо указать на связанный с ним активизм. Точнее сказать, стоит отметить веру в невероятные возможности личности, что уже в самой основе содержало утопическую интенцию, разрушавшую западнический реализм в подходе к действительности. А. Валицкий говорил о двух утопических системах русской мысли – славянофильстве и западничестве. Однако, как показывает опыт Герцена, утопическое начало вело западника Герцена к славянофильству в революционном изводе а la Михаил Бакунин.

В столкновении славянофилов и западников Герцен занял поначалу вполне определенную позицию. Западничество выступало за личность, и Герцен выступил как ведущий боец этой идеи, утверждая право личности на отношение со всем миром, на то, чтоб не замыкаться в узкий мир семейных отношений, где мечтали спастись от суровости самодержавия славянофилы, за открытый выход личности на простор общественной борьбы («По поводу одной драмы»). Все его статьи и художественные произведения разбирали именно эту проблему. «Что составляет задушевную мысль Искандера, – спрашивал Белинский, – которая

служит ему источником его вдохновения, возвышает его иногда, в верном изображении явлений общественной жизни, почти до художественности? – Мысль о достоинстве человеческом, которое унижается предрассудками, невежеством и унижается то несправедливостью человека к своему ближнему, то собственным добровольным искажением самого себя <...> Искандер – по преимуществу поэт *гуманности*»<sup>1</sup>.

Что же это значило в культурно-общественной жизни? Интересно, что русское образованное общество, увидев в концепции Кавелина вполне реалистический взгляд на вещи, хотя и пессимистический, выступление Герцена резко и определенно оценило как утопическое.

1. Для начала оценим веру Герцена в силу личности, причем в стране, где самое ее существование – плод недавний, едва ли не завозной. Что может сделать личность в условиях полного подавления деспотией? Герцен полагал, что при определенных обстоятельствах весьма много. Вопрос ставился им кардинально. От личности, от отдельных людей зависели, по его мнению, судьбы цивилизации, судьбы мира. Герцен выдвигает свой вариант выхода из исторического тупика: «Не нужно ли было бы постараться всеми средствами призвать русский народ к сознанию его губительного положения, – пусть даже в виде опыта, — чтобы убедиться в невозможности этого? И кто же иной должен был это сделать, как не те, кто представляли собою разум страны, мозг народа, – те, с чьей помощью он старался понять свое собственное положение? Велико их число или мало – это ничего не меняет. Петр I был один, декабристы — горстка людей. Влияние **отдельных личностей** не так ничтожно, как склонны думать; **личность — живая сила**, могучий бродильный фермент, – даже смерть не всегда прекращает его действие. Разве не видели мы неоднократно, как слово, сказанное кстати, заставляло опускаться чашу народных весов, как оно вызывало или прекращало революции?» (Герцен, VII, 243-244).

2. Он резко отделяет понятие личности от современного ему буржуазного западного мира, упрекая славянофилов, что они не поняли величия, аристократизма и социалистического пафоса этой

<sup>1</sup> Белинский В.Г. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 8. М., 1982. С. 375.



идеи<sup>1</sup>. В отличие от многих западников, думавших усвоить России модель западноевропейской жизни, Герцен полагал необходимым просветить самобытные формы русской культуры идеями, выработанными в Европе, внести в Россию «идею **свободной личности**», которую, по словам Герцена, славянофилы смешивали «с идеей узкого эгоизма» (*Герцен*, VII, 241). За самобытные формы русской жизни, прежде всего за общину, выступали и славянофилы, но их устраивала вполне первобытная, патриархальная община. Общинник Герцен считал, что без фермента **личности** община не в состоянии освободить себя: «Община не спасла крестьянина от закрепощения; далекие от мысли отрицать значение общины, мы дрожим за нее, ибо, по сути дела, нет ничего устойчивого без **свободы личности**» (*Герцен*, VII, 242).

3. В России, полагал Герцен, православие выполнить эту функцию не в состоянии, ибо само понятие личности чуждо этой конфессии: «Византийская церковь, – писал он, – питала отвращение ко всякой светской культуре. <...> Презирая всякую независимую живую мысль, она хотела только смиренной веры. В России не было **проповедников**. Единственный епископ, прославившийся в древности своими проповедями (Аввакум. – *В.К.*), терпел гонения за эти самые проповеди. <...> И эта-то церковь, начиная с X века, стояла во главе цивилизации России» (*Герцен*, VII, 184). В церкви проповедник – это личность, преследования следуют за подлинными личностями. Но Герцену мало одной личности, они, по его мнению, не решают проблему православной церкви. Хотя за Аввакумом пошли сотни тысяч верующих. Разумеется, дело с этим вопросом обстояло не так просто, но оторванная от Европы сама и препятствовавшая России найти контакт с европейской наукой и просвещением, православная религия виделась атеисту Герцену исчерпавшей себя, ибо дальнейшее (да и вообще любое) развитие страны он видел только на пути усвоения европейских идей.

4. Свободную личность Герцен видит пока прежде всего в русской литературе, в образах «лишних людей», которые должны перестать быть «лишними». И Герцен как всегда ярко и броско

---

<sup>1</sup> «Аристократ, идущий в революцию, прекрасен», – говорит один из Достоевских бесов.

формулирует свой идеал развития русской культуры и жизни, апеллируя к образам русской художественной литературы (роману Пушкина и роману Григоровича): «Как видите, все зависит от того, удастся ли установить внутреннее единение Владимира Ленского, студента Геттингенского университета, поклонника Шиллера и Гете, утопического мечтателя, поэта с длинными кудрями, с нашим старым Глебом Савиным, этим практическим философом с суровым, сильным характером, этим подлинным представителем циклопической расы крестьян-рыбаков. Поймут ли они когда-нибудь друг друга?» (Герцен, XIII, 180). Это и был вопрос.

5. Квадратура круга, в котором оказался Герцен, и которая заключалась в том, что воля народа может вырасти только на идее свободной личности. Но уезжая за границу, Герцен четко прокламировал невозможность в России свободной личности. Он полагал, что «...дома нет почвы, на которой может стоять **свободный человек**», а «**свобода лица** — величайшее дело; на ней и **только на ней** может вырасти действительная воля народа» (Герцен, VI, 14). Индивидуальность, личность вырабатывается только в условиях свободы. Как же личность будет насаждать свободу на народной почве, где нет условий для нее? Это и стало проблемой Герцена – соединить личностное начало с общинностью.

Именно эта идея, родившаяся и вызревшая в концепции Герцена о соединении личности с народом, привела к хождению в народ. Это отчетливо увидели пореволюционные русские эмигранты, изгнанные из страны впадшим в окаянство народом, руководимым бесами. Замечательный историк и филолог Е.В. Аничков писал в конце 20-х гг. XX века: «Все главные лозунги русского революционного движения до самой «Народной воли» провозглашены Герценом. Настоящим вдохновителем революционеров еще во времена «нечаевщины» станет его друг Бакунин. Но Герцен не только позвал основывать тайные типографии, от него же исходит и «Земля и Воля» и «хождение в народ». <...> Провозглашенные им лозунги живы, и ими трепещут и мнутся, во имя их идут на Голгофу революционного дела новые

поколения...»<sup>1</sup>. Но идея эта предполагала отказ от ценности человеческой жизни, да и значимости личности, то, что привело потом интеллигенцию, как писал Франк («Крушение кумиров»), к стыду за свою особность, за свою отделенность от коллектива.

6. Для решения данной проблемы Герцен в начале 60-х гг. XIX в. готов пожертвовать личностью как таковой, принести ее в жертву революционному Молоху. В этом контексте обращения Герцена к студенчеству звучали крайне радикально и безжалостно: «Не жалеете вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории» (Герцен, XV, 185). Даже «предлагая пари за социализм», который идет на смену нынешней Европе, Герцен понимал его прежде всего не как естественную, закономерную перестройку общества, базирующуюся на известных экономических законах, а как своего рода новое переселение народов, которое должно уничтожить все предшествующие ценности, включая, разумеется, и личность, ибо в геологическом катаклизме нет места индивиду: «Я часто воображаю, как Тацит или Плиний умно рассуждали со своими приятелями об этой нелепой секте назареев, об этих Пьер Ле-Ру, пришедших из Иудеи с энергической и полубезумной речью, о тогдашнем Прудоне, явившемся в самый Рим проповедовать конец Рима. Гордо и мощно стояла империя в противоположность этим бедным **пропагандистам** – и не устояла. <...> Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать? - Они готовы, они, как лава, тяжело шевелятся под землю, внутри гор. Когда настанет их час – Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот...» (VI, 58). Таким образом, по Герцену, пропагандисты, то есть личности готовят гибель всем носителям личностной культуры. Достаточно жестко он заявлял: «**Образованному меньшинству**, если оно доживет до этого разгрома и не закалится в свежих, новых понятиях, жить будет хуже» (Герцен, VI, 59, курсив мой. – В.К.). Герцен грозит не просто русским «образованным классам», а всей европейской цивилизации, родившей само понятие личности.

<sup>1</sup> Аничков Е.В. Две струи русской общественной мысли. Герцен и Чернышевский в 1862 г. // Записки русского научного института в Белграде. Вып. I. Белград, 1930. С. 234-235.

7. Личность не может вырасти в стае, она продукт долгого и сложного исторического развития. Но Герцен, полагал, что русская цивилизационная скудость - лучший пропуск в будущее. Русские радикалы видели в отсталости, отсутствии цивилизационных традиций преимущество России, показывающее ее молодость, ее *предназначение начать новую страницу истории*. Нету прошлого, нету наследства - и не надо! Причем многое из прошлого хотелось бы и самим вычеркнуть, чтоб его как бы и не было. На такой позиции вырастало и стояло русское революционерство леворадикального толка, начало которого я вижу в Бакунине и Герцене, писавшем в своем трактате «О развитии революционных идей в России»: «Нелегко Европе <...> разделаться со своим прошлым; она держится за него наперекор собственным интересам, ибо <...> в настоящем ее положении есть многое, что ей дорого и что трудно возместить <...> Мы же более свободны от прошлого, это великое преимущество <...> Мы свободны от прошлого, ибо прошлое наше пусто, бедно, ограничено. Такие вещи, как московский царизм или петербургское императорство, любить невозможно. Их можно объяснить, можно найти в них зачатки иного будущего, но нужно стремиться избавиться от них как от пеленок. <...> Европа не разрешила противоречия между **личностью и государством**, но она все же поставила этот вопрос. Россия подходит к проблеме с противоположной стороны. С появления этого перед нами этого вопроса и начинается наше равенство. У нас больше надежд, ибо мы только еще начинаем» (VII, 242-243).

8. Михаил Катков, определяя истоки герценовской революционности, видел их в *утопизме его концепции*, ибо, по его мнению, «утопии сами служат наилучшим орудием отрицания и разрушения»<sup>1</sup>. Это утверждение как бы предугадывает аналогичные пореволюционные утверждения русских философов-эмигрантов (скажем, С. Франка). И в самом деле у Герцена утопизм сочетался с революционностью («Он поднял знамя революции»<sup>2</sup>, – писал, и справедливо, Ленин). Но на чем базировался утопизм Герцена? Это было абсолютно романтическое понимание значения

<sup>1</sup> Русский вестник. 1862. Июль. С. 413.

<sup>2</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

личности<sup>1</sup>. Ему казалось, что личность, которая должна одухотворить повести к социализму русскую общину тем сильнее, чем менее связана культурными традициями. Строго говоря, у него очевидна романтическая (не христианская) вера в возможность личности родиться, так сказать, не из чего, чудом. В «Концах и началах», трактате, пронизанном иронией и сарказмами по поводу западноевропейской цивилизации, которая спутывает возможных личностей по рукам и ногам своими благами, он снова возвращается к идее, что из полудикого русского быта скорее родятся великие личности, чем из западного мещанства: «Казалось бы, что могло зародиться, вырасти, окрепнуть путного на этих грядках между Аракчеевыми и Маниловыми? Что воспитаться этими матерями, брившими лбы, резавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подобострастными перед всеми высшими, дикими тиранами со всем низшим? А именно между ними развились **люди 14 декабря, фаланга героев**, вскормленная, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Оно им пошло впрок! Это какие-то **богатыри, кованные из чистой стали** с головы до ног, **воины-сподвижники**, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение» (Герцен, XVI, 171). Очевидная романтическая выпренность определений личностей декабристов, пафосные восклицания по поводу весьма сложного события декабрьского восстания, когда руководители обманом подставили солдат (т.е. народ) под картечь, их нерешительность, взаимное доносительство после ареста. Но обществу нужны были герои, и Герцен один из тех, кто лепил образ идеального революционера, эта романтическая идеализация вполне трагически привела Россию к октябрьской катастрофе. Воистину, это была прямая подсказка Ленину, писавшему, что декабристы разбудили Герцена... Утопия – место, которого нет. Как назвать ложно истолкованное событие? У-хронос? Отказ от исторического прошлого ради развития сильной личности – в этом пафос герценовских идей.

9. Эти идеи были подхвачены «молодой эмиграцией» конца 60-х - начала 70-х XIX в. (Ткачев, Нечаев), уже прямо заявивший,

<sup>1</sup> «Герцен и Огарев не могли отказаться от утопического отношения к реальной действительности, которое генетически было тесно связано с романтической культурой» (Щукин, 50-51).

что цивилизация, школа, книги, достижения духа – только помеха для революции, *но поскольку Россия молода и отстала, она сможет обогнать омещанившийся, обуржуазившийся Запад*. Напрасно Герцен в предсмертных письмах «К старому товарищу» выступил против молодых радикалов, согласившись со своими оппонентами – классическими западниками типа Кавелина, что *вне цивилизации право личности утвердить не удастся*. На упреки молодых радикалов, что он, по сути, защищает капитал, Герцен отвечал, что он защищает «капитал, в котором оседала **личность** и творчество разных времен» (Герцен, XX, 593)

Но молодым нигилистам идеи личности и свободы были абсолютно невняты, поэтому разрушения они не боялись. Слово уже было произнесено. Герцен в начале 60-х боялся, что защитники «империи хотят поглотить всякую **личную инициативу**, заглушить вольный голос казенным хором, затерять **лицо** в массах, распустить его в стихиях, влекомых безотчетными приливами и отливами, в которых именно оттого легко увлечь» (Герцен, XVII, 216). Выяснилось, что эти тенденции скорее и энергичнее выражает радикальная молодежь, им же воспитанная и вскормленная.

В дневнике от 2 декабря 1869 г. он записывал: «Мы сложились разрушителями; наше дело было полоть и ломать, отрицать и иронизировать. Мы и делали это. А теперь <...> мы видим, что мы ничего *не создали*, не воспитали. Последствие непростительно – нигилизм в окружающих людях» (Герцен, XX, 611-612). Итог невеселый. Таким образом, вполне романтически понятая частью западников как волевое начало личность по сути дела воспитывала в обществе отрицание тех основ, которые и приводили к появлению личности. Об этом в последнем тексте Герцена («К старому товарищу»), по сути итоговом, где он произвел расчет со своим романтическим прошлым: «Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те *пределы сил человеческих*, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации» (Герцен, XX, 593).

В этом контексте позиция Кавелина представляется более европейской, а главное, более продуктивной для развития русской культуры.

## Литература и сокращения

НУС - Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. Составление и вступительная статья В.К. Кантора. Подготовка текста и примечания В.К. Кантора и О.Е. Майоровой. М., 1989.

Письма - Письма К.Д. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева. 1892.

Кавелин - Собрание сочинений К. Д. Кавелина. В 4-х тт. СПб., 1897 - 1900.

Т. 1. - 1897. - 1051 с., [III], 1 л. порт.

Т. 2. - 1898. - 1258 с., [XXXI], 1 л. порт.;

Т. 3. - 1899. - 1255 с., [XX], 1 л. порт.;

Т. 4. - 1900. - 1347 с., [VI].

Герцен - Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954-1966.

Чернышевский – Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1947-1950.

Щукин - Щукин Василий. Русское западничество сороковых годов XIX века как общественно-литературное явление // Щукин Василий. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007.

***Н.И. Алымова,  
Е.А. Татаренкова<sup>1</sup>***

## **НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПАРТИИ КАДЕТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ В 1912 г.**

Конституционно-демократическая партия все свои думские избирательные кампании использовала не только для создания фракции в Государственной думе, но и для укрепления своей партии, пропаганды своей программы, для воздействия на массовое сознание с целью переключить его на парламентский путь решения важнейших экономических, социальных и других проблем. Национальный вопрос в деятельности конституционно-демократической партии в ходе выборов в Государственную думу не занимал центрального места, но имел большое значение.

---

<sup>1</sup> *Алымова Нина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

*Татаренкова Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

Думские выборы в Петербурге и Москве были центром избирательных кампаний всех политических партий. Здесь в соответствии с избирательными законами 1906 и 1907 гг. проводились прямые выборы, были сосредоточены партийные центры, важнейшие органы печати, существовали относительно благоприятные условия для развертывания агитационно-пропагандистской деятельности. Выборы в столицах в известной мере были образцом для местных организаций.

1912 г., год выборов в IV Думу, был временем, когда закончилась полоса упадка общественных настроений. В этот период, несмотря на обозначившееся улучшение экономической конъюнктуры, уступки, сделанные властью в ходе революции 1906 г., выявилось, что проблемы, вызвавшие кризис 1905 г., не решены, имевшиеся противоречия вновь обострились. Предстоявшие выборы активизировали деятельность всех российских политических партий.

В ходе разработки платформы для данной избирательной кампании в кадетском ЦК разногласий по национальному вопросу в отличие, например, от аграрного, рабочего или вопроса о всеобщем избирательном праве, не было. Для кадетов, сторонников сохранения единства Российской империи, было очевидно, что в платформе необходимо заявить осуждение националистической политики правительства, ярко проявившейся в третьеиюньский период. Одновременно в соответствии со своей программой кадеты высказались за предоставление всем народам России полного гражданского равноправия, а на передний план выдвинули свободу культурного самоопределения национальностей, свободу употребления родного языка в школе, местном суде и местном управлении.

Несмотря на то, что агитационно-пропагандистская кампания в столицах носила общероссийский характер, она учитывала особенности столичного электората, в частности его национальный состав. В 1910 г. население Петербурга без пригородов насчитывало 1 556 000 человек, Москвы – 1 481 240 человек<sup>1</sup>. Москва была преимущественно русским городом. В 1902 г. родным

---

<sup>1</sup> Города России в 1910 году. Центральный статистический комитет М.В.Д. С.-П., 1914. С. 3, 190.



русский язык считали 95% населения города. Вместе с тем, немецкий язык был родным для 1,62%, польский – 0,96%, еврейский – 0,43%, армянский – 0,15%<sup>1</sup>. По вероисповедному составу по данным 1902 г. в Москве было: православных и единоверцев 92,9%, старообрядцев – 1,66%, протестантов, включая лютеран, реформатов – 2,21%, католиков, включая униатов, армяно – и старо-католиков – 1,56%, иудеев – 0,83%, магометан – 0,52%<sup>2</sup>.

Население Петербурга по сравнению с Москвой имело более сложный национальный состав. По данным 1900 г., в северной столице проживало 87,6% русских, 3,5% немцев, 3,1% поляков, 2,3% финнов, 0,9% евреев. В то же время в Петербурге насчитывалось 85,9% православных, единоверцев, старообрядцев, 7,3% протестантов, 4,7% римско-католиков, 1,5% иудеев, 0,4% магометан<sup>3</sup>.

Электорат обеих столиц был значительно меньше численности их населения. Так, в 1912 г. в Москве он насчитывал 51276 человек, немногим более 3% численности населения города. В избирательные списки по 1-й курии было включено 6755 человек, по 2-й курии – 44521 избиратель<sup>4</sup>. Электорат Петербурга был более многочисленным. В избирательные списки северной столицы в 1912 г. было внесено 75583 человека или около 4,9% жителей города. Количество избирателей 1-й курии Петербурга составляло 3969 человек, 2-й курии – 71614<sup>5</sup>.

В ходе избирательной кампании кадеты развернули большую агитационно-пропагандистскую кампанию, используя разнообразные каналы влияния на избирателей. Основную роль среди них играла периодическая печать и выступления кадетских ораторов на предвыборных собраниях.

Одним из важнейших направлений кадетской риторики в предвыборный период была критика политики правительства по национальному вопросу. Для либералов усиление национализма в правительственной политике было одним из проявлений

<sup>1</sup> Перепись Москвы 1902 года. Издание Статистического отдела Московской городской управы. Ч. I. М., 1906. С. 222 - 223. Подсчеты процентов наши.

<sup>2</sup> Там же. С. 224 - 225. Подсчеты процентов наши.

<sup>3</sup> Города России в 1910 году. С. 15.

<sup>4</sup> Русские ведомости. 1912. 19 октября.

<sup>5</sup> Речь. 1912. 26 октября.

реакционности существующего режима, а борьба с национализмом была не единовременной акцией, приуроченной к избирательной кампании, а важнейшей частью их идеологической деятельности.

На предвыборных собраниях в обеих столицах в соответствии со своей программой и платформой кадетские ораторы критиковали националистическую политику центральной власти. Так, П.Н. Милюков, кандидат в депутаты во 2-й курии Петербурга, уже в первых своих предвыборных выступлениях говорил о том, что правительственная политика сеет рознь в стране, что в результате вновь проявилось, например, враждебное отношение поляков к центральной власти. Между тем, поляки являлись буфером для России на самой опасной стратегической границе. Милюков отмечал, что власти вновь попустительствуют травле евреев, что осложняется положение на Кавказе. Милюков заявлял, что только кадеты смогли бы сделать Россию единой и неделимой<sup>1</sup>. Такую же позицию высказывали в своих речах А.И. Шингарев и другие кадетские ораторы.

Кадетская печать и главный рупор партии газета «Речь», учитывая цензурные условия, с националистической политикой правительства, поддерживаемой черносотенной прессой, в этот период боролись и другими способами: отмечали факты исключения в стране из избирательных списков избирателей нерусских национальностей (особенно это касалось евреев), фиксировали случаи искусственного создания национальных курий для проведения желательного для властей кандидата, отмечали разнообразные случаи ущемления прав нерусских народов в ходе выборной кампании.

В 1912 г. на выборах в качестве самостоятельной политической силы выступил Всероссийский национальный союз, в основу идеологии которого был положен русский национализм. В качестве политического противника на выборах в Петербурге и Москве для блока кадетов и прогрессистов ни в одной из курий столичных городов эта партия из-за своей слабости опасности не представляла. Вместе с тем соглашением с октябристами националисты могли усилить позиции терявших популярность

---

<sup>1</sup> Там же. 14 сентября.

кандидатов «Союза 17 октября», основных конкурентов кадетов и прогрессистов в 1-й курии.

На страницах либеральной прессы широко комментировалась попытка создания на выборах блока октябристов и националистов<sup>1</sup>. По этому поводу «Русские ведомости» поместили большую редакционную статью, которая затем цитировалась «Речью» и другими либеральными изданиями, с анализом думской деятельности националистов. В ней говорилось о том, что в III Думе националисты выступали противниками всех прогрессивных завоеваний, которыми, как своей заслугой, гордились октябристы. В статье напоминалось о том, что националисты систематически боролись против самых скромных попыток расширения гражданской свободы, что националисты вотировали против октябристской редакции законопроектов о старообрядцах, о переходе из одного вероисповедания в другое. Наоборот, в вопросах о мелкой земской единице, о расширении бюджетных прав Думы, об условиях введения в России всеобщего обучения октябристам волей-неволей приходилось идти рука об руку с оппозицией. Все административные беззакония, раскрывавшиеся во время запросов, говорилось в статье, в громадных случаях находили поддержку в лице националистов. Там, где Дума не созидала, а разрушала, там, где она «щедрой рукой рассыпала семена национальной ненависти», там действовало единение А.И. Гучкова и Балашова. «Русские ведомости» заключали, что союз националистов и октябристов на выборах будет означать, что в IV Думе разрушительной работы будет больше<sup>2</sup>.

Либеральная печать постоянно подчеркивала внутренне родство националистов с правыми. Также «Речь» акцентировала внимание на том, что эта партия возникла благодаря П.А. Столыпину, который «извлек их со дна русской государственности»<sup>3</sup>. Газета писала, что эту партию на выборах поддерживают власти, в том числе деньгами<sup>4</sup>. Вся либеральная пресса цитировала высказывание М.О. Меншикова, одного из создателей и идеологов этой партии, о том, что он не советовал бы

<sup>1</sup> Речь. 1912. 11 сентября. Утро России. 1912. 13 сентября.

<sup>2</sup> Русские ведомости. 1912. 16 сентября.

<sup>3</sup> Речь. 1912. 6 сентября.

<sup>4</sup> Там же. 27 августа.

непременно избирать националиста, если у него нет соответствующих моральных и деловых качеств, что, по его мнению, честный и даровитый радикал предпочтительнее, чем «сомнительный во всех отношениях» националист<sup>1</sup>.

Вместе с тем в высказываниях кадетской прессы по национальному вопросу присутствовала известная осторожность. Так, в «Новом времени» 4 августа 1912 г. была опубликована большая статья Меньшикова, в которой он писал о том, что Россия не использовала «для русского племени» завоевание окраин, что забота о покоренных народах, равно как и «тяжесть государственности» была возложена на «великорусский центр». Нововременский публицист утверждал, что в течение долгого времени Россия подвергалась инородческому напору: «Они делают нашу политическую, промышленную и земельную аристократией. Они вступают в борьбу с самобытной культурой России... и лишают ее прирожденных свойств».

Меньшиков отмечал, что повсюду в мире в прошлом и в настоящем шел процесс распада империй, народами движет «могучее чувство отдельности», такая же участь, по его мнению, ожидала и Россию, если она не проявит «какого-нибудь нового, еще неслыханного искусства власти». Меньшиков считал, что задача в национальном вопросе состояла не в том, чтобы обрусить другие народы или уравнивать в правах народы на территории России, а в том, чтобы обезопасить их для себя, «выжав их из своего тела». Меньшиков выступал за автономию Финляндии, Бухары, Польши, Литвы, Грузии, Армении и даже за их отделение. В качестве маленьких соседей, писал он, они не только безвредны, но и полезны. Цель русского национализма, по его мнению, – «очистить Россию от инородческих нашествий и водворить маленькие народы на их собственной родине»<sup>2</sup>.

Несмотря на ярко выраженную полемичность статьи Меньшикова, «Речь» в дискуссию не вступила, ограничившись замечанием, что идея Меньшикова об «отделении» России от своих национальных окраин была фантазией даже в XVII в., когда ее высказал Ю. Крижанич<sup>3</sup>. Возможно, что кадеты не включились в

---

<sup>1</sup> Утро России. 1912. 4 августа.

<sup>2</sup> Новое время. 1912. 4 августа.

<sup>3</sup> Речь. 1912. 5 августа.

полемику из тактических соображений, что не раз проявлялось в их политической практике, в том числе по национальному вопросу<sup>1</sup>.

Кадеты учитывали наличие в составе электората столичных городов сплоченных групп избирателей разных национальностей, имевших свои организационные структуры, и стремились привлечь их на свою сторону. Наиболее многочисленными группами нерусского электората в обеих столицах были немцы и поляки. В Петербурге, например, немцев насчитывалось около 400 человек, преимущественно в 1-й курии<sup>2</sup>. Специфика этой категории избирателей заключалась в их влиятельности, а также большой сплоченности и дисциплинированности. Организующую роль среди них в Петербурге играл комитет немецкой группы и газета «State-Peterburger Zeitung», придерживавшиеся октябристской ориентации. В Москве действовали комитет немецкой группы «Союза 17 октября» и «Московская немецкая газета».

Петербургский комитет немецкой группы подготовку к выборам вёл достаточно деятельно. Он провел ряд заседаний, в т.ч. с участием избирателей 1-й и 2-й курий. 29 сентября на таком собрании присутствовало около 50 человек<sup>3</sup>. Комитет устроил своеобразный «экзамен» октябристским кандидатам относительно их деятельности в III Думе и в будущей четвертой с учетом особых интересов избирателей немецкой национальности. Результаты «экзамена» были опубликованы в «State-Peterburger Zeitung»<sup>4</sup>. Немецкий комитет провел также анкетирование немецких избирателей 1-й курии для выявления их отношения к октябристским кандидатурам<sup>5</sup>.

На выборах в III Думу избиратели-немцы голосовали за октябристов, с одной стороны, подчеркивая присущую им лояльность к монарху, с другой – заявляя о своем стремлении к гражданским свободам, равноправию и законности, к осуществлению Манифеста 17 октября. В 1912 г. ситуация могла измениться. Так, «Московская немецкая газета» по отношению к «Союзу 17 октября» и его основному кандидату в 1-й курии Москвы

---

<sup>1</sup> См. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 332-335.

<sup>2</sup> Вечернее время. 1912. 7 сентября.

<sup>3</sup> Речь. 1912. 6 октября.

<sup>4</sup> Там же. 7 октября.

<sup>5</sup> Там же. 6 августа.

А.И. Гучкову с лета заняла резко критическую позицию<sup>1</sup>. Среди петербургских немцев также были разочарованные деятельностью октябристов в III Думе<sup>2</sup>. Крайне неблагоприятные отзывы на предвыборном собрании немецкой группы 14 сентября получил ее представитель в III Думе октябрист В.К. Анреп. Вероятно, некоторые колебания в петербургском комитете немецкой группы были, поскольку собрание немецких избирателей 14 сентября, обсуждая кандидатуры по 1-й курии, не приняло определенного решения до выяснения кандидатов прогрессистов<sup>3</sup>.

Кадеты и их союзники на выборах в Петербурге и Москве, прогрессисты, вели борьбу за голоса немецких избирателей. Либеральная пресса пыталась переориентировать немецких избирателей и привлечь их на свою сторону. Главные усилия были направлены на подчёркивание двойственности позиции октябристов по национальному вопросу, а также их близости к националистам и правым. В частности, «Речь» дала кандидату октябристов по 1-й курии Петербурга Анрепу эпитет «двухствольный», обращая внимание на то, что хотя он и высказывался за права культуры любой национальности, но по вопросам о Финляндии, Холмском крае был близок к позиции правых и националистов. Газета напоминала ставшее широко известным его высказывание, обращённое к инородцам: «Нам не нужно вашей любви»<sup>4</sup>.

Кадеты использовали факт обсуждения в III Думе законопроекта о немцах-колонистах. «Речь» неоднократно писала о том, что октябристская фракция, насчитывавшая более 120 человек, большинством всего в 18 голосов приняла его в благожелательном для немцев варианте<sup>5</sup>. Ф.И. Родичев, кадетский кандидат по 2-й курии Петербурга, на предвыборном собрании также обратил внимание на этот прецедент и поместил в «St.-Peterburger Zeitung» письмо против Г.Г. Лерхе, депутата III Думы, пытавшегося опровергнуть его заявление<sup>6</sup>.

Как известно, на выборах 1912 г. в Москве и Петербурге

---

<sup>1</sup> Голос Москвы. 1912. 8 октября.

<sup>2</sup> Речь. 1912. 8 октября.

<sup>3</sup> Утро России. 1912. 16 сентября.

<sup>4</sup> Речь. 1912. 7 октября.

<sup>5</sup> Там же. 30 сентября. 6 октября.

<sup>6</sup> Там же. 22 октября.

кадеты выступали в блоке с прогрессистами. Кадетскую риторику поддерживали прогрессистская пресса и ее ораторы. И.Н. Ефремов дал интервью «St.-Peterburger Zeitung», в котором призывал на выборах «дать урок октябристам»<sup>1</sup>. «Утро России» в своей полемике со «St.-Peterburger Zeitung» отмечало, что русских немцев и прогрессистов сближало стремление к полному осуществлению Манифеста 17 октября. Вместе с тем газета писала, что эта цель и особые интересы этой категории населения, в частности закон о колонистах, вероисповедные вопросы, права родного языка и другие решатся, если немцы будут действовать вместе с прогрессивными элементами, если в Думе образуется большинство из левых октябристов, прогрессистов и кадетов. «Утро России» призывало немцев, сохраняя лояльность к монарху, занимать более критичную позицию по отношению к правительству<sup>2</sup>.

И все же 4 октября 1912 г. петербургский комитет немецкой группы заявил о поддержке на выборах кандидатов октябристов в 1-й курии столицы Анрепа, Лерхе и П.И. Лелянова, опубликовав это постановление в «St.-Peterburger Zeitung». Несмотря на проведенную работу, «Речь» отдавала себе отчет в том, что избиратели-немцы в Петербурге и Москве, включая даже либерально настроенных, скорее всего, на выборах проявят дисциплинированность и подчинятся своим комитетам, принявшим решение голосовать за октябристских кандидатов<sup>3</sup>.

В составе электората 2-й курии Петербурга большую группу составляли избиратели польской национальности. Их насчитывалось около 3000 человек<sup>4</sup>. Они имели свои организационные центры, прессу в столице. По отношению к центральной власти они были настроены оппозиционно, в основном свои голоса отдавали кадетам и социал-демократам. Кадеты стремились сохранить голоса избирателей – поляков. Известно, что в кадетской программе содержался тезис о необходимости автономного устройства в Царстве Польском при сохранении государственного единства.

---

<sup>1</sup> Там же. 15 сентября.

<sup>2</sup> Утро России. 1912. 13 сентября.

<sup>3</sup> Речь. 1912. 8 октября.

<sup>4</sup> Там же. 28 октября.

На выборах поляки были активны. Предвыборный комитет, избранный ими в сентябре, организовал предвыборные собрания, на которые были приглашены все кандидаты оппозиционных партий в члены Думы по 2-й курии Петербурга<sup>1</sup>. Несмотря на то, что на прошлых выборах большая часть поляков голосовала за кадетов, в 1912 г. положение могло измениться. На поляков негативное впечатление произвело обсуждение в III Думе законопроектов о введении городского самоуправления в губерниях Царства Польского, о выделении Холмщины, о введении земства в шести западных губерниях, о выкупе Варшавской железной дороги в государственную собственность. Если позиция кадетов по большинству законопроектов у поляков возражения не вызывала, то голосование кадетов за переход Варшавской дороги в казенную собственность вызвало критику польской общественности. Осуществление этого проекта повлекло за собой не только попытку создать антипольскую волну в общественном мнении, но и привело к увольнению поляков-служащих этой дороги<sup>2</sup>.

На предвыборных собраниях в Петербурге А.И. Шингарев, кандидат кадетов во 2-й курии, отвечая на обвинение в голосовании за выкуп Варшавской железной дороги, объяснял, что кадетская фракция исходила из идеи о необходимости огосударствления железных дорог. При этом он напоминал, что выступавший по этому вопросу в Думе кадет Некрасов от имени фракции осудил шовинистические и антипольские тенденции, которые просматривались в мотивах правительства и думского большинства при обосновании этого законопроекта. Кадетским ораторам также пришлось объяснять свои взаимоотношения с польским колом, которое по ряду вопросов занимало более правые позиции, чем кадеты. На предвыборном собрании 13 октября, устроенном польской общественностью, Родичев заявлял: «Если в России будет завоевана свобода, будет свободна и национальная жизнь поляков», – и призывал совместно бороться «за наши и ваши права»<sup>3</sup>.

Борьбу за голоса польских избирателей в Петербурге вели и социал-демократы. Большевистская «Правда» поместила серию

---

<sup>1</sup> Там же. 13 октября.

<sup>2</sup> Там же. 14 октября.

<sup>3</sup> Там же.



статей, обращенных к польским жителям Петербурга с критикой политики кадетов и польского кола в Думе. Газета писала, что кадеты, предав забвению собственную программу, вместе с польским колом предложили в Думе сдать в комиссию Холмский законопроект, проголосовав против предложения социал-демократов отвергнуть его без прений, а также похоронили в III Думе требование автономии Царства Польского<sup>1</sup>.

На предвыборном собрании польской части населения Петербурга кандидаты социал-демократов Н.Д. Соколов и Н.Н. Крестинский разъясняли, что решение национального вопроса зависит от изменения соотношения сил не только в Думе, но, главным образом, вне ее. Они указывали на необходимость совместной борьбы пролетариата разных национальностей и выдвинули программное требование РСДРП – право наций на самоопределение<sup>2</sup>. Также Н.Д. Соколов и С.Н. Чхеидзе критиковали на этом собрании как антипольскую политику власти, так и «угодную» политику кола<sup>3</sup>.

В итоге польский избирательный комитет Петербурга принял решение поддержать кадетский список кандидатов в депутаты по 2-й курии, но вместо Милюкова призвал голосовать за социал-демократа Н.Д. Соколова. Поводом к этому послужила телеграмма Милюкова и М.М. Винавера, посланная в варшавские газеты, в которой они советовали евреям, составлявшим большой процент электората этого города, не отдавать свои голоса Кухаржевскому, противнику еврейского равноправия в Польше<sup>4</sup>. Эта телеграмма была расценена польской буржуазной общественностью как кадетская «интервенция» в варшавские выборы. «Речь» пыталась объяснить мотивы этой акции тем, что авторы телеграммы лишь выступали против кандидата, слишком приблизившегося по партийной окраске к польскому черносотенцу Р.В. Дмовскому<sup>5</sup>. В польской прессе кадетов все же обвинили в том, что они лишь на словах выступают за автономию Царства Польского, а на деле для них характерна «крайне централистическая тенденция», в том, что

<sup>1</sup> Правда. 1912. 29 июля, 23, 25 августа.

<sup>2</sup> Там же. 16 октября.

<sup>3</sup> Речь. 1912. 14 окт.

<sup>4</sup> Русское слово. 1912. 12 октября.

<sup>5</sup> Речь. 1912. 14 октября.

кадеты, «когда приходится выбирать между интересом польским и еврейским, всегда предпочтут последний»<sup>1</sup>. В ответ на это еврейский комитет в Петербурге призвал своих сторонников «дружно поддержать кандидата, пострадавшего за поддержку идеи национального равноправия»<sup>2</sup>, хотя этот комитет изначально предполагал голосовать за кандидатов партии кадетов.

Победа кадетских кандидатов во 2-й курии и блока кадетов и прогрессистов в 1-й курии обеих столиц была обеспечена основной массой столичного электората, включенного в модернизационные процессы, в составе которого доля избирателей нерусских национальностей была невелика. Милюков был избран, но с меньшим количеством голосов (54,2%) по сравнению с другими кадетскими кандидатами (Родичев – 57,0%, Шингарев – 56,4%). Напротив, среди социал-демократических кандидатов Соколов получил наибольшее количество избирательных записок – 22,6%. Это был результат позиции избирателей-поляков. Решение немецкого комитета поддерживать октябристов было обусловлено большей важностью для этого контингента избирателей соответствия их политических взглядов, экономических интересов «Союзу 17 октября», взаимосвязями с российским истеблишментом и пр., но это не спасло на выборах в обеих столицах кандидатов этой партии и ее лидера.

Опыт деятельности кадетов в ходе думской избирательной кампании показывает, что они считали важным представлять в агитации и пропаганде свою позицию по национальному вопросу. Проблема государство и права национальностей в кадетской риторике полностью соответствовала партийной программе. В ситуациях, связанных с межнациональными отношениями, кадетам не всегда удавалось занимать оптимальную точку зрения.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же. 27 октября.

## **ИМПЕРСКАЯ И МОНАРХИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

*Н.В. Дмитриева<sup>1</sup>*

### **ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ НАЧАЛА XX в.**

Начало XX в. в истории России было отмечено активным развитием модернизационных процессов. Они затронули практически все сферы жизни российского общества: экономическую, политическую и социальную. Однако специфика российской модернизации заключается в том, что проходила она в условиях сохранения имперского характера государства.

Современные исследователи уделяют значительное внимание вопросам имперской модернизации. С одной стороны, это можно объяснить схожестью современной ситуации в России с процессами начала XX в. С другой стороны, смена исследовательской парадигмы открыла новые средства и методы для исследования обозначенного явления. Одним из перспективных направлений в современной исторической науке является изучение альтернативных концепций модернизации российского государства, которые разрабатывались в рамках различных политических движений.

Особого внимания заслуживает модель общественного переустройства России, разработанная в начале XX в. представителями либерального направления.

В начале XX в. развитие отечественного либерального движения было отмечено формированием в рамках старого земского либерализма течения, которое получило в историографии название «новый либерализм». Российские исследователи в качестве одной из основных характеристик этого направления

---

<sup>1</sup> *Дмитриева Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета, младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук.*

выделяют не только преимущественно интеллигентскую принадлежность участников, но и его идейное обновление. Представители «нового либерализма» могли не только выступать в роли реципиентов, но и генерировать собственные, адекватные эпохе, идеи и создавать на их основе теоретические модели общественного переустройства России<sup>1</sup>. Кроме того, «новый либерализм» представлял собой течение, соответствовавшее западноевропейским образцам.

Как известно, вторая половина XIX столетия в Европе была отмечена активным развитием национальной идеи и движений за право наций на самоопределение. Была актуализирована идея о праве каждой нации на собственное государство. Идея создания национального государства как средства решения национального вопроса была включена в западноевропейскую либеральную мысль. Исследователи сходятся во мнении, что к основным идеологическим параметрам классической либеральной модели общественного устройства в национальном вопросе следует относить именно национализм в смысле приоритетов национальной государственности<sup>2</sup>.

Таким образом, отечественная либеральная мысль в начале XX в. столкнулась с необходимостью решения национального вопроса не только с точки зрения возможности расширения прав наций, входящих в состав Российской империи, но и определения собственного отношения к имперскому характеру Российского государства в целом в условиях перехода от абсолютной монархии к представительной системе правления. В допартийный период активно велась дискуссия о вариантах решения данной проблемы, которая затем вылилась в программы основных либеральных партий начала XX в. Следует отметить, что до начала русской революции 1905-1907 гг. обсуждение главным образом проходило на страницах нелегального печатного органа либералов – журнала «Освобождение»<sup>3</sup>. Однако уже в 1905 г. концептуальные положения по национально-государственному вопросу получили выражение на

---

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 12.

<sup>2</sup> Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 45

<sup>3</sup> Дмитриева Н.В. Дискуссии о национально-государственном устройстве России на страницах журнала «Освобождение» в начале XX века // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 6.

Общероссийском съезде земских и городских деятелей, проходившем в Москве с 12 по 15 сентября. На этом съезде, помимо политической и экономической платформы, большое внимание было уделено рассмотрению национального вопроса по докладу Ф.Ф. Кокошкина «О правах национальностей и о децентрализации управления и законодательства».

Национальная программа русского либерализма начала изучаться еще в дореволюционной историографии, в основном усилиями самих либералов. Программные документы «Союза Освобождения», а также многие резолюции и постановления земских съездов были приведены в работе И.П. Белоконского, правда, без какого-либо их анализа<sup>1</sup>. В этот же период были опубликованы воспоминания князя Д.И. Шаховского, в которых программа «освобожденцев» данного времени излагалась по пунктам, но без выделения из нее национально-государственной проблематики и, тем более, без анализа данного компонента программы<sup>2</sup>.

Определенное значение для понимания национального идеала русских либералов имела развернувшаяся в 1914 г. полемика между Кокошкиным, одним из главных разработчиков либеральной программы в этой сфере, и П.Б. Струве. Кокошкин заявил, что либерализм не может сочетаться с национализмом, что национальный либерализм невозможен. В ответ Струве, некогда отстаивавший идеал гражданской российской нации, но к этому времени объявивший себя «империалистом», писал: «Россия не просто национальное государство в роде Франции или Германии, а именно национальная империя», поэтому «в России либерализм для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным», т.е. великорусским<sup>3</sup>.

В советское время национальная программа либералов не нашла систематического изучения и упоминалась лишь эпизодически, в работах по истории непролетарских партий России. Из работ советского периода позиция либералов (в частности, на

---

<sup>1</sup> Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914.

<sup>2</sup> «Союз Освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Зарницы: Литературно-политический сборник. СПб., 1906. № 2. Ч. II.

<sup>3</sup> Струве П.Б. Национальное начало в либерализме // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 235-236.

Парижском совещании 1904 г.) нашла сколько-нибудь подробное описание лишь в работах К.Ф. Шацилло, в противовес всей предшествовавшей историографии утверждавшего, что «Парижская конференция – событие, не имеющее аналогов в истории общественного движения и общественной мысли России»<sup>1</sup>. Более детально анализировалась программа либералов уже на этапе партийной организации.

Серьезное научное изучение национальной программы либералов началось в постсоветский период. В 1993 г. вышла статья В.В. Шелохаева, впоследствии этот сюжет стал частью его же монографии (глава 2 «Постановка и варианты решения национального вопроса»), а также был затронут в обобщающей статье 2001 г.<sup>2</sup> В этих работах проанализированы основные пункты либеральной программы, показаны расхождения между кадетами, с одной стороны, и октябристами (а также прогрессистами), с другой.

Данной проблематике посвящен также доклад А.В. Щербины на конференции «Либеральный консерватизм: история и современность»<sup>3</sup>. Автор отмечает принципиальное расхождение между кадетами и октябристами именно в видении национально-государственного устройства империи, которое восходило к решениям сентябрьского съезда.

Особняком от других современных работ стоит исследование О.Ю. Малиновой, которая сформулировала концепцию «либерального национализма»<sup>4</sup>. Такой национализм, по ее мнению, представлял собой «концепции, сочетающие либеральные и националистические ценности». С данных методологических позиций и рассматриваются программные установки русских либералов начала XX столетия.

В конце XX в. началось подробное исследование генезиса и развития программ местных отделений либеральных организаций

<sup>1</sup> Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985. С. 238.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2; Он же. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

<sup>3</sup> Щербина А.В. Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 227-228.

<sup>4</sup> Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX — начало XX века). М., 2000.

по национальному вопросу. С начала 90-х г. появилось несколько публикаций, посвященных национально-либеральным течениям среди мусульманских народов<sup>1</sup>. С 1996 г. в Казани проводятся комплексные исследования истории татарского либерально-демократического движения конца XIX – начала XX вв.<sup>2</sup> Деятельности либеральных организаций, а также их программным установкам по данному вопросу в Области Войска Донского посвящены работы М.В. Братолобовой<sup>3</sup>. В данных работах прослеживается отход от основных тенденций советской историографии. Большинство исследователей приходит к единому мнению о том, что, несмотря на общую цель общероссийского и национальных либеральных движений по созданию равных возможностей для всестороннего развития народов, населяющих Российскую империю, для региональных либералов национальный вопрос был основополагающим, а для русских он являлся скорее тактическим шагом, нежели стратегической целью.

Таким образом, в отечественной историографии русского либерализма, главным образом современной, национальный компонент программных установок либералов подвергся серьезному анализу. Однако, несмотря на существенный объем литературы по данному вопросу, до настоящего времени нет отдельных исследований, касающихся начального (допартийного или протопартийного) этапа формирования либеральной национальной программы.

Вопрос о правах наций, входящих в состав Российской империи, представителями либерального движения был решен практически сразу. Основным принципом либерализма являются права и свободы личности. В связи с чем, отечественные либералы

<sup>1</sup> Исхаков С.М. Мусульманский либерализм в России в начале XX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 391-404; Селаидзе Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. Баку, 1991.

<sup>2</sup> Фахрутдинов Р.Р. Татарское либерально-демократическое движение в конце XIX–начале XX вв. идеология и политическая программа. Дисс...к.и.н. Казань, 1996; Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX в. Дисс...к.и.н. Казань, 1996.

<sup>3</sup> Братолобова М.В. Взгляды донских либеральных деятелей начала XX века на проблемы политической реорганизации общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 1(17). С. 27-34.

выступали за введение в России гражданских прав, одинаковых для всех национальностей империи. Уже в первом номере журнала «Освобождение» была опубликована программная статья «От русских конституционалистов». Ее авторы, обозначили «те требования, которые во всех культурных государствах давно уже легли в основу свободной общественной жизни», а именно: личная свобода и равенство всех перед законом. При этом под вторым подразумевалось «отмена всех исключений и изъятий национальных, сословных и религиозных. Применительно к русской действительности это ... сводится ... к признанию полной свободы веры и совести, к отмене ограничений в сфере личного и имущественного права относительно евреев и поляков»<sup>1</sup>.

Подобный подход не соответствовал официальной имперской идеологии, согласно которой русская (имперская) нация почиталась главенствующей в империи, а православная вера признавалась основой духовного единения в обществе.

Кроме того, вопрос о правах наций был непосредственно связан с проблемами административно-территориальной организации имперского пространства.

Значительное внимание национальному и «областному» вопросам (т.е. статусу имперских провинций и их взаимоотношению с центром) было уделено на учредительном съезде «Союза Освобождения», проходившем 3–5 января 1904 г. в Петербурге. Среди затронутых тем были «отношения между национальными и областными правами», а также «Польский вопрос», который, впрочем, в окончательной резолюции отражения не получил. Важность съезда состояла в том, что именно на нем была принята формулировка, признающая за народностями России «права на самоопределение».

В резолюции съезда, приводимой князем Шаховским, содержался следующий пункт: «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения,

---

<sup>1</sup> Освобождение. 1902. № 1. С. 9.



существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения»<sup>1</sup>.

Таким образом, впервые русская либеральная программа включила пункт о самоопределении наций в качестве системообразующего принципа своей национально-государственной политики.

Дальнейшее развитие проблема национального самоопределения получила на «Конференции оппозиционных и революционных организаций России», проходившей в Париже с 30 сентября по 9 октября 1904 г. На конференцию собрались представители 8 организаций: «Союз Освобождения»; Партия социалистов-революционеров; Польская социалистическая партия; Латышская социал-демократическая партия; Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров; Армянская революционная федерация; Польская национальная лига; Финляндская партия активного сопротивления.

В итоговом протоколе по «вопросу о национальностях было зафиксировано «общее желание применять демократическую идею к установлению общего взгляда на решение этого вопроса», т.е. прямая связь данного вопроса с желаемой трансформацией политического строя в сторону установления народного представительства со всеобщим избирательным правом. Тем не менее, был зафиксирован крайне важный принцип решения данного вопроса – признание за каждым народом империи права на самоопределение с одновременным осуждением русификаторской политики имперской власти.

От «Союза Освобождения» было опубликовано отдельное разъяснение, которое в части национального вопроса солидаризовалось с «Декларацией», но опускало критику действий русской власти в национальных окраинах (очевидно, осторожность, вызванная стремлением не отпугнуть от «освобожденцев» потенциальных союзников из числа русских политических сил): «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз

---

<sup>1</sup> «Союз освобождения». Воспоминания Д.И. Шаховского // Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001. С. 552.

присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование»<sup>1</sup>.

Следующий этап в процессе эволюции концепции национально-государственного устройства России приходится на 1905 г. Под влиянием событий первой русской революции «новые либералы» произвели корректировку своих программных положений в отношении национальной и языковой политики. В ходе сентябрьского земско-городского съезда 1905 г. либералы специально решили рассмотреть национальный вопрос.

Съезд земских и городских деятелей проходил в Москве в доме князя Щербатова. В нем приняли участие 126 представителей земств и 68 представителей городских управлений<sup>2</sup>. Впервые в истории земских съездов на заседание были приглашены представители неземских губерний: Северо-Западного края, Царства Польского, Области Войска Донского и Сибири. Одним из объяснений подобного отступления от правил может быть поставленный на повестку дня вопрос о правах национальностей и децентрализации управления. Доклад бюро съезда по этому поводу был представлен Кокошкиным<sup>3</sup>.

Причинами столь внимательного отношения к данному вопросу в докладе обозначены, с одной стороны, нерациональная политика царского правительства, направленная на русификацию и насильственную инкорпорацию этнических областей в империю. С другой стороны, активизация освободительного движения на местах и выработка конкретных положений о национальной и местной самостоятельности представителями отдельных территорий, а именно Царством Польским, Украиной и Грузией. Все это, по мнению докладчика, приводило к тому, что местное освободительное движение не исчерпывалось стремлением к установлению начал гражданской свободы и равенства и

---

<sup>1</sup> Протокол Конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в.-1917 г.). Сб. документов. Вып. 2. М., 1996. С. 157.

<sup>2</sup> Право. 1905. № 37. С. 3043-3044.

<sup>3</sup> Белоконский И.П. Указ. соч. С. 372.

образованию демократического народного представительства с конституционными правами<sup>1</sup>.

Обсуждение национального вопроса на съезде было сведено к выяснению принципиального отношения к вопросу национально-государственного устройства России при переходе к представительной форме правления, без выработки проекта практических действий. Бюро съезда аргументировало свою позицию ограниченностью временных рамок съезда, а также неравномерным представительством на съезде второй заинтересованной стороны – национальных и местных территорий.

Изменение национально-государственного устройства страны предполагает решение двух принципиально разных вопросов: национального и областного. Лишь для некоторых территорий Российской империи в начале XX в. они могли быть объединены. Речь идет об этнически однородных окраинах, к которым, в первую очередь, относится Царство Польское.

Следует отметить несколько особенностей: во-первых, вопросы, связанные с административно-территориальным устройством государства разделены на две части. Одна из них относится непосредственно к правам национальностей Российской империи. Особо рассматриваются возможности не только децентрализации управления, но и законотворчества отдельных территориальных образований. Во-вторых, обсуждению данной проблемы отведено достаточно много времени: вечернее заседание 13 сентября и дневное и вечернее заседания 14 сентября<sup>2</sup>.

Важность вопросов о национальном самоопределении народностей Российской империи для либеральной общественной мысли подтверждает мнение П.А. Гейдена о невозможности обсудить столь важный и сложный вопрос в течение одного заседания. Добиваться законных прав отдельных народностей следует в Государственной думе<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12-15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1906. С. 3.

<sup>2</sup> Право. 1905. № 38. С. 3059.

<sup>3</sup> Там же.

Исходная идея доклада Кокошкина – сохранение во что бы то ни стало унитарного устройства Российского государства. Докладчик самым решительным образом выступал против принципа политического самоопределения наций. В его представлении это был прямой путь к расчленению «единой и неделимой России»<sup>1</sup>. Для инородцев, населявших империю, было предложено реализовать исключительно право на культурное самоопределение. Оно должно было выражаться в образовании национально-культурных автономных единиц в составе единого и неделимого Российского государства. Под национально-культурной автономией понималась возможность обособленных этнических групп самостоятельно решать вопросы организации образования и других форм культурной жизни.

Программа кадетской партии практически полностью повторила эти решения. Автономное управление предполагалось только для Польши и Финляндии. Таким образом, в рамках либеральной модели общественного переустройства России как государства с представительной формой правления вопросу национально-государственного устройства уделялось значительное внимание. Однако представители либерального движения в целом выступили за сохранение единого имперского пространства и отвергли идею федерализма.

*О.Л. Протасова<sup>2</sup>*

## **ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ**

Первая мировая война явилась своеобразным водоразделом новой и новейшей эпох; она стала событием, повлекшим огромные последствия для всего цивилизованного мира первых десятилетий

---

<sup>1</sup> Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.

<sup>2</sup> Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета.

XX в. Для России же эти последствия были, пожалуй, наиболее масштабны и трагичны.

В российском обществе 1914 г., с его на тот момент недавними традициями политического плюрализма, возник целый калейдоскоп мнений относительно войны, ее характера, участия в ней России, перспектив и возможных последствий для России и других народов, прежде всего европейских. Можно отметить, что внутренние проблемы, чрезвычайно волновавшие российскую общественность в довоенные годы, сразу отодвинулись, во всяком случае, на несколько месяцев, на второй план. Свидетельством тому служит публицистика, традиции которой в нашем Отечестве всегда были крепки и сильны даже при недостатке общей и политической культуры.

В настоящей статье мы проанализируем отношение к I мировой войне и сопутствовавшим ей проблемам теоретиков и активистов народно-социалистической партии. Эти люди сделали немало для развития либерализма и социализма в России, они сочетали в своей мыслительной деятельности и общественно-политической практике обе эти идеологии, программой и действиями доказывали, что эти идеологии при разумном их применении вовсе не столь уж противоречат друг другу. Знаменитыми общественными деятелями и публицистами, представлявшими народно-социалистическую партию, были А.В. Пешехонов, С.П. Мельгунов, В.А. Мякотин, А.Б. Петрищев. Своеобразной трибуной для них служили периодические издания соответствующего направления, а самым интересным из них был журнал «Русское богатство» – ценнейший источник, позволяющий детально и всесторонне изучить отношение публицистов – либеральных народников к различным сторонам российской жизни, в данном случае – к войне.

20 июля 1914 г. вышел Высочайший манифест Николая II о вступлении России в мировую войну. «В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, – взывал император к подданным. – Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага». Манифест был опубликован и в «Русском богатстве» (1914, № 8). Стремление к единению дало о себе знать чуть ли не по всему фронту русской общественности. Были досрочно созваны законодательные палаты, с думской трибуны

звучали прочувствованно-патриотические речи. Оппозиция, главным образом в лице кадетов, призывала отложить внутренние споры и слиться в едином порыве против общего врага.

Алексей Васильевич Пешехонов, признанный лидер и теоретик народно-социалистической партии, активный общественный деятель и чрезвычайно «плодовитый» публицист, много лет сотрудничавший в «Русском богатстве», весьма скептически отнесся к этому призыву. По его мнению, оппозиция, откладывая внутренние распри, как бы предлагала правительству перемирие, которое вполне можно расценить как капитуляцию, поскольку никаких условий и требований выдвинуто не было. «Если достигнутое единение разно понимается сторонами, если... в отношения между ними вкралось... недоразумение, то виновата в этом, несомненно, оппозиция, у которой в тяжелые и ответственные минуты народной жизни не нашлось достаточно разума или мужества, чтобы быть до конца откровенной и искренней»<sup>1</sup>.

По мнению Пешехонова, трудность достижения истинного единства России была в том, что «ее государственная и общественная организация совершенно не приспособлена для выражения и реализации общей мысли, общего чувства, общей воли». Он пророчил скорое охлаждение населения к этой политике и идее национального единства, т.к., принося себя в жертву, народ ничего не получает взамен: ни улучшения жизни, ни надежды на это улучшение в будущем.

По мере затягивания войны, принявшей всемирный характер, по мере ее растущего воздействия на все стороны жизни страны, Пешехонов – известный экономист – все больше внимания уделял ее экономическим основам. Он отмечал, что война, широко используя четко отлаженный меновый механизм, расшатывает его, ведь с прекращением торговой конкуренции исчезает регулятор цен, и последние утрачивают свою закономерность. В таких условиях становится невозможной не только добросовестная, но и сколько-нибудь правильная торговля, в основе которой лежит трезвый коммерческий расчет. Россия, ввиду ее заграничной задолженности, оказалась в особо трудном положении: «В мирное время мы балансировали наши внешние расходы при помощи

---

<sup>1</sup> Пешехонов А.В. Единая Россия // Русское богатство. 1914. № 9. С. 303.

продуктов, вывозя их из года в год на большую сумму, чем получали сами»<sup>1</sup>. Таким образом происходила выплата процентов по внешним займам и дивидендов по иностранным капиталам, вложенным в русские предприятия. С открытием военных действий российская внешняя торговля резко сократилась, причем вывоз уменьшился гораздо значительнее, чем ввоз, и торговый баланс из активного превратился в пассивный. Это предвещало для России нарушение ее традиционного экономического баланса и тяжелые времена после войны.

Неразбериха и столкновение мнений, овладевшие умами россиян во время войны, сказывались не только в печати, но и в других проявлениях общественной жизни. Ряд существовавших в России союзов и общественных учреждений пытались принести пользу воюющей стране разными доступными им способами: делались попытки устраивать нечто вроде публичных докладов об острейших вопросах тогдашней взбаламученной войной действительности. Но эти попытки обычно подавлялись правительством, требовавшим от всех граждан безусловной лояльности и отказа от всякой оппозиции.

Если в начале войны страну воодушевляли надежды на скорую победу, что в известной степени отвлекало население от его насущных нужд, то, когда притупились воинственно-патриотические настроения, эти проблемы и нужды вновь стали выдвигаться на первый план. Война отрывала от производительного труда миллионы самых сильных работников, лишая вместе с тем миллионы семей их кормильцев. Она потрясала всю хозяйственную жизнь, донельзя затрудняя обмен веществ в хозяйственном организме. Многие предприятия вынуждены были сократить, а то и совсем приостановить свою деятельность: кто-то из-за недостатка рабочих, топлива, материалов, кто-то из-за отсутствия спроса и невозможности сбыта. Производительные силы населения были резко ослаблены, но для ведения войны требовались громадные средства, и потому «самые худшие налоги, вплоть до обложения хлеба и соли, и самые худшие займы, вплоть до неограниченного выпуска бумажных денег, не только виднеются в перспективе, но

---

<sup>1</sup> Пешехонов А.В. Экономическая проблема и экономические планы // Русские записки (Русское богатство). 1916. № 5. С. 277.

кое-где к ним начали уже прибегать...»<sup>1</sup>. Народы воюющих стран и, конечно, российский, начали урезывать свои потребности, и во многих случаях дело доходило не просто до экономии, а до лишений. В этих условиях в воюющих странах был объявлен «исключительный режим», военное положение, при котором закон в той или иной степени уступал место «усмотрению» властей.

В это время народные социалисты вместе с другими народниками пытались (пока нелегально) объединить свои силы. Такая работа проводилась уже с осени 1914 г. Так, 20 октября 1914 г. на квартире Мельгунова состоялось совместное собрание народников. По этому поводу в дневнике Мельгунова имеется запись: «Сегодня у меня было собрание "народников" различных оттенков. Цель – попытаться добиться единения и общими усилиями издавать газету»<sup>2</sup>. Результатом совещания явилась организация издания в Петербурге общенароднического еженедельника «Наша жизнь». Номинальным редактором его был эсер И.З. Штейнберг, фактическим – Пешехонов<sup>3</sup>.

В первом номере еженедельника была опубликована статья Пешехонова «Война и наши задачи»<sup>4</sup>. Автор подчеркивал, что первоочередная задача народников в тяжкую годину войны – быть вместе с трудовым народом, т.е. не развлекать народ сенсациями, не поднимать его дух победными кликами, а бороться за социальную справедливость, добиваться более равномерного распределения тягостей войны (в том числе налогов), защитить интересы солдат и т.п.<sup>5</sup>

Первый номер еженедельника намеревались выпустить в свет в самом начале января 1915 г.; он был отпечатан в количестве 55 тыс. экземпляров<sup>6</sup>. Однако в ночь на 2 января были произведены обыски у редактора еженедельника Штейнберга, издателя В.С. Озерецковского и в помещении редакции. Московский градоначальник, ознакомившись с вышеупомянутой статьей Пешехонова, признал, что «содержание таковой заключает в себе суждение вредное для общественного спокойствия и безопасности»

<sup>1</sup> Отдел рукописей РГБ (ОР РГБ). Ф. 225. Картон 1. Д. 2. Л. 2.

<sup>2</sup> Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907-1917 гг. М., 1999. С. 169.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> См.: Там же. С. 170.

<sup>6</sup> Там же.



и постановлением от 2 января приостановил издание еженедельника. Весь тираж его был конфискован, издатель и редактор арестованы<sup>1</sup>. Мельгунов считал, что это произошло в связи с наличием осведомителя в типографии или среди эсеров<sup>2</sup>.

Несмотря на неудачу, народники продолжили попытки объединения; работа в этом направлении велась и в 1915 г. 16-17 июля по инициативе А.Ф. Керенского на его квартире в Петрограде состоялось нелегальное общероссийское совещание эсеров, энесов и трудовиков. На нем присутствовало около 30 человек, представителей Петрограда, Москвы, Киева, Самары, Нижнего Новгорода и других городов<sup>3</sup>. Среди делегатов совещания были знаменитый Н.В. Чайковский, один из старейших на тот момент народников, В.М. Зензинов, Н.С. Русанов, М.А. Брагинский, М.Е. Березин и др., а также народные социалисты В.И. Анисимов и Пешехонов<sup>4</sup>. Председателем совещания был избран Керенский. На совещании было выбрано «Центральное бюро объединенного народничества», или «Бюро съездов», из 9 человек, куда вошли по три представителя от эсеров, народных социалистов и трудовиков от Петрограда, Москвы и провинции. Цель бюро – восстановление различных народнических организаций и устройство периодических съездов по мере надобности<sup>5</sup>.

После июльского совещания наблюдалось известное оживление народнических сил. В июле–августе 1915 г. состоялось несколько собраний народников, на которых присутствовали представители эсеров (Русанов, Зензинов, А.А. Гизетти и др.), трудовиков (Керенский, Л.М. Брамсон, В.М. Вершинин, В.В. Водовозов и др.) и энесов, в числе которых непременно был Пешехонов. Эти собрания проходили в помещении трудовой фракции Государственной думы и на квартире Керенского<sup>6</sup>. Были предприняты определенные шаги и в направлении создания блока левых партий. С этой целью 14 августа 1915 г. состоялось совместное совещание социал-демократов, эсеров и энесов. На нем было принято решение об издании единой газеты (правда,

<sup>1</sup> Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. 2. Париж, 1964. С. 192.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См.: Сыпченко А.В. Указ. соч. С. 172.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 174.

<sup>6</sup> Там же. С. 175.

средства на нее так и не были найдены)<sup>1</sup>. Но, по мнению Мельгунова, издание не состоялось не только по причине отсутствия денег: был еще «некто в сером в виде старых традиций». По-видимому, Мельгунов имел в виду давние разногласия народников, в первую очередь, эсеров, что мешало успешному проведению в жизнь решений июльского совещания<sup>2</sup>.

Мировая война придала чрезвычайную остроту ее философскому осмыслению, особенно на фоне военных неудач России. Поначалу «Русское богатство» отмечало духовный подъем в народной толще: «...острее и глубже стало сознание общности и общего долга, чувства связи с прошлым, унаследованным от предков, и ответственности за будущее, за судьбу потомков...»<sup>3</sup> С угасанием «патриотического угара» громче зазвучали голоса сторонников прекращения войны, пусть и руководствовавшихся разными мотивами. Свой взгляд на эти проблемы высказал и Пешехонов. Его концепция отличалась стремлением избежать крайностей, занять «срединную», но вполне определенную и свою позицию.

Итак, перед русской общественностью встала дилемма: что важнее – Отечество или человечество, чьи интересы – первого или второго – нужно защищать. «Некоторые уже скатились до национализма и завязли в этой трясине, другие опустились до космополитизма и блуждают по этой пустыне. Еще больше таких, которые лепятся теперь по обрывистым склонам, нередко в самых уродливых позах»<sup>4</sup>, – безжалостно критиковал Пешехонов приверженцев различных взглядов на этот вопрос. По его собственному мнению, если человечеству суждено когда-либо в будущем объединиться, это будет сделано не на почве космополитизма, а на почве интернационализма<sup>5</sup>. Это будет федерация, но понятие «Отечество» не утратит своей ценности и значения. Пешехонов порицал марксистов за их понимание интернационализма как чисто пролетарского чувства, за то, что, абсолютизируя значение классовой борьбы, они не признавали

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Борисов А. Внутренние дела и вопросы // Русское богатство. 1915. № 6. С. 252.

<sup>4</sup> Пешехонов А.В. Отечество и человечество // Русские записки. 1916. № 1. С. 280.

<sup>5</sup> Там же. С. 285.

никаких других объединений людей и форм общественной борьбы. Марксизм видел в национально-государственных организациях не больше, чем классовые организации имущих классов. Отсюда и утверждение, что у пролетариата нет Отечества. Пешехонов же считал, что «теперь жизнь показала всю силу и значение национально-государственных объединений, при столкновении с которыми стусеивались даже классовые антагонизмы»<sup>1</sup>. Он признавал, что социалисты-народники «согрешили» в том, что переняли из марксизма увлечение «классовой точкой зрения» и безусловно отрицательное отношение к национально-государственным организациям. Поэтому отношения между государствами представлялись им как отношения только имущих классов, которые живут между собой мирно либо время от времени воюют к общей своей выгоде или в ущерб лишь трудящимся массам. «В действительности привилегированные слои имеют от войны не только выгоды, но и невыгоды, – и в общем итоге эти последние... значительно превышают первые. Не говоря уже о жертвах крови, каковые – пусть не в совсем равной мере – несут все классы, даже в экономическом отношении война наносит ущерб отнюдь не трудящимся только массам»<sup>2</sup>, – пояснял Пешехонов.

Развивая тему, Пешехонов отмечал, что ни один из интернационалов, построенных на классовом принципе – ни пролетарский, ни буржуазный, ни какой-то иной – не в состоянии сделать ничего в случае политического столкновения между народами, их национально-государственными организациями. Он считал необходимой для этого общую для всех классов «международность», создать которую не может в отдельности ни один класс.

Связывая неразрывно понятия «Отечество» и «человечество», Пешехонов видел на данный момент самую важную и неотложную работу для человечества именно внутри каждой страны, а самую главную задачу Отечества, даже с точки зрения внешней его защиты, во внутреннем его устройстве, – в его понимании работа для Отечества и человечества в тот момент совпадала.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 289.

<sup>2</sup> Там же.

Что касается пресловутого тезиса о справедливых и несправедливых войнах, то Пешехонов считал подобную классификацию абсолютно неправомерной, ибо водораздел между первыми и вторыми отсутствует. В такой обстановке Пешехонов четко определял место для себя и своих единомышленников: «Как всегда, мы должны быть с трудовым народом»<sup>1</sup>, а конкретно задачу видел в том, чтобы «облегчить трудовому народу... бремя, добиться более равномерного распределения его между классами, ... сохранить в народе «душу живую», не допустить ее до ожесточения и одичания»<sup>2</sup>. Он возлагал также надежды и на войну. У трудового народа, по его словам, были враги «хуже немцев» – это бесправие, кабала и невежество. Надежды Пешехонова заключались в том, что война поможет народу раскрыть глаза на этих «врагов» и подвигнуть на борьбу с ними. Он вспоминал Великую французскую революцию и последовавшие за ней войны, которые ознаменовали выступление на исторической арене новой социальной силы и принесли с собой прогресс и реорганизацию экономического строя (не упоминая, правда, о жестокостях и жертвах, сопровождавших эти события). Волна революций начала XX в. и цикл войн, начавшихся вслед, «быть может, знаменуют собой выступление на историческую арену широких трудовых масс, а вместе с тем и начинающееся преобразование всего социального строя на соответствующих их интересам началах... В таком случае неисчислимы жертвы, которые предстоит понести людям, и тяжкие испытания, которые им придется пережить, как-нибудь окупятся»<sup>3</sup>. Однако он не допускал мысли о разжигании антивоенных настроений масс и о так называемом революционном выходе из войны. Его чувства государственника и патриота глубоко страдали от поражений русской армии.

Соратник Пешехонова по партии, историк и публицист Мякотин также занимал оборонческую позицию. В отличие от Пешехонова, чьи интересы находились в эпицентре общественной и политической жизни современной ему эпохи, научные интересы профессора Мякотина больше уходили в глубь веков, поэтому он не

---

<sup>1</sup> ОР РГБ. Ф. 225. Картон 1. Д. 2. Л. 3.

<sup>2</sup> Там же. Л. 5.

<sup>3</sup> Пешехонов А.В. Вероятное и возможное // Русское богатство. 1914. № 8. С. 298-299.

оставил столь пространных рассуждений о текущем моменте. Февральская революция 1917 г., по оценке Мякотина, «разразилась стихийно, в значит. мере неожиданно, явившись прямым результатом всего внутреннего строя государства и легшей на него непосильной тяжестью жестокой войны»<sup>1</sup>.

Звук «железных сандалий всемирной революции», о котором часто говорили социалисты левого направления, ранее всего раздался в огромной России.

Мировая война сделала то, чего не могли сделать все революционные и либеральные партии, вместе взятые – народная стихия поднялась и смела освященный многовековой историей самодержавный строй. Этот грандиозный по своей значимости переворот свершился почти бескровно и безболезненно. Еще один известный публицист «Русского богатства» Петрищев весной 1917 г. писал: «За последние месяцы самодержавия стало избитым сравнение России со страшно нагретым котлом, у которого наглухо завинчена крышка и нет предохранительного клапана. Все время была опасность, что котел взорвется и от него останутся лишь осколки. Но случилось иначе. Болты, которыми была привинчена крышка, перержавели. Напором ее сорвало. Пары вырвались наружу. Котел цел. Цело и то, что в нем варится историей. И все как будто смешалось, перепуталось, пришло в хаотическое и в некоторых отношениях – даже в неправдоподобное состояние»<sup>2</sup>. Особенно неправдоподобным автору показалось то, что после исчезновения монархических партий на крайнем правом фланге оказались кадеты, а трудовики и народные социалисты, эсеры и меньшевики заняли позицию в центре. «Постороннему человеку нельзя понять, почему и зачем... еще существуют в России разные партии и между ними еще идет полемика... Можно сразу приписаться и к с.-д, и к кадетам, и ко всем народническим партиям и, оставаясь на одной и той же политической платформе, чувствовать себя во всех партиях товарищем среди товарищей»<sup>3</sup>.

В России сложилась принципиально новая политическая ситуация, открывшая простор широким демократическим процессам в стране. В 1917 г. должны были выдержать проверку

<sup>1</sup> Мякотин В.А. На распутье // На чужой стороне. 1923. № 1. С. 199.

<sup>2</sup> Петрищев А.Б. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. № 4-5. С. 236.

<sup>3</sup> Там же.

основные социальные и политические представления: о творческом потенциале масс и перспективах народовластия, о жизненности программных и тактических установок либеральных и социалистических партий, включая народных социалистов.

Либеральным народникам, как и другим представителям оппозиционной элиты дореволюционной России, в новой политической системе, сложившейся после Февраля 1917 г., судьба подарила шанс попытаться реализовать себя, претворяя в жизнь на практике важнейшие свои идеи.

## **ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС: ПУТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ПОЛИТИКУ**

***В.В. Шелохаев<sup>1</sup>***

### **СРЕДЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ВОСПРИЯТИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

В статьях, опубликованных в журнале «Вопросы истории», мной было обращено внимание на важность для понимания трагической судьбы российского либерализма осмысления двух совокупно пересекающихся проблем – воспроизводство либеральных идей в неадекватной российской среде и восприятие их этой средой. В статьях было обращено внимание на преимущественно интеллектуальный характер российского либерализма, воспроизводимого сугубо в дворянской и разночинной интеллигентской среде и не имеющего соответствующей социальной среды восприятия либеральных идей и практик. Все вместе взятое свидетельствовало о том, что развитый в интеллектуальном плане российский либерализм, предложивший весьма рациональную программу общественного переустройства России, не имея адекватной среды восприятия, оказался неспособным практически решить теоретически и программно поставленные им задачи. Именно в этом и состоит трагизм ситуации для либерализма в России, которая ни ментально, ни социокультурно, ни экономически не созрела для внедрения либеральных моделей и практик. Неслучайно, что круг лиц, воспроизводивших и воспринимавших либеральные идеи, длительное время оставался крайне узким и размытым. Средний класс – социальная основа западноевропейского либерализма – в России за сравнительно короткий срок пореформенной трансформации так и не сформировался в некое однородное

---

<sup>1</sup> Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX - начале XX в.» Института российской истории РАН.

социальное целое, имеющее собственные интересы и собственные возможности для реализации этих интересов.

Неоднократно обращалось внимание и на тот факт, что на теоретическом уровне российский либерализм, представленный интеллигентским интеллектуальным меньшинством, не только не уступал западноевропейскому, но и в ряде важных вопросов (прежде всего социальных) его опережал. Однако в отличие от западноевропейского либерализма, российский либерализм не имел необходимой длительной практики, позволяющей предметно продемонстрировать ее преимущества во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Либеральная практика ограничивалась такими сферами, как например, земская деятельность, инновациями в среднем и высшем образовании, судопроизводстве, кооперативном и профессиональном движении. Преодолеть существующий «зазор» между всесторонне разработанной теорией и весьма узкими практическими действиями в рамках сравнительно ограниченной среды восприятия российским либералам так и не удалось.

Подобно мифологическому трагическому герою – Сизифу – российские либералы поколение за поколением катили в гору «камень свободы и демократии» и всякий раз не могли его докатить до ее вершины. Двадцатилетний опыт современного российского либерализма буквально зеркально продемонстрировал ту же тенденцию – бессилие Сизифа решить неразрешимую задачу. Если судьба Сизифа была предрешена Олимпийскими небожителями, то судьба российского либерализма была предрешена конкретной исторической действительностью.

В отличие от западноевропейского либерализма, российский либерализм, образно говоря, «вырастал» не из самой «почвы», а из «теории», которая переносилась образованным дворянским меньшинством в несозревшую для подобного рода эксперимента среду. На всем протяжении дореформенной эпохи российский либерализм, с одной стороны, представлял собой некое экзотическое растение, привезенные ростки которого выращивались в «дворянских оранжереях», а с другой – дозировано распространялся с университетских кафедр и в периодической печати, прежде всего «толстых» журналах, сравнительно легко проскакивавших цензуру. Разумеется, что ни



деревенское неграмотное большинство, ни основная масса городского населения о либерализме, как теории, так и практике не ведали.

В пореформенную эпоху ситуация стала несколько меняться. Прежде всего, речь идет о формировании потенциальной среды восприятия либеральных идей. При сохранении в своей основе «дворянского ядра», пореформенный либерализм несколько расширил свои социальные границы за счет формирующихся средних городских слоев, прежде всего разночинной интеллигенции и различных категорий служащих. Расширилось и информационное поле для распространения либеральных идей (периодическая печать, телеграф, телефон) и организационное поле (местное самоуправление, кооперация, народные дома). В начале XX в. возникло несколько либеральных партийных структур, занявших определенные позиции в Государственной думе и Государственном совете. В годы Первой мировой войны, Февральской революции либералы активно использовали общероссийские общественные организации (Земгор, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов). Расширились и их международные контакты (межпарламентские комиссии, пацифистские организации, Международный Красный крест). По сути, российские либералы стали полноправными членами мирового либерального сообщества, рассчитывая использовать его потенциал для решения собственных задач. И, тем не менее, несмотря на все эти позитивные сдвиги, российским либералам не удалось «укорениться» в российскую «почву». Февральский эпизод кратковременного пребывания их у власти носил сугубо ситуационный характер и не в коей мере не свидетельствовал об их «укорененности» в самой «почве». Суть проблемы состоит не в том, что у либералов не было опыта государственного управления страной в экстремальной ситуации войны и революции, хотя и это имеет немаловажное значение, а прежде всего в том, что у них не было соответствующих социально-политических сил, способных оказать им поддержку и в удержании власти, а главное, в практической реализации их программы. Большинство населения страны было настроено традиционистски, следовательно антилиберально. Демократические выборы в Учредительное собрание это убедительно показали.

После рассуждений общего характера попытаемся разобраться в поставленной в статье проблеме.

Средой воспроизводства либеральных идей в России до реформ 60-70-х г. XIX в. были преимущественно дворянские кланы, представители которых были ориентированы на западноевропейские социокультурные и мировоззренческие ценности, а также модели политической и правовой организации гражданского общества и правового государства, на внедрение которых на Западе ушел не один век. Из поколения в поколение представители этих дворянских кланов периодически посещали европейские страны, учились в тамошних университетах, владели иностранными языками, были знакомы с бытом и образом жизни населения этих стран. В «дворянских гнездах» формировались большие библиотеки с соответствующим подбором западноевропейской литературы. Полезность западноевропейского опыта в этой среде являлась общепризнанным ценностным мерилom рациональности и эффективности существования индивидуума и общества в целом. Полученное в западноевропейских университетах образование не могло не способствовать сравнительному анализу положения дел в Западной Европе и в России. Вполне естественно возникало стремление перенять западноевропейский опыт и перенести его в собственную страну.

Вплоть до середины XVIII в. круг лиц, мечтавших перестроить самодержавную Россию в правовое государство, сформировать здесь гражданское общество был предельно узок, а обсуждаемые в этой связи либеральные идеи не выходили за пределы «дворянских гнезд» или столичных аристократических салонов. В этих «гнездах» и салонах обсуждалось не только содержание либеральных ценностей, но и постепенно вырабатывались соответствующие модели либерального индивидуального и общественного образа жизни. Эти традиции передавались последующим поколениям, которые путем домашнего воспитания, круга чтения воспитывались в либеральном духе.

Начиная с середины XVIII в., ситуация стала постепенно меняться. Ее изменению способствовала Французская революция, а также реформы Екатерины II. Определенная часть дворянства, освободившись от давящего гнета «государственного тягла» и

обретая личную свободу, стала активно включаться в хозяйственную, административную и научную деятельность, в создание частных газет и журналов. Либеральные птенцы екатерининских реформ, в отличие от администраторов-бюрократов, размышляли о преобразованиях в контексте западноевропейских ценностей, ибо хотели, хотя бы на вершок, опередить государственных чиновников. Суть расхождений между теми и другими заключалась в том, что, в отличие от бюрократов, либералы хотели расширить и углубить процесс реформирования страны, что, по их мнению, в более короткие сроки позволило бы преодолеть ее отставание от ведущих западноевропейских стран. В отличие от Екатерины II, убежденной в том, Россия представляет собой европейская державу, либералы считали, что это утверждение императрицы скорее носит дипломатический характер. В реальности же, чтобы Россия стала европейской страной, необходимо пройти долгий путь внутренних трансформационных преобразований и это нужно сделать в кратчайшие сроки, активно используя западноевропейский опыт. В этом контексте либералы вели речь о необходимости распространения личных, гражданских и политических прав на как можно более широкие круги населения, о постепенной трансформации абсолютной монархии в правовое государство, сословного общества в гражданское. В качестве необходимых мер предусматривалась ликвидация крепостного права, ставшего очевидным тормозом преобразований страны даже в представлениях бюрократической среды. Не случайно, что формирование либеральных интеллектуальных «центров» хронологически совпадает с екатерининскими преобразованиями. По сути, в этих «центрах» стали зарождаться альтернативные проекты иного видения содержания и характера преобразований России в духе западноевропейских стратегий и практик. Либеральные «центры» стали формировать своеобразную интеллектуальную конкурентную среду, стимулирующую в дальнейшем обсуждение проблем преобразования страны, вовлекали в этот процесс все более широкий круг лиц. Можно считать, что со второй половины XVIII в. либерализм как интеллектуальное течение общественной мысли получил постоянную прописку в России. Как видим, по сравнению с

западноевропейским либерализмом, уже давно ставшим практикой, российский либерализм возник гораздо позднее, и это не могло не наложить на него своего национального отпечатка. До середины XIX в. либерализм распространялся по преимуществу в дворянской среде, иначе и не могло быть в условиях отсталости.

В пореформенный период российский либерализм претерпел ряд подвижек в своей эволюции. Во-первых, из сугубо дворянского он постепенно стал трансформироваться в интеллигентский, хотя значительная часть интеллигенции по своей социальной природе оставалась дворянской. Во-вторых, под влиянием реформ 60-70-х гг. XIX в. в России стали формироваться новые социальные слои, объективно являвшиеся социальной основой нового либерализма. В-третьих, органы местного самоуправления стали практической школой апробирования либеральных идей. Однако общее число приверженцев либеральных идей и практик в пореформенной России было крайне невелико. По подсчетам Н.М. Пирумовой, число земских либералов-практиков не превышало 300 человек. Несколько большей была в начале уже XX в. численность «освобожденцев». По данным К.Ф. Шацилло, их насчитывалось около 1500 человек. Как видим, в допартийный период своей эволюции российский либерализм был немногочисленным, а сфера его влияния ограничивалась либерально ориентированными кругами интеллигенции.

Ситуация стала несколько меняться в годы Первой русской революции, когда были сформированы и стали действовать основные либеральные партии, активно включившиеся в идейно-политическую борьбу за влияние на массовое движение с целью заручиться его поддержкой в деле практической реализации своей программы в случае прихода к власти. Особенностью данного этапа эволюции либерализма стало то, что он, по-прежнему не имея за собой прочной социальной опоры, смог временно привлечь в свои ряды представителей иных социальных страт. Это, в частности, нашло отражение в росте численности либеральных партий, позитивных для них результатах на выборах в общенациональное представительство (I и II Государственные думы). Однако эта тенденция объяснима вполне конкретной ситуацией системного кризиса, когда в движение пришли значительные слои разнородного в социальном плане населения. В

постреволюционный период либералы утратили свое влияние в органах местного самоуправления, где реванш взяли представители консервативных сил. Значительно сократилось число либеральных мандатов в III Думе. Таким образом, в начале XX в., когда Россия продолжала находиться на «марше» от традиционализма к модерну, либералы, образно говоря, напоминали собой мифологического Икара, стремящегося преодолеть тяготение многовековой привычки большинства к несвободе. Традиционная «почва» оказалась сильнее либерального идеала свободы, а в такой ситуации либерализм мог существовать как интеллектуальное течение общественной мысли и в некотором роде общественного движения, но он был не способен творить новое практическое действие. Традиционная среда не способствовала укоренению и расширению зоны либерального воздействия на массовое сознание. На всем протяжении истории российского либерализма среда его восприятия оставалась весьма ограниченной.

Либерализм на российской «почве» так и не смог прижиться, оставаясь по преимуществу интеллектуальным течением общественной мысли.

После августа 1991 г. либерализм стал активно насаждаться новой властью «сверху», но так и не пустил корней в «почву». Так будет продолжаться до тех пор, пока в России не созреют реальные предпосылки и условия для практического либерализма. Остается только ждать и надеяться, что когда-нибудь, хотя бы в отдаленной исторической перспективе, либерализм в России из интеллектуального течения общественной мысли превратится в реальную практику.

## **«ЗАПИСКА О ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ РОССИИ ВЕСНОЮ 1880 ГОДА» С.А. МУРОМЦЕВА – ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В российской политической традиции обращение к историческому опыту страны уже стало своего рода неотъемлемой чертой, причем практически каждый из политических оппонентов, самостоятельно или с помощью «привлеченных экспертов», при наличии желания находит в нем периоды, аргументы, личности, события, подтверждающие, по мнению взыскующего, именно его позицию.

Высказался по этому поводу и поэт:

*Нам глубь веков уже видна  
Неразличимою детально,  
И лишь историку дана  
Возможность врать документально.<sup>2</sup>*

Подобное потребительское отношение к истории породило достаточно известную фразу о том, что Россия – это страна с непредсказуемым прошлым. Зачастую, собственно научный подход к изучению прошлого мало кого интересует. К тому же и многие представители цеха профессиональных историков нередко предпочитают, ради известных и понятных конъюнктурных целей, сделать вид, что и им не чужда определенная степень амнезии. В этом случае академическая наука подменяется набором мифологем, любезных сердцу тех, кто ищет простые и ясные ответы на очень и очень сложные вопросы отечественного исторического прошлого.

Однако подобное конъюнктурное отношение к нашей истории отнюдь не исключает нашего обращения к прошлому в его сравнении с настоящим. В данном случае средствами, возвращающими подобное обращение в рамки этики научного познания, выступает система доказательств сходства эпох, совокупности породивших их обстоятельств, а также следование

<sup>1</sup> Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Государственный университет» - учебно-научно-производственный комплекс»

<sup>2</sup> Губерман И. Избранные Гарики // [Электронный ресурс] URL: <http://shtutik.narod.ru/poeziya/guberman.html#1> (Дата обращения 30.09.2012).

базовому принципу отказа, при всем имеющемся сходстве, от некритической экстраполяции развития события одной исторической эпохи на другую. Сколь бы соблазнительным, порою, это ни казалось. Тем более, что как способ интеллектуального анализа ушедших исторических эпох, как средство для понимания с позиций современности ушедшего от нас прошлого, на наш взгляд, подобное сравнение более чем интересно и продуктивно.

Исходя из соображений общеметодологического характера, изложенных выше, позволим себе обратиться с данных позиций к анализу «Записки о политическом состоянии России весной 1880 года», достаточно известного программного документа российского либерализма, ставшего своего рода квинтэссенцией политического мировоззрения и мироощущения отечественных либералов в эпоху, когда общий строй «Великих реформ» Александра II с неизбежностью поставил вопрос о нормативном закреплении перемен, происходивших в социальном сознании и фактическом социальном статусе мыслящей части российского социума. Его представители остро ощущали ту противоречивость, которая начинала нарастать между общим вектором реформ, породивших в обществе неизбывную тягу к социальному творчеству и попытками вновь вернуть социальные инициативы в ставшие привычными «унтерпришибеевские» рамки.

Авторы «Записки...» не знали о том, как изменится ход исторического развития страны 1 марта 1881 г. и о последующих, инициированных гибелью Александра II событиях. Однако о нарастании чувства социального дискомфорта в российском обществе говорят многие индикаторы. Это и самое известное обращение к верховной власти «государь, увенчайте здание»,<sup>1</sup> это и предложения из среды высшей бюрократии,<sup>2</sup> это и «Записка...», о которой идет речь в настоящей статье.

---

<sup>1</sup> В 1865 г. в адресе московского дворянского собрания, в составлении которого принимал участие М.Н. Катков, московские дворяне просили Александра II «увенчать здание» и довершить реформы «созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству», полагая в качестве таковых собственно выборных от дворянства.

<sup>2</sup> Министр внутренних дел П.А. Валуев представил Александру II записку, в которой предлагал учредить центральное представительство из «земских государственных гласных» с совещательным участием в законодательстве при реформированном Государственном совете.

Разбуженная преобразованиями эпохи реформ, а равно и предшествующими ей десятилетиями, когда общественная мысль России искала себя в журнальной полемике, в салонных дискуссиях, в рождавшейся в лоне усадебной культуры великой русской классической литературе. Само окружающее общество, вынужденность казенной службы, множество иных общественных регуляторов разной степени формальной и неформальной обязательности неизбежно ограничивают человека в степени готовности презентовать высшей власти, которая традиционно воспринимается в России аки «чудище обло, озорно, стозевно и лайя», свое видение сценариев будущего развития страны. Но, наверное, именно в степени готовности поступиться ближайшим интересом ради некоего, нередко фантомного, иррационального понимания своего долга перед Обществом и заключается разница таланта и дарования. При этом имманентно подразумевается, что речь идет о сценарных прогнозах развития высокой степени верифицируемости, основанных на многофакторном анализе и опыте реализации масштабных проектов общественных преобразований.

Подобные прогнозы проходят проверку временем и, нередко, даже не будучи реализованными, становятся основой целых течений и направлений общественной мысли. Но эти сценарные, модельные разработки проектов развития страны одновременно выступают и своего рода точками бифуркации в истории общественной мысли и общественного движения. Реакция власть предержащих, увы, не отличалась разнообразием. Как правило, результаты интеллектуального труда мыслящей части общества властью не востребовались. Однако и общество, в широком понимании смысла слова, тяготело не к поиску непротиворечивых сценариев общественных преобразований, а к поиску простых, ясных, универсальных ответов на самые сложные вопросы социального общежития.

Примерно эта судьба ждала и «Записку о политическом состоянии России». Однако, не будучи принятой властью, объективно склонявшейся к ориентации на усиление традиционных методов решения социальных проблем путем полицейской репрессии и отказом от ряда институтов, введенных ранее проведенными реформами, она впоследствии стала



идеологической и методологической основой для целого ряда крупномасштабных социально-политических проектов российского либерализма. Прежде всего полагаем возможным отнести к таковым следующий этап появления масштабных общелиберальных документов – конституционных проектов российского либерализма. Фактически основные идеи «Записки...» можно увидеть и в совокупности либеральных законопроектов, внесенных либеральными партиями в Первую и Вторую Государственную думу. Соответственно, жизненность идей, заложенных в этих документах, позволяет использовать их для анализа состояния теоретических попыток найти выход из глубинных системных кризисов общества нереволюционным путем. Вместе с тем, опыт российского либерализма начала XX в. показывает, что идеология либерализма, а равно созданные на ее основе модели развития страны не работают в обществах, находящихся на стадиях системного кризиса. Либеральная идеология показывает свой потенциал в периоды некризисного развития на длинном временном плече, что, однако, не накладывает императивного запрета на изучение интеллектуального опыта либеральной общественно-политической мысли.

С этой точки зрения весьма любопытным представляется даже простой компаративный анализ «Записки...» и тех проблем, которые занимают центральное место в современных общественных дискуссиях. Противостояние активной, как сейчас принято говорить, «креативной» части населения и власти неизбежно вертится вокруг очень и очень часто повторяющихся сюжетов, но степень совпадения оценочных аспектов порою представляется явно не случайной.

Анализ с позиций данного подхода «Записки...» уже с первых строк показывает, что подобные совпадения начинаются с общей оценки ситуации в стране. *«Бедствие современной (марта 1880 г.) России, – пишут авторы «Записки...», – состоит в том, что в среде русского общества образовалась и действует с большою неутомимостью партия, выступившая на борьбу с правительством в такой форме, которой никто из людей*

*здравомыслящих, без различия их образования и положения, сочувствовать не может».*<sup>1</sup>

Однако реакция власти и интеллектуальной элиты в выборе методов борьбы расходятся кардинально. Если власть видела причину радикальной оппозиционности в избыточной степени демократических прав и свобод, то либеральная мысль считала, что *«главная причина болезненной формы борьбы заключается в отсутствии в России свободного развития общественной мысли и самостоятельности».*

Власть наращивала силовое давление, привычными количественными средствами укрепляла силовой блок. В противовес этому авторы «Записки...» считали, что *«никакими репрессивными мерами искоренить зло невозможно».*

Историческая власть отвечала на внешнюю угрозу со стороны радикальной оппозиции «сплочением рядов», усилением всеми доступными средствами внутрикорпоративной солидарности. Либеральное же сообщество считало, что *«для устранения причин широко распространенного недовольства недостаточно одних правительственных мероприятий, но необходимо дружное содействие всех живых сил русского общества».*

И, отвечая на вопрос о главных причинах зла, поразившего русское мыслящее общество, они указывали на то, что именно *«в отсутствии способов для правильного и свободного выражения недовольства кроется корень болезненной формы борьбы с правительством».* При таких условиях, – говорилось далее в «Записке...», – *что бы ни делала власть в видах принудительного восстановления своего авторитета, ее усилия будут оказывать лишь раздражающее действие. Не в состоянии помочь здесь и то, что посягательство на свой авторитет правительственные органы склонны выдавать за посягательство на самую Верховную Власть. Фальшивость этого приема не ускользает от внимания даже простолюдина и только усиливает накапливающуюся злобу».*

---

<sup>1</sup> «Записка о политическом состоянии России весной 1880 г.» здесь и далее цитируется по Муромцев С.А. Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 года // Статьи и речи. Вып. II. М., 1910. Текст документа выделен в статье курсивом.

Эта ситуация приводила тех, кто задумывался над ней, к заключению, что правительство не желает прислушиваться к голосу самого общества и не терпит или не хочет терпеть *«правдивых указаний на свои ошибки и промахи, пренебрегает мнениями сведущих людей, как бы преследуя какие-то особые, чуждые потребностям народа цели»*.

Будучи в массе своей представителями прежде всего строгой академической науки, авторы не могли пройти мимо проявившегося уже тогда небрежения к возможностям научного прогнозирования в моделировании общественного развития. *«Вообще по поводу предсказаний, которые требуют точного научного исследования, – читаем мы в тексте почти полуторавековой давности, – правительство обращает слишком малое внимание на такие исследования. В особенности это проявляется в вопросах экономического и финансового законодательства, которые между тем всего менее могут разрешаться в настоящее время бюрократическим путем»*.

Выход из сложившейся ситуации интеллектуальная элита страны видела в создании механизма самовыражения политически активной части российского общества. Именно *«невозможность высказываться открыто заставляет людей таить мысли про себя, лелеять их втихомолку и равнодушно встречать всякую, хотя бы незаконную, форму их осуществления. Таким образом, создается весьма важное условие для распространения крамолы – известное послабление со стороны людей, которые при иных обстоятельствах отвернулись бы от нее с негодованием»*.

Не требовало особых интеллектуальных усилий и обоснование следующего тезиса, заключавшегося в том, что *«в обществе есть запас сил, ищущих простора для деятельности. Есть запас самостоятельных суждений, стремящихся к свободному выражению. Чем сильнее будут стеснять это законное стремление, тем скорее оно бросится по пути незаконному; и чем резче обнаружится несоответствие между стремлениями общества и образом действий власти, тем распространеннее и ярче станут формы незаконного протеста; и чем ярче будут они, тем заразительнее»*. Сколь ни было бы, как говорится, «за державу обидно», но всякий раз, когда у власти возникает выбор между лечением общественных язв большей степенью свободы

или смирительной рубашкой, выбор, как правило, делается в пользу старых проверенных, хотя с удивительной частотой не оправдывающих себя средств.

Заведомо бесперспективной представлялась авторам «Записки...» подобна практика в области свободы слова и мысли. *«Когда мысль подвержена стеснениям, тогда она становится особенно чуткой и восприимчивой, указывается в тексте, – она хватается за малейший намек и придает значение тому, что при других обстоятельствах не обратило бы на себя внимание ... Выдающаяся особенность современного положения русского общества состоит в крайнем недовольстве, которое нуждается в свободном выражении».*

В начале статьи мы уже говорили о том, что для думающей части общества возможность свободы мысли и свободы слова сама по себе выступает в качестве фактора, ставящего носителей этой идеи в первые ряды тех, кто готов был поступиться личным благополучием во имя воспринятых всем строем предыдущей жизни идеалов общественного служения. И *«эта потребность питалась и развивалась умственным движением прошлого и в особенности настоящего столетия, - показывали предысторию либеральной мысли России авторы «Записки...», – уже к началу нынешнего царствования (Александра II – Д.А.) сложился в литературе и обществе законченный идеал государственной жизни, требовавший осуществления. Идеи неприкосновенности прав личности, свободы мысли и слова, государственного устройства, обеспечивающего эти права, легли в основание идеала».*

Но помимо исключительно личной, недоступной никому, кроме самого индивида, самого таинства рождения мысли, любой социум, в число ценностей которого входит потребность к постоянному и поступательному прогрессу во всех областях общественной жизни, не может обойтись без свободы слова, без материального воплощения свободной, по крайней мере от внешних формальных оков мысли, индивидуальной по своей природе.

*«Ограничение печати, как свободы слова вообще, могло бы иметь смысл в стране, правительственная власть которой чувствовала себя оп отношению к народу особенно слабой, – читаем мы в тексте документа, – между тем, известно, что у нас*

*сила власти правительства велика. Все, что достигается ограничением свободного слова, ведет лишь к умалению этой силы. Правительство опасается гласности, стало быть, ему есть что скрывать от внимания общества, – вот неизбежное заключение из современного положения печати».*

Но *«никогда потребность в свободном слове не ощущается с такой силой, как в эпохи недовольства».* В эпохи, когда власть и мыслящая часть общества, в силу своей ментальности, собственного жизненного опыта и пропущенного сквозь сито научного анализа опыта и собственного, и иных социумов, не приемлющая силовых сценариев смены вектора общественного развития, имеют исторический шанс сделать шаг навстречу друг другу, именно свобода информации должна обеспечить данный процесс, породить и защитить диалог двух сущностей.

*«Эта потребность в современном русском обществе громадна, – написано в 1880 г., – оно переживает кризис важный и в экономическом, и социальном, и политическом отношениях. Свободный обмен мыслей один в состоянии облегчить трудные заботы переходного положения».* Отказываясь от выслушивания откровенных суждений, – продолжают ее авторы, – *правительство только лишней раз обнаруживает неуверенность в собственных силах и тем самым лишает себя главного средства узнать, с кем оно имеет дело. В обществе могут находиться нужды и силы, которые застанут правительство врасплох».*

*«В неудовлетворении потребности высказываться откровенно и гласно кроется важный источник современного недовольства»* – трудно не согласиться с этим выводом «Записки...» Особенно после того, как в течение менее чем полугода на наших глазах прошла ускоренная эволюция современной российской оппозиции. Начавшись именно с желания высказать, выплеснуть «urbi et orbi» то, что накопилось внутри, оно, не получив такой возможности, очень быстро деградировало в невнятное собрание всех родов, величин и сортов, утратив позитивный дискурс, который вел к формированию реальной, внутренне непротиворечивой единой оппозиционной программы. Ускоряющаяся маргинализация протеста, вымывание из него мыслящей части объективно недовольных положением дел в

стране, вытесняемых не на диссидентские кухни, а, скорее, в бездну интернет-сообщества, вновь возвращает нас к ситуации *déjà vu*, ощущения что все это уже было, об этом уже писали.

*«Мысль образованного человека по природе своей ищет возможности обмена, взаимного убеждения, – читаем мы в «Записке...», – борьба есть естественное состояние идей. Уничтожить это нельзя без уничтожения самой мысли. Всякая преграда к свободному протесту не ослабит энергии мысли. Напротив, преграды сосредоточат ее и, при невозможности борьбы идейной, создадут борьбу политическую и социальную».*

К числу своеобразных парадоксов, которые дает нам прочтение концептуальных документов рубежных эпох в истории страны, относится наверное и то, что в них мы находим ответы или попытки ответить на вопросы, которые жизнь задаст их авторам через десятилетия. В 1880 г. будущему, во многом легендарному премьер-министру России Петру Аркадьевичу Столыпину, было 18 лет и он учился в Орловской мужской гимназии, а Сергей Андреевич Муромцев, один из авторов «Записки...», уже начал тот будущий диалог между двумя типами российской модернизации, между двумя подходами к пониманию будущего страны. Одной из фраз, выражавших квинтэссенцию базовых подходов П.А. Столыпина к пониманию стратегии преобразования страны, позднее станет знаменитое: «Сначала успокоение – потом реформы».

И ему, тогда гимназисту, но будущему премьеру, возражал молодой профессор Московского университета Сергей Муромцев: *«В настоящее время (в начале 1880 г. – Д.А.) в ходу мысль, что возможно искоренить зло исключительно мерами репрессивными. Многие полагают, что прежде, чем думать о чем-либо ином, необходимо сосредоточить все внимание на таких мерах и лишь потом, когда они достигнут ожидаемого от них результата, обратиться к дальнейшему развитию общественной жизни в России».* Этот спор не закончен и до сих пор и вряд ли когда-то он завершится ни политически, ни тем более этически безупречным решением.

Символичным в судьбе этих двух политиков, которых «Записка...» свела во времена пребывания на Орловщине, а также завершением своеобразного четвертьвекового диалога стало

8 июля 1906 г., когда произошла формальная смена вектора российской модернизации. Вместо обещанного высочайшего приема С.А. Муромцев, терзающийся сомнениями в правильности своего шага, едет в Выборгскую гостиницу «Бельведер» на совещание депутатов распущенной Государственной думы, а П.А. Столыпин принимает дела у И.Л. Горемыкина.

*«Между тем никакими репрессивными мерами искоренить зло невозможно ... пишут авторы «Записки...», - кроме того, следует сказать, что меры репрессивные, нисколько не исправляя существующего зла, ролят еще новое зло. Меры репрессивные неизбежно сопряжены с произволом органов власти. Можно было бы примириться с произволом органов высшей власти, но произвол наверху рождает произвол внизу».*

Все это угрожало еще одному базовому элементу либеральной картины мира – личности каждого конкретного человека. Сегодня человек, не находящий в социуме удовлетворения базовых, архетипических потребностей в безопасности, понимаемой в самом широком смысле слова, начинает строить виртуальный мир социальных сетей, интернет-сообщества, в более простом варианте используются более простые средства, такие, как социальный алкоголь и телевизионный фаст-фуд. Но суть от этого не меняется, вновь и вновь видится актуальным вывод авторов анализируемого нами документа о том, что *«еще более неудовлетворенным является в настоящее время естественное в каждом образованном человеке стремление к личной неприкосновенности, – читаем в тексте «Записки...», – независимость суда, предосторожности при обысках и арестах, ответственность за неправильное лишение свободы, наказание, налагаемое не иначе, как по соблюдении всех формальностей гласного и состязательного судопроизводства, - вот необходимые условия существования современного общества».*

Опыт изучения либерального, общественно-политического наследия показывает, что его отличительной чертой является попытка поиска ненасильственных методов выхода из кризисной ситуации. Не стала исключением и «Записка о политическом состоянии России». Базовый выход ее авторы видят в том, *«что теперь настало время привлечь к деятельности все здоровые ее силы».*

«История учит тому, что она ничему не учит, но жестоко наказывает за незнание своих уроков...» – это одна из многочисленных версий слов великого русского мыслителя,

историка Василия Осиповича Ключевского уже не раз подтверждались ходом российской истории с упорством, достойным лучшего применения отрицавшей собственный опыт ушедших эпох.

*С историей не близко, но знаком,  
я славу нашу вижу очень ясно:  
мы стали негасимым маяком,  
сияющим по курсу, где опасно<sup>1</sup>.*

**В.В. Соколов<sup>2</sup>**

## **ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ В СФЕРЕ РЕФОРМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ НАЧАЛА XX в.**

В начале XX в. в России быстрыми темпами формировалась принципиально новая политическая реальность. В практику государственного управления вошел такой новый институт, как Государственная Дума, ставшая, особенно в период первого и второго созывов, главным местом приложения усилий российских либеральных сил, видевших в реформе законодательства оптимальный путь реализации собственной модели преобразования страны.

Сложный и компромиссный путь, которым страна шла к новой ступени своего политического развития, привел в частности к тому, что первый российский орган представительной власти по способу формирования был более чем далек от либеральной теории и практики реализации либеральных сценариев в других странах. Ограниченность думского влияния на управление страной подвигала либеральных политиков к поиску легитимных средств изменения баланса сил в том числе и в области реформирования действовавшего избирательного законодательства.

<sup>1</sup> Губерман И. Иерусалимские гарики [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.ru/GUBERMAN/gariki.txt> (Дата обращения: 30.09.2012).

<sup>2</sup> Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент.



Специфика российского социума нашла свое отражение и в либеральной партийной программатике, ориентированной на базовые либеральные ценности, связанные прежде всего с введением всеобщего голосования взрослого населения. Известное расхождение во мнениях на целесообразность этого шага, связанное с оценкой патриархального характера крестьянской семьи стало одной из основ расхождения во мнениях на темпы демократизации избирательной системы России.

Вопрос о роли и месте избирательного права в кадетской программе реформирования правовой системы важен и в силу его связи как с дискуссиями внутри самой конституционно-демократической партии, так и с тем, что он служил в качестве одной из причин разногласия кадетов с союзниками из числа партий мирного обновления и демократических реформ.

Исходным пунктом для разногласий было требование всеобщего, равного и тайного голосования. Данное требование было одним из основополагающих принципов программы конституционно-демократической партии, хотя в силу присущей либералам практики партийной работы в партии была допущена свобода мнений по вопросам предоставления избирательных прав для женщин и о характере народного представительства. Союзники кадетов по либеральному лагерю занимали иную позицию. Выступая единым блоком с кадетами по вопросам предоставления гражданам России личных свобод, либеральные политики из партии демократических реформ, не считали, что обретение гражданами личных прав влечет автоматическое получение избирательных прав в полном объеме<sup>1</sup>.

Это теоретическое положение вело к отказу от привлечения женщин к участию выборов в нижнюю палату, при всеобщем участии мужчин в выборах. Это мнение основывалось на традиционной зависимости женщин в условиях патриархального и малограмотного крестьянского общества от мнения мужа или отца. Вместе с тем планировалось, что при выборах в органы местного самоуправления и верхнюю палату, где предполагалось наличие

---

<sup>1</sup> Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза народного благоденствия (речь на собрании членов клуба независимых) // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 34-35.

различных цензов, женщины получают возможность принять участие в политической жизни страны.

Оставляла партия демократических реформ открытым и вопрос о прямых или двухстепенных выборах (п. 5), исходя из общей оценки российского общества как социума традиционно монархического, сословного, неоднородного по уровню политической культуры<sup>1</sup>.

К выборам во II Думу партия демократических реформ конкретизировала свою программу в вопросах избирательного права, приняв новую редакцию соответствующей статьи. Согласно новой формуле, народное представительство состояло из двух палат, нижняя из которых «избирается всеми совершеннолетними и полноправными гражданами мужского пола на равных для всех началах, закрытой подачей голосов, а другая органами местного самоуправления, распространенного на всю Империю и основанного на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании местного населения, безотносительно к полу»<sup>2</sup>.

На сходных позициях стояла и партия мирного обновления, которая принимая требование всеобщего, прямого, равного и тайного голосования как главной цели либерального движения, однако неприменимого немедленно в условиях России. Партия выступила за двухстепенные выборы для сельской местности, считая прямые выборы целесообразными только в городах, имеющих особое представительство. В качестве дополнительных аргументов мирнообновленцы оценивали такие факторы как разбросанность населения по большой территории, что давало при прямых выборах преимущество городскому населению<sup>3</sup>.

Сходным образом партии демократических реформ решала вопрос о распространении избирательных прав на женщин. Считалось, что этот институт не имеет в России почвы для

---

<sup>1</sup> Программа партии демократических реформ // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 33.

<sup>2</sup> Извещение «От партии демократических реформ» и «Основные положения программы партии демократических реформ», сформулированные к началу избирательной кампании во II Государственную думу // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 85.

<sup>3</sup> Программа партии мирного обновления // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. С. 63-64.

реализации. Отмечалась и на специфика положения женщины в мусульманской части страны. Предполагалось предоставить право голоса женщинам на выборах органов местного самоуправления. Это должно было создать условия для развития их участия в политической жизни, получение первичного опыта общественной деятельности<sup>1</sup>.

Однако самостоятельных проектов избирательного закона эти партии не разработали. Анализируя работы отечественного либерализма в рамках думской практики, мы имеем дело с одним реальным законопроектом, подготовленным в рамках того либерального направления, которое консолидировалось в конституционно-демократическую партию, членам которой принадлежала ведущая роль в законотворческих работах в области избирательного законодательства на всех стадиях его создания.

Структурно проект был разработан достаточно подробно. Он включал в себя традиционный для подобных материалов раздел «Общие положения», где определялись принципы, на которых основан законопроект, и приводятся исчерпывающий перечень оснований для ограничения избирательных прав, наиболее общие требования к депутатам, принципы назначения даты выборов.

Статья 1 проекта определяла, что выборы проводятся на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В других статьях Общих положений проекта указывалось, что право на участие в выборах принадлежит всем гражданам России без различия пола и достигшим 21 года, что было меньше, чем предлагавшийся их коллегами 25 летний возраст. Исключение составляли лица, находящиеся под опекой и попечительством, подвергшиеся по судебному приговору лишению или ограничению прав состояния и т.д. Кроме них, избирательных прав лишались военнослужащие и лица, занимающие должности генерал-губернаторов, губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников и их помощников, чинов полиции, а в Царстве польском и уездных начальников<sup>2</sup>.

Возражая сторонникам ограничения избирательных прав женщин, составители объяснительной записки привели в поддержку

---

<sup>1</sup> Там же. С. 64.

<sup>2</sup> Законодательные проекты и предположения партии народной свободы. 1905-1907 гг. СПб., 1907. С. 100.

своей точки только общелиберальные тезисы о предрассудках в отношении способностей женщин, опыте иных стран, отсутствии политических прав женщин как «тормозе общественного развития» и т.д., что наводит исследователя на мысль об отсутствии у них серьезных возражений против аргументов оппонентов.

Пассивным избирательным правом пользовались граждане, которые на основании третьей статьи имели право участия в выборах, независимо от их местожительства, а равно от места занесения в избирательные списки. Общие выборы назначались Высочайшим указом на один из воскресных дней, общий для всей страны. Подобно иным кадетским законопроектам в него была внесена статья, защищавшая право граждан в целом. Согласно 5 статье, «никто не может быть удержан от пользования своим избирательным правом, ни распоряжением административных органов, ни частными лицами»<sup>1</sup>.

Проект также интересен и учетом национальных особенностей при организации выборов. В частности статья 11 предусматривает широкие возможности использования в избирательных документах местных языков наряду с русским. Статьи 27-34 устанавливали порядок составления избирательных списков, исходя из особенностей учета населения на территории страны, деление территории не только по формальному принципу равенства избирательных округов, но и с учетом плотности населения малонаселенных территорий, его национального и бытового состава. Законопроект предусматривал весьма интересный механизм, призванный компенсировать рассеянность сельского населения, но иным способом, чем это предлагалось партией демократических реформ. Вместо двухстепенных выборов кадеты предпочли систему «заявленных кандидатов»<sup>2</sup>, предусматривавшую, что при поддержке 20 избирателей любой гражданин, обладающий пассивным избирательным правом, мог выдвинуть свою кандидатуру для включения в списки по округу<sup>3</sup>. Однако надежда составителей проекта на то, что кандидат, выдвинутый отдельным поселением, «в большинстве случаев

---

<sup>1</sup> Законодательные проекты и предположения партии народной свободы. 1905-1907 гг. С. 100.

<sup>2</sup> Там же. С. 95.

<sup>3</sup> Там же. С. 95-96.

постесняется официально выставить для всего округа свою кандидатуру, заранее обреченную на неудачу»<sup>1</sup>, представляется несколько излишне оптимистичной. Подобные расчеты выглядят несколько наивными и вряд ли предлагаемый механизм способствовал бы успеху технической стороны процедуры выборов.

Место и роль законопроекта в общей системе либерального реформирования страны едва ли могут быть оценены однозначно. С технической точки зрения, законопроект делал российской избирательное право одним из наиболее демократичных для своего времени. С позиций неуклонного соблюдения местных условий при рецепции зарубежных правовых институтов, исповедуемого Партиями демократических реформ и мирного обновления, проект был несомненным забеганием вперед в части распространения избирательных прав на женщин и введения прямых выборов.

Неоднозначно проект оценивается и в рамках общей программы законотворческих работ кадетов. Его реализация вряд ли была бы возможна без достаточных гарантий личной безопасности граждан от произвола властей и верхней палаты, избранной на либеральных принципах. Определенные указания на его привязку к иным законопроектам, к программе реформ в целом содержатся в тексте пояснительной записки, где указывалось, что проект «имеет ввиду предстоящую реформу как земского, так и городского избирательного права на строго демократических началах»<sup>2</sup>. Но даже если допустить его прохождение через все стадии законотворческого процесса, он мог бы обеспечить качественно иной состав Думы, но без изменения ее полномочий в области законодательства это дало бы весьма отдаленный по времени эффект.

В целом кадетский избирательный закон был достаточно совершенным с технической точки зрения и основан на передовых достижениях либеральной мысли своего времени. Однако он был и результатом явного увлечения его создателей идеей ускорения процесса демократизации страны. Прямые выборы в парламент, предоставление избирательных прав женщинам вряд ли было технически выполнимо. Если реально оценивать ситуацию, то

---

<sup>1</sup> Там же. С. 96.

<sup>2</sup> Законодательные проекты и предположения партии народной свободы. 1905-1907 гг. С. 99.

ближе к оптимальному способу организации выборов были союзники кадетов по либеральному лагерю, рекомендовавшие более постепенный, хотя, формально менее демократичный путь построения в России основ правового государства.

*Н.Г. Карнишина<sup>1</sup>*

### **ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ С.А. МУРОМЦЕВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Вопросы местного управления, народного представительства и самоуправления получили свое развитие в период подготовки и проведения реформ 1860-1870-х гг. В научных работах, публицистических статьях, конституционных проектах, в официальных записках и выступлениях государственных и общественных деятелей предлагались проекты создания структуры местного управления в России как системы представительных учреждений.

В теоретическом аспекте учеными-государствоведами на первый план выдвигались такие вопросы, как: соотношение понятий «автономия – самоуправление», «централизация – децентрализация», взаимоотношения государственной власти и местного самоуправления.

В практическом плане в центре обсуждения оказались результаты реализации теорий местного самоуправления на практике, в частности, теории свободной общины и свободной пашни – при проведении крестьянской реформы, хозяйственной и государственной теорий самоуправления – при проведении земской и городской реформ.

В своем конституционном проекте, получившем название «Конституции Муромцева», автор разработал теоретические проблемы местного самоуправления применительно к реалиям Российской империи.

Будучи активным земским деятелем, участником земских съездов, Муромцев был убежденным сторонником использования

---

<sup>1</sup> Карнишина Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.

земского принципа как основы организации местного и центрального управления.

Согласно конституционному проекту, основу формирования и деятельности верхней палаты Государственной Думы должно образовывать местное земское самоуправление, организованное по территориальному принципу на основе демократических выборов. Муромцев писал: «Вся территория страны подразделена на области, губернии, уезды и волости, которые образуют самоуправляющиеся союзы – земства; города образуют самоуправляющиеся общины (ст. 104). Особый статус самостоятельных общин получают города с населением более ста тысяч человек. Местное самоуправление низших союзов основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании, а избирательным правом пользуются все граждане, допущенные к избранию народных представителей, с оговоркой о необходимости проживания в данном месте не менее года (или при уплате местных земских и городских сборов в течение этого времени). Гибкость всей этой системы увеличивается возможностью соглашений областных и губернских земств между собой для совместного ведения дел, общих для нескольких губерний»<sup>1</sup>.

По твердому убеждению автора, компетенция земских и городских учреждений определяется законом, а в его рамках – постановлениями областных и губернских земских собраний.

Муромцевым была сделана попытка соединить теоретический и практический подходы к анализу проблем местного самоуправления. В марте 1880 г. в записке на имя М.Т. Лорис-Меликова он писал: «Мысль о розни, существующей между правительственными органами и народом, составляет в настоящее время явление несомненное и распространенное»<sup>2</sup>.

Подводя первые итоги деятельности органов местного самоуправления, ученый-правовед сделал вывод, что «правительство все меньше доверяет земским обществам: возрастает значение губернских по крестьянским делам присутствий; земства все более становятся под контроль не избираемых ими председателей – предводителей дворянства, которые превращаются в государственных чиновников; решения земских собраний подвергаются цензуре губернаторов;

<sup>1</sup> Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева. Париж, 1905. С. 384-406.

<sup>2</sup> Муромцев С.А. Записка М.Т.Лорис-Меликову // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сб. док-тов / Авт.-сост.: А.В. Гоголевский, Б.Н. Ковалев. М., 2000. С. 492.

ограничиваются полномочия земских собраний в вопросах установления местных налогов, заведывания школами и т.д.»<sup>1</sup>.

В «Записке о внутреннем состоянии России весной 1880 г.» Муромцев попытался проанализировать причины сложившегося положения дел. По его мнению, «Администрация относится к стремлению общества в государственной жизни недружелюбно. Во что бы то ни стало, обществу навязывается мысль, что столь обширным государством, как Россия, такую сложную жизнь, каковою стала русская жизнь, можно управлять почти заключительно посредством чиновников»<sup>2</sup>.

Муромцев пришел к выводу, что «одна центральная администрация, если бы даже она обладала нечеловеческою мудростью и энергией, не в состоянии справиться со всеми бесчисленными задачами, которые, по отсутствию самодеятельности общественной, по необходимости падают на нее. Целый ряд нужд или вовсе остается неудовлетворенным, или удовлетворяется шаблонным способом, без соображения местных интересов, или же влечет к ряду бессистемных, одна другой противоречащих мер. Вывести нашу страну из того заколдованного круга, в который она попала, не может ничто, кроме призыва в особое самостоятельное собрание представителей земства к участию в государственной жизни и деятельности, с прочным обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждения. Эта свобода вызовет наружу лучшие народные силы, пробудит заснувшую жизнь и разовьет богатые производительные силы нашей страны»<sup>3</sup>. Многие сомнения Муромцева впоследствии подтвердились. В частности, в записках высших сановников пореформенного периода содержались следующие критические замечания о ходе реформы местного управления.

Д.А. Милютин, подводя первые итоги земской реформы в России, писал: «С самого открытия земских учреждений возникали недоразумения, повредившие в самом корне развитие у нас местного самоуправления. С одной стороны, выразилось явное недоверие правительства, которое поставило себе задачей – ревниво ограждать свое самодержавие от всякой возможной попытки земства присвоить себе самостоятельное значение. С другой стороны – земство оказалось неудовлетворенным

---

<sup>1</sup> Там же. С. 495.

<sup>2</sup> Муромцев С.А. В первые дни министерства гр. М.Т. Лорис-Меликова. Записка о политическом состоянии России весной 1880 года. Берлин, 1881. С. 3.

<sup>3</sup> Там же. С. 8-9.



предоставленным ему кругом действий, и с первых же своих шагов уже выказало неосторожно желание выйти из предназначенных ему рамок. Так мы видели, что в заседаниях Петербургского земства прямо были поставлены и обсуждались, при рукоплесканиях публики, вопросы об отмене ограничительных статей Положения о земских учреждениях и даже о центральном земском учреждении. Между местной властью, т.е. губернаторами, и земством возник прискорбный антагонизм, который не только затормозил в самом начале развитие у нас местного самоуправления, но подточил эту важную государственную реформу в самом корне ее. Точно такое же недоверие выражало правительство и в отношении своих к новому городскому управлению. Всякое со стороны последнего проявление самостоятельности, всякое пререкание между ним и административными властями вызывало в высших сферах тревожные опасения»<sup>1</sup>.

Н.П. Игнатъев в 1881 г. в своей записке по поводу создания Особой комиссии для составления проектов преобразования местного управления под председательством Каханова писал: «Вопрос о преобразовании губернских и уездных учреждений был уже возбужден министром внутренних дел, при котором была в 1859 г. учреждена особая комиссия о преобразовании сих учреждений. Работы комиссии не могли привести к какому-нибудь окончательному результату, т.к. вновь возникшие учреждения крестьянские, городские и земские не были поставлены законом в органическую связь с существовавшей губернской администрацией»<sup>2</sup>.

Многие современники подтверждали наличие проблем с реализацией реформы местного управления. Например, в записке А. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос» в 1880-е гг. содержался анализ итогов земской и городской реформы: «Земская реформа не имеет никакой истории. Россия совсем неожиданно очутилась под действием закона, изготовленного в тиши Петербургских канцелярий и такого закона, который долженствовал изменить весь ее быт. Земские органы были поставлены вне связи с правительством и вне всякой связи с сословиями. Новый закон, имевший, по-видимому, целью призвать к деятельности общественные чины, игнорировал наши исторические общественные союзы и в основу созданных им учреждений поставил случайные группы имущественников.

---

<sup>1</sup> НИОР РГБ. Ф. 169. К.15. Д. 3. Л. 13-13 об.

<sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1099. Оп. 1. Д. 529. Л. 4, 5.

Городские избирательные союзы отличаются еще более случайным составом и делают контингент земских гласных большей частью очень низкого нравственного уровня. Земство может быть хорошо в одном уезде и очень плохо в другом с ним смежном. Являясь представительством всех, земские учреждения не могут быть серьезными представителями каких-либо известных определенных интересов. Не имея никакой связи с бытовыми союзами, не находясь под их нравственным контролем, гласные земских собраний могут безнаказанно применять на практике свои личные случайные воззрения, идущие в разрез с интересами и взглядами этих бытовых союзов, которые собственно и составляют русский народ. Бессословное земство означает всех, а все значит никто»<sup>1</sup>.

Б. Мещерский в «Записке о необходимости административных, финансовых и других реформ», адресованной К.П. Победоносцеву, писал: «Предоставление земским учреждениям не в меру широкого поля для обсуждения проектов законодательных изменений отдаляет земские собрания от существенной их деятельности хозяйственно-административной, в которой и без того земство сказало слишком мало для 15 лет практической пользы. Земские учреждения должны быть направляемы к цели более практической, чем законодательной»<sup>2</sup>.

Проблема самоуправления, народного представительства является одной из немногих в России, имевших возможность, выйдя из министерских проектов и записок, учебников по государственному праву и научных статей в ходе реформ пореформенного периода, пройти проверку практикой. Многие государственоведы и общественно-политические деятели второй половины XIX - начала XX вв. при анализе проектов и первых результатов земской и городской реформ прошли путь от традиционного увлечения немецким правом и западным опытом к учету российской специфики и созданию конкретных проектов функционирования местного управления в России. Муромцев также в качестве теоретической основы использовал германскую концепцию конституционной монархии. Заслугой Муромцева являлось реализованное в его проектах в полной мере стремление сконструировать юридический механизм политической реформы на базе правового государства применительно к условиям Российской империи.

---

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 617. Л. 10, 11, 12, 13.

<sup>2</sup> ОР РНБ. Ф. 587. № 18. Л. 6, 12.

**СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МУРОМЦЕВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ  
ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ:  
ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ**

*К.А. Соловьев<sup>1</sup>*

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ  
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Для С.А. Муромцева в работе председателя Думы не было мелочей. И внешний вид, и слова, и тем более поступки первого лица нижней палаты должны были соответствовать ее высокому авторитету. Депутат I Государственной Думы В.А. Оболенский вспоминал: «Нигде, ни при каких условиях он не забывал своего высокого положения. Выработал себе манеры, жесты такие, какие, согласно его артистической интуиции, должна была иметь его председательская особа. Мне казалось, что он даже ел и спал не так, как все, а “по-председательски”. И, несмотря на то, что во всем этом искусственно созданном им облике было много наигранного и напускного, всем казалось, что такой он и есть – торжественный, величавый и властный. Члены Думы не только уважали его, но и боялись»<sup>2</sup>.

Мысль об особом «призвании» председателя Думы будоражила умы и преемников Муромцева. В ноябре 1912 г. Я.В. Глинка разрабатывал вопрос о придании особого значения председательской должности. В частности, предлагалось установить торжественный выход председателя в зал заседаний, а также удалить с председательской трибуны кресла его товарищей, «которые будто бы мешают председателю своими неуместными советами». На это М.В. Родзянко глубокомысленно и в то же время таинственно заметил: «В IV Государственной думе не будет товарища председателя, будет только председатель Родзянко»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

<sup>2</sup> Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 52.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2720.

По словам чинов думской канцелярии, Родзянко был преисполнен чувством огромной значимости собственной персоны<sup>1</sup>.

Действительно, способность председателя вести заседания палаты во многом определяла ее стиль и ритм работы. Очень многое зависело от личности, занимавшей эту должность. Первый же председатель задал чрезвычайно высокую планку для всех последующих. Про Муромцева один депутат-крестьянин говорил В.А. Маклакову: «Он председательствует, как обедню служит»<sup>2</sup>. Члены нижней палаты вспоминали, что Муромцев буквально преображался на председательском кресле<sup>3</sup>. При этом сам он не видел в этом никакой игры. Муромцев понимал, что в первые месяцы существования народного представительства шло постепенное формирование парламентской процедуры, которая и складывается из случайностей, частных, прецедентов. В этом ряду стоят поступки председательствующего, его манера поведения и даже внешний облик. По словам П.Н. Милюкова, «своей не только главной, но исключительной задачей на председательской трибуне Сергей Андреевич считал творчество обычного парламентского права, которое явилось бы непроницаемой броней парламентской свободы»<sup>4</sup>. Примечательно, что о необходимости регламента работы нижней палаты Муромцев задумался задолго до ее созыва. Еще в январе 1906 г., когда не было ясно, каков будет состав первого народного представительства, он с М.Я. Острогорским составлял Наказ Государственной Думе<sup>5</sup>. Муромцев с чрезвычайным трепетом относился к председательским обязанностям. Это удивило его коллег буквально в первый день работы законодательной палаты. Вечером 27 апреля 1906 г. лидеры партии кадетов – 10-15 человек – собрались на квартире М.М. Винавера обсудить дальнейшие шаги Думы. Они уже сходили домой, пообедали, отдохнули, оделись полетнему – день был очень жаркий. Все были возбуждены, ничего делать не хотелось, за работу сели лишь в 10 часов вечера. И тут явился Муромцев – во фраке с белым галстуком. Кадеты

---

<sup>1</sup> Там же. Д. 989. Л. 849.

<sup>2</sup> Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. М., 2006. С. 90.

<sup>3</sup> Бондарев С.И. Воспоминания депутата-трудовика // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М., 1911. С. 277.

<sup>4</sup> Милюков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Там же. С. 45.

<sup>5</sup> Набоков В.Д. Первый председатель Государственной думы // Там же. С. 286.

озадачены. Оказывается, новоизбранный председатель – только что из канцелярии Думы, где все надо было подготовить к предстоявшей работе. «Только накормите ради Бога, – просит Муромцев, – с утра ничего не ел»<sup>1</sup>. И так почти каждый день: в 10 часов утра Муромцев приходил в Таврический дворец, а в 3 часа ночи уходил оттуда<sup>2</sup>.

Совсем иначе выглядел Ф.А. Головин: «Закрученные кверху усы, высокий крахмальный воротник, картавый голос производили при первом знакомстве немного комическое впечатление. Предубеждение из-за внешности, конечно, разлетается при более близком общении, как оно разлеталось при более близком общении у тех, кто, например, имел дело с Кокошкиным, который по внешнему виду на Головина походил. Но у Головина не было ни умственного блеска Кокошкина, ни его дара слова и мысли. Он никому не импонировал, и с ним не стеснялись»<sup>3</sup>. Г.А. Алексеев, служивший в канцелярии Думы, через несколько дней после начала работ, 25 февраля 1907 г., весьма критично оценивал председателя нижней палаты: «С грустью в сердце приходится констатировать, что во главе Государственной Думы стоит очень и очень плохой председатель». Алексеев считал, что у Головина не было ни опыта, ни каких-либо теоретических знаний. Он слабо представлял обязанности председательствующего. «Вместо того, чтобы руководить прениями и по выяснении вопроса ставить его в ясной форме на баллотировку, он то и дело вносит свои собственные предложения и, не слыша на них возражений, без всякой баллотировки объявляет их принятыми»<sup>4</sup>. Канцелярия жаловалась на безответственное поведение Головина, который «улетучивался» сразу по окончании пленарных заседаний и все свободное время проводил со своей знакомой А.В. Скурдиной<sup>5</sup>. Это чрезвычайно смущало кадетов, которые опасались, что правые обязательно учинят скандал в этой связи<sup>6</sup>. Головин «ушел с головой» в личную жизнь и к своим обязанностям относился весьма легкомысленно. Он даже не думал отвечать на важные письма

<sup>1</sup> Винавер М.М. Муромцев – адвокат и председатель Думы // Там же. С. 271.

<sup>2</sup> Там же. С. 270.

<sup>3</sup> Маклаков В.А. Указ. соч. С. 91.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 174. Л. 94.

<sup>5</sup> Там же. Д. 182. Л. 18.

<sup>6</sup> Там же. Д. 177. Л. 66.

П.А. Столыпина, предоставляя их составить Н.Н. Щепкину: «Да вы напишите там что-нибудь, а я подпишу»<sup>1</sup>. Неслучайно Наказ II Думы разрабатывался с учетом «беспомощности» председателя и в нем предусматривалось то, что обычно оставлялось на усмотрение ведущего заседания<sup>2</sup>. Это было тем более важно, что при всех недостатках самого Головина, его товарищи (т.е. заместители), по мнению Маклакова, были еще хуже<sup>3</sup>.

Первые два председателя являли примеры едва ли не противоположностей, что подтверждает очевидный факт: председатель Думы – это не функция, а человек с особым характером, привычками, темпераментом. Весьма колоритным персонажем был и последний председатель нижней палаты – Родзянко. Он часто бывал бестактен, смущая министров, депутатов, сотрудников канцелярии Думы. «Я... крайне недоволен непочтительным ко мне отношением многих ваших чиновников, – говорил он руководителям канцелярии 11 мая 1912 г. – Так, я заметил, что они при встрече на улице мне не кланяются и не уступают дороги. Это крайне невежливо с их стороны и непочтительно к председателю Думы». Это заявление было тем более странным, что Родзянко не был знаком с сотрудниками думского аппарата (в отличие от Муромцева, который познакомился со всеми чиновниками нижней палаты)<sup>4</sup>. К тому же беспомощность Родзянко в юридических и процедурных вопросах ставила его в полную зависимость как раз от чинов канцелярии. Так, в конце ноября 1912 г. правые намеренно создавали трудности председателю на пленарных заседаниях. Фактический глава канцелярии Глинка вместо того, чтобы помогать Родзянко, в самую критическую минуту куда-то исчезал. «И председатель беспомощно озирается, нигде не видя себе поддержки»<sup>5</sup>.

Должность председателя требовала целого ряда умений. Товарищ (заместитель) Родзянко В.М. Волконский относил к числу своих неоспоримых достоинств опыт службы вахмистром. По этой причине ему не составляло большого труда перекричать

<sup>1</sup> Там же. Д. 207. Л. 21.

<sup>2</sup> Маклаков В.А. Указ. соч. С. 154.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 174. Л. 90.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 584. Л. 2822.

400 человек<sup>1</sup>. Председательствующий должен был уметь не только кричать, но и считать. В конце легислатуры III Думы, в мае 1912 г., кворума не было практически ни на одном заседании. Тем не менее, Родзянко и Волконский умело маскировали этот факт и проводили необходимые решения. Это не удавалось другому товарищу председателя Думы М.Я. Капустину, которому приходилось постоянно прекращать заседания из-за малочисленности собравшихся<sup>2</sup>.

Наконец, председатель должен был уметь договариваться. В определенном смысле он был наиболее зависимой фигурой в нижней палате. Он зависел и от думского большинства, его избравшего, и от думского меньшинства, способного сорвать заседания. Ситуация заметно осложнялась отсутствием ясного понимания, кто представляет большинство, а кто – меньшинство. В этом была уязвимость позиции и Муромцева. Согласно воспоминаниям С.Е. Крыжановского, в кадетской среде даже ему не слишком доверяли. Когда его однопартийцы заметили, что к председателю Думы стал регулярно наведываться товарищ министра внутренних дел Крыжановский, у них это вызвало подозрения. Очевидно, в этой связи секретарь нижней палаты кн. Д.И. Шаховской стал часто и без какой-либо надобности заходить к Муромцеву, когда у него в кабинете был столь высокопоставленный чиновник. Председателю Думы и Крыжановскому приходилось срочно менять тему разговоров<sup>3</sup>.

Страх обструкции многое объяснял в поведении председательствующего. Именно по этой причине в начале работы IV Думы Родзянко, получивший столь желанное кресло в значительной мере благодаря голосам оппозиции, искал поддержки и у правого крыла, всячески отстаивая избрание секретарем нижней палаты националиста П.В. Синадино<sup>4</sup>.

Деятельность председателя Думы не ограничивалась стенами Таврического дворца. Он представлял нижнюю палату перед лицом верховной и исполнительной власти, в т.ч. и перед самим

---

<sup>1</sup> Там же. Д. 401. Л. 92.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

<sup>3</sup> [Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 95-96.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2763.

императором. Большое значение беседам с царем придавала и оппозиция. 25 марта 1907 г. принадлежавший к фракции кадетов Головин писал жене: «Мне очень хотелось бы время от времени видеть государя. Я думаю, что личные доклады могли бы способствовать более правильному взгляду государя на Думу»<sup>1</sup>. С ним соглашался и секретарь Думы М.В. Челноков, который считал необходимым, чтобы Головин посещал императора как можно чаще, держа его в курсе работы депутатов<sup>2</sup>. Судя по всему, этот вопрос обсуждался Челноковым с министром императорского двора В.Б. Фредериксом, который отнесся к этой инициативе с большим интересом<sup>3</sup>. Фредерикс организовал встречу Головина с императором, правда, предупредив председателя Думы, что нужно предоставить перечень вопросов, о которых он намеревался говорить<sup>4</sup>. Спустя три года, именно ради личных встреч с царем А.И. Гучков стал председателем Думы<sup>5</sup>.

Эти беседы придавали особый вес председательствующему, так как в разговоре с императором можно было разрешить многие проблемы. Например, в ноябре 1910 г. Гучков обсуждал с Николаем II широкий круг вопросов, явно не входивший в сферу компетенции Государственной Думы. Они говорили о внешней политике России, император рассказывал о своей недавней встрече с германским кайзером. Гучков, в свою очередь, жаловался на беспорядки в морском и военном ведомствах<sup>6</sup>. Эта беседа имела очевидные практические последствия. На следующий день император вызвал к себе военного министра В.А. Сухомлинова и сообщил ему о замечаниях Гучкова, предлагая таким образом отреагировать на позицию председателя нижней палаты<sup>7</sup>. Интимный характер таких бесед исключал возможность их огласки. Характерно, что сдержанный и в высшей степени корректный Муромцев был

<sup>1</sup> Там же. Д. 185. Л. 52.

<sup>2</sup> Там же. Д. 186. Л. 62.

<sup>3</sup> М.В. Челноков писал Г.Е. Львову 9 марта 1907 г.: «Отношений с Царским Селом пока никаких, но один разговор на эту тему был с Фредериксом, который к такой мысли отнесся сочувственно» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 177. Л. 66). См. также: Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907-1916 гг. М., 1924. С. 23.

<sup>4</sup> Поливанов А.А. Указ. соч. С. 24.

<sup>5</sup> Савич Н.В. Воспоминания. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 80.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 65 об.-66.

<sup>7</sup> Там же. Л. 67.



чрезвычайно лаконичен, пересказывая свои разговоры с царем<sup>1</sup>. Не таков был Гучков. Согласно воспоминаниям Н.В. Савича, царь воспылал ненавистью к Гучкову, когда стало известно, что председатель Думы сообщил депутатам содержание своего разговора с императором. Неудивительно, что эта информация вскоре стала достоянием широкой гласности<sup>2</sup>. Впоследствии Николай II не скрывал своей антипатии к лидеру октябристов. Этим пользовался военный министр Сухомлинов, который в своих докладах императору всячески подчеркивал вмешательство Гучкова в дела армии. Царь же в ответ называл Гучкова «подлецом» и не возражал против того, чтобы эти слова дошли до «адресата»<sup>3</sup>.

Самые деликатные вопросы обсуждались и во время встреч императора с М.В. Родзянко. Так, в феврале 1912 г. на приеме у Николая II Родзянко заявил, что сведения о Г.Е. Распутине компрометируют царскую семью. В этой связи 29 февраля к председателю Думы явился дворцовый комендант В.А. Дедюлин и объявил о решении императора возложить на Родзянко подготовку доклада о Распутине. Председатель Думы был столь горд этим поручением, что вскоре распространил сведения о нем по всей нижней палате, правда, всякий раз подчеркивая необходимость сохранить эту новость в тайне. При этом он так и не приступал к непосредственной подготовке доклада<sup>4</sup>. Прошло около двух недель. Родзянко опять собирался в Царское Село. «Он, конечно, ничего компрометирующего Распутина не отыскал и, кроме сплетен, ничего рассказать не сумеет. Письменного доклада Родзянко не представляет, а ограничится словесным изложением»<sup>5</sup>. Тем не менее, и в дальнейшем председатель Думы шел на откровенный разговор с императором, ставил перед ним неприятные вопросы. 17 ноября 1912 г. Родзянко обратил внимание царя, что выборы в IV Думу прошли под сильным давлением администрации. На реплику императора, что даже в республиках правительство

---

<sup>1</sup> Оболенский В.А. Указ. соч. С. 353.

<sup>2</sup> Савич Н.В. Указ. соч. С. 81.

<sup>3</sup> Поливанов А.А. Указ. соч. С. 110.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 563. Л. 710.

<sup>5</sup> Там же. Д. 564. Л. 801.

пытается влиять на исход выборов, Родзянко заметил, что там администрация обычно не нарушает законов<sup>1</sup>.

Впрочем, такие беседы были полезны не только председателю Думы, но и императору. На этих встречах Николай II говорил о своем отношении к недавним событиям в Таврическом дворце, донося таким образом свою точку зрения до депутатов. Например, в апреле 1907 г. он вынудил Головина оправдываться, заявив о необходимости пресекать политические демонстрации со стороны левого крыла Думы<sup>2</sup>. 20 марта 1910 г., беседуя с помощником военного министра А.А. Поливановым, Николай II сожалел, что Дума исключила из сметы ассигнования на оркестр балалаечников. «Я у Гучкова потребую этих денег», – заключил император<sup>3</sup>. 17 ноября 1912 г. Николай II попросил Родзянко, чтобы комиссия, занимавшаяся военными делами, более не называлась комиссией по государственной обороне, так как это совпадало с названием подчиненного императору Совета<sup>4</sup>.

Предстоявшее общение с императором учитывалось при выборе председателя. По воспоминаниям Н.В. Савича, в 1907 г. октябристы сошлись на кандидатуре Н.А. Хомякова, как раз имея в виду его будущие аудиенции в Царском Селе: «Хомяков имел свойство приятного собеседника, обладал светским тактом, мы надеялись, что при личных сношениях с царем он найдет надлежащий язык, что его манера подходить к вопросам с легкой иронией, порой с некоторой насмешливостью, всегда остроумно и без необходимости для собеседника дать немедленный ответ по существу, помогут ему установить добрые отношения с царем, подозрительным, недоверчивым и относившимся к нам с большим предубеждением»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. Д. 583. Л. 2732.

<sup>2</sup> Там же. Д. 196. Л. 100.

<sup>3</sup> Поливанов А.А. Указ. соч. С. 97.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2732.

<sup>5</sup> Савич Н.В. Указ. соч. С. 78. Право личного доклада императора требовало определенного понимания психологии, стиля поведения царя. Так, Ф.А. Головину этого явно не доставало. 21 мая 1907 г., за две недели до уже предрешенного роспуска II Думы, он с уверенностью писал дочери, что нижняя палата данного созыва просуществует еще долгое время. Это заключение он вынес из беседы с Николаем II. «Хотя государь не верит в работоспособность Думы, но я доказывал ему противоположное. Не знаю, удалось ли мне уничтожить опасения государя. Думаю, что нет. Тем не менее на прощание он высказал пожелания, чтобы мои

В этом отношении выбор председателя оказался в высшей степени удачным. Николай II общался с Хомяковым куда более охотно, чем с Гучковым или Родзянко. Характерно, что за I сессию III Думы Хомяков имел 5 всеподданнейших докладов; за II сессию – 6; за III сессию один доклад сделал Хомяков, другой – Гучков; за IV сессию Гучков имел два доклада, Родзянко – один; за V сессию Родзянко имел два доклада<sup>1</sup>.

Учитывая ценность личной беседы с императором, председатель обычно тщательно готовился к такой встрече, проводя необходимые консультации. Например, в конце марта 1907 г. Головин советовался со своими знакомыми по земской работе (Д.Н. Шиповым, кн. Г.Е. Львовым, Н.Н. Львовым, А.А. Свечиным, М.В. Челноковым и др.) относительно предстоявшей поездки в Царское Село<sup>2</sup>. Тем не менее, всеподданнейший доклад председателя далеко не всегда служил интересам думского большинства. Председатель, выступая от имени всей Государственной Думы, не мог отречься от своих собственных взглядов и симпатий. Так, по словам Савича, позиция думского большинства часто не находила своего отражения в беседах Хомякова с императором, что вызывало раздражение октябристов и в итоге привело к отставке председателя нижней палаты<sup>3</sup>. Все попытки бюро фракции убедить Хомякова защищать точку зрения своей партии хотя бы в ходе аудиенций в Царском Селе были тщетны. «Хомякову были органически противны подпольная борьба и дразги политических противников, с которыми ему нужно было бороться, если бы он пошел по пути, на который его толкало бюро. Он поступил как избалованный барин – ушел, отряс прах с ног своих»<sup>4</sup>.

Фигура председателя была небезразлична и для правительства. Неслучайно, в начале ноября 1907 г. Столыпин

---

надежды на работоспособность Думы оправдались. Отсюда я заключаю, что он намерен дать Думе существовать еще некоторое время для опыта. Я же думаю, что опыт окажется в пользу Думы и таким образом Дума может сохранить свою жизнь еще на продолжительное время». (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 208. Л. 72).

<sup>1</sup> Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907-1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. Общие сведения. С. 64.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 187. Л. 46.

<sup>3</sup> Савич Н.В. Указ. соч. С. 78-79.

<sup>4</sup> Там же. С. 79.

провел целый вечер в обществе Хомякова и уговаривал его стать председателем Думы. Премьер-министр чрезвычайно опасался, что мог быть избран представитель правых – гр. А.А. Бобринский<sup>1</sup>. В марте 1910 г. Столыпин настаивал на избрании на эту должность хорошо знакомого ему Гучкова<sup>2</sup>, когда это казалось сомнительным и октябристам, и самому их лидеру. Конечно, правительство хотело иметь в председательском кресле удобного ему человека, дабы более не случались инциденты, подобные тому, что имел место во II Думе. Тогда, в марте 1907 г., Столыпина возмутил противоречивший законодательству отказ председателя Думы Головина предоставить слово премьер-министру на пленарном заседании нижней палаты. 18 марта 1907 г. в этой связи близкий к Столыпину журналист С.Н. Сыромятников писал И.Я. Гурлянду: «Для нас указ – Пруссия и Америка, а не Франция, где палата имеет в министрах своих приказчиков»<sup>3</sup>.

Однако, внимание к личности председателя объяснялось не только влиянием последнего на законотворческий процесс. Важно было то, что именно председатель Думы вел переговоры с правительством по многим вопросам как технического, так и принципиального характера. Через председателя Думы премьер-министр оповещал депутатов о предпочтительной очередности рассмотрения правительственных законопроектов<sup>4</sup>. Соответственно, в случае конфликта министров с руководством Думы вся деятельность нижней палаты ставилась под угрозу. Эта проблема имела место в конце 1912 – начале 1913 г. За время рождественских каникул Родзянко неоднократно пытался договориться с правительством относительно плана работы нижней палаты. Однако из этого ничего не вышло, что сильно осложнило и замедлило работу депутатов<sup>5</sup>.

При посредстве председателя законодательной палаты премьер-министр пытался воздействовать и на общее собрание Думы. Так, в марте 1913 г. В.Н. Коковцов просил Родзянко сделать

---

<sup>1</sup> Маклаков В.А. Указ. соч. С. 40.

<sup>2</sup> П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 359.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 331. Л. 14.

<sup>4</sup> П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 278-281, 389-392.

<sup>5</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 121.

все возможное, чтобы сведения о поражении турецких войск при Адрианаполе были спокойно восприняты депутатами<sup>1</sup>.

Большое значение придавалось не только содержанию, но и форме бесед председателя Думы с министрами. Муромцев с чрезвычайным вниманием относился к протокольным подробностям его общения с правительственными чиновниками. Обсуждая с Крыжановским свою будущую встречу с министром внутренних дел Столыпиным, он специально оговаривал, где эта встреча произойдет, какой будет избран повод, кто первый сделает шаг навстречу<sup>2</sup>. Также и председатель II Думы Головин считал для себя неприемлемым нанести первым визит Столыпину<sup>3</sup>. В разговоре по телефону 23 февраля 1907 г. Головин и Столыпин пытались прийти к соглашению о месте встречи. Премьер-министр указал, что было бы лучше побеседовать на «нейтральной» территории, т.е. в Думе, где их общение может остаться незамеченным<sup>4</sup>. Уже в III Думе журналисты с ностальгической грустью вспоминали поведение Головина как председателя нижней палаты. Однажды, в период работы II Думы, Столыпин стоял у министерской ложи и ждал Головина, желая с ним переговорить. Головин же, не торопясь, давал распоряжения своему секретарю. И лишь после того, как Столыпин второй раз подослал чиновника особых поручений, председатель Думы подошел к премьер-министру<sup>5</sup>.

И все же во II Думе, ожидавшей роспуска со дня ее созыва, председательствующий далеко не всегда мог позволить себе такое поведение. 16 апреля 1907 г., сразу после скандального выступления А.Г. Зурабова, обвинявшегося в том, что он оскорбил российскую армию, Головин явился в министерский павильон, где пытался доказать, что случившееся – недоразумение, а он лишь не расслышал сказанное. Ему же говорили об «оскорблении знамени». Головин явился и второй раз, уже со стенограммой, убеждая, что

<sup>1</sup> При этом журналисты (например, С.Д. Протопопов) заметили, что «возмутителем спокойствия» стал П.Н. Крупенский, человек близкий В.Н. Коковцов. Из этого был сделан вывод, что премьер-министр вел двойную игру, пытаясь воздействовать на общественное мнение (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 525),

<sup>2</sup> [Крыжановский С.Е.]. Указ. соч. С. 96 .

<sup>3</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 175. Л. 6.

<sup>4</sup> Поливанов А.А. Указ. соч. С. 20.

<sup>5</sup> Атмосфера в Думе // Русь. 7 ноября 1907. № 298.

ничего обидного для армии сказано не было. Однако эти объяснения министров не удовлетворили. Они получили указания от Столыпина в Думе не показываться до полного разрешения конфликта. В итоге им пришлось до 8 часов вечера гулять в Таврическом саду<sup>1</sup>. Головин беседовал со Столыпиным о «зурабовском инциденте» в 12 часов ночи<sup>2</sup>. На следующий день, в 8.30 утра, он был с визитом у военного министра А.Ф. Редигера, который готовился к отъезду в Царское Село. Вернувшись в столицу, Редигер заехал к Головину в Европейскую гостиницу<sup>3</sup>. Только так можно было разрешить конфликт, который грозил оборвать «жизнь» Думы второго созыва на два месяца раньше отведенного ей срока.

В III Думе, рассчитывавшей на конструктивное взаимодействие правительства с депутатами, «муромцевский» эталон поведения был неприемлем для председателя. Порой это возмущало оппозицию. Например, она с гневом писала о том, как в самом начале думских работ, 6 ноября 1907 г., во время перерыва пленарного заседания Хомяков, будучи на трибуне, заметил государственного секретаря и тут же покинул свое место и поспешил к правительственному чиновнику<sup>4</sup>. Хомяков регулярно приходил в министерский павильон после окончания думского заседания<sup>5</sup>. 24 апреля 1908 г. в кулуарах Думы Коковцов, Столыпин и Хомяков обсуждали только что случившийся инцидент, когда председательствующий назвал неудачными слова министра финансов – «у нас парламента, слава Богу, нет». Этой беседы оказалось недостаточным, и 25 апреля 1908 г. Хомяков вновь поехал объясняться по этому поводу со Столыпиным<sup>6</sup>. 15 октября 1908 г., сразу после принятия Думой запроса об аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, Хомяков поспешил объявить перерыв и, «сойдя с кафедры, рысью пустился в павильон министров, дабы узнать, не обидится ли Столыпин на принятие запроса»<sup>7</sup>. Гучков поддерживал тесные контакты с Столыпиным и

<sup>1</sup> Поливанов А.А. Указ. соч. С. 26.

<sup>2</sup> П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 32.

<sup>3</sup> Поливанов А.А. Указ. соч. С. 26.

<sup>4</sup> Атмосфера в Думе // Русь. 7 ноября 1907. № 298.

<sup>5</sup> Поливанов А.А. Указ. соч. С. 61.

<sup>6</sup> Там же. С. 45.

<sup>7</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 331. Л. 10.

до своего избрания председателем Думы. Конечно, они не пресеклись тогда, когда он занял этот пост. Гучков часто выполнял роль посредника между Столыпиным и различными группами интересов, организовывал встречи председателя Совета министров с делегациями из провинции. Так, в 1910 г. он добился, что Столыпин принял представителей Кубанского казачьего войска, которые были разочарованы аудиенцией у императора и военного министра Сухомлинова<sup>1</sup>.

Таким образом, председатель Думы постепенно встраивался в политическую систему Российской империи. Он «нащупывал» инструментарий, который позволял ему оказывать влияние на принятие решений как Думой, так и правительством. Вместе с тем, партии, фракции, министры, император также учились использовать политический ресурс, находившийся в распоряжении у председателя. Все это не было прописано ни в Основных государственных законах, ни в Учреждении Государственной Думы, ни в Наказе нижней палаты. Это формировалось в результате проб и ошибок. В итоге вырисовывалась самостоятельная политическая фигура председателя Думы, на которой сходились различные интересы, что давало известную свободу маневра «спикеру» нижней палаты.

**Д.В. Аронов<sup>2</sup>**

## **ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ ЗА ПРАВО ... К ЮБИЛЕЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ СЕРГЕЯ АНДРЕЕВИЧА МУРОМЦЕВА**

*28 мая 2010 года Орловский областной Совет народных депутатов единогласно принял решение об увековечивании на орловской земле памяти о нашем великом земляке, Председателе Первой Государственной Думы России Сергее Андреевиче Муромцеве, человеке, стоявшем у истоков*

<sup>1</sup> Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 26-28.

<sup>2</sup> Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

*российского парламентаризма, с юности и до последнего дня жизни пронесшего идеалы построения в России подлинно правового государства. На рубеже XX – XXI веков Сергей Муромцев и другой наш земляк Петр Столыпин, чей юбилей приходится на 2012 год, олицетворяли собой те политические силы, которые видели своей главной целью возрождение России, ее возвращение в число Великих держав. Пути, предлагавшиеся ими были различны, но цель была одна. Сегодня, когда Россия стоит перед необходимостью коренной модернизации, строительства соответствующей ей политической системы, опыт предшествовавших поколений российских реформаторов приобретает особое значение.*

Начало XXI в. дарит нам немало столетних юбилеев, среди которых большое место занимают даты, связанные с тем кардинальным реформированием политического строя страны, которое происходило в начале XX века. Это было время, когда в жизнь русского общества впервые вошли такие понятия как парламентаризм, государственная дума, политические партии, права и свободы человека и многие другие, которые сегодня составляют основу современного политического процесса. Не остались в стороне от этого процесса и наши земляки, волею судеб, оказавшиеся в эпицентре тогдашней политической жизни Российской Империи. Среди них можно назвать Петра Столыпина – премьер-министра России, братьев Стаховичей Михаила и Александра, известных земских деятелей, стоявших у истоков создания Партии мирного обновления и Союза 17 октября, религиозного философа, экономиста, депутата Думы Сергея Булгакова и многих других. Но и на их фоне особняком стоит имя звезды первой величины российского политического небосклона Сергея Андреевича Муромцева – крупнейшего российского юриста, педагога, лидера партии кадетов, Председателя Первой Государственной Думы.

Судьба распорядилась так, что 2010 г. связан с двумя круглыми датами. Это, прежде всего, сто шестьдесят лет со дня его рождения и ровно сто лет со дня его безвременной кончины 17 октября 1910 г. Орловская земля занимает в жизни Сергея Андреевича Муромцева особое место. Родился он в казармах Московского полка



в Санкт-Петербурге 5 октября 1850 г., где служил его отец. В 1858 г. семья переезжает в имение Лазавка, расположенное в настоящее время в Новодеревеньковском районе Орловской области. Именно Орловщина стала местом, где прошли детские годы Муромцева, где он сформировался прежде всего как личность.

Бурные исторические события, прокатившиеся по Центральной России в XX веке, уничтожили немало исторических мест. Не уцелела и усадьба Муромцевых, ныне это обычное среднерусское село, находящееся в отдалении от сколь-нибудь оживленных дорог. Но истории было угодно распорядиться так, чтобы фамилия Муромцевых сохранилась в прямой связи с Орловской землей. Вплоть до настоящего времени на топографических картах один из небольших населенных пунктов Новодеревеньковского района Орловской области называется Муромцево. Сохранилось и прежнее название имения Муромцевых – Лазавка.

Среди детей Сергей Муромцев был старшим и с ранних лет выполнял роль руководителя и советчика. Интересы детей формировались под влиянием разговоров взрослых (прежде всего военных), посвященных войне, военной службе и всему, связанному с этим. К военным интересам присоединился интерес к сельскому хозяйству, оставшийся у Муромцева до конца жизни. В соседнем с Лазавкой имении Предтечеве, в семье дяди Семена Алексеевича, юный Сергей Муромцев присутствовал при обсуждении взрослыми проблем, касавшихся великих реформ, преимущественно судебной и земской. В дальнейшем это отразилось на формировании его личности в подростковом возрасте.

Раз в неделю в Лазавку доставлялись выписанные отцом «Московские ведомости», семья собиралась по вечерам в столовой, и газета читалась вслух. Особый интерес возбуждали громкие события, происходившие в Европе. В памяти Муромцева особенно остро запечатлелись разговоры о подвигах Гарибальди. Почти через полвека он вспоминал, как «в массе русских семейств с замиранием сердца ожидали и с восторгом принимали известия об успехах освободительного движения в Италии. Мы, подрастающее поколение, слушая старших, принимали живое участие в общем восхищении, и образы Гарибальди и его

соратников навсегда запечатлелись в нашей памяти, как светлые образы героев национального освобождения».

Близость юного Муромцева к политическим проблемам отразилась и на его детских играх. В литературе упоминается эпизод, связанный с организованной им совместно с братьями и сестрами игрой в «государство». Основой игры послужила найденная в библиотеке книга отца «Справочная книжка для русских офицеров» и, возможно, разговоры старших, прежде всего дяди, Сергея Алексеевича, услышанные Муромцевым в Предтечеве.

Его игрушечное государство «Лазавка» было не самодержавным, а конституционным, в нем имелись две палаты: Государственный совет и Палата депутатов, помещавшиеся в двух беседках деревенского сада. Государство было разбито на губернии и уезды, которые были тщательно нанесены на карту «Государства Лазавки». При этом определение масштаба и съемка территории, всего более семи гектаров, были произведены при помощи самодельных инструментов. Государство развивалось во времени и пространстве, завоевывая близлежащие местности; были присоединены царства: «Гумно», «Спарта» (скотный двор), «Дементьево», «Малая Лазавка» и т.д. Муромцев выдавал сестер замуж за воображаемых правителей завоеванных держав, проводил в них реформы, строил города и т.д. Позднее он напишет историю своего государства, поместив его в Малой Азии на берегу моря, с точной хронологией и описанием исторического развития.

В возрасте 9-10 лет мальчика увлекла еще одна игра – ежедневная газета, по образцу московских, получаемых отцом в деревне, издававшаяся им на протяжении двух лет. Каждое утро на чайном столе, рядом с отцовским местом, лежал свежий номер, составленный вечером на основании собранных на кухне, в детской, в саду «сотрудниками редакции» (братьями и сестрами) сведений. Позднее по этой газете взрослые иногда наводили справки – кто из детей и когда заболел, что произошло в хозяйстве и т.п.

Эпизоды детства Муромцева, прошедшего в Лазавке, показывают, как рано начал определяться круг его будущих интересов, связанных с жизнью страны. Но к осознанному пониманию жизненной действительности он придет позже –

в начале 70-х гг. В сентябре 1860 г. юного Муромцева, которому исполнилось 10 лет, родители увезли в Москву для продолжения образования в гимназии.

В годы студенчества Муромцева с Лазавкой связаны прежде всего периоды летнего уединения, когда он усиленно занимался, пытаясь освоить помимо юридических, еще ряд естественнонаучных дисциплин. Оставшийся после окончания юридического факультета при университете для подготовки диссертации, Муромцев полностью отдает себя ученым занятиям. Однако в Москве работа у него пошла совсем не так быстро, как он планировал. «Сначала принялся было горячо, – писал Муромцев, – но потом чем дальше, тем больше отставал, голова начала наполняться другим, и работа полетела к черту». Возникший внутренний дискомфорт Муромцев решил привычным уже ему способом - в мае 1874 г. он вновь, как и в студенческие годы, уезжает в Лазавку, «чтобы поправить грешки и натянуть потерянное время». В работе над римским правом и диссертацией прошли лето и осень. Диспут по диссертации состоялся 5 апреля 1875 г., и по его результатам не только было вынесено положительное решение, но Муромцеву была предложена кафедра.

Следующее десятилетие (1875-1884 гг.) было самым плодотворным в научной жизни С.А. Муромцева. Именно в это время им были написаны непосредственно связанные с научной и педагогической деятельностью в университете научные труды. На этот период приходится наиболее активная работа в Юридическом обществе и его печатном органе «Юридическом вестнике». Муромцев выступал на общественно-политической арене в качестве городского и губернского гласного, в роли публициста и политического мыслителя. Несомненно, что этот всплеск активности в жизни Муромцева непосредственно связан с пробуждением общественного самосознания самых широких слоев российского общества. В этот период Лазавка была для него местом нечастого летнего отдыха, ученых занятий, встреч со столь милыми сердцу детскими воспоминаниями.

В 1876 г. он, собрав необходимый для работы над диссертацией, теперь уже докторской, отправляется для работы в деревню. Самоотверженная работа над сочинением «Очерк общей теории гражданского права» принесла свои плоды, – диссертация

была окончена к ноябрю и защищена 3 декабря 1877 г. Муромцев получил степень доктора гражданского права, а с 22 февраля 1878 г. он утвержден ординарным профессором по кафедре римского права.

В начале восьмидесятых годов в жизни Сергея Андреевича Муромцева происходит судьбоносное событие. В 1882 г. заканчивается холостяцкий период его жизни. Он сочетается браком с известной оперной певицей Марией Николаевной Климентовой, певшей в Большом театре, бывшей в юности первой исполнительницей партии Татьяны в опере П.И.Чайковского «Евгений Онегин». Климентова-Муромцева была женщиной талантливой и незаурядной, она переписывалась со многими известными людьми своего времени, была дружна и с семьей Льва Толстого, часто навещала их в Хамовниках и Ясной Поляне, пела для Льва Николаевича, который считал ее не только замечательной певицей, но еще и увлекательной рассказчицей.

В следующем году, 9 мая, у Муромцевых рождается первая дочь Ольга, а 23 сентября 1884 г. вторая – Мария. В жизни Муромцева начался новый период, тесно связанный с Лазавкой и характеризующийся значительным сокращением общественной активности, отходом от политической публицистики. Больше место занимает личная жизнь и наконец-то обретенное семейное счастье. Из переписки с ближними в значительной мере уходит общественно-политическая тематика, ее место занимают подробности личной жизни, быта, хозяйства в Лазавке, где семья ежегодно проводит немало времени.

Последующие годы, вплоть до возвращения к активной политической жизни в 1904 г., Муромцев регулярно возвращается в родное ему имение, проводит здесь летние месяцы вместе с семьей, ведением хозяйства. Но судьбе было угодно распорядиться так, что Муромцеву, подобно многим его соратникам по либеральному движению последней трети XIX века, не суждено было закончить свои дни в деревне, вспоминая на досуге либеральные мечты юности.

Звездным часом Муромцева стала вторая половина первого десятилетия XX в. С общественным подъемом в России началась и новая страница его политической биографии. Именно тогда он вписал свое имя в политическую историю России как председатель

ее первого парламента, как выдающийся деятель либерального движения.

Однако возвращение Муромцева в большую политику одновременно означало и ослабевание, а потом и полное прекращение личных контактов с тем местом, где прошли его детство и во многом юность, где он скрывался от соблазнов света для научной работы.

Последующие же годы не оставили Муромцеву времени для поездок на малую родину. Земские съезды, кафедра председателя Первой Государственной Думы, Выборг, камера № 86 заключенного Таганской тюрьмы, внезапная смерть в октябре 1910 г. – таковы узловые вехи его биографии в 1904-1910 гг.

Орловская земля почтила его память и после смерти, когда, в отличие от Санкт-Петербургской и ряда других городских дум, отказавшихся почтить память Муромцева вставанием, Орловская Городская дума сделала это единогласно, а в Борисоглебском соборе была отслужена панихида, было также принято решение о начале подписки на сооружение в память о Муромцеве в Орле просветительного учреждения, чему помешали последующие события отечественной истории. В местной газете кадетской ориентации был опубликован некролог. Вообще же в рамках намеченной его соратниками по либеральному движению программы по увековечиванию памяти Муромцева удалось поставить на могиле памятник и издать книгу «Венок на могилу С.А.Муромцева». Остались невыполненными такие идеи как издание общедоступной брошюры о нем, создание просветительного учреждения, учреждение стипендии и премии его имени. Думается, что это не поздно сделать и сегодня.

Подводя итог мы можем сказать, что годы, проведенные в родительском имении Лазавка, стали определяющими для последующего жизненного пути Председателя Первой Государственной Думой. Выросший в среде служилого дворянства, сохранившего в его роду лучшие черты этого сословия, юный Муромцев прошел традиционный путь как в области образования, так и по части семейного воспитания. Можно говорить о том, что имения Муромцевых, расположенные на территории Орловщины, были теми родовыми гнездами, где сохранялся дух подлинно высокой дворянской культуры, в сочетании с непреходящими

общечеловеческими либеральными ценностями, давший России уникальную плеяду либеральных политиков начала XX века, для которых понятия дворянской чести и любви к Родине были не разновидностью личного пиара, а базовыми понятиями, определявшими выбор ими своих политических решений.

Непреходящей ценностью общественной позиции Муромцева была ее независимость ни от призывов «не раскачивать лодку», ни от требований немедленной радикализации первого русского парламента, взятия курса на конфликт с исполнительной властью.

Думается, что фундаментальные основы его уникального облика, во многом были сформированы его ближайшим окружением на малой исторической родине – Лазавке, ставшей для него местом первых взрослых размышлений о будущем России, местом первых научных опытов, местом, откуда для него начинался путь, в конце которого он войдет в историю России как политик «чистых рук», один из последних могикан русского либерализма, для которых политическая чистота была не частью отработанного политического имиджа, а неотъемлемой частью их жизни.

Обращаясь к биографии Сергея Андреевича Муромцева, всегда приходится отвечать на вопрос, кем же он был в первую очередь. Известным юристом, ученым правоведом, навсегда вписавшим свое имя в историю развития мировой и отечественной науки права? Общественным деятелем, чьи опыты в области конституционного права относятся еще к детским и юношеским годам, а земская и общественная деятельность в многочисленных организациях не прекращалась от студенческой скамьи и до последних дней жизни? Университетским преподавателем, профессором, память об уникальном стиле преподавания которого сохранили многие поколения его учеников? Перевешивают ли семьдесят два дня его жизни – время пребывания на посту председателя Первой Государственной Думы – прочие годы и Муромцев останется для нас именно председателем Первого в истории страны парламента? Проще всего ответить на эти вопросы, что все стороны его жизни и деятельности важны и заслуживают внимания и изучения и т.д. Может быть, это и верно, но опять же мы уходим от ответа. Так кем же, прежде всего, был Сергей Андреевич Муромцев, кем он вошел в историю России, кем останется в памяти потомков?

Его жизнь – это история научной, педагогической и общественно-политической деятельности яркого представителя русского либерализма, ставшего отцом принципов парламентаризма в России, неутомимого поборника торжества законности и правопорядка в стране, постоянно боровшегося за ее реформирование на основе свободы и политического равенства всех ее граждан. Анализ его общественно-политической деятельности в различные периоды жизни позволяет сделать вывод о том, что идеалом дальнейшего политического развития России для Муромцева выступала совместная деятельность образованной и прогрессивно настроенной части общества и монарха на основе соблюдения законов и прав граждан. Однако идеи мирного развития России, верховенства права в решении социальных конфликтов, верность которым он сохранял всю жизнь, оказались в то время не востребованы российским обществом.

Страна и эпоха накладывают на процесс становления каждого человека свой отпечаток и, как правило, составляют неповторимую индивидуальную фигуру из элементов типичных, характерных определенной эпохи. Жизненный опыт, в широком смысле этого слова, с включением в него усвоенных или отвергнутых семейных традиций, сословных и религиозных обычаев, традиций, предрассудков и т.п. предполагает, с одной стороны, разделение людей на различные социальные группы, а с другой стороны, существование внутри этих социальных групп некоторой общности мировоззрения, глубокую индивидуальность которому придает нетипичный, сугубо индивидуальный опыт каждой конкретной личности. Нестандартных для России элементов жизненного опыта в судьбе С.А. Муромцева было предостаточно.

Верность основополагающему принципу мирного, эволюционного развития общества, в качестве главного средства реализации которого он видел правовую реформу, заставляла его постоянно выступать в качестве защитника законности, соблюдение которой позволило бы, по его мнению, стабилизировать ситуацию в обществе и не допустить революцию. Однако этот призыв не был услышан ни властью, ни российской общественностью.

Муромцев был центристом в полном смысле этого слова. На его позицию не влияли ни призывы «не раскачивать лодку», ни требования немедленной радикализации деятельности первого

русского парламента. Неизменность усвоенных жизненных принципов, свободных в то же время от слепого догматизма, исключительная личная честность и порядочность, категорическое неприятие грязных методов политической борьбы, получавших все большее и большее распространение, – все это делало его исключительно сильной и в то же время весьма уязвимой политической фигурой.

Истории было суждено распорядиться так, что деятельность российского либерализма не помогла обществу в поиске путей выхода из системного общественного кризиса начала XX в. Либеральная модель преобразований осталась невостребованной ни властью предержащими, ни широкими слоями населения. В обществе стремительно нарастали процессы распространения правого нигилизма и правового цинизма. В этих условиях попытки представителей лучших интеллектуальных сил страны, в число которых неизменно входил С.А. Муромцев, предложить мирный бесконфликтный путь разрешения общественного кризиса путем упреждающего правового реформирования могут показаться достаточно наивными, но это отнюдь не означает, что они лишены позитивного значения. Сама концепция комплексного преобразования общества, находящегося на кризисном этапе развития, посредством правовой реформы заслуживает изучения не только как этап в политической и интеллектуальной истории страны, но и как теоретически обоснованный и проработанный способ выхода из кризиса ценой минимального социального напряжения.

Неудачи российского либерализма начала XX в. показали, что предлагаемые им рецепты общественных преобразований неэффективны в условиях кризисных периодов в развитии общества, что, тем не менее, не отменяет значимости изучения и учета результатов их теоретического поиска для понимания общественно-политических процессов. Главные ошибки здесь лежат в русле безоглядного отрицания любого опыта прошлого либо отказа от него по неким морально-этическим основаниям, связанных, как правило, с обвинениями либералов в гибели России.

Другая опасность подстерегает в случае некритического переноса наработок той эпохи на иные по условиям и времени



реализации сценарии общественного развития. Вряд ли следует рассматривать усилия либеральных юристов начала XX в. как панацею от всех бед и болезней, поразивших социальный организм России той эпохи. Уместным представляются слова В.С. Соловьева, который, оценивая возможности права как инструмента реформ, писал: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад». Но именно этой сверхзадаче и была посвящена вся жизнь и деятельность Сергея Андреевича Муромцева.

Пусть его труды с высоты нашего времени выглядят в чем-то наивными, в чем-то недоработанными, но главное в них – стремление избавить общество от трагедии резких структурных перемен, заключающих в себе, что и подтвердил век XX, угрозу потери национальной самобытности, что остается значимым и в наши дни. Буквально каждая страница, вышедшая из-под его пера, проникнута стремлением служения своей стране, стремлением дать ей возможность идти по общей дороге современной цивилизации, не теряя, а подчеркивая и развивая национальную самобытность.

Сегодня, когда российское общество находится на путях поиска новой идеологии, базовые ценности которой не разобщают, а объединяют россиян, именно российские политики начала XX в., подобно Муромцеву видевшие именно в стабильности и сотрудничестве всех общественных сил залог успеха реформирования социально-политического строя могут дать нам основу для формирования нового курса, направленного на укрепление российской государственности. Сегодня мы вернулись к идее об увековечивании в Орле памяти о нашем великом земляке Сергее Андреевиче Муромцеве, принятом нашими предками еще сто лет назад. Ведь до сих пор нигде в России не было памятника человеку, вся жизнь которого была примером чистого и честного служения своей стране, своему народу, идее права и государства. И глубоко символично, что именно Орловщина станет тем местом, где появится памятник истинному патриоту России, человеку, вся жизнь которого была борьбой за право, борьбой за величие России.

## С.А. МУРОМЦЕВ – ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX вв. – О ЗАДАЧАХ ЮРИСПРУДЕНЦИИ<sup>2</sup>

Социологическое направление в юриспруденции сформировалось в 1880-е гг. и стало популярным на рубеже XIX-XX вв. К нему принадлежала целая плеяда блестящих русских правоведов, в числе которых были Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев и др.

Социологическая юриспруденция опиралась в целом на позитивистскую методологию и теорию познания. И в этом смысле она была разновидностью позитивизма. Вместе с тем ее представители истолковывали право не формально-догматически, как систему нормативных предписаний государственной власти, а стремились постичь его содержание.

Социологический позитивизм был ориентирован на социологический подход к праву, на постановку правовых проблем в широкий социальный и исторический контекст. Опираясь на материалы исторических и социологических исследований, правоведы пытались выявить законы развития общественной жизни, открыть повторяемость правовых явлений и выяснить их причинную связь между собой. Они исследовали норму права не изолированно, а в системе общественных отношений и на каждом отдельном этапе развития общества. Право в данной трактовке представало социальной структурой, которая не пребывала в статическом состоянии, а постоянно эволюционировала.

Российские теоретики социологического позитивизма уделяли существенное внимание обоснованию идейных и методологических позиций своего направления. Как указывал Муромцев, профессор

---

<sup>1</sup> Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических и юридических наук, профессор, профессор Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

<sup>2</sup> Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных научных исследований ГУ-ВШЭ в 2010 году «Партнерство гражданского общества и государства в решении социальных проблем»

римского права Московского университета, он и его единомышленники смотрели на задачи правоведения с позиций строго позитивного мировоззрения, однако видели сущность юридической науки не просто в отыскании системы норм, призванных руководить людьми, но в изучении законов, по которым развивалось право. Под правом Муромцевым понималась отдельная область социальных явлений, тесно связанная с социальной жизнью общества. «При отсутствии одного идеального правового состояния и при постоянной смене форм общественной и юридической жизни наука должна открыть законы, по которым происходит означенная смена..., – считал ученый. – Наука должна определить отношения, в которых состоят правовые явления между собой, к явлениям других групп и к прочим условиям и факторам общественного развития». «Вместо совокупности юридических норм под правом разумеется совокупность юридических отношений (правовой порядок)», – резюмировал ученый<sup>1</sup>.

«Правоведение должно стать отделом социологии, – писал Муромцев в другой своей работе, – как вообще законы социологии, так и законы правоведения были законами сосуществования (статика) и преемственности (динамика)»<sup>2</sup>. Тем самым признавался междисциплинарный статус юридической науки, ее связь с социальными науками.

Будучи специалистом в области гражданского права, Муромцев определял задачи своей отрасли следующим образом: «Первый шаг науки – чисто-объективный, наблюдательный. Она определяет, что есть. Политика, в смысле теории искусства, исполняет второй шаг. Она определяет, что должно быть, к чему следует стремиться... Мы должны различать: общее гражданское правоведение и гражданско-правовую политику. Общее гражданское правоведение есть наука в строгом смысле. Не преследуя никакой практической цели, но руководясь исключительно требованиями любознательности, оно изучает законы развития гражданского права. Оно предполагает, как подготовительную стадию, описательное гражданское правоведение, которое описывает в правильной системе факты гражданского права. Гражданско-

---

<sup>1</sup> Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 8, 10, 14, 48.

<sup>2</sup> Он же. Что такое догма права? М., 1885. С. 24-25.

правовая политика определяет цели и приемы, которыми должны руководиться гражданский законодатель и судья»<sup>1</sup>.

Наряду с социологией, «близким другом» юриспруденции, по мнению Муромцева, являлась история. Он высоко оценивал немецкую историческую школу права, ее идеи постепенного развития, закономерного движения истории права, заимствования права одним народом у другого, участия в процессе правообразования объективных и субъективных факторов: экономических отношений, жизни общества (народа), социальной психологии, мыслительной деятельности общества в целом и юридического сообщества, в частности.

Признавая достижения исторической школы права, Муромцев, вслед за Р. Иерингом, в то же время критиковал ее за то, что она «упустила совершенно из виду деятельность общества, которой создается право»<sup>2</sup>. Образование права, по мнению Муромцева, совершалось не самопроизвольно, а человеческой деятельностью. Причем в основе творческой работы, созидающей право, лежал психический труд. Само по себе развитие права давалось, по признанию ученого, тяжелой и неустанной борьбой: «... люди борются из-за отношений, которые нуждаются в правовой защите или же имеют таковую; они борются также из-за норм, которые защищают отношения или только предназначаются для того»<sup>3</sup>.

Утверждая так, Муромцев пытался примирить позиции двух школ в современной ему юриспруденции – исторической школы и школы естественного права, обозначить общность их идей. От исторической школы Муромцев брал идею закономерности, от школы естественного права – идею творчества. Постигание закономерностей правового развития, а также творческий подход в ходе создания права являлись основой научной концепции Муромцева и его политическим кредо.<sup>4</sup>

Доказывая право на существование своего направления в условиях, когда российская правовая наука была далеко неоднородной, Муромцев и другие теоретики социологического

---

<sup>1</sup> Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. С. 14.

<sup>2</sup> Там же. С. 27.

<sup>3</sup> Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 257.

<sup>4</sup> Шершеневич Г.Ф. С.А. Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей. М., 1911. С. 89.

позитивизма обосновывали свои позиции посредством критики воззрений оппонентов. Ученые социологической школы указывали на ограниченность юридического позитивизма. «Догматическое изучение права весьма важно и необходимо, но лишь для одной цели – для практического применения права в жизни. Оно есть изучение подчиненное, вся догматика возникла и существует... как служанка правосудия. Правосудие есть дело великой важности, но все же не самое важное в области права; в жизни права есть задача еще более важная, чем применение права, а именно его создание, и перед этой задачей догматика оставляет нас совершенно бессильными, ибо вопрос о том, каково должно быть право, для нее не существует»<sup>1</sup>, – считал профессор гражданского права Харьковского университета Гредескул. «И если конечное назначение науки состоит не столько в теоретической истине, сколько в практическом добре, если найденная упорным трудом истина лучше всего окупает себя применением к улучшению человеческой жизни, – продолжал Гредескул, – то... социологическое изучение права – и лишь оно одно – обещает нам богатые плоды: оно даст нам возможность разумно созидать право... И если при господстве догматики права идеалом юриста... является пушкинский дьяк, в приказе поседельный, спокойно зрящий на правых и виновных, знаток текстов и тонкий диалектик, всегда готовый разрешить на основании существующего права самый запутанный юридический казус, – то при социологическом изучении права перед нами вырисовывается совершенно уже другой идеал юриста... Это юрист – третейский судья в борьбе общественных классов, юрист – творец права, юрист, консультирующий обществу о том, каковым должно быть право, и выполняющий эту задачу, как беспристрастный ученый, с полной независимостью сверху и снизу»<sup>2</sup>.

Ковалевский подвергал критике догматическую юриспруденцию за признание ею беспредельности государственного суверенитета и недопущение существования у граждан других прав, кроме созданных государством. Это порождало, по словам ученого, представление о необязательности для государства конституции

---

<sup>1</sup> Гредескул Н.А. Современные вопросы права. Харьков, 1906. С. 6.

<sup>2</sup> Гредескул Н.А. Указ. соч. С. 14-15.

как продукта его добровольного самоограничения и о вторичности обеспеченных данной конституцией прав личности<sup>1</sup>. Взгляд позитивистов на право, по словам Ковалевского, «служил оправданием произвола правительства по отношению к подданным»<sup>2</sup>.

Слабой стороной доктрины естественного права родоначальники социологической школы считали преуменьшение ею роли государства, представление об ограниченном его верховенстве по отношению к правам личности, убеждение, что поскольку государство было создано в интересах защиты прирожденных человеку прав свободы личности и собственности, оно не могло поднять на них руку, не было способно отменить эти права своим законом<sup>3</sup>. Метафизическим считали социологи права также представление школы естественного права о прирожденных человеку правах как о критерии для оценки действующего права<sup>4</sup>.

Профессор государственного права Петербургского университета Коркунов критиковал теорию естественного права за отдаваемый ей приоритет характеристике должного, но не сущего, реально существующего. «И пора, наконец, понять, – писал ученый, – что задача общественных наук не в том, чтобы быть судьей фактов, а в том, чтобы их объяснять... Надо брать факты как они есть. Надо отвлеченные понятия проверять их применимостью к реальным фактам. Не может иметь жизненного значения, не может руководить общественной жизнью теория, проглядевшая действительное направление современного государственного развития»<sup>5</sup>.

Отношение представителей социологического позитивизма к школе естественного права наиболее обстоятельно выразил Гамбаров, профессор гражданского права Высшей школы общественных наук и ряда российских университетов, а также близкий друг Ковалевского. Гамбаров отдал дань идейному потенциалу естественно-правовой теории, ее вкладу в развитие государственности европейских стран, в ликвидацию рудиментов

---

<sup>1</sup> Ковалевский М.М. Учение о личных правах // Русская мысль. 1905. Кн. IV. С. 97.

<sup>2</sup> Там же. С. 98.

<sup>3</sup> Ковалевский М.М. Учение о личных правах... С. 98.

<sup>4</sup> Он же. Социология. Т. 1. СПб., 1910. С. 62.

<sup>5</sup> Коркунов Н.М. Государство и свобода // Юридическая летопись. 1892. Т. 1. С. 5.

средневекового строя и феодализма: уничтожение крепостничества, цехового устройства, пыток, уголовного преследования за религиозные преступления и др. Гамбаров признал, что все следовавшее за естественно-правовой теорией развитие политических идей и государственных отношений осуществляло на практике указанный ею великий принцип ограничения государственного всемогущества не только индивидуальными правами, но и господством закона<sup>1</sup>.

Вместе с тем Гамбаров считал роль естественно-правовой теории в исторических условиях XIX в. – века буржуазно-демократических революций и разрушения «старого порядка», сыгранной. По его убеждению, школа естественного права потеряла в XIX столетии, и, в особенности, во второй его половине, тот кредит доверия, которым она пользовалась ранее. Причины упадка естественного права ученый усматривал, во-первых, в появлении в XIX в. позитивизма – научного движения, осуждающего априоризм и утверждающего культ положительного закона; во-вторых, в изменении в XIX в. роли государства, которое из учреждения, пекущегося только о защите права (правовое государство), превращается в учреждение, озабоченное общим благом (социальное государство) и способное к вторжению в индивидуальную сферу и ограничению свободы некоторых для обеспечения свободы всех. Ослабление позиций естественно-правовой теории связывалось Гамбаровым также с появлением в XIX столетии обширного конституционного законодательства, которое, в свою очередь, явилось основанием для создания учения о государстве на почве сравнительно-исторического его изучения – учения социологического позитивизма.<sup>2</sup>

Родоначальники российской социологической школы права предлагали, таким образом, теорию права, свободную, по их мнению, от крайностей индивидуализма и коллективизма, которые воплощали теории естественного права и юридического позитивизма.

В воззрениях на свободу личности Муромцев был сторонником представления о свободе как о результате исторической эволюции

---

<sup>1</sup> Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки // Антология мировой правовой мысли. Т. V. М., 1999. С. 311.

<sup>2</sup> Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии... С. 305, 309-311.

общества. В этом отношении его взгляды были близки взглядам другого теоретика социологической школы права – Ковалевского, рассматривавшего права человека как результат эволюции государства и общества в определенное время и определенных условиях. Ковалевский указывал, что вероисповедная свобода ранее всего была провозглашена в Северной Америке. Движение в пользу терпимости и свободы церкви широко овладело сознанием граждан Французской республики. Между тем в современной ученому Российской империи до обеспечения свободы совести было, по его мнению, еще далеко. К числу поздно завоеванных вольностей Ковалевский относил свободы печати, собраний и союзов<sup>1</sup>.

Мысли Ковалевского было созвучно наблюдение Муромцева: «Всему приходит свое время. Потребность в свободе собраний и союзов – потребность общечеловеческая, но степень необходимости ее на различных ступенях общественного положения различна. Кроме того, различны и препятствия, которые встречаются при удовлетворении сказанной потребности»<sup>2</sup>.

Интерес представляет также умозаключение Муромцева о том, что потребность общества в гражданских свободах наиболее остро ощущалась в эпохи радикальных общественных преобразований, когда идеи личной свободы начинали отвергаться в результате посягательства на них. Именно в такие эпохи идеи неприкосновенности личности и жилища, права собственности распространялись особенно быстро и усваивались особенно сильно.<sup>3</sup>

Трактуя взаимоотношения личности и государства, Муромцев усматривал необходимость нахождения сдержек и противовесов государственного вмешательства в осуществление прав личности. Такими сдержками ученый признавал наделение граждан политическими правами. Муромцев считал, что «чем ближе поставлен каждый гражданин к политической деятельности, чем чаще выступает он активным исполнителем государственного

---

<sup>1</sup> Ковалевский М.М. Русская Конституция. 1. Свободы // Антология мировой правовой мысли. Т. V. М., 1999. С. 293-297.

<sup>2</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 3. Некрологи, приветствия, воспоминания (1878-1910). М., 1910. С. 54.

<sup>3</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 5. М., 1910. С. 5.



порядка, а не слепым его орудием, тем более... он заинтересовывается им и влагает в него свою душу, тем более сторон человеческого существования охватывает государство, тем сильнее оно по качественным пределам своего господства и могущественнее по степени своего культурного влияния»<sup>1</sup>.

В марте 1880 г. в «Записке о внутреннем состоянии России», адресованной министру внутренних дел графу М.Т. Лорис-Меликову, Муромцев констатировал наличие в русском обществе остро осознаваемой потребности в политической свободе, которая, по словам ученого, «питалась и развивалась умственным движением прошлого и в особенности настоящего столетия», а в результате либеральных реформ Александра II стала практической задачей. «Идеи неприкосновенности прав личности, свободы мысли и слова, государственного устройства, обеспечивающего эти права, легли в основание идеала, – писал Муромцев, – ... стремление общества к участию в государственной жизни, его потребность общественной деятельности сделалась фактом упроченным, с которым должна считаться правительственная власть... Если правительственный механизм в его современном виде исключает... право на непосредственное участие в государственной жизни, самое желание войти в его состав, то механизм этот подлежит преобразованию»<sup>2</sup>.

Таким образом, Муромцев и его коллеги – теоретики социологической школы права явились создателями прогрессивного юридического учения, ориентированного на междисциплинарный подход к задачам и значению правоведения, а также на борьбу за право на творчество во имя осуществления прав личности. Приоритетными правами личности применительно к современной им России теоретики социологической школы права считали политические права, которые корреспондировались с обязанностью населения участвовать в управлении государством. Они признавали также, что и политические, и личные права могли быть обеспечены лишь государством, правовым по своей природе. При этом следует заметить, что такие выдающиеся представители социологической школы права, как Муромцев и Гредескул были не

<sup>1</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. М., 1910. С. 64.

<sup>2</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 5. М., 1910. С. 21-22.

только борцами за право и субъективные права в теории, но и на практике, в Государственной думе, являясь, соответственно, председателем и заместителем председателя первого российского парламента.

*Л.Г. Березовая<sup>1</sup>*

### **С.А. МУРОМЦЕВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИБЕРАЛИЗМА**

В основе либеральной идеи лежит понятие «свобода», которое продуцирует целый букет концептуальных трактовок в правовой, культурной, социальной, экономической и политической областях. Каждая из них обладает собственной концептуальностью: политическая свобода, свобода предпринимательства, права личности и гражданские права, культурная толерантность и свобода совести и т.д. Вместе они образуют обширное поле либеральных ценностей. Критика либерализма часто опирается на единственный, но неотразимый аргумент исторической неудачи либеральной идеи в России. Но безусловная историческая «неуспешность» либерализма относится лишь к его политическим целям и экономическим проектам. В области культуры у либералов нет соперников среди политических партий и идеологий. Данная статья имеет целью обратиться к пониманию роли культуры в концептуальных построениях либералов и реальном отношении к российским культурным событиям конкретного человека – С.А. Муромцева, который был своего рода политическим идеалом либералов в роли председателя I Государственной Думы в России.

Продвижение России к идеалам свободы оказалось невозможным из-за отсутствия деятельного пространства в виде гражданского общества, культуры и цивилизованности. Собственно либеральная идея гораздо шире лозунга борьбы за политические свободы. Либерализм побеждает не на баррикадах и не в парламенте и даже не в конституции. Он побеждает в

---

<sup>1</sup> Березовая Лидия Григорьевна – доктор исторических наук, профессор.

повседневной жизни, в практиках и привычках людей к свободе. Либерализм как политическая идея неинтересен обыкновенным людям. Культурный, повседневный либерализм первичен. Обладал ли русский либерализм начала века пониманием и готовностью работать над созданием «культурного пространства свободы»?

Программные документы кадетской партии уделяют важное, но не первостепенное внимание лишь одной, хотя и решающей, стороне культуры – народному просвещению, которое «должно быть организовано на началах свободы, демократизации и децентрализации» и предусматривало «введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе»<sup>1</sup>. Свобода печати на основе отмены цензуры «безусловно и навсегда» заявлялась в думском проекте закона о печати, внесенном фракцией кадетов в начале июля 1906 г.

Личные же документы и публицистика либеральных деятелей поднимает другую сторону культурной свободы: общая цивилизованность населения, культурная толерантность и культурный смысл национальной идеи вообще. П.Б. Струве в московских событиях первой русской революции, помимо прочего, увидел двойную «некультурность»: стихийно возмущившейся массы народа и «безумия» самодержавной власти<sup>2</sup>. О «некультурности» революции, несущей в себе «неправду отрицания и вражды к благородным ценностям» говорил и Н.А. Бердяев в статье «Революция и культура». Революция должна переносить в будущее все ценное и вечное, «должна сторожить александрийскую библиотеку, хотя бы считала ее ненужной и вредной», «под страхом духовной смерти»<sup>3</sup>. «Светлая сотня» культуры в России с ее жаждой свободы живет в «среде черного миллиона», поскольку «истинно всенародной культуры у нас еще нет». В этом состоит опасность революции в России и здесь же историческое «проклятье» либерализма: идея свободы как ценности приживается только на культурной почве и действует в культурном пространстве. Либеральная политическая свобода невозможна вне

<sup>1</sup> Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы), утвержденная в январе 1906 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы: Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996. С. 57-58.

<sup>2</sup> Струве П.Б. Два забастовочных комитета // Там же. С.98

<sup>3</sup> Бердяев Н.А. Революция и культура // Там же. С. 102-103.

национального культурного пространства. «... Нужно огромное мужество и огромную энергию собрать, чтобы бороться против культурного и политического хулиганства... против этого неуважения к человеку во имя “человека”, поругания свободы во имя “свободы”». По мнению Бердяева, эти «абсолютные принципы» мы «должны ставить выше всякой тактики»<sup>1</sup>. «Абсолютные принципы» свободы не могут быть пунктом партийной программы, они являются капиталом каждой отдельной личности, которые формируют новую общность граждан. В своих лекциях по гражданскому праву профессор Муромцев писал: «Общество не есть только сумма входящих в его состав индивидов... общественное сознание не означает собой какой-либо простой итог индивидуальных сознаний»<sup>2</sup>.

По этой причине в публицистике либеральных политиков так часто встречаются слова, далекие от прагматизма политической борьбы: честь, честность, духовность, открытость, правда. В 1910 г. обозреватель журнала «Русское богатство» А. Пешехонов, описывая «безобразия» думского депутата В.М. Пуришкевича, призывал: «Надо же дать хоть какой-нибудь отпор, – ведь это уже вопрос чести...» Любопытно, что это «непосредственное чувство чести» первым «прорвалось» у одного из самых расчетливых и хладнокровных политиков в III Государственной думе – у П.Н. Милюкова<sup>3</sup>.

Сами либералы считали лояльность к власти, законность и юридическую чистоту своих поступков одним из основополагающих принципов политической деятельности. Муромцев, один из основоположников российского либерализма, в начале XX в. неукоснительно соблюдал это правило как на посту председателя Думы, так и в своей педагогической деятельности. Муромцев, который много размышлял о понятиях «общество», «личность» с правоведческой точки зрения, писал в 1908 г.: «Прогресс общественности есть то, что дает человеку новые средства в борьбе за существование, но не с ближними, а с окружающей природой; прогресс – то, что развивается внутри человека, как помеха для борьбы с ближними – симпатия, альтруизм, совесть,

<sup>1</sup> Там же. С. 107.

<sup>2</sup> Муромцев С.А. Из лекций по гражданскому праву. СПб., 1899. С. 5.

<sup>3</sup> Русское богатство. 1910. № 3. С. 139.

чувство справедливости...» и далее: «Социальное падение сопутствует социальному угнетению»<sup>1</sup>. Правоведческая идея Муромцева состояла как раз во введении в юриспруденцию социологических, «человеческих» факторов и понятий. Он впервые обратил внимание на фактическое расхождение между нормами жизни, зафиксированными в законах и фактическим правопорядком в повседневной жизни. Законы должны отражать глубинные нормы и ценности, выработанные национальной культурой, а не представления власти о «порядке». Сходная идея развивалась в работах юристов Г.Ф. Шершеневича, М.М. Ковалевского и других. Эта позиция нисколько не стесняла стремление либералов к гражданственности и широкой общественной деятельности. Русские либералы в борьбе за политическую свободу оказывались участниками всех сколько-нибудь общенациональных культурных событий, не имевших, казалось бы, отношения к политике.

В культурной истории рубежа XIX–XX вв. можно выделить несколько знаковых событий, в которых русский либерализм имел возможность высказать и продемонстрировать свою позицию в вопросе культурной свободы. Некоторые имена в национальной культуре обладают силой культурного ядра нации. Пушкин, Гоголь, Толстой – знаковые имена в русском самосознании. Гении обладали не только сильнейшим культурным потенциалом, но и демонстрировали самодостаточность личности, высокий уровень духовной свободы. Все они много значили для формирования всего мировоззренческого пространства России. Либерализм формировал еще одну составную часть новой культурной модели – общественную мысль непривычного для России формата: на основе приоритета закона, прав личности.

Первым культурным испытанием философии «свободы» стал 100-летний юбилей Пушкина в 1899 г. Значительная роль властей в организации этого праздника, его предельная регламентации со стороны созданных властями Пушкинских комиссий, казалось, исключала всякую «самодеятельность» общественности. Но общественный, гражданский смысл пушкинского юбилея не мог не привлечь поборников свободы.

---

<sup>1</sup> Муромцев С.А. Болезненные процессы общественности. Ярославль, 1908. С. 7, 10.

Официальная комиссия по празднованию 100-летнего юбилея со дня рождения Пушкина в 1899 г. в Москве работала с большим энтузиазмом, проведя 16 заседаний (в Петербурге их было только 5). Однако общественный резонанс праздника вышел за рамки официального регламента, что привело к формированию альтернативной общественной пушкинской комиссии. В программе ее работы в Москве значились: пропаганда пушкинского творчества, сбор автографического и иконографического материала, изучение текстов, обзор переводов и т.п. Эта комиссия, созданная ОЛРС (Общество любителей российской словесности), сыграла решающую роль в формировании отечественного пушкиноведения и становлении Пушкинского дома. Отблеск великолепного «пушкинского праздника» во время открытия памятника поэту в Москве в 1880 г., лирический налет «семейности» пушкинских мест в Москве и отчасти более домашняя атмосфера второй столицы сделали официальные торжества в старой столице «теплее» петербургских.

С утра 26 мая 1880 г. в Елохове, в приходе, где родился поэт, в церкви Богоявления совершилась митрополичья служба. В Манеже собралось около трех тысяч учащихся во главе с попечителем Московского учебного округа Н.П. Некрасовым. Все направилось к памятнику Пушкину на Страстной площади. Там уже с утра толпился народ. Состоялось возложение венков с пением кантат и чтением стихов. В три часа дня в актовом зале Московского университета началось соединенное заседание ОЛРС, общества истории и древностей российских и университета. После исполнения официальной кантаты на слова «К.Р.» из дома Романовых<sup>1</sup> вступительное слово произнес ректор Д.Н. Зернов. Затем прозвучали речи профессоров Н.И. Стороженко, А.И. Кирпичникова и В.О. Ключевского. Ожидания публики от юбилея 1899 г. были заметно выше, чем в 1880 г., поскольку шла «перезагрузка» национального самосознания. По этой причине публика искала и нашла ситуации и речи, которые отличались от запланированных мероприятий и как-то выделялись на общем благопристойном фоне.

---

<sup>1</sup> Поэтический псевдоним великого князя Константина Александровича Романова, который написал обширную оду к юбилею Пушкина. Официально она победила в конкурсе поэтов и стала основой официальных празднеств.

Литературовед Н.И. Стороженко произнес редкую по оптимизму речь, призывая верить в победу света над тьмою, «отрешиться раз навсегда от всякого фанатизма, как религиозного, так и политического, и помнить, что... интересы свободы, человечности и правды... выше всяких политических и национальных соображений»<sup>1</sup>. Студенческий кружок профессора А.И. Кирпичникова представил цикл работ о Пушкине, позже опубликованных в виде сборника, что давало основание его руководителю говорить о значении Пушкина для воспитания юношества<sup>2</sup>. Речь историка Ключевского звучала довольно академически, хотя идея поставить Пушкина рядом с Петром I позже нашла поддержку у целого ряда исследователей, включая и наши дни. Он рассматривал Пушкина как историческое явление, как ответ России на вызов, сделанный ей преобразованиями Петра I. «Целый век нашей истории работал, чтобы сделать русскую жизнь способной к такому проявлению русского художественного гения»<sup>3</sup>.

Но претендовать на какую-нибудь общественную значимость, вообще на сколько-нибудь «событийность» могло только выступление бессменного с 1880 г. председателя Юридического общества и члена ОЛРС с 1884 г. Муромцева, в будущем кадета и председателя первой в России Государственной Думы. Сборник ОЛРС в 1911 г. привел полный текст «этого замечательного приветствия, ставшего драгоценным историческим документом»<sup>4</sup>. Его речь упоминается среди наиболее спорных, «болевых» точек юбилейных торжеств. Она стала если не событием, то предметом обсуждения и в какой-то степени политическим поступком.

Главная идея оратора состояла в том, что Пушкин – «героический гимн, посвященный красоте и человеческому достоинству», проникнутый «мечтами о просвещенной свободе и законности, как лучших опорах государственного порядка»<sup>5</sup>. Его творчество – проявление «почуявшей свою силу русской личности»

<sup>1</sup> Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка и материалы за сто лет. СПб., 1911. С. 91.

<sup>2</sup> Пушкинский сборник /под ред. А.И. Кирпичникова. М., 1900

<sup>3</sup> Ключевский В.О. Памяти Пушкина // Ключевский В.О. Собр. Соч. в 9. Т. Т. IX. М., 1990. С. 104.

<sup>4</sup> Общество любителей российской словесности... С. 92.

<sup>5</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1: Некрологи, приветствия, воспоминания. 1878-1910. М., 1910. С. 27-28.

и его судьба – это борьба «личности за независимое и свободное развитие». Муромцев произнес заветную для либералов формулу государственного порядка: «просвещенная свобода и законность», что, безусловно, диссонировало с официальным воспеванием «народности» и царепослушания Пушкина<sup>1</sup>.

Но общественного обсуждения высказанных идей не получилось – реакция властей оказалась молниеносной. Уже на следующий день после произнесения речи московский оберполицмейстер Д.Ф. Трепов и исполняющий обязанности начальника охранного отделения ротмистр Сазонов обратились к московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу с секретной запиской, к которой была приложена копия текста речи. В полицейской записке говорилось о «крайней тенденциозности» и резкости намеков оратора. Трепов писал, что «желая почтить юбилейный день “великого народного поэта” (язвительные кавычки принадлежат Трепову. – Л.Б.), Муромцев однако всю речь посвятил характеристике Пушкина как гражданина...»<sup>2</sup>. Репрессивный по сути характер имело и закрытие весной того же юбилейного 1899 г. Московского юридического общества после 36 лет его существования<sup>3</sup>. 1 марта 1899 г. состоялось его последнее годовое собрание, на котором также прозвучала речь Муромцева<sup>4</sup>. Так либералы с самого начала заявили о культурной составляющей своей идеологии.

В ситуации наступившего после неудачи первой русской революции «безвременья» и потери влияния либералов в Государственной думе еще два культурных события имели общенациональное звучание и привлекли внимание либералов: 100-летие со дня рождения Н.В. Гоголя в 1909 г. и «толстовские дни» во время похорон Л.Н. Толстого в ноябре 1910 г.

Организацией «гоголевских» торжеств в Москве занималась комиссия, состоявшая из членов Общества любителей российской словесности, представителей Московского университета и Московской городской думы. В 1907-1908 гг. для организации торжеств и открытия памятника писателю были созданы комиссии:

<sup>1</sup> Общество любителей российской словесности ... С. 91

<sup>2</sup> Ростов Н. Пушкинский юбилей и московская охранка // Огонек. 1936. № 30. С. 21.

<sup>3</sup> Русское богатство. 1899. № 5. С. 194.

<sup>4</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 2. М., 1910. С. 1-64.



«гоголевская» при Обществе любителей российской словесности и «исполнительная» по разработке вопроса об участии в торжествах. Они существовали наряду с образованным ранее комитетом по сооружению памятника Гоголю. Гоголевская комиссия состояла из выдающихся деятелей науки и культуры: В.О. Ключевского, А.Н. Веселовского, М.Н. Розанова, В.Я. Брюсова и др. В исполнительную комиссию были избраны в основном гласные городской думы: А.А. Бахрушин, Л.Л. Катуар, И.С. Остроухов и др.<sup>1</sup> Среди должностных лиц значились также московский городской голова Н.И. Гучков (брат известного думца-октябриста А.И. Гучкова), В.В. Каллаш, И.С. Остроухов, архитектор Ф.О. Шехтель, скульптор Н.А. Андреев, князь В.М. Голицын. Кроме того, были приглашены сыновья знаменитых русских поэтов: А.А. Пушкин, П.В. Жуковский, И.Ф. Тютчев. Комиссия подготовила программу торжеств к 100-летию юбилею со дня рождения писателя 20 марта и к открытию ему памятника 26 апреля 1909 г., конкурс на который был объявлен еще в 1901 г.<sup>2</sup> Отношение московской публики к открытому в 1909 г. памятнику работы скульптора Н. Андреева, который изображал великого писателя сгорбленным, смятенным, страдающим, было неоднозначным. Но спорность трактовки только усиливала интерес к юбилейным торжествам. Праздник оказался весьма многолюдным: в общественных местах проходили народные гуляния; в скверах и парках играли оркестры; повсеместно была развернута продажа сочинений писателя.

В первый день гоголевского праздника в актовом зале Московского университета открылось торжественное заседание Общества любителей российской словесности, на котором присутствовали русские ученые, а также представители Кембриджского, Софийского, Пражского, Белградского университетов. На следующий день заседание Общества переместилось в Большой зал Московской консерватории. Ждали, что с речью выступит патриарх русской исторической науки Ключевский, но, сославшись на нездоровье, он ни на одном заседании не присутствовал. Все же значительные речи были

<sup>1</sup> Об этом подробнее см.: ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 794. Л. 163-164, 167, 169, 199-204.

<sup>2</sup> ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 793. Л. 1-3. Копия.

произнесены. Среди них выделялись выступления лидера символистов поэта Брюсова и выдающегося русского философа князя Е.Н. Трубецкого. Трубецкой обратился к популярному образу пространства и странничества в России: «нужно проездиться по России». По его суждению, только движение соединяет ее необъятные пространства в единое целое. В либеральной печати в 1909 г. появились статьи о творчестве Гоголя. Наибольшее политическое звучание имели статьи профессора-юриста и общественного деятеля Муромцева и М.М. Ковалевского, близко знакомого с И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым.

Статья Ковалевского называлась «Устарел ли Гоголь?» и была опубликована в «Вестнике Европы» (1909, Кн. 4. Т. II). Уже само название статьи вызывало интерес. Ковалевский не касался художественных достоинств творчества великого писателя. Как социолог и юрист Ковалевский сравнивал факты социально-нравственного падения российского общества, которые представлены Гоголем в его гражданских комедиях, и реалии общественно-политической жизни России начала XX в. По мнению Ковалевского, гоголевская сатира несколько не устарела. Господствует то же самоуправство чиновников, не соблюдаются законы, процветает мздоимство (по принципу «бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью», «всякой услуге положена своя цена»). Сословия в рамках общественно-политического идеала Гоголя не нашли себя. Нет формирования «свободного гражданина как сеятеля благосостояния и просвещения». Так культурное событие и культурная тема превращались в тему гражданскую и политическую.

Публикацию статьи предваряла речь Ковалевского, произнесенная им перед общественностью Москвы 19 марта 1909 г. с тем же названием «Устарел ли Гоголь?». В ней оратор задал вопрос, имеющий не литературное, а общественное значение: «Не лучше ли... спросить себя, насколько русское общество, им изображенное, перестало отвечать данному ему описанию. Что сделано нами для того, чтобы «невидимые слезы», пролитые Гоголем при «видимом смехе», могли бы считаться пролитыми не напрасно? В какой мере произошло то врачевание общественных недугов, в котором Гоголь видел высшую миссию писателя вообще

и свою в частности»<sup>1</sup>. Ковалевский заключил свою речь следующими словами: «Этого исправления мы продолжаем ждать и по настоящий день. Оно может быть достигнуто только переменой нравов, что в свою очередь тесно связано с исправлением общественных и политических порядков. Политически обновленная Россия, Россия, призванная к управлению собственными судьбами, на расстоянии одного-двух поколений создаст и новый тип, не чиновника и не просто обывателя, а свободного гражданина, сеятеля благосостояния и просвещения на необъятной русской ниве»<sup>2</sup>.

Муромцев построил свою статью на сравнении значимости Пушкина и Гоголя в национальном сознании и понимании идей личности, общественности, свободы и права. Он писал: «Пушкин нес русскому обществу откровение сознавшей свое человеческое достоинство и на самое себя опирающейся личности», «созданные им поэтические образы навсегда остались путеводными светочами на пути развития личности». Напротив, «Гоголь в отдельных фигурах близкой ему жизни искал на первом плане свойств общественности». По мнению Муромцева, в произведениях Гоголя выведен «человек как носитель данного уклада, как участник данного события, как выразитель общественного настроения...» И далее: «Чествование Гоголя есть чествование народной мощи»<sup>3</sup>. Но всех либералов объединяло понимание неразрывной связи «прогресса личности» и «прогресса общества».

Толстовские 1910 г. и пушкинские «дни» 1899 г. разделяли чуть более десяти лет. Однако самосознание интеллигенции и либеральное мировоззрение за это десятилетие испытали чрезвычайные потрясения и претерпели радикальные перемены. В этом отношении показательны дискуссии о феномене толстовства и о личности самого Толстого.

Первое обращение к теме Толстого прозвучало уже в 1908 г., когда готовился юбилейный сборник статей к 80-летию писателя. Созданный юбилейный Комитет озаботился выпуском сборника, в

<sup>1</sup> Ковалевский М.М. Устарел ли Гоголь: речь, произнесенная в Публичном собрании 19 марта 1909 года / Санкт-Петербургский университет. 2009. 30 марта // URL: <http://journal.spbu.ru/2009/05/6.shtml>.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. М., 1910. С. 38, 41.

авторы которого пригласили всех значительных общественных деятелей и литераторов, в т.ч. А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова, Г.Е. Львова, П.Д. Долгорукова, Ф.Ф. Кокошкина<sup>1</sup>. Первый Всероссийский съезд представителей печати, состоявшийся в июне 1908 г. в Петербурге, назвал себя «толстовским» и наметил обширную программу юбилейных мероприятий. Для выполнения постановлений съезда был учрежден Постоянный комитет, который возглавил М.М. Ковалевский. Товарищами председателя стали Милюков и М.М. Федоров, секретарями – В.В. Водовозов и М.А. Стахович; казначеем – С.А. Венгеров. Грандиозным планам не суждено было сбыться. Лишь некоторые из присланных статей были опубликованы в юбилейном сборнике. Но значительная их часть прозвучала на публичных лекциях или появилась в других изданиях. Сама подготовка к юбилею великого писателя актуализировала моральные и духовные проблемы национального сознания, заставила осмысливать феномен Толстого в духовной атмосфере начала XX в. В неизданной статье «Толстой и “мы”» поэт А. Белый пытался найти ключ к загадке Толстого: «Перед нами двое: художник и учитель жизни; оба отрицают друг друга... И однако: мы чувствуем, что вовсе это не так; что Толстой – один... нераскрытая сущность Толстого есть нераскрытая сущность России... *его тайна* и в нас...» И как у гоголевского Вия, «не поднимаются железные веки Толстого: и *тайна его* не смотрит нам в глаза; не исполнились еще сроки; не узнали еще мы, *что такое* Толстой. Оттого он и давит нас своей громадной, своей нераскрытой силой»<sup>2</sup>.

Свое суждение о Толстом высказал тогда и П.Б. Струве в нескольких своих статьях-размышлениях: «Смысл жизни» (1908 г.) «Смысл смерти» (1910 г.) и др., опубликованных в «Русской мысли» и «Русских ведомостях». Политик отметил удивительное несоответствие: огромный авторитет и популярность личности Толстого в образованном обществе и почти полное равнодушие к сути его учения<sup>3</sup>. Встреча Струве с писателем лишь укрепила его в неприятии морализма «великого старца».

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 238. Л. 1130, 1.

<sup>2</sup> Белый А. Толстой и «мы» // Отечественные архивы. М., 1992. № 4. С. 85.

<sup>3</sup> Струве П.Б. Статьи о Толстом. София. 1921. С. 22.

В писательских съездах 1908 и 1910 гг. так или иначе принимали участие М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков. Хотя, к примеру, Милюков был против проведения «сугубо профессионального» писательского съезда в 1910 г., считая его лишь «декорацией обновленного строя» в России, деятельность толстовского комитета под председательством Ковалевского (в который входил и сам Милюков), привлекла его внимание «неизбежностью политического звучания» борьбы против смертной казни и оценками роли Толстого в русском национальном самосознании<sup>1</sup>.

Трагический уход Толстого в 1910 г. и ограничительные полицейские меры в связи с похоронами великого писателя внесли в размышления общественности о «великом старце» драматическую ноту. Тревожные донесения полиции о волнениях студентов дополнялись свидетельствами современников: «...интеллигенция Москвы сходит с ума» (Л. Тихомиров)<sup>2</sup>. 9 ноября 1910 г. в Москве отменили представления театры Корша, Художественный и Солодовника; состоялись заседания Общества любителей российской словесности, Совета присяжных поверенных, Общества народных университетов, Общества распространения технических знаний, Пироговского общества врачей<sup>3</sup> и других общественных организаций.

Что же заставило интеллигенцию «сходить с ума?». Почему статьями о Толстом «отметились» идеологи всех политических оттенков: от «пролеткультовца» П.И. Лебедева-Полянского, марксистов В.И. Ленина, Г.В. Плеханова и А.В. Луначарского до либерала Милюкова и беспартийного поэта А. Белого? При всем различии партийных позиций авторы разделились на тех, кто оценивал политический смысл морализма Толстого, его отношение к революции, и тех, для кого приоритетными были вопросы нравственности и духовной культуры.

В либеральных оценках великого писателя прослеживается линия сборника «Проблемы идеализма» (1902 г.) и сборника «Вехи» (1909 г.). В знаменитом суждении Струве о том, что ошибка

<sup>1</sup> О нынешних съездах вообще, о писательском – в особенности // Русское богатство. 1910. № 5. С. 190, 193, 205.

<sup>2</sup> Красный архив. 1936. № 6. С. 180, 181.

<sup>3</sup> Красный архив. 1935. № 6. С. 212, 213-214.

заклучалась «не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали*» предлагалась принципиальная «работа над ошибками»: следовало сосредоточиться на «политическом воспитании и самовоспитании»<sup>1</sup>, т.е. проблема была как раз в подготовке почвы, гражданского пространства для восприятия свободы как средства решения всех прочих проблем. Еще в конце 1905 г. Струве писал: «Создать нацию и пронести чрез тяжелый кризис русскую культуру... умножение и укрепление, – вот что должно быть теперь лозунгом всех русских граждан»<sup>2</sup>. Почти то же самое он повторил спустя несколько лет: **«Культура и дисциплина»** – главный лозунг и программа «культурно-политического возрождения нации»<sup>3</sup>. Свою силу культура передает государству через национальное чувство и национальное самосознание его граждан. Антигосударственность российской интеллигенции виделась «веховцам» главным препятствием на пути культурного либерализма.

«Толстовские дни» имели своего рода «первую главу» в виде «дней Муромцева». Месяцем раньше ухода Толстого умер основатель социологической юридической школы в России, председатель первой Государственной Думы, создавший своего рода политический идеал либерализма Муромцев. Его похороны 7 октября 1910 г. также превратились в грандиозную гражданскую манифестацию, подобной которой Москва не видела с 1905 г. Студенты, стоявшие с двух сторон цепью, порой с трудом сдерживали натиск многотысячной толпы, в которой смешались респектабельные господа, чиновники, учителя, торговцы, рабочие, учащиеся. В траурных мероприятиях участвовали А.А. Мануйлов, П.Д. Долгоруков, В.И. Вернадский, П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин, Шершеневич, Н.М. Кишкин, М.М. Ковалевский, Ф.И. Родичев, П.Н. Милюков, Н.А. Гредескул, В.Д. Набоков, С.А. Котляревский, А.А. Кизеветтер, всего свыше 200 депутатий, множество студентов, толпа рабочих, депутаты Думы. Среди депутатий – около 70 были от студентов и профессуры, 13 от газет и журналов, 26 групп от партии кадетов<sup>4</sup>. Среди надписей на венках

<sup>1</sup> Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 145.

<sup>2</sup> Струве П.Б. Скорее за дело! // Русские ведомости. СПб., 1905. 13 ноября.

<sup>3</sup> Струве П.Б. Культура и дисциплина // Московский еженедельник. М., 1908. № 1.

<sup>4</sup> Венки на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. С. 62-66. Подсчет автора.

и в речах ораторов часто встречались слова «свобода» и «гражданин». В своей речи Родичев назвал его «гражданином земли русской», который «служил правде и свободе». Милюков, редко употреблявший поэтические образы, сказал о Муромцеве: «Он видел солнце»<sup>1</sup>.

Полиция тоже присутствовала, но вела себя незаметно, почти не вмешиваясь. Десятки колесниц везли венки с траурными лентами. В центре не работали магазины, учебные заведения. Тысячи москвичей провожали в последний путь благороднейшего человека, чье имя тогда знала вся просвещенная Россия, известного общественного деятеля, адвоката, профессора-юриста с мировым именем, председателя I Государственной Думы Сергея Андреевича Муромцева. Среди выступавших на похоронах было несколько студентов и слушательниц высших женских курсов, речь которых была прервана полицией.

Газета «Речь» 7 октября 1910 г. опубликовала статьи Ковалевского, Набокова, Родичева и других либералов о Муромцеве. Практически все газеты поместили статьи о первом председателе Государственной Думы; некрологи, статьи и портреты о нем появились в ведущих газетах мира. В городах проходили собрания и панихиды. Г.К. Градовский сравнивал его с «благородным рыцарем» и русским богатырем: «Наука потеряла выдающегося ученого, государство и общество лишились честнейшего, просвещенного деятеля...» Верный «идеальному либерализму», «как Илья Муромец, он шел всегда прямоезжею дорогой»<sup>2</sup>.

Коллеги ценили в Муромцеве мастерство правовых решений. Благодаря его проектам конституции, проектам уставов представительных учреждений, законотворческим проектам, вообще самому активному участию в подготовке программных документов кадетской партии, ее фракция в Государственной думе не была застигнута врасплох реальным шансом нормотворческой государственной деятельности. Но общественность оценила не только новаторские научные труды Муромцева, не только статус его политической деятельности, но и безупречность нравственной

---

<sup>1</sup> Там же. С. 16, 21, 45, 51, 53 и др.

<sup>2</sup> По поводу кончины С.А. Муромцева: Речь, произнесенная Г.К. Градовским 10 октября 1910 г. М., 1910. С. 1, 3.

позиции. Защита прав личности от государственного произвола стояла для него на первом плане в профессиональной и политической работе. Общественная его деятельность концентрировалась в области культуры и просвещения. Уже в достаточно солидном возрасте Муромцев вместе с В.А. Маклаковым принял самое активное участие в открытии общественного университета по завещанию А. Шанявского. Используя свой авторитет и влияние в Государственной думе, он ускорил принятие закона о нем и активно участвовал в выработке «Положения» об этом учебном заведении нового типа<sup>1</sup>. В первую годовщину работы Народного университета 20 сентября 1909 г. он формулировал цель университета такого типа как «привлечение симпатий народа к науке и знанию»<sup>2</sup>. Но стратегической либеральной целью просвещения оставалось «воспитание общественности», соединение «прогресса общественности с прогрессом индивидуальности»<sup>3</sup>. Естественно, Муромцев оказался и среди профессоров «первого призыва» в народном университете. Сама идея народных учебных заведений казалась ему весьма перспективной как раз с точки зрения расширения культурного и интеллектуального пространства для принципа свободы. Последним делом его интеллектуальных занятий стала разработка «Положения о народном просвещении»<sup>4</sup>.

На одном из экземпляров посмертного сборника «Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева» его владелец Як. Дробышев, позже подаривший книгу университету Шанявского, написал трогательное стихотворение собственного сочинения:

«Он говорил лишь то, что подсказала совесть  
Он в речи избегал прикрас, излишних слов, –  
Вся жизнь его – неконченная повесть  
Одних высоких дел, одних волшебных снов»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Речь. 1908. 5 марта; Положение об университете имени Шанявского // Русские ведомости. 1908. № 79; Речь. 1908. 4 июня.

<sup>2</sup> Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. М., 1910. С. 59.

<sup>3</sup> Там же. С. 63.

<sup>4</sup> Муромцев С.А., Фальборк Г.А. Проект школьного закона // Школа и жизнь. 1910. 8 нояб.

<sup>5</sup> Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. Юбилейное издание. (Библиотека Российского государственного университета. Библиотечный шифр экземпляра U381\180).



## **РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ТЕОРИЯ, ПРОГРАММАТИКА, ПРАКТИКА, ПЕРСОНАЛИИ**

*О.Л. Протасова<sup>1</sup>*

### **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПАРТИЯ НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Унаследовав ряд идей древнегреческих мыслителей, либерализм как самостоятельное общественно-политическое течение, содержащее установку на обеспечение свободы личности и других гражданских и политических прав индивида и ограничение сферы деятельности государства, сформировался на базе политической философии Дж. Локка, Т. Гоббса, Ш.-Л. Монтескье, А. Смита, Б. Констана, А. де Токвиля в конце XVII-XVIII вв. На протяжении всего XIX в. эти идеи были развиты И. Бентамом, Дж. Миллем и другими представителями западной общественно-политической мысли.

В целом либеральное мировоззрение с самого начала тяготело к признанию идеала индивидуальной свободы в качестве универсальной идеи. Предпосылкой либерального мировоззрения является вычленение человеческой индивидуальности, осознание ответственности отдельного человека перед обществом, утверждение представления о равенстве всех людей в своем врожденном, естественном праве на самореализацию.

С формированием и утверждением идеи индивидуальной свободы все более отчетливо выделялись проблемы отношений государства и отдельного человека, а именно проблема пределов вмешательства государства в дела индивида. Сфера индивидуальной активности человека, не подлежащей вмешательству со стороны внешних сил, рассматривалась как сфера реализации естественной свободы и, значит, естественного

---

<sup>1</sup> *Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета.*

права. Исходя из этого постулата, были сформулированы принципы экономической, правовой и государственно-политической системы, в которых право было превращено в инструмент гарантирования каждому отдельному индивиду свободы выбора морально-этических ценностей, форм деятельности и пр. Эти идеи воплотились в принципах свободного рынка, ничем не ограниченной конкуренции, а в политической сфере они нашли свое выражение в идее государства – «ночного сторожа», а также правового государства, демократии и парламентаризма. Либерализм и демократия обуславливают друг друга, но их нельзя полностью отождествлять друг с другом. Под демократией понимается форма власти; либерализм же подразумевает границы власти.

Либеральная мысль в России зарождалась в постоянном противостоянии и преодолении традиций самодержавного и крепостнического произвола, инертности и лености мышления. Она была направлена на поддержку и обоснование дальнейших реформ, на признание за индивидом права на достойное существование. Центральной темой либеральной публицистики стало воспитание уважения к праву.

Крупнейшей фигурой в либеральной философской мысли второй половины XIX в. был Б.Н. Чичерин; среди других представителей российского либерализма выделяются С.А. Муромцев (первый спикер русского парламента – Государственной Думы), М.М. Ковалевский.

Если говорить о воплощении либеральных идей на практике, то есть в реальной политической деятельности, то, безусловно, самая известная и активная в этом смысле сила – партия народной свободы, больше известная как партия кадетов. Рядом «справа» располагались либерально-буржуазная партия прогрессистов и октябристы, а «левее» кадетов находилась партия народных социалистов, выражавшая идеи неонароднического толка. Эта партия – весьма своеобразное и оригинальное явление российской политической жизни периода становления и развития партийной и парламентской системы. Она не столь широко известна, как, скажем, те же кадеты или эсеры, но воззрения, высказанные в свое время ее идеологами, во многом трезвее, обдуманнее, а, значит,

современнее, чем некоторые идеи тогдашних политических фаворитов.

Что касается связи энесов (т.е. народных социалистов – в сокращенной форме) с либеральной идеологией, то она самая непосредственная. Дело в том, что, хотя сами народные социалисты (это отражено и в названии партии) считали себя в первую очередь приверженцами социализма, их именовали либеральными народниками. Действительно, их программа, политические и общественные пристрастия являются настоящим симбиозом как либерализма, так и социализма. В общем, «чистые» либералы – кадеты, прогрессисты, октябристы – не включали их в свою «компанию», а «истинные» социалисты – эсеры, меньшевики и особенно большевики, – разумеется, также не считали их «своими». Впрочем, большевики, за малыми исключениями, вряд ли до 1917 г. и догадывались о существовании такой политической партии. Словом, народные социалисты находились на стыке двух идеологий, совмещая слабости подобного «разброса» и сильные стороны свободы от идеологических шор.

Партия народных социалистов оформилась и зарегистрировалась в Департаменте полиции в 1906 г., но фактически возникла в 1905 г. Само название партии удачно оттеняло народническую преемственность, приверженность социалистическому идеалу и подчеркивало внеклассовый характер нового политического течения, противопоставляя его «узникам классового сознания» – марксистам с их поклонением «пролетарскому социализму». Как и все прочие российские партии, она была создана, так сказать, сверху, а ее сугубо интеллигентский состав еще больше подчеркивал аналогичную черту российской партийно-политической системы. В партии не было формального председателя, не было и строгого учета членства; ее наиболее авторитетные фигуры примерно равноценны по своему интеллекту и общественной значимости. Это были в основном «разночинцы», представители разных профессий, пришедшие в политику из публицистики, захваченные водоворотом насыщенной и интересной политической реальности начала XX в. Среди виднейших теоретиков и практиков народнического либерализма выделяются А.В. Пешехонов (главный автор программы партии, особенно ее аграрного раздела, в 1917 г. – министр продовольствия Временного

правительства при Керенском), Н.Ф. Анненский – старейший неонародник-либерал, любимец и авторитет всей партии, В.А. Мякотин – историк, председатель Организационного комитета партии, врач и писатель С.Я. Елпатьевский, известный историк С.П. Мельгунов и другие. Все это были личности неординарные, широко известные и пользовавшиеся неподдельным уважением, и, хотя многие их партию не принимали всерьез, принимая за «забавы интеллигентов», к самим лидерам народных социалистов это никак не относилось.

Программа энесов пережила саму партию, хотя была неоднократно «похоронена» ее критиками. Ряд ее положений сейчас выглядит даже актуальнее, чем тогда. Это был настоящий сгусток политической, экономической, социологической, правовой мысли российской интеллигенции, не скованной догмами какого-либо вероучения. В отличие от программ других партий, она не предписывала России строго заданного пути и даже формы правления: как сказал в 1906 г. Мякотин, в мире есть и свободные монархии, и недостаточно свободные республики, поэтому дело не в форме, а в содержании.

Говоря о предтечах народных социалистов, можно указать западников, но дело отнюдь не сводилось к простому заимствованию или подражанию. Каждый из теоретиков народничества вносил в характер направления нечто новое, и постепенно это идейное течение перестало быть «западническим» и стало русским, не утратив главного – общечеловеческого характера. Именно человек занимал центральное место в системе координат энесов, идея самоценности и верховенства человеческой личности была для них основополагающей (в отличие от социал-демократов или эсеров, у которых личность растворяется в общественном коллективе, а то и вовсе приносится в жертву общему благу).

«Пусть личность в массе своей невежественна, – писал Пешехонов, разъясняя основные постулаты программы партии, – пусть ее человеческое достоинство принижено, пусть она беспомощна, – это не мешает нам признать ее верховенство. Мы знаем ее язвы и несовершенства. Тем сильнее наше желание всякого темного, забитого и голодного человека сделать умным, сильным и довольным – сделать счастливым. Свобода и

независимость человеческой личности, ее всестороннее развитие и бесконечное совершенствование – такова цель, которую ставит наша программа»<sup>1</sup>. Однако, признавая «социологическое» первенство за личностью, народные социалисты не мыслили ее иначе как в обществе. Сущность задачи, поставленной партией – найти и создать такие общественные формы, которые обеспечивали бы полноту жизни каждой личности.

Признавая великие права за человеком, теоретики народнического социализма предъявляли к человеку и высокие требования. «Личность и народ – это одна и та же идея, в двух лишь выражениях, – сказано в комментариях к программе партии. – Одно определяет ее философскую сущность, другое дает ее жизненную формулу... К личности... мы предъявляем высокие требования, и не каждая из них в состоянии полностью их выполнить.. Но есть одно требование, которое мы предъявляем безусловно к каждой личности... Это требование – труд. Лишь в процессе труда, во всестороннем упражнении своих сил и способностей личность может развиваться и совершенствоваться... Лишь трудящаяся личность может быть для нас суверенной. Поэтому и народ, – тот народ, верховенство которого постулирует наша программа, – мы не можем мыслить иначе, как совокупность... трудящихся классов»<sup>2</sup>.

Приоритет личности – черта либерализма, но у народных социалистов в программе много внимания уделялось государству. Государственный аппарат, по глубокому убеждению правых народников, должен быть крепким и сильным, управление страной – твердым, но гибким, власть обязана учитывать чаяния всего народа и оперативно реагировать на перемены его настроений и насущных нужд. Политические силы России, уделявшие внимание исключительно смене правительства и мало думавшие о многочисленных народных массах, населявших Россию, их психологии и культуре, совершали ошибку. Но не меньшую, а даже большую ошибку совершали те, кто, решив перевернуть весь общественный строй, всю страну, уничтожить все существующие органы власти, не задумывались о том, что стране

---

<sup>1</sup> Пешехонов А.В. Программные вопросы. Пг., 1917. С. 12.

<sup>2</sup> Там же. С. 14-15.

нужна будет государственная власть, новое правительство, и не строили на этот счет никаких планов.

Излагая основные положения программы партии, Пешехонов подчеркивал: «Мы должны будем и останемся государственниками».<sup>1</sup> В термин «государство» он вкладывал «всю совокупность общественных форм, соответствующих группировке личностей по территориальному признаку, т.е. и муниципию, и провинцию, и государство (в тесном смысле этого слова), и федерацию»<sup>2</sup>. Наиболее жизненной и желательной ему представлялась территориальная форма общественной организации, так как лишь в ней возможно создание консолидированного общества. По форме государство должно быть народным, по внутренним тенденциям – трудовым. Пешехонов считал, что только социалистическое государство могло бы обеспечить интересы труда и сплотить всех трудящихся в единое целое. Мы видим, что в данном вопросе энесы не были сторонниками либерального подхода и к государству, а также всему с ним связанному, проявляли интерес во много раз больший, нежели либералы.

Переход к социализму мыслился как процесс постепенный, длительный, эволюционный, без потрясений, с рядом последовательно сменяющихся этапов. Деления программы на «минимум» и «максимум» по этой причине у народных социалистов не было. Не было вписано в программу и требование демократической республики (вообще вопрос о конкретной форме правления был обойден). Знатоки народа не в теории, а на практике, либеральные народники прекрасно понимали, что непонятными словами, за которыми для темных масс кроется неведомый смысл, можно только отпугнуть и отвратить народ, прежде всего крестьянство, от борьбы за свои политические права, за «землю и волю». Приходилось считаться и с консервативно-монархическими, пусть наивными и неглубокими, мужицкими представлениями. Демократическая республика как форма правления в социалистическом государстве, конечно, присутствовала в их взглядах, но они считали этот идеал

---

<sup>1</sup> Там же. С. 17.

<sup>2</sup> Там же.

достижимым через продолжительное время, когда все население России осознает необходимость этой формы власти и изберет ее посредством Учредительного собрания, добровольно и обдуманно<sup>1</sup>.

Немыслимо, по мнению народных социалистов, немедленно взять «всю волю», установив демократическую республику в России, было и потому, что для этого требовался «известный период творческой государственной работы»<sup>2</sup>, которая еще не проделана. Для этого, помимо политического развития масс, нужно объединить разрозненные революционные силы, убедив их, что «земля и воля» – это две части одного лозунга, а не два разных требования. О желательной форме власти в программе партии говорилось: «однопалатный парламент, избранный всеобщим, равным и тайным голосованием, со всей полнотой законодательной власти и ответственным перед ним правительством»<sup>3</sup>.

Осторожность, поступательность в программе народных социалистов вызвали шквал уничтожающих насмешек со стороны радикалов. Для большевиков слово «либерализм» было едва ли не бранным, а тут партия, называющая себя социалистической... Ленин (а он, как известно, никого не щадил и при этом в выражениях никогда не стеснялся) посвятил несколько статей Пешехонову и его партии. Так, в одной из них Пешехонов был назван «одним из вождей эсеровских оппортунистов»<sup>4</sup>. Далее Ленин взывал к своим сторонникам и противникам: «Неужели вы не видите, что г. Пешехонов отличается от г. Струве ничуть не больше, чем Бобчинский отличается от Добчинского?»<sup>5</sup>

В общественной борьбе энесы, как социалисты, признавали роль классовой борьбы, но не ставили ее во главу угла. По их мнению, интересы человеческой личности отнюдь не исчерпываются ее хозяйственными отношениями. Народные социалисты понимали народовластие как власть народа, не связывая его с диктатурой какого-либо одного класса, какой-либо одной группы. В самом деле, если какой-то класс ограничен своим

<sup>1</sup> См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 84; Федоренко А.А. Государство в представлении народных социалистов // политические партии: история и современность. Орел, 1994.

<sup>2</sup> Русское богатство. 1906. № 8. С. 197.

<sup>3</sup> См.: Программы политических партий России. М., 1995. С. 211.

<sup>4</sup> См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 13. С. 399.

<sup>5</sup> Там же. С. 403.

групповым кругозором и отстаивает только свои интересы, он не склонен считаться с интересами других, а часто действует в ущерб им. По этой причине энесы не считали возможным доверить одному классу защиту прав каждой человеческой личности. Пролетариат не слишком выделялся среди прочих трудовых классов своей революционностью и, тем более, политической грамотностью. Для того, чтобы борьба была действенной, успешной и полезной, все трудящиеся классы должны быть объединены. Учитывая громадную разницу между людьми в интеллектуальной области, народные социалисты возлагали идейную работу, необходимую для успешной борьбы за человеческую индивидуальность, на прогрессивно мыслящую интеллигенцию. Ее они считали «неоплатным должником народа», ибо ей доступны вершины знания за счет непроглядной темноты, в которой пребывали массы. Как известно, из этого нравственного императива и выросло все «освободительное движение» в России.

Члены народно-социалистической партии, а также беспартийные, но сочувствовавшие ей (таковых было немало, в том числе – чрезвычайно известные и уважаемые люди, например, знаменитый писатель В.Г.Короленко), мечтали о том, что с введением настоящей конституции все, «даже мужики», сделаются гражданами, настоящими людьми, а не «людьми». Отводя крестьянству исключительное место в общественном движении, народники надеялись, что это обретение себя как гражданина, личности скажется на самосознании мужика, он задумается о себе и подобных ему, разовьется умственно и душевно, у него появится интерес к дотоле далеким и чуждым для него вещам, как то: газета, книга, общечеловеческая мысль<sup>1</sup>. С радостью либеральные народники констатировали в 1905 г. рост крестьянского движения, отметив его всеобщность и повсеместность. Понимая, что в сознании как рабочих, так и крестьянства экономический момент сильно превалирует над политическим, они не видели в этом особой беды, так как в жизни эти два момента были неразрывно связаны. Что касается точки зрения на крестьян и рабочих как представителей различных классов, то народные социалисты и тех и других относили к единому «трудовому народу», который в

---

<sup>1</sup> Русское богатство. 1905. № 5. С. 161.



критические для него минуты из «бессвязных толп» должен превратиться в «великую и единую социальную силу»<sup>1</sup>.

Взрыв социальной активности крестьянства совпал с моментом переустройства политических форм государства. Косное и совершенно безразличное ко всему, что не касается непосредственно его хозяйства и личного или семейного благополучия, в 1905 г. крестьянство действительно начало подавать признаки жизни на общественной арене. Народники всегда связывали пассивность крестьянства с тем, что на протяжении многих веков оно терпело бесконечные лишения и унижения, оставившие глубокий след в его психике. Привыкшие считать себя низшей людской категорией крестьяне приучились противопоставлять себя всему остальному миру<sup>2</sup>. Позднее неонародники признавали, что крестьянская борьба носит в целом аполитичный характер (следствие индивидуалистических тенденций в крестьянстве), и полагали необходимым сделать все, чтобы избежать пагубных последствий этого – анархизма, конкуренции и вражды между крестьянами. Единственным средством против этого было бы решение аграрных проблем в государственных формах. В таком случае крестьянство даже на данном уровне своего развития могло бы найти путь и к осознанию своей человеческой и гражданской ценности, и к участию в государственном творчестве.

Уступки, которые предусматривались народными социалистами в долгом и многотрудном пути к социализму, расценивались ими как необходимые и временные. Свою программу же в целом они называли принципиальной и отличной от тех, в основе которых лежат не принципы, а компромиссы. Однако на российских политических подмостках энесов как раз относили к разряду наиболее склонных к политическому компромиссу. Более левые и радикально настроенные хулили их за «оппортунизм», а либералы видели в этом, напротив, достоинство, признак гибкости и, если угодно, мудрости. Левые отказывали народным социалистам в праве называть их программу социалистической, тогда как чистых

---

<sup>1</sup> См.: Русское богатство. 1905. № 6. С. 214.

<sup>2</sup> Русское богатство. 1905. № 7. С. 148.

либералов – кадетов – именно эта социалистическая составляющая отпугивала.

Тот социализм, к которому тянулись энесы, не приветствовал нелегалщины. Кое-кто из недоброжелателей старался углядеть в этом желание приспособиться к политической конъюнктуре. Отвечая на эти выпады, Пешехонов как главный трибун правого неонародничества напоминал, что открытость и легальность партии – совсем не одно и то же. Дело вовсе не в нехватке мужества или привычке к бытовому комфорту. Еще вопрос, что опаснее – тайное или открытое сопротивление деспотизму. Пресловутая легальность не избавляла от полицейских преследований. Так, во время избирательной кампании во Вторую думу народно-социалистическая партия была в этом смысле наиболее уязвимой среди народнических сил.

Появление партии энесов создало гравитационное поле для той части народолюбивой интеллигенции, которая колебалась между кадетами и эсерами – «чистыми» либералами и социалистами. Так, С.П. Мельгунов вышел из кадетской партии и перешел к народным социалистам. В Пензе, Симбирске, других провинциальных городах к ним потянулись элементы, прежде тяготевшие к либералам. Историк Н.И. Кареев, входивший в состав кадетского ЦК, позже признавался: «Если бы эта партия образовалась раньше кадетской, ... очень может быть, я и примкнул бы к ней»<sup>1</sup>. Слева к энесам шли те, кто, подобно экстремисту Н.А. Чарушину, отрицал эсеровщину с ее террором и противозаконными экспроприациями.

Сами же народные социалисты относили себя к людям «крайних мнений» и в период работы дореволюционных Дум жестко критиковали «средние партии», обвиняя их в том, что они постоянно идут с властью на компромисс и «торгуют за чужой счет». Энесам претила возможность добиваться усовершенствования политического режима в сотрудничестве с ним. В таких заявлениях имелись, конечно, противоречия с программой партии, которая предполагала уступки и постепенность. Однако статьи из цикла «Хроника внутренней жизни» в журнале «Русское богатство», написанные Пешехоновым,

<sup>1</sup> Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 235.

гласили, что народу не нужны ни выборы, ни представители, а «нужна свобода, которая может войти, только распахнув двери»<sup>1</sup>. Это был один из уроков действительной, а не книжной социальной революции.

Центристские партии, чуть левее которых были энесы, критиковались за нехватку решимости и определенности в своих действиях. Хотя в левых политических кругах народных социалистов часто отождествляли с кадетами, их оценки не содержали даже намека на одобрение действий последних. Можно усматривать некоторую общность тактических, программных, организационных положений кадетов и энесов, проводить параллели между этими партиями, находить сходство в психологии их членов, но в основном из уст народников звучала только критика в адрес кадетов. Особенно едко высмеивался кадетский лозунг «бережения Думы», в котором выделась типичная обывательская позиция, а обывательщина, особенно русская, ни к чему полезному привести, по мнению энесов, не могла. Между тем сами народные социалисты отнюдь не были крайними радикалами и ярыми разрушителями.

Следует отметить, что идеи народнического социализма в его либерально-государственной трактовке, представленные идеологами народно-социалистической партии, при всей своей взвешенности и трезвости, не были поддержаны ни политическими, ни тем более народными массами в начале прошлого столетия. Сами идеи показались расплывчатыми, половинчатыми: Россия признавала только резкие, определенные тона, а симбиоз либерализма и социализма был слишком сложным, чересчур абстрактным, следовательно, чуждым, явлением... В настоящее время либерализм и социализм уже давно не являются несочетаемыми элементами в программе какой-либо политической партии или в политической линии государства. Однако следует учитывать крайне низкий уровень не только политической, но и общей культуры тогдашней России, абсолютную политическую неопытность (речь идет даже о наиболее «продвинутых» людях – высокообразованной интеллигенции), отсутствие партийных и парламентских традиций и прочих атрибутов развитого общества, так что совсем не удивительно, что разумные мысли народников,

---

<sup>1</sup> Русское богатство. 1905. № 5. С. 154.

впоследствии воплощавшиеся в жизнь разными политическими силами в разных странах, не нашли отклика в родной стране, у народа, так любимого энесами.

Неблагодарное это дело – судить, что было бы, если бы народно-социалистическая программа получила ход в России начала XX в., но очевидно, что пристальное внимание к таким фактам нашей политической истории поможет нам не «изобретать велосипед», а пользоваться интеллектуальным наследием, которое у нас есть и которое вызывает уважение в цивилизованном мире. Идеи народнического, либерального социализма – немалая часть этого наследия.

***В.Ю. Карнишин<sup>1</sup>***

## **ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

Неотъемлемым компонентом исследования облика российского либерализма является проблема осмысления роли провинциального сегмента печати. Изучение этого сюжета позволяет осмыслить ряд значимых сюжетов в политической истории позднеимперской России. Речь идет о восприятии либеральных традиций провинциальным обществом, интерпретациях лозунгов и установок либеральных партий в губерниях, специфику которых предстояло учитывать в контексте реалий политического процесса начала XX в. В этой связи заслуживают внимания свидетельство П.Н. Милюкова, высказанное в связи с его поездкой по губерниям Европейской России в 1905 г.: «В моей памяти сохранился лишь контраст впечатлений между севером и югом. На севере ни мои исторические справки, ни мои политические выводы и программные разъяснения, в общем, не встречали сопротивления и принимались сочувственно. На юге, в центрах старых левых организаций, напротив, уже разыгрывались

---

<sup>1</sup> *Карнишин Валерий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.*

политические страсти ... Температура споров доходила до белого каления . Мы проспорили с моими натасканными оппонентами буквально целую ночь, без перерыва, и разошлись при лучах взошедшего солнца, утомленные, но не примиренные»<sup>1</sup>.

Представителям кадетской партии, приезжавшим в губернские города на собрания своих единомышленников, постоянно приходилось выслушивать категоричные выводы о том, что народ не созрел для активного участия в политической деятельности». Собрания 1905–1907 гг. давали основания А.А. Кизеветтеру, прибывшему в Пензу, категорично заявить: «Ссылка на неподготовленность не состоятельна ... Неверно говорить, что народ в течение истории всегда только следовал за переменами, а не предупреждал события»<sup>2</sup>.

Осмысление особенностей проникновения идей либерализма в российскую глубинку требует привлечения конкретно-исторического материала по одной – нескольким губерниям. Представляется, особенности экономического и социокультурного ландшафта Пензенской и Саратовской губерний начала XX в. позволяют составить представление об условиях трансляции либеральных идей в провинциальное общество.

Напомним, что губернии Среднего и Нижнего Поволжья являлись эпицентрами аграрного движения в условиях сохранившегося крестьянского малоземелья. Не следует недооценивать последствий агитационно-пропагандистской работы народников: центры «хождения в народ» находились именно здесь, вовлекая в орбиту своей деятельности разночинцев, имена которых обрели всероссийскую известность (П.И. Войнаральский, сестры В.Н. и Е.Н. Фигнер, Л.Н. Гартман, А.К. Соловьев). В своей деятельности они пытались конструировать действительность из идей, «прекрасных самих по себе, но часто абстрактно и умозрительно отобранных на свой вкус» по «своей мерке». Причем подчинить этому идеалу они стремились далеко не только собственное существование<sup>3</sup>. С этой проблемой пришлось столкнуться в начале XX в. и провинциальным либералам.

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. С. 289.

<sup>2</sup> Перестрой. 1906. 21 февраля.

<sup>3</sup> Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX века). М., 2008. С. 154.

В конце XIX-начале XX вв. Пензенская и Саратовская губернии по-прежнему оставались местами ссылки из обеих столиц «неблагонадежных», что, в свою очередь, обусловило закрепление тенденции сотрудничества между умеренными радикальными кругами по линии личных и политических связей, объединявших дворянских либералов земства с медиками, статистиками, учителями<sup>1</sup>.

В Саратовской губернии достаточно влиятельными в земских кругах являлись дворяне-либералы. Граф Н.Н. Львов, возглавлявший губернскую земскую управу с 1899 г., принимал активное участие в деятельности кружка «Беседа», наряду с земским деятелем соседней Пензенской губернии, П.М. Толстым, известным впоследствии своей публицистикой на страницах неофициальной печати. Как отмечается в новейшем исследовании, «если для Львова сам факт существования общественного мнения заставлял власти считаться с собой, то для Толстого сила общественного мнения заключалась в возможности его преобразования в общественное действие»<sup>2</sup>. Впрочем, эти разногласия не следует преувеличивать: Львов оказывал денежную помощь социал-демократической газете «Искра», П.М. Толстой подвергался преследованиям за нелюбезную критику местной бюрократии. Будущий лидер саратовских кадетов А.А. Токарский устраивал вечерние собрания, куда приглашались местные политические деятели различных направлений<sup>3</sup>.

В Пензенской губернии либеральная составляющая политического спектра была выражена менее ярко. Председатель губернской земской управы А.А. Атрыганьев, впоследствии возглавлявший малочисленный (не более 50 членов) местный отдел «Союза 17 октября», городской голова Пензы, будущий депутат Государственной Думы Н.Т. Евстифеев являлись, пожалуй, наиболее известными в провинциальном мире представителями партии октябристов. Будучи прагматиками, они предпочитали свою активность проявлять, в основном, в тех сферах, где их

---

<sup>1</sup> Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 44.

<sup>2</sup> Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899-1905 гг. М., 2009. С. 125.

<sup>3</sup> Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 44.

компетентность была общепризнанна: Атрыганьев являлся одним из видных деятелей Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России, а Евстифеев совмещал деятельность в городском самоуправлении с хлебной торговлей. Как ни странно, отсутствие денежных средств не позволило пензенским октябристам приступить к изданию своей газеты, хотя анонсы о выпуске публиковались на страницах губернской печати.

Среди представителей кадетской партии в Пензе – инспектор народных училищ Н.Ф. Езерский, адвокат Б.К. Гуль (отец впоследствии знаменитого писателя русской эмиграции первой волны – Романа Гуля), купец второй гильдии, землевладелец, предприниматель-меценат В.Н. Умнов (еще в 1861 г. исключенный из Казанского университета за участие в панихиде по убитым крестьянам<sup>1</sup>), известный публицист, купец из уездного города Мокшана В.П. Быстренин, публиковавший статьи в «Московском еженедельнике».

На фоне усиления политизации общественной жизни все большую актуальность приобретал вопрос о поиске общего языка между властью и обществом. Как известно, растущая конфронтация как в общероссийском, так и в провинциальном измерении сопровождалась эмоциональной полемикой и в среде либералов. Размышляя об этом, Д.Н. Шипов отмечал: «Представители конституционной теории признавали неизбежным положить в основу необходимых реформ правовую идею и не считали возможным устранить господствовавший произвол власти иначе, как путем ее правового ограничения, предоставления народному представительству законодательной власти и установления ответственности правительственной власти перед народным представительством. Другие ... усматривая в праве и государстве лишь средства для осуществления этических задач, отвечающих духовной сущности человека, полагали, что взаимодействие власти и народного представительства должно быть организовано на основе нравственной между ними связи, и признавали желательным возвращение самодержавию его прежнего характера, как это было во времена Земских соборов»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Колесов А.В. Два очерка из истории самарской журналистики // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник / Сост. А.Н. Завальный. Самара, 1994. С. 70-78.

<sup>2</sup> Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 172-173.

Не последним обстоятельством, влиявшим на особенности развития либеральной периодики, являлась социокультурная ситуация, оценки которой у современников были достаточно противоречивы. Показатели грамотности в Пензенской (14,7%) и Саратовской (23,8%) губерниях не внушали особого оптимизма. Только в 1909 г. в Саратове был открыт университет – первое высшее учебное заведение в Среднем и Нижнем Поволжье. Современники признавали, что количество учебных заведений было явно недостаточно. В.М. Чернов, чья юность прошла в Саратове, вспоминал, что «рядом с казенными заведениями, где взращивались провинциальные «Плоды просвещения», какими-то судьбами возник ... подлинный образовательный центр – довольно богатая библиотека, в заведующие которой попал и долго держался поднадзорный политический ссыльный Валериан Александрович Балмашев»<sup>1</sup> – отец Степана Балмашева, убившего министра внутренних дел Д.С. Сипягина.

В воспоминаниях Ю.П. Елагина не без ностальгии отмечалось, что «Пенза в те времена была городом в культурном отношении выделявшимся среди многих русских губернских городов. Во-первых, Пенза находилась на Великом Сибирском пути и была значительным торговым центром, довольно благоустроенным по тем временам. Во-вторых, и это было более важно для культурных традиций города, – вокруг Пензы издавна лежали многочисленные дворянские имения, многие из которых принадлежали семьям, вписавшим славные традиции в историю русской культуры»<sup>2</sup>.

Издававшаяся в декабре 1905 - октябре 1906 гг. в Пензе газета «Перестрой» на протяжении короткого отрезка времени оставила яркий след в провинциальной журналистике. Подлинной душой издания являлся лидер местных кадетов Езерский, привлечший к сотрудничеству своих единомышленников. После избрания Езерского в I Государственную Думу многие организационные проблемы решал второй редактор – литератор В.Н. Ладыженский, известный, прежде всего, как один из первых переводчиков на русский язык «Марсельезы»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Минск, 2004. С. 25.

<sup>2</sup> Елагин Ю. Злой гений (Всеволод Мейерхольд). Нью-Йорк, 1955. С. 41.

<sup>3</sup> Савин О.М. Пенза литературная. Саратов, 1984. С. 127-128.



Опубликованная в первом номере «Перестроя» редакционная статья под полемическим названием «Что же дальше?» отразила настроения, присущие провинциальным либералам, находившимся под впечатлением Декабрьского вооруженного восстания. Во-первых, очевидным являлось отсутствие внятной информации о происходивших событиях: «Мы как будто сидели перед опущенным занавесом, за которым раздавались крики и выстрелы, лилась кровь, умирали, быть может, наши близкие, случайно захваченные борьбой, и мы не могли не только чем-нибудь прийти на помощь, но даже знать в точности, что происходит там, за занавесом»<sup>1</sup>. Между тем, декабрьские события по данным, полученным из московских больниц, унесли жизни 1059 человек, включая 137 женщин и 86 детей<sup>2</sup>.

Москвичи не могли чувствовать себя в безопасности со стороны противостоящих сил: расстрелы без всякого суда со стороны революционеров, стрельба в спину патрулями уже обысканным и опущенным жителям – все это становилось известным, пусть и с опозданием, в провинциальной Пензе в условиях, когда было прекращено движение поездов из Москвы, а газеты перестали поступать подписчикам.

Во-вторых, осуждая восстание в Москве, газета призывала «не дать себя запугать ужасом революции или, наоборот, успокоиться на легкой победе правительства над революционными силами». «Мы прекрасно знаем, что все нынешнее движение не результат интриги нескольких крамольников, а плод долгого застоя народной и государственной жизни, переустройства во всех областях ее»<sup>3</sup>, – резюмировал «Перестрой». Надежды возлагались, прежде всего, на конструктивную работу Государственной Думы. В.В. Шелохаевым справедливо подчеркивалось, что либералы, используя самые различные коммуникативные средства (печать, митинги, собрания) стремились внедрить в массовое сознание идею о том, что мирным, парламентским путем через Думу можно решить наболевшие вопросы российской действительности. Они щедро раздавали обещания «сосчитаться» в Думе с

---

<sup>1</sup> Перестрой. 1905. 22 дек.

<sup>2</sup> Тютюкин С.В. У порога гражданской войны // Первая революция в России: взгляд через столетия. М., 2005. С. 374.

<sup>3</sup> Перестрой. 1905. 22 декабря.

правительством, провести законодательным путем системные реформы, которые будут способствовать превращению России в великую державу, уравниют в гражданских и политических правах все население страны, улучшат материальное положение крестьян, рабочих и служащих»<sup>1</sup>.

Осмысление особенностей предвыборной кампании в Думу стало ведущей темой корреспонденций как в «Перестрое», так и на страницах либерального «Саратовского листка». Саратовские либералы, оценивая новые политические реалии, анализируя предвыборную комбинацию, констатировали, что путь к победе левых сил может быть пройден только путем «соглашения всех выборщиков оппозиционного характера». «Ясны задачи оппозиции: не дать изолировать себя ни в какой части, но употребить все силы на то, чтобы изолировать аграрно-реакционную группу»<sup>2</sup>, к которой либералы отнесли октябристов, представителей партии правового порядка. Пропагандистский потенциал саратовских кадетов учитывал остроту аграрного вопроса: «Крепостной строй у нас не уничтожился. Пала личная зависимость крестьян от помещиков, но осталась другая: за дворянством осталось исключительное право распоряжаться судьбами государства; у него осталась в полной неприкосновенности власть над народом, – не как дворянская, а как чиновничья; у него осталось право закрепощения – земля»<sup>3</sup>. Подобная риторика способствовала успеху саратовских кадетов на выборах в I Государственную думу. Вместе с тем, на страницах либеральной газеты не нашло отражения осуждение волны массовых насилий в саратовской деревне. Эту атмосферу лаконично передал саратовский губернатор П.А. Столыпин летом 1905 г. в письме супруге: «Крестьяне хотят идти жечь и грабить дальше, но посланные мною драгуны остановили движение своим появлением ... Соседние деревни терроризированы, т.к. и их хотят жечь, если они не примкнут к движению. Помещики в панике отправляли город имущество, жен и детей»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Шелохаев В.В. Либеральная модель // Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 378.

<sup>2</sup> Саратовский листок. 1906. 14 апр.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 577.

Выборы в Государственную Думу должны были стать прелюдией к новому этапу политической жизни страны. Анализируя ход предвыборной кампании, Езерский выделил две проблемы. Во-первых, полемика между кандидатами сопровождалась проявлениями низкой политической культуры: «Бросаются обвинения в измене России, в служении чужим интересам». Во-вторых, на собраниях недооценивалось то обстоятельство, насколько обещания кандидатов могут быть выполнены после начала работы народного представительства: «Наши депутаты, явившиеся в столицу со всей неопытностью и доверчивостью «людей земли», не признанных политикой, особенно легко могут увлечься на кажущуюся готовность представителей старой бюрократии на уступки ...»<sup>1</sup>

Вне внимания мокшанского купца, публициста В.П. Быстренина не осталась еще одна проблема – значение административного ресурса. Речь идет о давлении административных структур, полицейской администрации: «Подавляющая масса избирателей будет вотировать совершенно бессознательно, руководясь лишь личными симпатиями или антипатиями. Иначе и быть не может: при стеснении предвыборной агитации, при наличии запрещения партийных собраний, при устрашающей обывателя усиленной или военной охраны, узнать политическое credo кандидатов нет возможности, и выборы поэтому могут быть слепыми»<sup>2</sup>. Статья Быстренина под названием «Деревененская дума о Думе» отражала беспокойство автора, опасавшегося за политический выбор крестьян – выборщиков. Анализ результатов выборов в I Думу, проведенный современными исследователями свидетельствует о том, что крестьянский электорат ряда губерний (к ним, на наш взгляд, можно отнести Пензенскую и Саратовскую) проявил определенную самостоятельность в осуществлении политического выбора<sup>3</sup>.

Голоса крестьян – выборщиков, поданные за кадетов, обусловили недоумение и в среде провинциальных администраторов. И.Ф. Кошко, занимавший должности вице-губернатора и губернатора Самарской и Пензенской губерний,

---

<sup>1</sup> Перестрой. 1906. 21 февраля.

<sup>2</sup> Там же. 20 февраля.

<sup>3</sup> Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение политической культуры: Россия в начале XX в. М, 2005. С. 152.

размышляя о неутешительных итогах выборов для властей, в воспоминаниях отмечал: «Конечно, главную роль тут играла, мне кажется, наша общая неподготовленность к представительному строю. Мы, разумеется, теоретически, хорошо понимали эту идею, но практически совершенно не представляли себе, как надо осуществить ее, чтобы нам менее уклониться от идеального представления и преодолеть затруднения, которые неизбежно возникают при проведении нового порядка в жизнь»<sup>1</sup>.

Проводы депутатов из Пензы и Саратова в столицу превратились в яркое действо, наполненное эмоциями и надеждами провожавших. В корреспонденции «В депутатском вагоне», опубликованном «саратовским листком» отмечалось: «десятки рук тянутся, чтобы пожать руку депутата, некоторые даже стараются поцеловать ее. Один кидает цветы, другой сует какую-то записку. Один сложил руки у груди в позе молящегося, другой почти грозит, сжимая кулаки: «Добывайте нам новой жизни! Без этого не возвращайтесь!» ... Станционные жандармы были парализованы новой для них ролью – слушать явные порицания начальства и в то же время держать руки по швам»<sup>2</sup>. Надежды провожавших на своих депутатов, были небезосновательны: в кадетях видели посланцев глубинки, призванных добиться решения острейших проблем российской действительности.

Роспуск I Думы вызвал шок на страницах либеральной печати. «Саратовский листок» с досадой констатировал, что Дума «распущена в тот момент, когда готовилось обращение к населению, к народу с разъяснением по поводу земельного устройства деревни»<sup>3</sup>. Напряженность в губернии возрастала и в связи с реакцией населения на пожар в Сызрани, унесшего жизни нескольких тысяч человек, роста цен. Из Балашовского уезда сообщалось о подавленном состоянии жителей, узнавших о роспуске Думы: «По всему уезду ежедневно пожары жгут помещиков и своих же крестьян. Последних – из мести, за доносы или же за то, что не хотят присоединяться к забастовке»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Новгород – Самара – Пенза. (1905-1914 гг.) Пг., 1916. С. 35.

<sup>2</sup> Саратовский листок. 1906. 26 апреля.

<sup>3</sup> Там же. 11 июля.

<sup>4</sup> Там же. 16 июля.

Не было единства в отделах кадетской партии в оценке Выборгского воззвания. Езерский активно распространял его текст в уездах Пензенской губернии. На фоне роста революционного террора, он сопоставил его с террором властей, осудив крайности радикализма: «Бюрократы думают, что вся революция от кучки злонамеренных людей, что стоит только перевешать агитаторов и водвориться спокойствие; террористы тоже думают, что стоит перебить нескольких бюрократов, чтобы сделать страну свободной»<sup>1</sup>.

Саратовский комитет кадетской партии, проводивший свое заседание 17 июля, заслушав сообщение депутата С.А. Котляревского о совещании в Териоках и Выборгском воззвании. При обсуждении часть кадетов отрицательно отнеслись к принятию Выборгского воззвания<sup>2</sup>. Информация заседания комитета кадетской партии свидетельствует, что среди либералов не было единства в оценке выбора тактики политической деятельности: оставаться строго на позициях конституционализма (Котляревский); установление сотрудничества с левыми партиями (А.А. Масленников).

Новый этап политической жизни, связанный с кампанией по выборам во II Думу, проходил в условиях, когда либеральная газета пензенских кадетов была запрещена, а «Саратовскому листку» пришлось столкнуться с новыми препонами местной администрации.

Становится очевидным, что «Перестрой» в пропаганде либеральных идей сохранял явно персонифицированный характер (личность Езерского), что сыграло свою роль в угасании деятельности кадетского отдела в Пензе. Иные перспективы в трансляции либеральных ценностей сохранялись в Саратове – «столице Поволжья»: расширение круга печатных изданий, открытие в 1909 г. университета, активизация деятельности общественных организаций давали надежды на лучшее сторонникам либерализма в провинции.

---

<sup>1</sup> Перестрой. 1906. 26 августа.

<sup>2</sup> Саратовский листок. 1906. 11 августа.

## **ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?**

Слова «демократия» и «либерализм» по востребованности в политическом лексиконе постсоветской России занимают, пожалуй, лидирующие позиции, обозначая основные направления политической модернизации страны. А между тем вопрос о соотношении либерализма и демократии в общественно-политической и научной мысли остается дискуссионным. Использование спорящими сторонами исторических аналогий и, в частности, обращение к истории российского либерализма, заставляет задуматься над вопросом, а что думали сами либералы, каково было их понимание демократии и соотношения ее основных принципов с системообразующими идеями либеральной доктрины?

В настоящей статье предпринимается попытка анализа представлений российских либералов начала XX в. о сущности демократии, ее базовых принципах, необходимых исторических условиях для их осуществления, а также позиции по вопросу о соотношении либерализма и демократии. Следует отметить, что данная проблема не получила комплексного освещения в отечественной историографии: существует лишь ряд работ, затрагивающих ее в той или иной плоскости<sup>2</sup>.

Понятие демократии либералы относили к числу наиболее неясных политических дефиниций. Утрату им определенного содержания П.И. Новгородцев связывал прежде всего с тем, что на протяжении XIX и XX столетий требование демократии в популистских целях эксплуатировали разнородные политические силы, вкладывая в него собственный смысл. «Кто только не играет теперь понятием демократии? – восклицал П.Н. Милюков. – ...

---

<sup>1</sup> Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

<sup>2</sup> Деева Н.В. Эволюция концепций демократии в российской политической мысли конца XIX-первой половины XX века (либеральное, консервативное и социал-демократическое направления). Дисс. ... к.полит.н. М., 2006; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000.

Не знаю, в каких углах политической жизни вы не встретите этого слова»<sup>1</sup>. В итоге, указывал Новгородцев, оно «стало покрывать собою самые различные и часто совершенно противоречащие друг другу понятия»<sup>2</sup>. Кроме того, отмечал либерал, каждая историческая эпоха вносила свои коррективы в представление о демократии, так что это понятие претерпело весьма существенную эволюцию.

Употребляя понятие демократии в политико-институциональном плане как характеристику политического режима, идеологи нового либерализма стремились выявить ее сущностные характеристики. В качестве важнейшей из них признавался народный суверенитет (народное верховенство, народовластие). По мнению Б.А. Кистяковского, характеризовавшего принцип народовластия как «очевидную истину», «аксиому», последний являлся единственно правильным ответом на вопрос: на чем основана организация народа в государство. Однако практическая неосуществимость мысли Руссо о прямом народоправстве, указывал либерал, вызвала к жизни идею народного представительства, которая, в отличие от принципа народовластия, была «сплошной условностью», ибо никаких «внутренне-разумных» оснований для передачи выражения воли народа его представителям найти нельзя. Таким образом, с точки зрения Кистяковского, народное представительство служило «необходимым приспособлением к условиям жизни современных государств» с большим населением и территорией<sup>3</sup>.

По мнению Новгородцева, возникновение народного представительства со временем изменило интерпретацию народного суверенитета. Теперь последний стал пониматься не как прямое народоправство, а как принцип, согласно которому все власти должны *исходить* от народа, что, в свою очередь, подразумевало пользование властью в интересах народа. Либерал писал: «Принцип народовластия, как показывает практика жизни, состоит вовсе не в том, чтобы народ фактически все решал и делал сам, и даже не в том, чтобы он за всем фактически надзирал – это

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Три платформы Республиканско-демократических объединений (1922-1924 гг.) Париж, 1925. С. 16.

<sup>2</sup> Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 389-390.

<sup>3</sup> Кистяковский Б.А. Учредительное собрание // Свободный государственный строй. М., 1917. С. 14, 20, 23.

оказывается неисполнимым и невозможным, – а только в том, чтобы юридически все от него исходило, чтобы, не будучи законодателем фактическим, он все же был... тем «дремлющим законодателем», за которым сохраняется юридический суверенитет и юридическая возможность проявить свои верховные права через органы своей воли»<sup>1</sup>.

Ключевой проблемой демократического образа правления, по мнению идеологов нового либерализма, был вопрос о том, как сделать народное представительство максимально адекватно выражающим волю народа. И здесь мнения мыслителей разошлись. Часть из них настаивала на том, что наиболее демократичным является однопалатное представительство, сформированное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права<sup>2</sup>. Другие утверждали, что двухпалатный парламент нисколько не противоречит сущности демократической идеи, необходимо лишь, чтобы верхняя палата «не образовывала привилегированной корпорации, чтобы она так или иначе восходила к народному собранию»<sup>3</sup>.

Следует отметить, что и сама «4-хвостка» и, прежде всего, принцип всеобщности голосования, оценивалась либералами неоднозначно. С одной стороны, они подчеркивали оправданность всеобщего избирательного права с нравственной (справедливость) и политической (развитие самодеятельности масс, формирование гражданственности) точек зрения, но, вместе с тем, предостерегали против «фанатического признания его непогрешимости» в плане адекватности отражения народной воли<sup>4</sup>. Причем критицизм в отношении всеобщего голосования возрос в либеральной среде в постоктябрьский период, с одной стороны, в результате «погружения» в демократическую среду западных стран, а, с другой, под впечатлением событий в России<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 170.

<sup>2</sup> Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. 1906. Ноябрь-декабрь. С. 486; Нольде Б.Э. Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930. С. 200.

<sup>3</sup> Котляревский С.А. Предпосылки демократии // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 225.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 6. Кн. 2. 1922-1933. М., 1999. С. 114, 134.



Принцип народного суверенитета, с точки зрения отечественных неолибералов, был непосредственно связан с идеей господства большинства. «Демократия означает государственное устройство, основанное на признании народовластия, которое, как бы оно ни было построено, фактически и практически не может не быть... властью большинства всего народа», – отмечал П.Б. Струве<sup>1</sup>. Как указывал В.А. Маклаков, исторически сложилось, что борьба за демократию всегда начиналась с выступления против привилегий меньшинства за равные права для всех<sup>2</sup>. Это сформировало убеждение, что большинство имеет самостоятельное преимущество, всегда занимает безошибочную позицию в процессе поиска разрешения общественных проблем, а меньшинство должно безоговорочно ему подчиняться. Однако, констатировали либералы, многочисленные исторические факты свидетельствуют о том, что справедливость не всегда там, где ее видит большинство, оно тоже может ошибаться. «Справедливость какого-либо суждения, – писал Новгородцев, – определяется внутренними признаками, а не количеством признающих его голосов»<sup>3</sup>. А Кистяковский, развивая идею Токвиля, предостерегал, что деспотизм большинства или даже всего народа часто бывает не менее жестоким, нежели деспотизм монарха. «В некоторых случаях, – писал либерал, – он даже более ужасен и беспощаден, так как большинство более склонно считать себя непогрешимым, чем каждый человек в одиночку. В отдельном человеке скорее заговорит совесть и любовь к другим людям, чем в толпе, которая фанатически увлечена какой-нибудь идеей»<sup>4</sup>.

Принцип большинства не имел для либералов абсолютного значения, а рассматривался лишь в качестве способа, обеспечивающего наибольшую легитимность принятого на его основе решения. Он безусловно лишался нравственного оправдания, если входил в противоречие с принципом личности<sup>5</sup>. Права личности, указывал Кистяковский, обозначают пределы

<sup>1</sup> Струве П.Б. Либерализм, демократия, консерватизм и современные движения и течения [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/struve.htm>.

<sup>2</sup> Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 400.

<sup>3</sup> Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 211.

<sup>4</sup> Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 284.

<sup>5</sup> Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 239.

народному суверенитету как абсолютная, правильная сама по себе истина<sup>1</sup>.

Важнейшей проблемой демократии, по мнению либералов, была защита интересов меньшинства. В качестве одного из средств ее разрешения рассматривалась пропорциональная система голосования. Помимо того, оригинальную идею выдвинул С.И. Гессен, предлагавший наделить избирательным правом коллективных лиц – некие союзы-общности, выражающие интересы «культурных и хозяйственных ценностей, которые служат принципами их единства»<sup>2</sup>. Однако либеральные мыслители предостерегали от абсолютизации интересов меньшинства, которая, как подчеркивал Новгородцев, наносит не меньший ущерб свободе личности, нежели гипертрофия интересов большинства. «Если 99 принуждают к чему-либо одного, совершается не меньшее нарушение справедливости, чем если один принуждает 99. Общество свободных, утверждающееся на рабстве хотя бы одного человека, с безусловной нравственной точки зрения так же несправедливо, как несправедливо подчинение многих господству одного», – утверждал либерал<sup>3</sup>.

Мыслители настаивали на согласовании интересов большинства и меньшинства, вообще всех социальных групп, имевшем, по их мнению, принципиальное значение, ибо, как подчеркивал Маклаков, подлинная демократия осуществляется тогда, когда принятие решений основывается на поиске компромисса между различными позициями. Только такой способ гарантирует достижение всеобщего блага и обеспечение справедливости<sup>4</sup>. Эти размышления российских либералов начала прошлого века перекликаются с концепцией плюралистической демократии, имеющей сегодня значительное число сторонников.

Анализируя принцип народовластия, новые либералы обратились к одной из ключевых проблем демократической концепции – вопросу о роли народных масс в истории. Причем в центре их внимания данная проблематика оказалась в

---

<sup>1</sup> Кистяковский Б.А. Учредительное собрание. С. 17.

<sup>2</sup> Гессен С.И. Проблемы правового социализма // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. IV. Политическая мысль в России. II половина XIX-XX в. М., 1997. С. 740.

<sup>3</sup> Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 225.

<sup>4</sup> Маклаков В.А. Из воспоминаний. С. 401, 410.

эмигрантский период и в значительной мере была инициирована стремлением осмыслить роль народных масс в событиях 1917 г. и первых лет Советской власти.

Активным сторонником принципа народного суверенитета выступил Милюков, призывавший поверить в созидательную силу масс и подчиниться их воле<sup>1</sup>. Оппонировавший ему Маклаков, хотя и отмечал, что «управление против воли и понимания народа есть безумие», был категорически против слепого подчинения массе, потворствования ее инстинктам и задачу власти видел в том, чтобы привести народ «туда, куда ему нужно», т.е. разрешить объективно назревшие проблемы, которые сам народ не всегда способен осознать<sup>2</sup>. Здесь явно звучали патерналистские ноты, характерные для русского либерализма. Либералы настаивали на том, что массам объективно необходим руководитель, а, значит, реальная власть должна сосредоточиться в руках немногих. «В демократиях с естественной необходимостью над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь», – писал Новгородцев<sup>3</sup>. Некоторые либералы шли еще дальше, утверждая, что подлинными творцами истории всегда были сильные личности, умевшие подчинить своей воле массы и использовать в собственных целях их огромную энергию<sup>4</sup>. Данное утверждение фактически дезавуировало принцип народовластия.

Следует отметить, что открыто против идеи народного суверенитета выступали представители правого сегмента либерального спектра, прежде всего, В.И. Герье и Д.Н. Шипов. Первый, отталкиваясь от наличия в обществе множества социальных групп с разнородными интересами, отказывался воспринимать народ как некое единство, имеющее общий интерес и выступающее источником государственной власти. Он видел в

---

<sup>1</sup> Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 4. 1920-1921. М., 1996. С. 444.

<sup>2</sup> В.А. Маклаков – Б.А. Бахметьеву, 30 августа – [5 сентября] 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. В 3-х томах. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921 / Под ред. О. Будницкого. М., 2001. С. 452, 467.

<sup>3</sup> Новгородцев П.И. Демократия на распутье. С. 397-398.

<sup>4</sup> Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 6. Кн. 2. С. 113.

народе лишь «нестройную толпу», «которая ежеминутно может изменить свою волю».<sup>1</sup> Объединить эту толпу, мобилизовать на решение государственных задач, способен только монарх.

Для Д.Н. Шипова идея народовластия была неприемлема, поскольку выдвигала на первый план личные права граждан и борьбу за них, тем самым, заглушая сознание каждым членом общества нравственного долга и обязанностей по отношению к другим, идею подчинения личной воли иным, высшим началам, которая является необходимым условием планомерного развития государственного организма. Принцип народовластия, по Д.Н. Шипову, подрывал единство государства, неизбежно увлекая людей на путь социальной борьбы<sup>2</sup>. Такая позиция обусловила восприятие либералами народного представительства не как института, осуществляющего народный суверенитет, но как органа, информирующего монарха о народных нуждах.

Помимо народовластия, более радикально настроенные, нежели Герье и Шипов, либералы основополагающим устоем демократии считали свободу. «Демократия означает возможно полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем», – писал Новгородцев<sup>3</sup>. По его мнению, удачное обозначение для присущего демократии духа свободы предложил Х. Кельзен, назвав ее «системой политического релятивизма», которая, отрицая абсолютное господство какого-либо одного политического порядка, направления, «открывает для каждого убеждения возможность проявлять себя и в свободном состязании с другими убеждениями утверждать свое значение»<sup>4</sup>. Таким образом, определение свободы как равной и одинаковой для всех возможности произвольного действия у идеологов либерализма заменялось более содержательным ее пониманием как свободы самореализации человека.

Вместе с тем, либералы подчеркивали, что свобода ни в коем случае не тождественна анархии. «Свобода истинная и положительная, – утверждал Новгородцев, – всегда носит в самой

<sup>1</sup> Герье В.И. Понятие о власти и народе в наказах 1789 года. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1884 года. М., 1884. С. 19.

<sup>2</sup> Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 168-169.

<sup>3</sup> Новгородцев П.И. Демократия на распутье. С. 392.

<sup>4</sup> Там же. С. 393.

себе свою границу, свой разумный предел, который превращает ее в право. И, напротив, свобода, не знающая такого предела, утрачивает свой правовой смысл»<sup>1</sup>.

Принцип свободы, с точки зрения мыслителей, находил логическое продолжение в идее равенства. «Мы требуем для человека свободы во имя безусловного значения человеческой личности, и, так как в каждом человеке мы должны признать нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства», – утверждал П.И. Новгородцев<sup>2</sup>. «Свобода без равенства неосуществима», – писал Ф.Ф. Кокошкин, особо подчеркивая укорененность идеи равенства в сознании народных масс в России<sup>3</sup>.

Важно отметить, что, говоря о равенстве, идеологи нового либерализма подразумевали не только гражданско-правовое равенство, но и равенство возможностей (социальное равенство), обеспечиваемое посредством «права на достойное существование». Именно в провозглашении «равенства исходного пункта» они видели «суть нового либерализма»<sup>4</sup>. Предложив расширительную, по сравнению с классическим либерализмом, трактовку идеи равенства, неолибералы, тем не менее, остались непоколебимы в отрицании равенства экономического. Более того, как указывал Н.В. Тесленко, чем дальше человечеству предстоит двигаться в направлении свободы личности, тем больше будет развиваться экономическое неравенство<sup>5</sup>. Оно, отмечал Струве, будет основано на учете реального вклада человека в создание национального богатства, который, в свою очередь, зависит от «личной годности»<sup>6</sup>.

Вместе с тем, либеральные мыслители видели непреодолимое стремление масс именно к экономическому равенству, которое представляло для последних настолько бóльшую ценность, нежели политическая свобода, что они готовы были отказаться во имя него

<sup>1</sup> Он же. Правовые устои новой жизни // Русская мысль. 1917. № 14-15. С. 24-25.

<sup>2</sup> Он же. Демократия на распутье. С. 394.

<sup>3</sup> Кокошкин Ф.Ф. Речи Кокошкина (ПНС). Из думских отчетов. СПб., 1907. С. 39.

<sup>4</sup> Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 334.

<sup>5</sup> Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 6. Кн. 2. С. 135.

<sup>6</sup> Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 203.

от свободы. Во многом данное наблюдение не утратило своей актуальности и сегодня.

Указывая на взаимную обусловленность свободы и равенства, либералы признавали и их антиномичность. Свобода неизбежно предполагает неравенство, отмечал Новгородцев, более того, личность сама стремится к нему как проявлению своей индивидуальности, потребность в осознании и отстаивании которой есть имманентно присущее личности качество, которое «не может быть... заменено никакими удобствами и преимуществами внешнего положения», уравнивающего личность с ей подобными<sup>1</sup>. Очевидно, что либералы отстаивали примат свободы над равенством.

В общем же, отечественных мыслителей скорее можно считать сторонниками либеральной теории демократии. Утверждая в качестве базовых демократических принципов народный суверенитет, свободу и равенство, либералы отдавали безусловный приоритет свободе. Их концепция демократии основывалась на признании личности как абсолютной ценности, обеспечение прав и свобод которой было для представителей нового либерализма высшим нравственным критерием справедливости практического воплощения идеи народовластия. Недвусмысленно об этом заявил Е.Н. Трубецкой. «Есть два типа демократизма, два противоположных понимания демократии, – писал он. – Из них одно утверждает народовластие на основе силы; с этой точки зрения народ не ограничен в своем властвовании никакими нравственными началами... Такое понимание демократии несовместимо со свободой: с точки зрения права силы не может быть речи о каких бы то ни было неприкосновенных, незыблемых правах личности... Таким образом понятая демократия вырождается в массовый деспотизм... Другое понимание демократии кладет в основу народовластия незыблемые нравственные начала, и прежде всего – признание человеческого достоинства, безусловной ценности человеческой личности как таковой. Только при таком понимании демократии дело свободы стоит на твердом основании, ибо оно исключает возможность низведения личности на степень средства и гарантирует ее

---

<sup>1</sup> Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. С. 301.

свободу независимо от того, является ли она представительницей большинства или меньшинства в обществе»<sup>1</sup>.

Модель демократии, обоснованная либералами, требовала сознательного восприятия массами демократических ценностей, определенного нравственного уровня. Новгородцев указывал, что осуществить идею народовластия сможет лишь народ, «созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению»<sup>2</sup>. Другим важнейшим условием успешности осуществления демократических принципов нелибералы считали достаточно высокий уровень экономического благосостояния граждан, позволяющий им реально пользоваться политическими правами.

Идеологи нового либерализма утверждали, что элементы демократии следует вводить постепенно, по мере созревания условий в стране, а значит, формирование этого типа государственности является результатом длительной исторической эволюции, в ходе которой возможны ошибки. «Народовластие как система возрастает медленно и постепенно, – писал Струве, – низы идут к нему ощупью и опытом, в процессе долгого культурного и боевого пути»<sup>3</sup>. Это была концепция демократии как процесса. Попытки же воплощения демократических принципов в жизнь без наличия необходимых условий, предостерегали мыслители, не только обречены на провал, но и дискредитируют саму демократическую идею.

Одновременно либеральные деятели отмечали, что присущая демократии несомненно позитивная идея исторического творчества, поиска новых политических и хозяйственных форм (лишь бы это не нарушало свободу!) при длительности такого состояния может вызвать социальную усталость, спровоцировать всплески в массах анархических либо авторитарных настроений.

Признавая противоречивость демократических принципов, указывая на множество исторических доказательств внутренней непрочности демократии, российские либералы все же считали, что демократия «имеет великие преимущества перед другими

---

<sup>1</sup> Трубецкой Е.Н. Два зверя // Смысл жизни. М., 1994. С. 302-303.

<sup>2</sup> Новгородцев П.И. Демократия на распутье. С. 396.

<sup>3</sup> Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). Москва-Париж, 2004. С. 54.

формами общежития, построенными на привилегиях известных групп населения», а по сему остается вершиной социального творчества человечества, наиболее привлекательной формой социальной жизни<sup>1</sup>. Причина же кризиса демократии, проявившего себя как общемировая тенденция в конце XIX - начале XX вв., виделась неолибералам в искажении демократической идеи при проведении ее в жизнь. Противоядием здесь, по их убеждению, являлись институты правового государства, которые призваны были противодействовать установлению «самодержавия народа», обеспечивая суверенитет последнего на основе идеи верховенства права. Реализация либеральной модели демократии, по убеждению мыслителей, необходимо предполагала «укрепление и развитие правовых основ ... общежития», тем самым утверждалась опосредованность демократии и правового государства<sup>2</sup>. Проводя эту мысль, Струве в 30-е годы XX в. обосновал идею правовой демократии как демократической разновидности правового государства<sup>3</sup>.

В целом же, анализ теоретического наследия нового либерализма по проблеме демократии позволяет согласиться с мнением В.В. Шелохаева о том, что отечественные мыслители предприняли попытку соединить либерализм и демократизм<sup>4</sup>. Об этом же открыто заявлял Струве еще в период оформления программтики либерального движения. «Мы принимаем как необходимые и демократические последствия либерализма, – писал он. – Свобода как искренний и универсальный принцип политики есть непременно свобода всех, а не только некоторых. Демократический принцип есть логическое и нравственное последствие либеральной программы и, как не ясны отдаленные перспективы демократии, мы должны сказать: мы принимаем последствия вместе с основанием»<sup>5</sup>. Тем более, подчеркивал

<sup>1</sup> Котляревский С.А. Предпосылки демократии. С. 230-231.

<sup>2</sup> Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 439.

<sup>3</sup> Струве П.Б. Либерализм, демократия, консерватизм и современные движения и течения [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/struve.htm>. (дата обращения: 01.03.2009).

<sup>4</sup> Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 31-32.

<sup>5</sup> Струве П.Б. Политика либеральной партии // Освобождение. 1904. 19 марта (1 апреля). № 20. С. 346.



мыслитель, что всякий либерализм, кроме демократического, не имел бы в русском обществе почвы и не нашел бы в нем отклика. Общеизвестно, что некоторые кадеты предпочитали именоваться не либералами, а демократами.

Понятие либерализма было для его идеологов в России значительно шире понятия демократии. «Проблема либерализма, – писал, в частности, Струве, – как она выяснилась для нас, не исчерпывается вовсе вопросом об организации власти; таким образом, она шире и глубже проблемы демократии; демократия в значительной мере является лишь методом или средством для решения проблемы либерализма»<sup>1</sup>. За рамки демократической проблематики, по мнению неолибералов, выходила идея, составлявшая «существенное и вечное» его содержание – идея абсолютного права, т.е. субъективных, неотъемлемых естественных прав.

Подводя итог, следует отметить, что отечественные либералы сумели обозначить ряд особенностей становления и функционирования демократии как типа политического режима, справедливость которых подтвердила история демократии в XX столетии, в том числе и российский опыт двух последних десятилетий.

Во-первых, либералы отмечали, что развитие демократии идет в контексте общего модернизационного процесса, охватывающего все сферы общественной жизни и, прежде всего, экономику. Отсюда опасность попыток «введения демократии» в кратчайшие исторические сроки без учета уровня благосостояния населения, поскольку это ведет к дискредитации принципа свободы, ведь, как указывал Новгородцев, для малоимущих слоев населения свобода личности может остаться недостижимым благом, закрепленным юридически, но фактически отнятым<sup>2</sup>.

Во-вторых, либеральные мыслители утверждали, что становление демократии неизбежно предполагает изменение характера глубинных социальных связей, а не простое реформирование политических институтов. Они предостерегали от восприятия демократии как совокупности процедур

---

<sup>1</sup> Струве П.Б. На разные темы (1893-1901). СПб., 1902. С. 539.

<sup>2</sup> Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П.И. Сочинения. С. 323.

представительного правления, настаивая на том, что демократия предполагает определенную систему ценностных ориентаций населения. Тем самым неолибералы поставили вопрос о социокультурном измерении демократии, обозначили взаимную обусловленность демократии и гражданского общества.

В-третьих, представители российского либерализма начала прошлого века были противниками интерпретации демократии как простого численного большинства населения, ибо это ведет к господству коллективной посредственности и изолирует от политического процесса критически мыслящие меньшинства и выдающиеся личности. Мыслители считали, что учет позиции меньшинства, гарантии его прав есть необходимый критерий подлинного демократизма. Это утверждение стало аксиомой современной демократической доктрины. Одновременно все больше сторонников получает мнение либералов о значительной роли в истории творческого меньшинства<sup>1</sup>.

В-четвертых, в настоящее время одной из наиболее привлекательных черт демократического режима признается имманентно присущий демократии поиск баланса социальных интересов не только на уровне социальных групп и слоев, но и многообразных индивидуальных, личностных интересов, что подмечали либеральные мыслители. Именно поиск социального соглашения, по Маклакову, есть путь к общему благу, причем эту мысль либерал считал главным уроком, усвоенным им в процессе политической деятельности<sup>2</sup>.

В-пятых, отстаивая права и свободы личности как своеобразный противовес всемогуществу народного суверенитета, либералы вместе с тем, указывали на опасность перерастания принципа индивидуальной свободы в гипертрофированный индивидуализм, отвергающий «всякое обязывающее начало к совместной жизни членов общества».<sup>3</sup> С этой проблемой столкнулись сегодня развитые демократии. Возможно, что в поисках ее разрешения следует вспомнить мысль представителей российского либерализма о том, что демократия более, нежели

---

<sup>1</sup> В частности, см. Волобуев О.В. Инициативное меньшинство – движущая сила истории: к постановке проблемы // Задавая вопросы прошлому. М., 2006. С. 12-22.

<sup>2</sup> Маклаков В.А. Из воспоминаний. С. 410.

<sup>3</sup> Котляревский С.А. Предпосылки демократии. С. 232.

какая-либо другая форма человеческого общежития нуждается в нравственной составляющей, и для нее недостаточно одного механического повиновения граждан закону, а требуется определенная «степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу»<sup>1</sup>. Лишь при этом условии «возможен переход от демократии политической к демократии общественной», отмечал Котляревский<sup>2</sup>.

Восприятие либералами демократии как «распутья» (Новгородцев), как системы исторического творчества может послужить стимулом для поиска модели демократии, адекватной современной России.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 231.

<sup>2</sup> Там же. С. 231, 235.

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРАКТИКИ  
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА  
в начале XX в.  
МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ  
ТРУДЫ – III (2009-2018)**

Материалы  
Международной научной конференции  
11-12 октября 2019 г., г. Орёл  
Часть III

Под общей редакцией доктора исторических наук,  
профессора Д. В. Аронова

**ООО Издательский Дом «ОРЛИК»**  
**(«Орловская литература и книгоиздательство»)**  
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.  
E-mail: orlik\_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Подписано в печать 12.11.2019 Формат 60x84 1/8.  
Бумага офсетная. Усл. печ. л. \_\_\_\_\_. Тираж 200 экз. Заказ № \_\_\_\_.

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,  
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru